

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**СРЕДНИЙ КЛАСС
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
10 ЛЕТ СПУСТЯ**

Аналитический доклад

*Подготовлен в сотрудничестве
с Представительством
Фонда имени Фридриха Эберта
в Российской Федерации*

Москва 2014

Оглавление

Предисловие.....	3
1. Численность и состав среднего класса в современной России	8
2. Средний класс на рынке труда	21
3. Профессиональный портрет среднего класса и особенности его эволюции	31
4. Структура, возможности и модели потребления среднего класса	52
5. Экономическое положение и поведенческие стратегии среднего класса.....	69
6. Ценности и мировоззрение среднего класса.....	82
7. Российский средний класс о желательном векторе развития страны...	98
8. Досуговые практики и социально-психологическое состояние среднего класса.....	112
9. Отношение среднего класса к морали	132
10. Миграционное поведение среднего класса: есть ли выгоды?	149
11. Государство и средний класс: взаимоподдержка и сотрудничество или взаимная подозрительность и недоверие?	165
12. Политические и социальные перемены в стране и их восприятие средним классом	181
13. Место среднего класса в социальной структуре российского общества	194
К заключению (общие выводы)	210

Предисловие

Средний класс... Понятие столь известное и простое, настолько же сложное и даже загадочное. Простота и обычность идет от его широкого употребления, причем не только учеными, политиками и управленцами, но и обычными гражданами, обывателями. Действительно, если существуют «верхи» и «низы» общества, то, согласно житейской логике, должна иметься и его срединная часть, своего рода «середняки». Что же касается сложности и загадочности (разумеется, научной) данного понятия, то они проистекают из попытки ответить на вопросы – не всегда лежащие на поверхности – кто же входит в эту заветную «общественную середину», а главное – на каких основаниях? Что служит «пропуском» для попадания в российский средний класс? Какими своими особенностями чертами он так интересен для довольно широкой любопытствующей аудитории, что вынуждает по части его численности, структуры, профессиональных, морально-этических, политических и духовно-психологических качеств на протяжении всех лет российских реформ «ломать копья» в острых спорах и дискуссиях?

Вот и научная группа Института социологии РАН, осуществившая исследование, о результатах которого и пойдет речь в настоящем докладе, уже многие годы ищет ответы на поставленные вопросы, причем, пытается найти их не путем умозрительных размышлений, а опираясь на выявляемые сугубо научными методами эмпирические данные, социологические факты.

Первая попытка овладеть «материей» российского среднего класса уходит корнями в последний год предыдущего века, когда Россия приходила в себя после острого финансово-экономического кризиса, обернувшегося для страны дефолтом осенью 1998 г. В контексте исследуемой проблематики многих тогда интересовал вопрос о том, а выжил ли в пучине кризиса только что народившийся, но еще неокрепший средний класс новой России. То, что он выжил, хотя и сузил свои ряды, убедительно показало проведенное нами весной 1999 г¹ общероссийское социологическое исследование.

Вторая попытка анализа российского СК была предпринята нами летом 2003 г. в ходе общегенерального исследования, в котором использовалась не только общероссийская репрезентативная выборка, но и специальная подвыборка наиболее благополучных слоев российского общества, усилившая представительность полученных данных о среднем классе. Исследовательскую группу, конечно же, в первую очередь интересовали вопросы, связанные с состоянием

¹ См.: Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999.

среднего класса в новых политических условиях (годы первого президентства В. Путина), динамикой изменений его качественно-количественных характеристик за постдефолтный период¹.

И вот новое исследование российского среднего класса, по сути, десять лет спустя после его масштабного социологического измерения нашей рабочей группой в 2003 г. Поводов и мотивов для его проведения как научно-теоретического, прикладного, аналитического, так и политico-управленческого характера, накопилось за это время более, чем достаточно. Поэтому **цель** общероссийского исследования, проведенного ИС РАН (опрос состоялся в феврале 2014 г.), состояла в том, чтобы оценить масштабы, состав, особенности, роль в обществе и перспективы развития российского среднего класса, сложившегося за более чем 20 лет реформ.

В контексте поставленной цели решались следующие исследовательские **задачи**, позволяющие выяснить:

- Кого можно отнести к среднему классу в современной России;
- Какое положение занимает средний класс на рынке труда;
- Что представляет собой профессиональный портрет среднего класса и каковы особенности его эволюции;
- Какой является на текущий период структура, возможности и модели потребления среднего класса;
- Каковы цели и ценности российского среднего класса;
- В чем состоят особенности социально-психологического состояния и досуговых практик представителей российского среднего класса;
- Каковы миграционные установки российских «середняков»;
- Существует ли взаимоподдержка и сотрудничество между государством и средним классом;
- Каковы политические взгляды и отношение к моральным нормам среднего класса страны;
- Как можно охарактеризовать место среднего класса в социальной структуре пореформенного российского общества.

Методами, использовавшимися в ходе реализации данного исследования, являлись:

- Количественный опрос, включающий как репрезентативный опрос представителей населения в целом, так и дополнительный опрос представителей средних слоев населения.
- Формирование трех массивов эмпирических данных в программе SPSS (общероссийский репрезентативный массив, массив дополнительной выборки по средним слоям населения, единый массив среднего класса, сформированный на базе совмещения его представителей из обоих массивов).
- Статистический анализ полученного материала (построение таблиц сопряженности, многомерных индексов, факторного анализа методом Варимакс и т. д.).

¹ См.: Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой – М.: Наука, 2004.

Модель выборки

Общий объем выборочной совокупности составил **1900 человек**. Исходя из задач исследования, модель выборки включала 2 объекта:

- население в целом, представленное репрезентативной совокупностью респондентов в возрасте 18 лет и старше – 1600 человек,
- дополнительная группа в 300 человек, отобранная с учетом критериев (см. ниже), позволяющих с очень высокой степенью вероятности встретить среди них представителей среднего класса. И, действительно, 94% респондентов в дополнительной выборке при последующем анализе оказались в составе выделенного нами среднего класса.

Характеристика основной выборки, репрезентирующей население РФ в целом (1600 человек)

Основой исследования явился массовый опрос населения РФ по репрезентативной общенациональной выборке, которая включала в себя 1600 человек. Принципы построения этой многоступенчатой стратифицированной случайной выборки носили стандартный и для других общероссийских исследований ИС РАН, результаты которых использованы в данном докладе¹, характер. Сначала определялась численность респондентов в каждом территориально-экономическом районе согласно районированию Росстата, а затем внутри региона задавались квоты по полу, возрасту и типу поселения. Квоты задавались с учетом пропорционального соответствия их составу населения по каждому региону в отдельности. В каждом случае квоты рассчитывались на основе данных Росстата по тому или иному региону.

Таким образом, выборка была двухступенчатой квотной – сначала определялась численность респондентов в каждом регионе, а затем внутри региона задавались квоты по трем признакам. Что касается собственно отбора респондентов, соответствующих этим квотам, то выборка носила случайный характер.

В качестве регионов опроса, для каждого из которых составлялась самостоятельная подвыборка, в целях сопоставимости информации с данными гостатистики были избраны 11 территориально-экономических районов России (согласно районированию Росстата РФ) плюс г. Москва. Эти территориально-экономические районы были представлены в выборке следующим образом:

¹ Речь идет о проведенных одной и той же рабочей группой исследованиях «Средний класс в современной России» (март 2003), «Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность» (март-апрель 2005), «Социальное неравенство в социологическом измерении» (март-апрель 2006), «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (март 2008), «Готово ли российское общество к модернизации?» (март-апрель 2010), «Бедность и бедные в современной России» (апрель 2013). Подробнее об их результатах см.: Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. – М., Наука, 2004; Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Ю. Чепуренко. – М., Наука, 2006; Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. – М.: Наука, 2008; Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? / Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН № 5. – М.: Институт социологии РАН, 2008; Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М. : Весь Мир, 2010; Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой, Р. Трауб-Мерца. – М. : Весь Мир, 2014.

Территориально-экономические районы:

- 1. Северный район** – Архангельская область
- 2. Северо-Западный район** – Санкт-Петербург и Новгородская область
- 3. Центральный район** – Московская, Рязанская, Ярославская, Тульская области
- 4. Волго-Вятский район** – Нижегородская область
- 5. Центрально-Черноземный район** – Воронежская область
- 6. Поволжский район** – Республика Татарстан, Саратовская область
- 7. Северо-Кавказский район** – Ростовская область, Ставропольский край
- 8. Уральский район** – Свердловская, Челябинская области
- 9. Западно-Сибирский район** – Омская, Новосибирская области
- 10. Восточно-Сибирский район** – Иркутская область, Красноярский край
- 11. Дальневосточный район** – Хабаровский край.
- 12. Москва.**

Дальнейшее (внутри субъектов РФ) районирование заключалось в расчете статистических квот по степени урбанизированности по 4-м типам поселений: **мегаполисы-самостоятельные субъекты РФ** – 10,2%¹, **административные центры субъектов РФ** – 26,3%, **административные центры районов** – 30,9%, **ПГТ** – 5,7%, **села** – 26,9%². В результате исследование проходило в 23 субъектах РФ и охватило **112 поселений**, в том числе Москва и Санкт-Петербург, 21 административный центр других субъектов РФ, 35 районных центров, 23 ПГТ и 37 сел.

**Характеристика дополнительной выборки
представителей средних слоев (300 человек)**

Респонденты, отобранные для данной выборки, состояли из 2-х подгрупп (соответствовавших представлениям о «новом» и «старом» среднем классе), каждая из которых предполагала соответствие разным критериям:

- **200 человек**, которые соответствовали следующим требованиям: образование не ниже высшего, характер труда нефизический (руководители любого уровня, профессионалы, офицеры силовых структур, офисный персонал из любых отраслей, включая технических служащих) и душевой доход в семье не ниже двух прожиточных минимумов по региону, но при этом в любом случае не ниже 15 тыс. рублей.
- **100 человек** предпринимателей, имеющих наемных работников, семейный или индивидуальный бизнес (т. е. имеющих любые официально зарегистрированные организационные формы бизнеса – от патента до ОАО). Для этой части респондентов не было никаких дополнительных требований – т. е. они могли иметь любое образование, характер труда и т. д.

¹ См.: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2012. С. 359-385.

² См.: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2012 года. Статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2012. С. 9.

Исследование и аналитический доклад выполнены рабочей группой ИС РАН в составе:

- академик РАН Горшков М. К. (руководитель исследования, концепция и программа исследования, предисловие, заключение, общая редакция);
- д.соц.н., профессор Тихонова Н. Е. (руководитель исследования, концепция и программа исследования, разделы 3, 4, 5, 13, общая редакция);

Аникин В. А. (раздел 3); Латова Н. В. (раздел 10); Лежнина Ю. П. (раздел 11); Мареева С. В. (разделы 1, 6, 7); Петухов В. В. (раздел 12); Тюрина И. О. (раздел 2); Седова Н. Н. (разделы 8, 9).

1. Численность и состав среднего класса в современной России

Споры о том, что представляет собой средний класс и каковы критерии принадлежности к нему, имеют и свою историю, и свою естественную подоплеку. Ведь вполне понятно, что между «верхами» и «низами» общества есть некая более или менее многочисленная «середина» (средние слои общества), и в этом его понимании наличие среднего класса вряд ли будет кто-то отрицать. Именно так он трактовался и при анализе «третьего» сословия в Европе, которое, собственно, и выступило первым прообразом массового среднего класса, объединившим ремесленников, купцов, лавочников и т. п. Согласно аналогичному пониманию, термин «средний класс» использовался в Англии во время Промышленной революции для описания тех, кто не входил в категорию титулованного или нетитулованного дворянства, в состав сельских работников и крестьян. Таким образом, границы среднего класса варьировались в зависимости от исторического периода развития и даже от своеобразия конкретной страны. Говорить же о среднем классе как о самостоятельном социальном субъекте начали в США лишь применительно к ситуации 19 века, а в Европе – еще нескользкими десятилетиями позже. В его современной трактовке, сформировавшийся средний класс западных обществ является особым социальным субъектом, который не просто объединяет определенные профессиональные группы, имеет средние доходы и соответствующий уровень жизни, но также выполняет в обществе многообразные функции (воспроизводство квалифицированной рабочей силы, ретрансляция национальных норм и ценностей, стабилизация общества и т. д.).

Что же касается России, то в ней и по сей день идут активные теоретические споры о том, каковы необходимые и достаточные условия для того, чтобы отнести индивида или домохозяйство к среднему классу. При этом зачастую отстаиваются совершенно противоположные точки зрения, что объясняется использованием разных критериев для выделения группы населения, представляющих искомый средний класс (или «средние классы»). Именно из-за различий в методологии его выделения у разных исследователей оценка численности среднего класса в современном российском обществе значительно колеблется – от 2-3% до половины населения. При этом оценки западных экспертов относительно численности среднего класса в России оказываются даже более оптимистичны, чем оценки большинства российских специалистов.

Вот почему в первом разделе ставится задача показать, кого мы подразумеваем под средним классом (СК) в современной России, а также какова внутренняя структура и динамика численности СК в последние годы. Прежде всего, следует начать с описания методологии выделения среднего класса, использованной в данном исследовании.

С учетом анализа зарубежной и российской литературы, посвященной месту СК в классовых структурах, а также с учетом цели исследования, была разработана методология выделения этого социального субъекта. В ее основе – особенности тех структурных позиций, которые занимают в обществе представители среднего класса. При этом был использован подход, который достаточно широко распространен как в отечественной, так и в западной социологии – применение комплекса определенных критериев стратификации (многомерная стратификация). В связи с тем, что единого общепризнанного набора критериев с четко заданными границами для включения индивида в средний класс не существует, данный подход зачастую вызывает дискуссии о том, какие именно критерии необходимо использовать при выделении СК и какие пороговые значения им присыпывать.

В настоящем исследовании для отнесения индивидов к среднему классу были выбраны следующие критерии и их пороговые значения:

- *уровень образования* (наличие как минимум среднего специального образования);
- *профессиональный статус*, означающий нефизический характер труда;
- *уровень благосостояния* (показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом);
- *самоидентификация* (интегральная самооценка индивидом своего статуса в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов включительно).

Выделенные четыре критерия заслуживают того, чтобы их рассмотреть подробнее.

Прежде всего, средний класс характеризуется наличием у его представителей специфического и/или общего **человеческого капитала**, способного приносить доход. Именно обладание этим активом выступает одной из характерных особенностей среднего класса, определяет его место в системе производственных отношений и позволяет рассматривать его как устойчивую социальную общность, как класс, а не просто среднедоходную группу общества. В качестве порогового значения данного критерия было выбрано наличие как минимум среднего специального образования, т. е. профессионального образования второй ступени. С учетом результатов настоящего исследования по этому критерию в состав СК проходили 76% опрошенных.

Социально-профессиональный статус, задаваемый, как правило, уровнем образования человека, служит своего рода маркером положения в обществе работающей части населения. В связи с этим в соответствии с имеющейся в научной литературе традицией, в состав среднего класса были включены: представители таких составляющих «новый» средний класс профессиональных групп как руководители, профессионалы (специалисты с высшим образованием), полупрофессионалы, офисный персонал, служащие, в том числе военнослужащие и другие группы с нефизическими характеристиками труда. По социально-профессиональному статусу в СК были включены также самозанятые и предприниматели, которые составляют традиционно выделяемый «старый» средний класс, обладающий собственностью на средства производства. В целом по данному критерию в состав СК прошел 61% работающих россиян.

Два вышеописанных критерия – уровень образования и профессиональный статус – являются для методологии выделения среднего класса краеугольными. В западных исследованиях только их использования (или даже одного из них) обычно бывает достаточно для выделения среднего класса. Но в российских условиях возникают дополнительные проблемы, требующие их учета. Так, например, встает вопрос уровня жизни и низких зарплат части специалистов из бюджетного сектора, относящихся по вышеописанным критериям к среднему классу. Поэтому в качестве еще одного критерия для отнесения индивида к среднему классу, на наш взгляд, необходимо использовать **уровень благосостояния**. Пороговыми значениями данного критерия, как правило, выступают показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения (места проживания респондента) или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже их медианного значения по населению страны в целом. По этому критерию в состав СК проходило 73% опрошенных.

Наконец, еще один, четвертый, критерий, который был использован в настоящем исследовании при выделении СК – **самоидентификация**. Подобный критерий связан с реально существующей тягой людей (осознанной/неосознанной, выраженной/латентной и т. п.) к причислению себя к различным формам идентичностей. В данном исследовании была выбрана мягкая версия порогового значения этого критерия – самооценка индивидом своего статуса в обществе по десятибалльной шкале не ниже чем на 4 балла. Это позволило отсеять из анализа тех, кто ощущал себя социальными аутсайдерами и заведомо не соответствовал СК по характерным особенностям его сознания и поведения. По данному критерию в состав СК проходили 82% опрошенных россиян.

Как видим, *по каждому критерию из рассмотрения исключались нижние слои населения (от 18 до 39%). Однако при совмещении результатов анализа по разным шкалам число «не проходящих» в СК россиян резко возрастало и достигало 58% по населению в целом и 56% по работающим россиянам*. При этом если для работающего населения для попадания в СК надо было «пройти» в него по всем 4 критериям, то для неработающего населения принадлежность к среднему классу определялась на основе трех из четырех перечисленных выше критериев – не учитывался профессиональный статус.

Применение вышеописанной методики позволило выделить на данных общероссийского эмпирического исследования долю среднего класса в современном российском обществе. **В 2014 г. численность выделенного таким образом СК составила 42% населения в целом и 44% работающих россиян.**

Однако, как и любая социальная группа, **средний класс** не является однородным. В нем можно выделить два внутриструктурных образования. Это, во-первых, **ядро СК**, являющееся относительно устойчивым социальным образованием и объединяющее тех представителей СК, которые наиболее ярко выражают его качественные особенности. Во-вторых, **периферию ядра СК**, в которой свойства, характерные для представителей ядра СК, постепенно ослабевают, а люди, входящие в нее, характеризуются гораздо меньшей устойчивостью своих качеств и положения как представителей СК.

Для выделения ядра и периферии СК использовались две ключевые характеристики – уровень образования и социально-профессиональный статус. К *ядру среднего класса* были отнесены имеющие высшее образование и навыки работы на компьютере руководители, предприниматели и специалисты. В *периферии ядра среднего класса* оказались другие представители выделенного по вышеупомянутым четырем критериям среднего класса. Среди них: самозанятые, рядовые служащие и работники торговли со средним специальным образованием; люди

с нетипичным сочетанием профессиональной позиции и уровня образования (например, руководители со средним специальным образованием, рядовые служащие с высшим образованием) или квалификации (имеющие высшее образование руководители, предприниматели и специалисты, не имеющие при этом навыков работы на компьютере), а также неработающие представители среднего класса. Ядро и периферия этого ядра и составляют вместе то, что определяется понятием «*средний класс современного российского общества*».

Среди **остальных россиян**, не вошедших в средний класс, также были выделены две группы — **потенциальный СК и остальное население**. К *потенциальному СК* были отнесены те россияне, кто не соответствовал одному из четырех применяемых при выделении среднего класса критериев (за исключением социально-профессионального статуса). Иначе говоря, речь идет о тех, кто не проходил в состав среднего класса или по уровню образования, или по уровню благосостояния, или по самоидентификации, но чей профессиональный статус соответствовал характерным для СК типам занятости. Наконец, в *остальном населении* оказались все те, кто не проходил в средний класс по социально-профессиональному статусу, а также те, кто, имея соответствующий среднему классу уровень образования и социально-профессиональный статус, не проходил в него сразу по обоим дополнительным критериям, т. е. не попадал в состав среднего класса и по уровню благосостояния, и по самоидентификации.

Безусловно, нужно сказать о том, почему для анализа в качестве основной была выбрана схема «*ядро СК – периферия ядра СК – потенциальный СК – остальное население*». Поскольку в центре нашего внимания находился вопрос формирования среднего класса как особого социального образования, то наиболее адекватным представлялся динамический подход, а для этого необходимо было рассмотреть те группы, которые 1) всегда попадают в его состав, 2) никогда не попадают в его состав, или 3) то оказываются в его составе, то «выпадают» из него. Проанализировав их отличия, можно ответить и на вопрос о том, в чем заключается специфика процесса становления среднего класса в российском обществе и каковы его перспективы.

Как показал осуществленный анализ социальной динамики представителей среднего класса, те из них, кто входит в его ядро, практически никогда не выпадают из состава среднего класса, хотя их индивидуальная ситуация (степень благополучия, место работы и т. д.) могут меняться. Ситуация с периферией ядра СК более мобильна на микроуровне, хотя большинство ее представителей все же достаточно устойчиво находится в составе среднего класса. Потенциальный СК характеризуется плавающим характером своей групповой принадлежности, хотя его большинство в состав СК никогда не попадает. Остальное население в принципе не может служить резервом расширения СК в силу особенностей своей профессиональной деятельности и человеческого капитала — на 90% это рабочие, а остальные — это рядовые работники торговли и бытового обслуживания с неполным и общим средним образованием.

Если говорить о **динамике численности СК**, то применение описанной выше методики выделения СК к данным исследований ИС РАН последних 10 лет демонстрируют *рост среднего класса в период 2003-2008 гг., сокращение его численности во время кризиса 2008-2009 гг. и восстановление в 2010 г., после чего последовал новый этап его небольшого роста*. Согласно этим данным, средний класс вырос с 29% до 34% за период с 2003 по 2008 год, сократился до четверти населения в период кризиса и вновь вырос, достигнув к настоящему времени 42% населения страны (см. рис.1.1).

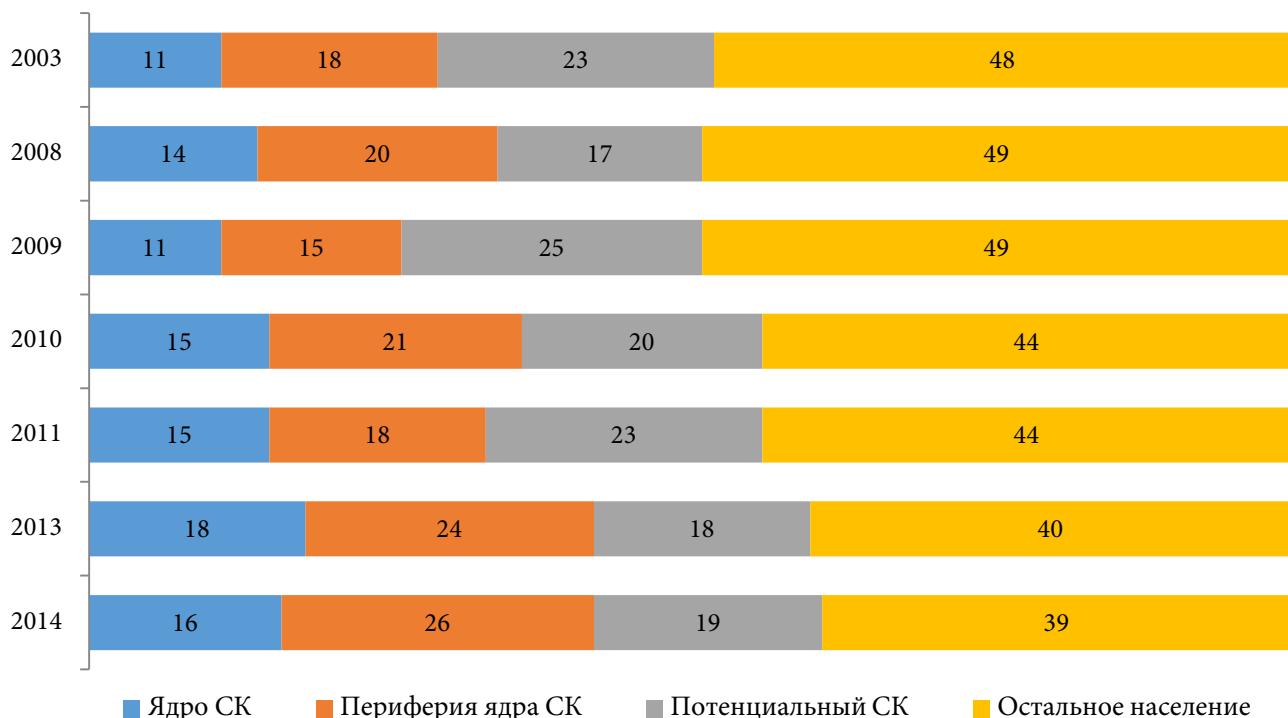

Рис. 1.1. Динамика численности различных групп населения в России в 2003-2014 гг., %

Однако, как отмечалось выше, не все представители среднего класса однородны с точки зрения положения и устойчивости своих позиций в обществе. *Наиболее стабильная группа среднего класса – его ядро – составляет на настоящий момент менее 40% его общей численности, т. е. 16% населения в целом. Остальные представители СК – 26 %, как уже отмечалось, относятся к периферии этого ядра.*

Прежде чем продолжать характеризовать непосредственно средний класс, посмотрим, что препятствует входению в его состав остальных россиян. В таблице 1.1 представлены данные о том, какие признаки, необходимые для попадания в средний класс, являются «блокирующими» для тех россиян, кто не попадает в его состав, и как они меняли свою сравнительную значимость в течение последних 10 лет.

Таблица 1.1

«Блокирующие» признаки для населения, не входящего в состав среднего класса, 2003/2014 гг., %

Признаки, отсутствие которых мешало войти в состав СК	2003	2014
Образование	40	42
Социально-профессиональный статус (для работающих)	45	39
Благосостояние	34	47
Самоидентификация	63	31

Как видно из данных таблицы 1.1, в 2014 году среди населения, не попавшего в состав среднего класса, 47% имели несоответствующий среднему классу уровень благосостояния, 39% работающих – неподходящий социально-профессиональный статус, 42% – более низкий уровень образования, чем это требовалось для попадания в средний класс и, наконец, 31% характеризовались недостаточно высокой самооценкой своего положения в обществе. Нужно отметить, что подобная картина значительно изменилась

по сравнению с 2003 годом — тогда 63% россиян, не попавших в состав среднего класса, характеризовались ощущением себя социальными аутсайдерами, а это оказывалось основным «блокирующим» признаком для попадания в средний класс.

Перейдем теперь к **особенностям состава среднего класса**. Обращаясь к **демографическим характеристикам СК**, прежде всего, следует отметить, что в его составе преобладают женщины¹: они составляют 64% в ядре СК и 71% в периферии этого ядра. Доля женщин в потенциальном СК практически совпадает с их долей в периферии ядра СК (69%). В то же время среди остального населения ситуация качественно отличается: в нем преобладают мужчины, а женщины составляют 40%.

Сложившаяся на текущий период демографическая структура российского СК может объясняться отчасти особенностями брачного статуса представителей разных образовательных групп, а отчасти — разным распределением их по относящимся и не относящимся к СК группам. Уровень состоявших в браке у имеющих высшее образование работающих россиян на 10% выше, чем среди тех, кто имеет образование не выше среднего общего. Причем, подобная тенденция действует и для мужчин, и для женщин. Так, среди мужчин эти показатели в соответствующих группах выглядят как 67 и 77%. Для женщин — как 57 и 67%. Это означает не только то, что более высокий образовательный уровень дает в современном российском обществе дополнительные шансы на создание семьи, но и то, что группа состоящих в браке имеет в нашей стране более высокий образовательный уровень и вытекающий из него профессиональный статус, чем не состоящие в браке. В итоге, как показывают данные, в ядре СК 95% имеют и мужей, и жен, относящихся к СК (по крайней мере, если судить по уровню образования супругов). В периферии ядра СК данная ситуация также безусловно доминирует (86% представителей ее имеют супругов с профессиональным образованием не ниже второй ступени). В то же время у остальных россиян, не входящих в состав СК, образовательный уровень супругов заметно более рассогласованный.

Далее рассмотрим вопрос о том, есть ли различия между средним классом и другими слоями населения по возрастному составу их представителей (см. таблицу 1.2).

Таблица 1.2
Возрастной состав различных групп населения, 2014 г., %²

Возраст, лет	Средний класс	Остальные россияне
18-25	20	13
26-30	13	9
31-40	27	19
41-50	17	19
51-60	13	16
61 и старше	10	24

Как видно из данных, приведенных в таблице 1.2, средний класс в целом относительно моложе остальных россиян: в его составе больше молодежи и меньше людей старшего поколения. Наибольший вес в составе среднего класса имеет возрастная группа населения от 31 до 40 лет — она составляет 27% общей численности среднего класса (и 40% его ядра). Таким образом, в составе среднего класса оказываются, прежде всего, представители молодых и средних возрастов.

¹ В настоящем исследовании принадлежность к среднему классу определялась для индивидов, а не домохозяйств.

² Здесь и далее в таблицах выделены позиции, наиболее характерные для соответствующих групп.

Заметно отличается от картины по не вошедшим в СК россиянам и распределение представителей среднего класса по типам поселений, в которых они проживают в настоящее время (см. таблицу 1.3).

Таблица 1.3

Распределение различных групп населения по типам поселений, 2014 г., %

Место жительства	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Мегаполисы	16	11	13	9	9
Областные, краевые и республиканские центры	33	30	31	31	23
Районные центры	33	25	28	30	34
ПГТ	7	4	5	5	8
Село	11	30	23	25	26

Как видно из данных таблицы 1.3, ядро СК и его периферия отличаются по доле проживающих в мегаполисах и областных, краевых и республиканских центрах – в ядре СК они составляют почти половину всех его представителей (49%), а в периферии этого ядра – 41%. Еще в большей мере подобные различия состава двух подгрупп СК видны по жителям сел – в ядре среднего класса они составляют только 11%, в то время как в его периферии – 30%.

Если посмотреть на эти данные с точки зрения доли среднего класса в поселениях разных типов, то оказывается, что в мегаполисах средний класс составляет половину населения (51%), в крупных городах – 47%, в районных центрах доля среднего класса в населении снижается до 39%, в ПГТ и селах – 38%. Доля представителей ядра СК в населении максимальна в мегаполисах (24%) и минимальна в селах (7%).

Каковы же особенности состава среднего класса с точки зрения характерного для его представителей **культурного капитала**?

Таблица 1.4

Условия первичной социализации представителей различных групп населения, 2013 г., %

Тип поселения, в котором пошли в школу	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Город с населением более 1 млн чел.	28	20	23	20	13
Город с населением 500 тыс.-1 млн чел.	14	9	11	12	7
Город с населением 250 тыс.-500 тыс. чел.	8	10	9	5	5
Город с населением 100 тыс.-250. тыс. чел.	6	8	7	7	7
Город с населением менее 100 тыс. чел.	14	12	13	10	16
Поселок городского типа	13	12	13	15	14
Село, деревня	17	29	24	31	38

Представители СК не только являются преимущественно жителями городов, но среди них также выше доля выходцев из городской среды. Характеризуя особенности условий их первичной социализации, следует отметить, что представители двух подгрупп среднего класса отличаются в этом вопросе как между собой, так и по сравнению с остальными россиянами (см. таблицу 1.4).

Как показывают данные таблицы 1.4, ядро СК заметно отличается по условиям своей первичной социализации и от периферии этого ядра, и от потенциального СК и остального населения. В ядре СК первичную социализацию в городах с населением не менее 500 тыс. человек проходили 42% его представителей, в то время как в периферии ядра эта доля снижается до 29%. Потенциальный СК в этом отношении отчасти похож на периферию ядра СК – в нем социализацию в городах с населением не менее 500 тыс. человек проходили 32%. Среди остального населения эта доля составляет лишь 20%. Заметно отличается средний класс и по доле тех, кто проходил социализацию в селах – таковых оказалось 17% среди его ядра и 29% – в его периферии (по сравнению с 31% в потенциальном СК и 38% среди остального населения).

Таким образом, ядро СК в большей мере, чем остальные группы населения, формируется из потомственных горожан. Однако даже в ядре СК большинство его представителей – выходцы из «малой России», что, безусловно, оказывает влияние на особенности их сознания и поведения. Тот факт, что более трети (37%) представителей среднего класса в целом проходили первичную социализацию в селах или ПГТ, а еще 29% – в городах с численностью населения менее 500 тыс. человек, надо обязательно иметь в виду, если ставить задачу его всестороннего и комплексного анализа.

Обратимся теперь к особенностям уровня образования представителей среднего класса. Поскольку данный признак являлся одним из ключевых при выделении СК, то вполне очевидно, что уровень образования у его представителей будет заметно отличаться от уровня образования остальных россиян. И тем не менее, есть смысл привести соответствующие данные для понимания общей картины и того фона, на котором мы рассматриваем средний класс. Так, в СК в целом имеют среднее специальное образование (т. е. тот минимальный уровень образования, который был необходим для попадания в его состав) 35% его представителей, а высшее (в т. ч. незаконченное) – 65%. Среди населения, не попавшего в СК, эти доли составили 45% и 13% соответственно, и еще 42% имеют только неполное или общее среднее образование.

Анализ с иной позиции показывает: наличие высшего образования обеспечивает попадание в средний класс в 78% случаев (в 36% случаев – в ядро СК и в 42% – в периферию его ядра). Если же обратиться к подгруппе тех, кто имеет среднее специальное образование, то оказывается, что треть их (36%) оказывается в составе СК, а именно 18% – в потенциальном СК и почти половина (46%) – в составе остального населения. Таким образом, среднее специальное образование, в отличие от высшего, обеспечивает занятие самых разных структурных позиций в обществе.

Отдельно следует остановиться на образовании неработающих представителей СК. Как отмечалось выше, для неработающего населения принадлежность к СК определялась на основе их соответствия трем критериям (уровня образования, благосостояния и самоидентификации). Среди вошедших в СК пенсионеров более половины имеют высшее образование (55%), не характерное для этой группы в целом (так, среди пенсионеров, не вошедших в состав СК, высшее образование имели только 17%). Что же касается второй крупной группы неработающих представителей среднего класса – студентов – то большинство из них проходило социализацию в семьях СК и имело высокие шансы на попадание в СК в будущем. Таким образом, несмотря на то, что при отнесении их к среднему классу критерий профессионального статуса не использовал-

ся, данные свидетельствуют о том, что неработающие представители среднего класса связаны с характерными для него структурными позициями – занимали их в прошлом или с высокой вероятностью будут занимать их в будущем.

Таблица 1.5

Уровень образования родителей представителей различных групп населения, 2014 г., %

Уровень образования родителей	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Родители не имели профессионального образования второй или третьей ступени	9	30	22	43	58
Один или оба родителя со средним специальным образованием	39	42	41	38	33
Один или оба родителя с высшим образованием	52	28	37	19	9

Следует сказать и об уровне образования родителей представителей СК, так как этот фактор, судя по полученным данным, оказывается тесно связан с принадлежностью к той или иной социальной группе. Как показывает анализ, уровень образования родителей представителей СК оказывается гораздо выше, чем у родителей остальных россиян. Однако при этом ядро СК заметно отличается по данному параметру от его периферии (см. таблицу 1.5).

Полученные данные характеризуют **механизм формирования среднего класса** в современном обществе. Костяк ядра среднего класса составляют, в первую очередь, выходцы из городских высокообразованных семей, хотя их доля даже в ядре среднего класса пока составляет только около половины, т. е. на соответствующие ядру среднего класса позиции в настоящее время существует значительный приток вне процесса межгенерационного воспроизводства СК. Кроме того, как видно из данных таблицы 1.5, средний класс не только заметно отличается от других массовых слоев по уровню образования родителей, но и сам неоднороден – уровень образования родителей представителей его ядра оказывается значительно выше, чем родителей представителей периферии ядра СК. Так, в ядре СК более половины (52%) имеют хотя бы одного родителя с высшим образованием. В периферии эта доля снижается до 28% (при этом в потенциальном СК, не входящим в состав среднего класса, она составляет только 19%, а среди остального населения наличие высшего образования хотя бы у одного родителя имеют лишь 9%).

Вместе с тем, из тех россиян, родители которых не имеют даже среднего специального образования, в среднем классе оказывается только каждый пятый (причем более чем в 80% случаев они попадают в периферию ядра СК). Наличие среднего специального образования у одного или обоих родителей обеспечивает попадание в СК уже в 46% случаев, но только наличие одного или двух родителей с высшим образованием повышает эту вероятность до 69%. При этом чуть более половины оказываются в данном случае в ядре СК.

Таким образом, условия первичной социализации представителей среднего класса, с одной стороны, отличают их от остальных россиян. С другой стороны, они дифференцируют при этом две подгруппы среднего класса между собой. При этом *периферия ядра СК выполняет роль своего рода «трамплина» – именно в нее, как правило, попадают успешные выходцы из не относящихся к СК групп, а уже их дети в дальнейшем,*

при удачном стечении обстоятельств, попадают в ядро СК. Впрочем, есть в составе ядра СК и сравнительно небольшая часть тех, кто сумел «перескочить сразу через две ступеньки». Важно также понимать, что процесс формирования среднего класса в России еще продолжается, о чем говорит отсутствие у многих его представителей профессионального образования второй и третьей ступени хотя бы у одного из родителей. Подобные особенности межгенерационного воспроизведения СК оказывают влияние и на другие его характеристики – нормы, ценности, поведенческие паттерны и т. п.

Примечательно при этом, что *супруги представителей СК тоже характеризуются более высоким образовательным уровнем* (см. таблицу 1.6).

По этому вопросу вновь прослеживаются различия как *между средним классом и не входящими в него россиянами, так и между различными подгруппами в составе самого среднего класса*. Две трети представителей ядра СК имеют супругов с высшим образованием; в периферии ядра эта доля значительно снижается. В итоге, в среднем классе в целом около половины его представителей имеют супругов с высшим образованием. В потенциальном СК и остальном населении эти доли значительно ниже и составляют 29 и 22%.

Таблица 1.6

Уровень образования супругов представителей различных групп населения, 2014 г., %

Уровень образования супругов	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Не имеют профессионального образования второй или третьей ступени	7	12	10	34	33
Среднее специальное	26	52	41	37	45
Высшее (в т. ч. незаконченное)	67	36	49	29	22

Продолжая общую характеристику современного российского среднего класса, обратимся к **самооценке им своего статуса в обществе**. Одним из критериев при выделении среднего класса являлась его самоидентификация – расположение себя на позициях не ниже 4-ой включительно по десятибалльной шкале оценки индивидом своего статуса в обществе. Как распределились ответы на этот вопрос у представителей среднего класса и остальных россиян видно по данным на рис. 1.2. Средний класс в целом выше оценивает свое положение в обществе, чем те, кто не попадает в его состав. Однако нужно отметить, что эти различия не столь значительны, как объективные различия в положении СК и остальных россиян. Так, медианное значение оценки своего положения в составе среднего класса и населения, не попавшего в него, отличается на одну единицу, составляя 6 баллов из 10 в среднем классе и 5 баллов из 10 у остальных россиян. Если же учитывать внутреннюю структуру СК, то различия становятся ярче: медианная оценка своего положения составляет 6 баллов в ядре СК, 5 – в периферии этого ядра и в потенциальном СК, а среди остального населения она опускается до 4 баллов из 10. Средние значения оценок своего статуса при этом составляют: в ядре СК – 5,94, в периферии ядра – 5,69, в потенциальном СК – 4,68, а в остальном населении – 4,29. Таким образом, *представители среднего класса, и прежде всего его ядра, в целом оценивают свое положение в обществе не просто как среднее, «серединное», а как более высокое по сравнению с представителями остальной доли россиян*.

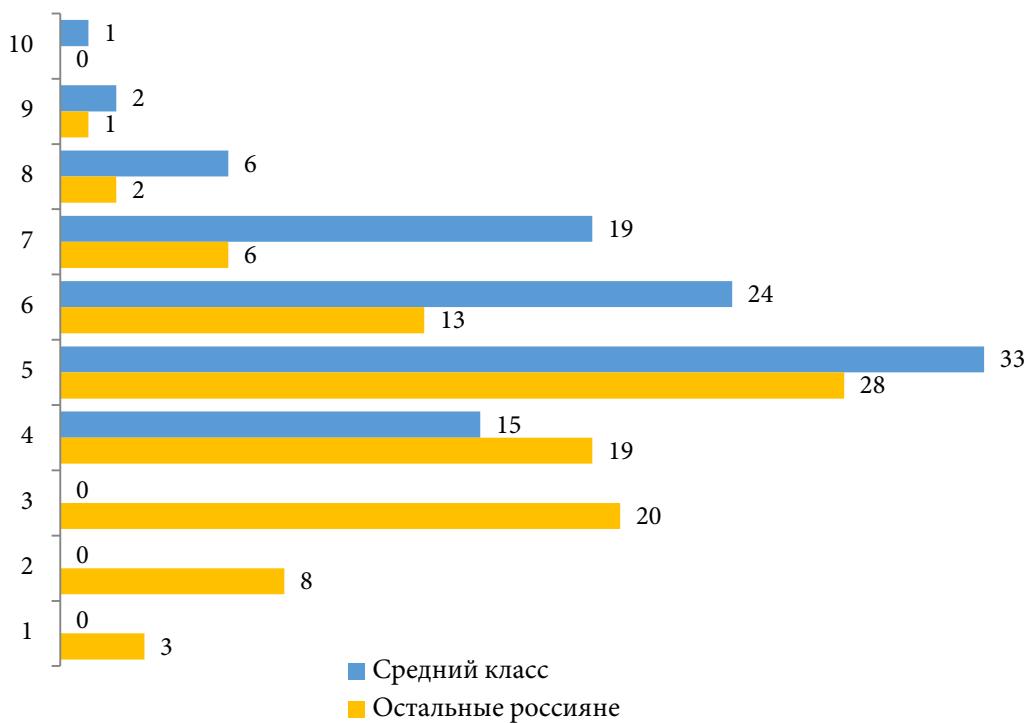

Рис. 1.2 Интегральная самооценка своего статуса в обществе представителями среднего класса и остальными россиянами по десятибалльной шкале (1 – низкий статус, 10 – высокий статус), 2014 г., %

Представляется, однако, важным посмотреть не только на самооценку своего статуса в обществе представителями среднего класса в настоящий период, но и оценить ее. Для этого следует сопоставить ответы на вопрос о том, где находятся в настоящее время и где находились 10 лет назад в общественной иерархии представители среднего класса и остальных россиян (см. рис. 1.3).

Рис. 1.3 Разница самооценок своего статуса в обществе в настоящее время и десять лет назад в различных группах населения по десятибалльной шкале (1 – низкий статус, 10 – высокий статус), 2014 г., %

Как видно из данных рис. 1.3, динамика статуса представителей среднего класса в последние 10 лет была, согласно их собственной оценке, более положительной, чем у представителей других слоев населения. Судя по разнице самооценок, которые дали представители СК своему месту в общественной иерархии в нынешний период и 10 лет назад, за это время оно ухудшилось для 12% из них, почти половина (47%) считают, что их статус в обществе не изменился, а остальные 41% отметили, что их положение в обществе улучшилось, причем в ядре СК таковых оказалось еще больше (48%), чем в периферии ядра (37%). В целом же по доле считающих, что они улучшили свой статус в обществе за последние 10 лет, собственно средний класс значительно отличается от потенциального СК и остального населения, где *численность тех, кто отмечает падение своего статуса, оказывается выше, чем численность тех, кто считает, что он повысился*.

Не менее интересный аспект, который также можно проанализировать методом самооценки своего положения в обществе – это динамика статуса представителей современного российского среднего класса по сравнению со статусами их родителей.

Как видно из данных рис. 1.4, представители СК в среднем выше оценивают статус той семьи, в которой они выросли (5,44 балла), по сравнению с представителями остальных россиян (4,73 балла). Как и при оценке собственного статуса, эти различия становятся заметнее при учете внутренней структуры среднего класса: в ядре СК среднее значение оценки положения родительской семьи в обществе составляет 5,58, в периферии этого ядра – 5,36, в потенциальном СК – 5,07, а в составе остального населения – 4,57 баллов.

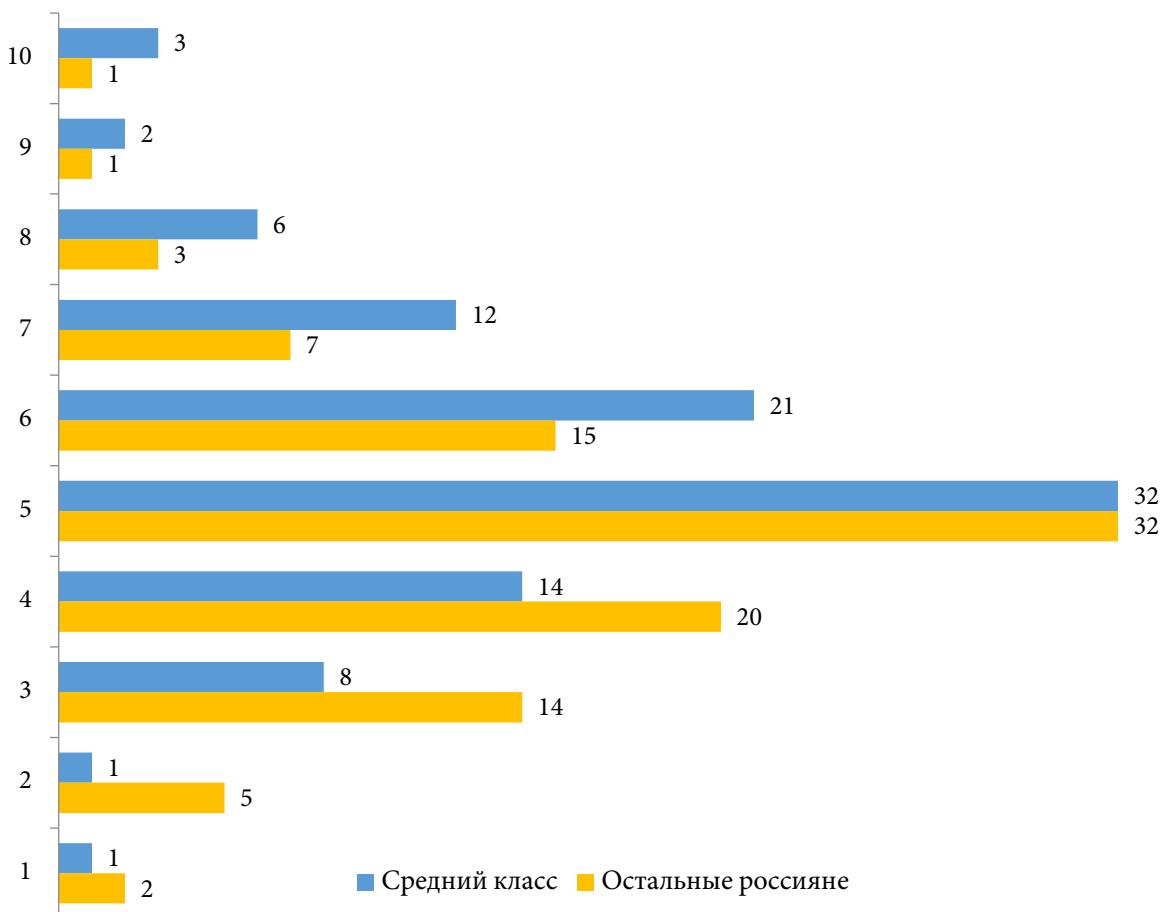

Рис. 1.4. Самооценка статуса в обществе семьи, в которой они выросли, представителями различных групп населения по десятибалльной шкале (1 – низкий статус, 10 – высокий статус), 2014 г., %

Как же изменилось положение представителей среднего класса и других групп населения по сравнению с положением их родительской семьи? Для ответа на этот вопрос обратимся к разнице оценок собственного положения в обществе и положения семьи, в которой они выросли, россиянами, представляющими разные группы (см. рис. 1.5).

Рис. 1.5. Разница самооценок своего статуса в обществе в настоящее время и статуса в обществе родительской семьи в различных группах населения по десятибалльной шкале (1 – низкий статус, 10 – высокий статус), 2014 г., %

Показательно, что при сравнении своего статуса со статусом родительской семьи представители всех групп населения чаще говорят о том, что наблюдали какие-либо изменения, чем при сравнении собственного статуса в настоящее время и 10 лет назад. Однако, при этом, в среднем классе о повышении своего статуса по сравнению с родительской семьей заявляют 40% его представителей, о понижении – в два раза меньше (20%), и 40% говорят об отсутствии изменений. Среди тех же, кто не попал в СК, эти доли составляют 25%, 35% и 40% соответственно. Таким образом, *при равной доле тех, кто не наблюдает никаких изменений в своем статусе по сравнению с семьей своих родителей, доля тех, кто замечает улучшение своего положения в обществе по сравнению с ними, в среднем классе заметно выше, чем у остальных россиян, а доля тех, кто замечает ухудшение положения, наоборот, более чем в полтора раза ниже.*

2. Средний класс на рынке труда

Оценивая масштабы, состав и особенности среднего класса постсоветского российского социума, анализируя его текущее состояние и перспективы развития, невозможно обойти вниманием то положение, которое он занимает сегодня на рынке труда России.

Актуальность обращения к указанным аспектам повседневного бытия представителей российского среднего класса опосредуется, в частности, специфическим типом развития трансформирующегося национального рынка труда. Рынка, сумевшего продемонстрировать немалый и крайне значимый в социальном плане адаптивный потенциал, но все же воспринимаемого сегодня скорее как «нагромождение» аномалий, нежели целостная и внутренне стройная, хотя и находящаяся в стадии становления система. Рынка, «нестандартно» реагирующего на радикальные изменения экономических условий и нередко превращающего средние слои российского общества в «заложников» непростой и не всегда благополучной ситуации. Что представляет собой последняя?

Из данных официальной статистики следует, что даже на фоне кризисных явлений в экономике и неизбежно сопутствующего им сокращения рабочих мест отечественный рынок труда оставался и остается достаточно «энергичным». По итогам обследования населения по проблемам занятости, в марте 2014 г. численность экономически активных россиян в возрасте 15–72 лет составила 75,1 млн человек (или более 52% от общей численности населения страны). В числе экономически активного населения 71,1 млн человек (94,7%) были заняты экономической деятельностью, и 4 млн человек (5,3%) не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией МОТ они классифицируются как безработные). При этом общая численность безработных, классифицируемых в качестве таковых в соответствии с критериями МОТ, в 4,3 раза превышала число безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения¹. Уровень безработицы составил в указанный период 5,4%, а уровень занятости – 64,9%. По сравнению с февралем 2014 г. численность занятого населения увеличилась на 60 тыс. человек (или на 0,1%), а численность безработных уменьшилась на 205 тыс. человек (или на 4,9%).

¹ По данным Росстата, в конце марта 2014 г. в государственных учреждениях службы занятости населения РФ на учете в качестве безработных состояла 941 тыс. человек, что на 1,3% меньше по сравнению с февралем 2014 г. и на 13,1% – по сравнению с мартом 2013 г. Подробнее см.: Занятость и безработица в Российской Федерации в марте 2014 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости). (http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/78.htm).

Такова объективная картина состояния рынка труда пореформенной России, параметры которой позволяют охарактеризовать *сложившуюся на нем в настоящее время ситуацию как в целом стабильную*. Какой, однако, она представляется нашим согражданам?

Для начала обратимся к оценкам изменений, произошедших за время последнего президентства В. Путина (2003-2014 гг.) в отдельных сферах жизни российского общества, так или иначе связанных с рынком труда и системой социально-трудовых отношений (см. таблицу 2.1).

Таблица 2.1

Динамика оценок россиянами изменения положения дел в отдельных сферах жизни российского общества за период президентства В. Путина, 2003/2014 гг., %¹

Сфера жизни	По массиву в целом		Средний класс, в т. ч.				Потенциальный средний класс		Остальное население	
			Ядро СК		Периферия ядра СК					
	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014
<i>Положение с безработицей</i>										
Улучшилось	19	25	24	36	21	32	17	22	18	19
Осталось таким же	49	45	48	43	54	41	49	45	47	47
Ухудшилось	19	20	13	14	15	17	19	21	22	24
<i>Возможность зарабатывать</i>										
Улучшилась	-	31	-	43	-	36	-	30	-	22
Осталась такой же	-	41	-	39	-	39	-	39	-	45
Ухудшилась	-	22	-	15	-	19	-	25	-	28

Данные, представленные в таблице 2.1, свидетельствуют о неоднозначном, но в целом «умеренно позитивном» характере восприятия россиянами процессов, происходящих на отечественном рынке труда. В настоящее время, как и десять лет назад, подавляющее большинство наших сограждан полагает, что отдельные аспекты функционирования последнего, если и не эволюционируют в лучшую сторону, то, по крайней мере, не претерпевают существенных изменений. При этом выявленные за десятилетие «разночтения» в долях опрошенных, заявляющих об ухудшении положения дел, минимальны и не превышают 2%. Следствием фиксируемой общественным мнением своеобразной «стабильности без развития» становится неравномерное распределение голосов россиян, главным образом, между двумя вариантами ответа: положение «улучшилось» и «осталось без изменений».

Сравнение приведенных в таблице 2.1 данных позволяет утверждать, что *вектор и градус восприятия процессов, происходящих на рынке труда РФ, достаточно четко опосредуются принадлежностью респондентов к среднему классу российского общества либо не входящим в его состав россиянам*. При этом самоощущения первых в части, касающейся выделенных нами аспектов, куда более оптимистичны и, если и отличаются (в ряде случаев заметно) от показателей по населению в целом, то, как правило, в лучшую сторону. Если говорить об остальных россиянах, представленных группами «потенциального СК» и «остального

¹ В 2003 г. позиция «возможность зарабатывать» в данном вопросе отсутствовала. В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

населения», лишенного каких-либо шансов попасть в состав среднего класса, то текущее состояние и динамика изменений национального рынка труда оцениваются ими с большим пессимизмом.

Об этом свидетельствуют, в частности, оценки положения дел с безработицей, полученные в 2014 г. Из данных, представленных на рис. 2.1, видно, что доли представителей ядра СК и даже его периферии, считающих, что ситуация в этой сфере улучшилась, существенно превышают аналогичные доли в группах потенциального СК и остального населения. Несколько меньше среди них и тех, кто не видит здесь никаких существенных изменений, или полагает, что положение с безработицей ухудшилось.

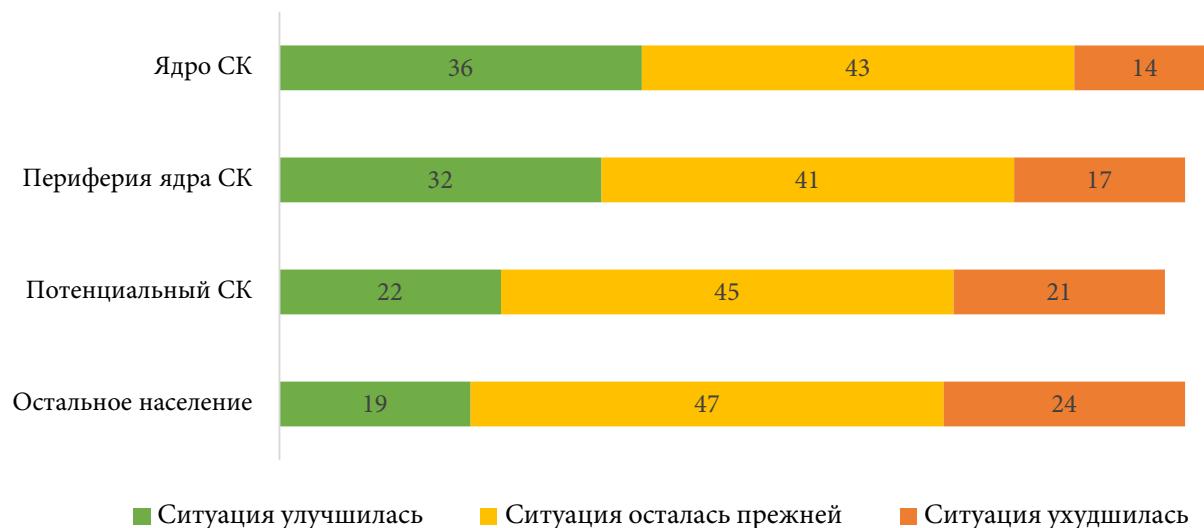

Рис. 2.1. Представления различных групп населения о положении с безработицей, 2014 г., %

Отметим при этом, что данные исследований последних лет позволяют говорить о наличии в российском обществе своеобразного «социального дисбаланса», тем более очевидного на фоне отмеченной выше стабильности отечественного рынка труда. Дисбаланса, проявляющегося в противоречии между относительно спокойным, по данным статистики, состоянием рынка труда с низким уровнем безработицы и ощущением вероятности оказаться в ближайшие 2-3 года безработными, характерным для более чем 40% работающих россиян.

Специалисты убеждены: при всей иррациональности подобного тревожного ощущения оно имеет под собой объективные и веские основания, к разряду которых, несомненно, относятся социальная незащищенность россиян и низкая эффективность системы государственной социальной защиты от безработицы. Вместе с тем, как будет показано далее, благодаря большей стабильности и устойчивости практик собственной занятости, представители российского СК (особенно его ядра) куда реже тревожатся о возможности оказаться в рядах безработных, полагая, что в ближайшей перспективе подобное развитие событий «полностью исключено» или, по меньшей мере, «маловероятно» (см. таблицу 3.12). Гораздо более скромной выглядит и доля тех из их числа, кто может причислить себя не к потенциальному, а к реальным, «составившимся» жертвам безработицы.

Примерно аналогичная (хотя, разумеется, и несколько иная в цифровом выражении) картина наблюдается и при обращении к оценкам россиянами ситуации с возможностью зарабатывать (см. рис. 2.2).

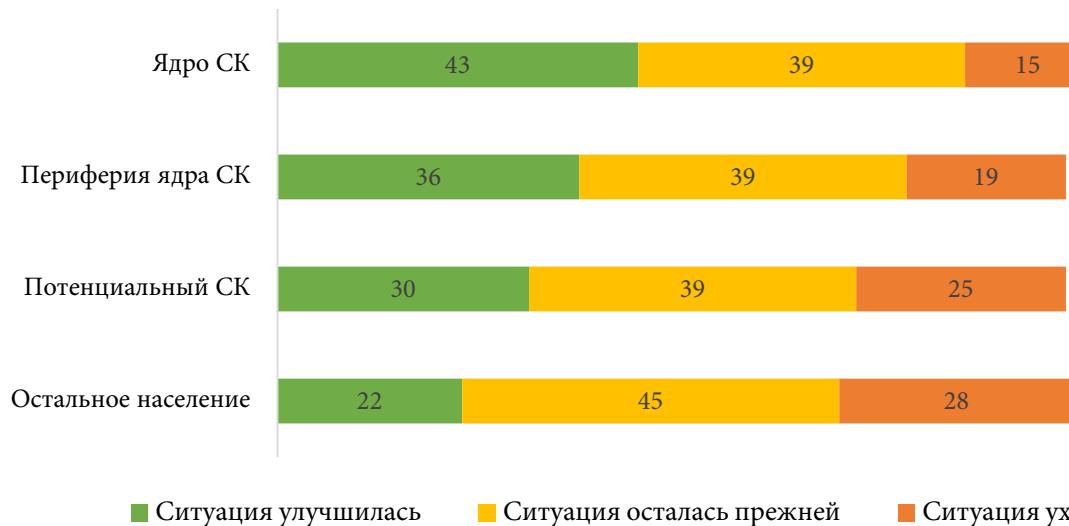

Рис. 2.2. Представления различных групп населения о возможности зарабатывать, 2014 г., %

Так, в частности, из данных, представленных на рис. 2.2, видно, что при несущественных (а то и вовсе отсутствующих) различиях в долях различных групп населения, полагающих, что ситуация с возможностью зарабатывать не претерпела значительных изменений, доля среднего класса, настаивающая на ее улучшении, практически вдвое превышает долю уверенных в этом представителей группы «остальное население». Обращение же к варианту ответа «ситуация ухудшилась» демонстрирует прямо противоположную картину.

Известно, что в эволюционно развивающейся, устойчивой рыночной экономике к разряду надежных и действенных, социально эффективных стратегий достижения состояния если не процветания, то, как минимум, «небедствования» относятся практики создания достойных, в том числе хорошо оплачиваемых, рабочих мест. В условиях переходной экономики данный аспект функционирования рынка труда приобретает особый смысл.

Разумеется, представления о том, какую работу можно считать хорошей, сильно различаются, будучи опосредованы совокупностью факторов микро- и макроуровня. Однако, абстрагируясь от конкретики, попробуем понять, как, по мнению различных групп российского населения, обстоят дела с возможностью устроиться на нее.

Рис. 2.3. Представления различных групп населения о возможности устроиться на хорошую работу, 2013 г., %

Отсутствие данных десятилетней давности не позволяет нам сопоставить возможности трудоустройства на хорошую работу, имеющиеся у россиян в настоящее время, с теми, что были доступны им в 2003 г. Однако и вне динамики картина, характеризующая положение дел в данной сфере сегодня, не внушает оптимизма. Так, в 2013 г. более четверти (27%) российских граждан полагали, что за время пребывания у власти В. Путина возможности хорошего труда ухудшились. При этом доля заявлявших об их улучшении составляла (по массиву в целом) всего 12%, а наиболее популярным вариантом ответа (выбранным двумя третьими представителей обеих подгрупп СК) оказывался «остались такими же» (см. рис. 2.3).

Выявленная в ходе исследования неоднозначность оценок текущего состояния и динамики изменений отечественного рынка труда, социальный контекст и особенности функционирования последнего неизбежно опосредуют характер восприятия россиянами тех проблем, с которыми им (или проживающим вместе с ними членам их семей) приходилось сталкиваться за последний год. Свидетельством сказанному может служить, в частности, тот факт, что, «не играя первых ролей», проблемы, связанные с работой (21% работающих по массиву в целом) уверенно входят в тройку «проблем-лидеров», уступая лишь извечным проблемам, связанным со здоровьем (28%) и плохим материальным положением (24%) российских граждан. Можно ли утверждать, что отнесение проблем в сфере занятости к категории насущных предопределется фактом принадлежности россиян к тем или иным слоям российского общества?

Отчасти да. На это указывают различия в оценках, которые, рассуждая об их актуальности, выставляют такого рода проблемам представители тех или иных групп российского общества (см. рис. 2.4).

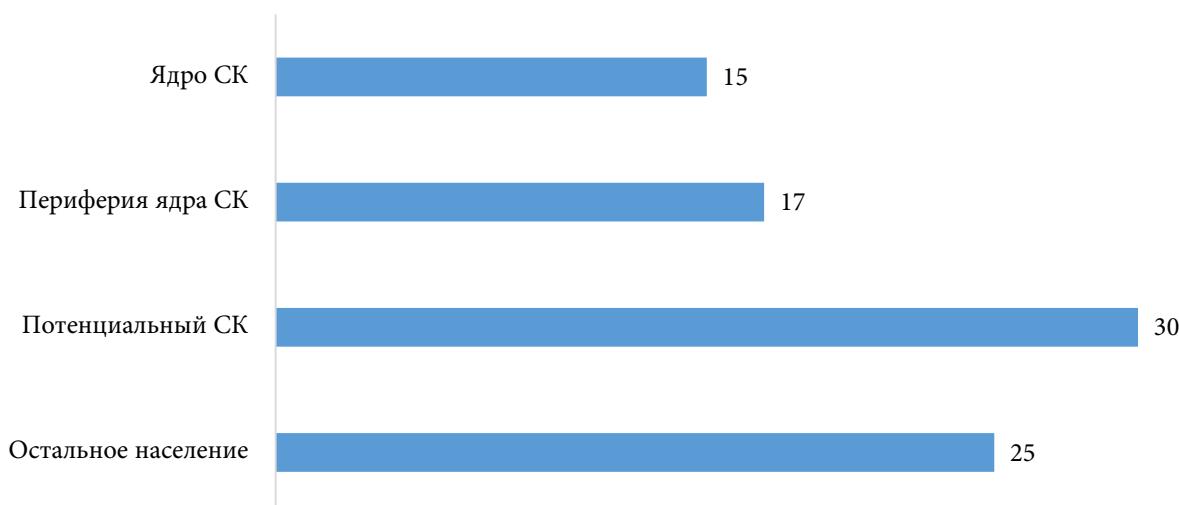

Рис. 2.4. Актуальность проблем, связанных с работой, для различных групп российского населения, 2014 г., % от работающих

Минувшее десятилетие практически не изменило оценок, высываемых россиянами ситуации, складывающейся у них на работе. В настоящее время, как и в 2003 г., более половины работающих российских граждан (55 и 59% соответственно) склонны характеризовать ее как «удовлетворительную». При этом за прошедшие десять лет примерно на 10% увеличилась доля тех, кто ставит ей оценку «хорошо» (с 27 до 38%), и сократилась численность тех, кто полагает ее «плохой» (с 14 до 6% в 2003 и 2014 гг. соответственно). Таким образом, данные исследования свидетельствуют о тенденции отсутствия серьезных качественных

изменений в социально-профессиональной сфере и видимости стабильности ситуации на российском рынке труда, равно как и указывают на потребность в создании привлекательных рабочих мест для различных категорий работников, а также адекватной системы оплаты труда.

Как же оценивают ситуацию у себя на работе представители разных групп работающего населения России? (см. рис. 2.5)

Большинство работающих россиян (за исключением тех, кого можно причислить к ядру СК), представляющих разные группы российского общества, склоняется при оценке своей работы к позиции «удовлетворительно». Остальные оценки, даваемые ими ситуации, складывающейся у них на работе, полярны и отличаются у входящих в средний класс большим оптимизмом. Это проявляется как в существенно большей (на фоне остальных россиян) доле их представителей, оценивающих ситуацию у себя на работе как «хорошую», так и в значительно меньшей доле среди них тех, кто говорит о ней как о «плохой».

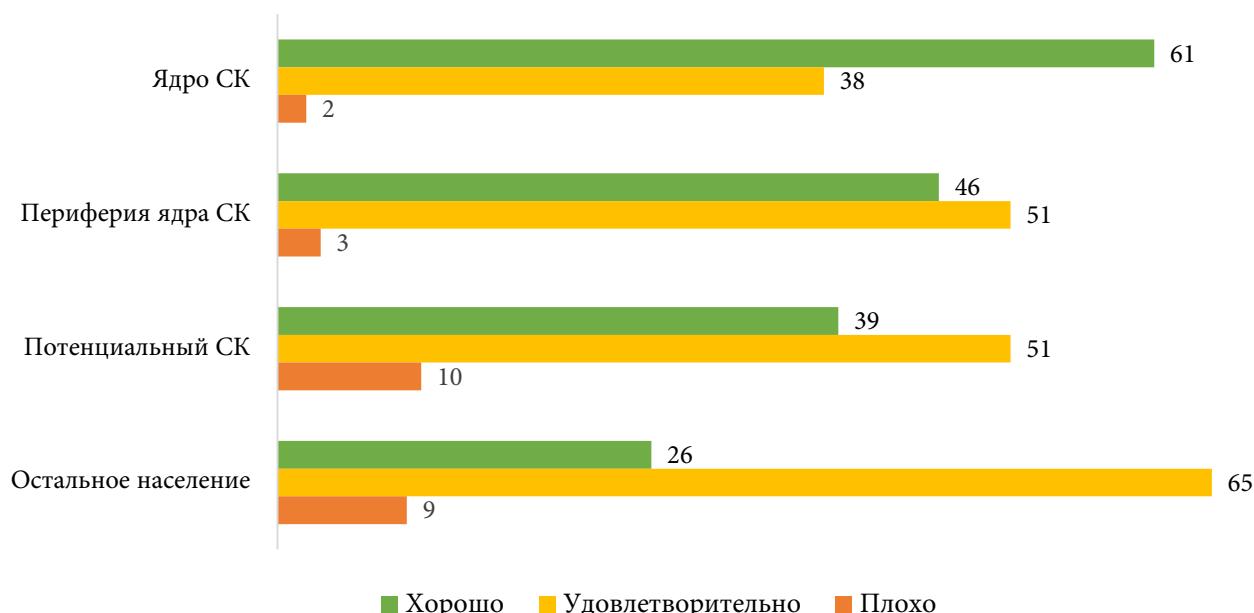

Рис. 2.5. Оценка разными группами населения ситуации у себя на работе, 2014 г., % от работающих

Ситуация на работе тесно связана с возможностями профессиональной самореализации работающих россиян. Тенденции, наблюдаемые здесь, вполне соответствуют тем, что были описаны выше. В нынешний период, как и десять лет назад, чуть более половины занятых в экономике расценивают указанные возможности как «удовлетворительные». Последнее десятилетие ознаменовалось также увеличением доли работающих российских граждан, оценивающих эти возможности как «хорошие» (28 и 35%), и сокращением доли тех, кто считает их плохими (22 и 12% в 2003 и 2014 гг. соответственно).

При этом нет оснований констатировать серьезное улучшение положения дел в данной области, поскольку сегодня «похвастаться» хорошими возможностями самореализации в профессиональной сфере может позволить себе чуть более трети россиян. Заметим также, что указанная неоднозначность лишь усиливается при дифференцированном подходе, позволяющем сравнить оценки работающих российских граждан, относящихся и не относящихся к среднему классу (рис. 2.6).

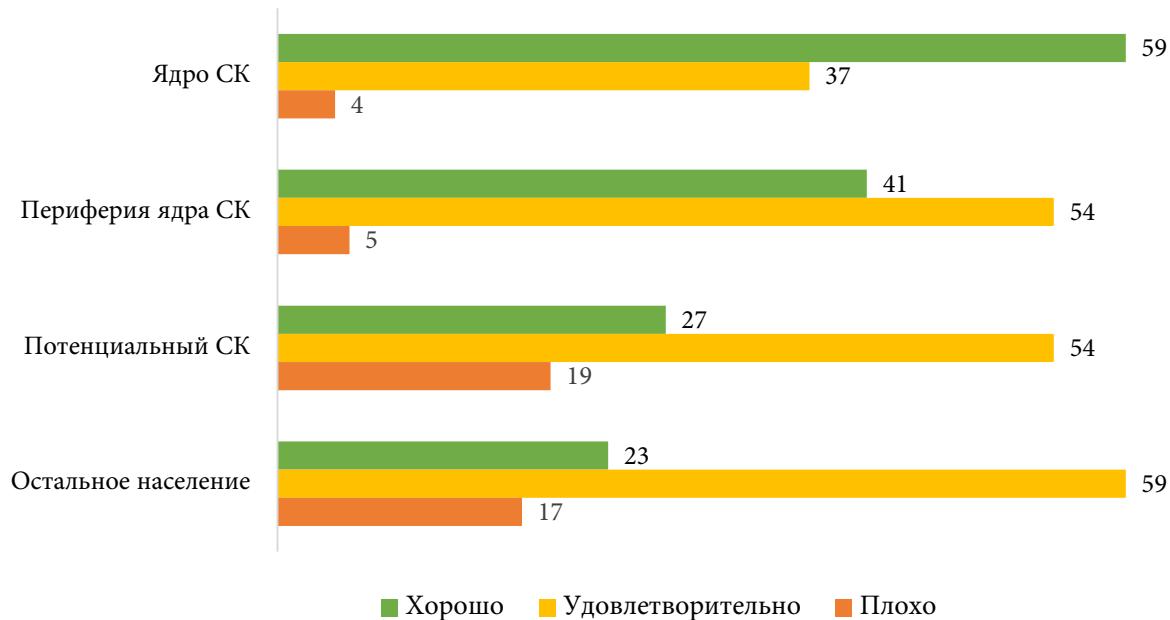

Рис. 2.6. Оценка разными группами населения возможности реализовать себя в профессии, 2014 г., % от работающих

Из данных, представленных выше, следует, что в условиях современной России возможности работающих представителей среднего класса в социально-профессиональной сфере оказываются более существенными, чем у остальных занятых в экономике россиян. Однако даже относительно благополучной складывающаяся здесь ситуация выглядит лишь на первый взгляд. Более детальный и глубокий анализ возможностей изменить что-либо в своей жизни в лучшую сторону, отличающих практики отечественного среднего класса (и, особенно, его ядра), результаты которого представлены в обобщенном виде в главе 4, позволяет говорить о неутешительном характере динамики его достижений. Так, согласно данным исследования 2014 г., выявляется, что за период с 2003 по 2014 гг. в СК заметно (с 36 до 15%) сократилась доля тех, кто смог повысить уровень своего образования или квалификации, а также (с 31 до 10%) – получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу.

В эпоху, предшествовавшую началу реформ, структурные характеристики отечественной рабочей силы заметно отличали ее от рабочей силы экономически развитых стран. При слаборазвитой сфере услуг в стране функционировал гипертрофированный промышленный сектор, в котором была сконцентрирована основная часть занятых в экономике. Распределение работников по профессиональным группам смешалось в пользу «синих воротничков», в то время как целый ряд «беловоротничковых» профессий был недопредставлен либо вообще отсутствовал.

Переходный период серьезно трансформировал отраслевую структуру российской занятости. Возникла очевидная диспропорция трудовых ресурсов: острая нехватка одних категорий рабочей силы сопровождалась избытком других. В условиях экономической нестабильности и спровоцированных ею волн сокращений многие россияне были вынуждены пересмотреть свой профессиональный путь: сменить не только место работы, но также профессию и сектор занятости. И, судя по ответам, полученным от наших сограждан в ходе опроса, процесс этот еще далеко не закончен (см. рис. 2.7).

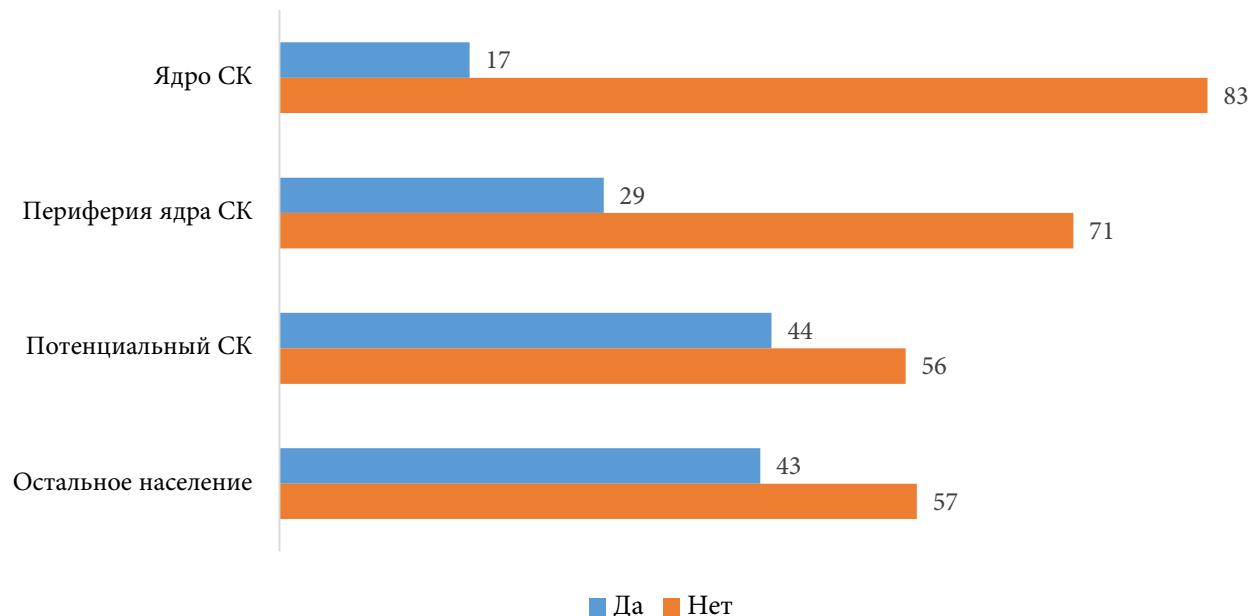

Рис. 2.7. Желание представителей разных групп населения найти или поменять работу, 2014 г., % от работающих

Решение о смене работы часто, хотя и далеко не всегда, предполагает смену профессии. Готовность к ней не возникает на пустом месте: причины таких глобальных карьерных перемен могут быть самыми разными (см. таблицу 2.2).

Таблица 2.2

Причины, по которым представители разных групп населения меняли специальность за последние 10 лет, 2014 г., % от числа работающих

Причины смены специальности	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
Невозможность реализоваться в профессии, отсутствие перспектив карьерного роста	6	4	9	4
Желание повысить квалификацию, расширить профессиональные компетенции	7	6	5	4
Низкая заработная плата	9	20	28	28
Неудовлетворительные условия труда	3	11	12	14
Неудовлетворенность содержанием работы	4	6	10	9
Отсутствие возможности трудоустроиться по имеющейся профессии, специальности	4	7	9	6
Утрата работой социального престижа, статуса	2	1	2	1
Состояние здоровья	1	2	3	4
Развитие в компании нового направления бизнеса	2	1	1	1
Специальность менять не приходилось	72	60	52	55

Казалось бы, в условиях реформирования экономической системы, нестабильности сферы труда и занятости, безработицы, порождаемой не только кризисным состоянием отечественного рынка труда, но и типичной для него качественной диспропорцией спроса и предложения, на фоне практически застывшей и недвижимой социально-профессиональной структуры на первый план должны выходить те из них, что связаны с вынужденными увольнениями и сокращениями, отсутствием возможности трудоустроиться по имеющейся профессии, специальности и т. п. Однако реальное положение дел обстоит несколько иначе. Разумеется, в каждом конкретном случае причины смены профессии строго индивидуальны, однако, чаще всего в качестве таковой выступает *стремление к увеличению уровня доходов*: не случайно очень значительная часть менявших специальность россиян (от трети в ядре СК до половины и более в остальных группах) заявляет о том, что сменить ее их вынудила низкая заработка плата. Кроме финансовых причин, работу меняют из-за *неудовлетворенности условиями труда* (11%), а также в связи с неудовлетворенностью содержанием работы (7% по массиву в целом). Еще меньше (6%) оказывается доля тех, кто меняет профессию или специальность, будучи *не в состоянии трудоустроиться по уже полученным из-за их невостребованности или, наоборот, высокой конкуренции на рынке*.

Демонстрируемая россиянами готовность сменить, в случае необходимости, специальность или место работы свидетельствует о тенденции постепенного осознания ими значимости повышения потенциала собственной трудовой мобильности как важнейшего фактора усиления конкурентоспособности на рынке труда. Вместе с тем, столь высоко ценимая в современных условиях гибкость поведения на рынке труда определяется не только высокой готовностью к смене профессии или специальности.

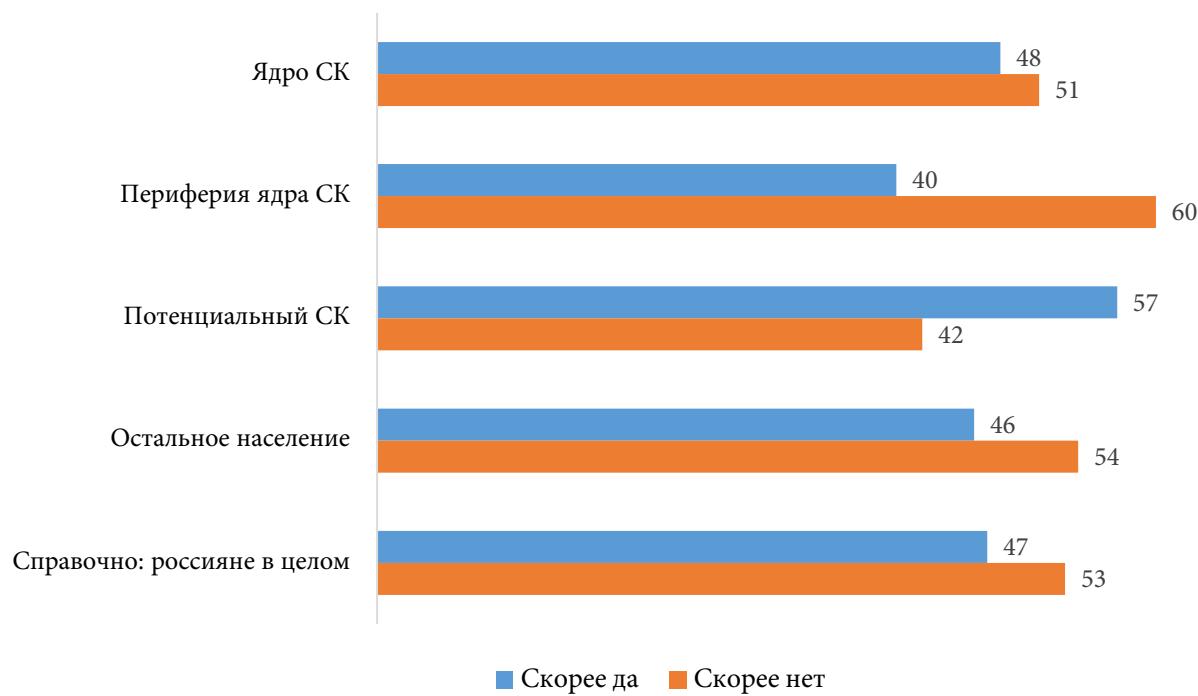

Рис. 2.8. Готовность представителей разных групп населения сменить место жительства ради работы, соответствующей их представлениям об идеальной работе, 2014 г., % от работающих

Не менее значимы в этом смысле и показатели готовности к географической мобильности рабочей силы (см. рис. 2.8). Несмотря на распространенное мнение, согласно которому россияне в отличие от европейцев и американцев —

не слишком мобильные люди, и даже кризис не заставил их более активно перемещаться по стране в поисках работы, в действительности это не совсем так. И тот факт, что готовность к смене места жительства не сопровождается реализацией этой готовности, связан, видимо, с общим изменением экономической ситуации в стране. Вполне возможно, что экономическая стагнация, сводящая на нет «кадровый голод» и вызванную им гонку зарплат, вселявшии ранее в российских работников уверенность в том, что смена местожительства пройдет для них относительно безболезненно, заставляют их сейчас с большей осторожностью относиться к самой возможности резких перемен в своей жизни.

В заключение анализа ситуации с местом на рынке труда российского среднего класса следует сказать еще об одной его особенности, которая наиболее ярко отличает представителей среднего класса современной России от тех, кто состоит в нем в подавляющем большинстве остальных стран мира – как развитых, так и развивающихся. Мы имеем в виду концентрацию его в госсекторе (см. рис. 2.9).

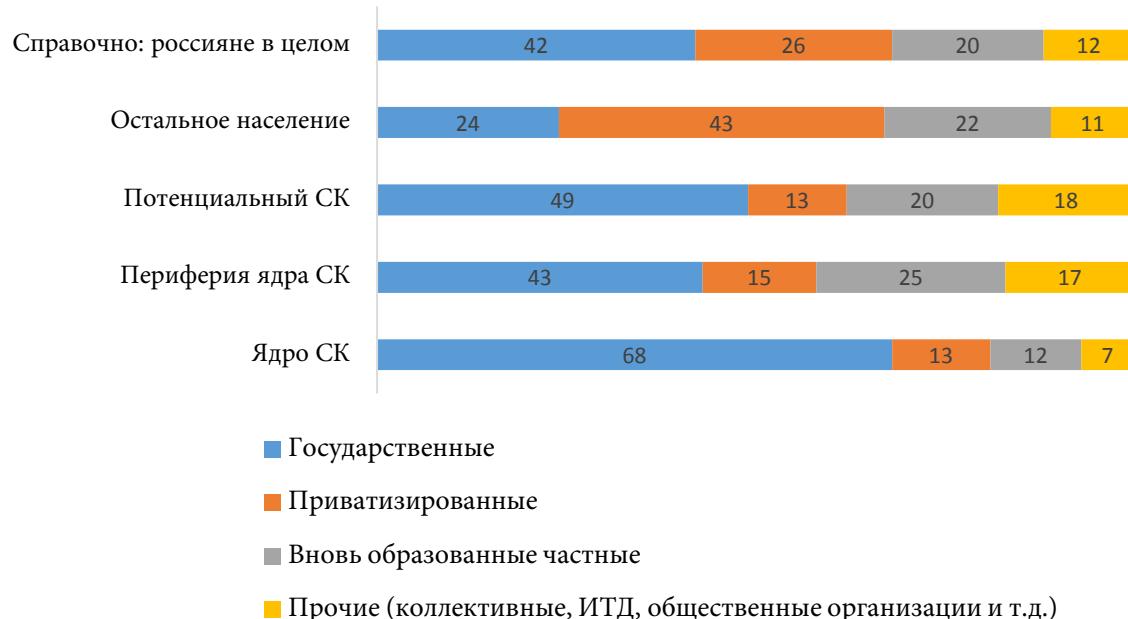

Рис. 2.9. Занятость на государственных, частных и приватизированных предприятиях представителей различных групп населения, 2014 г., % от работающих

Как видно из данных, представленных на рис. 2.9, ядро СК более чем на две трети сосредоточено на предприятиях госсектора. Это означает, что частный сектор экономики предъявляет достаточно слабый спрос на высококвалифицированную рабочую силу, что требует более детального анализа того, где же именно в современной российской экономике эта часть рабочей силы концентрируется.

3. Профессиональный портрет среднего класса и особенности его эволюции

Средний класс в современной России невозможно представить в отрыве от задаваемой экономикой страны профессиональной структуры России.

Ее нынешнее состояние – яркий результат развития социально-экономических тенденций, начало которым было положено в нашей стране еще в годы перестройки, а в дальнейшем в 1990-е годы. В итоге **картина занятости по отраслям и, главное, по секторам экономики** в настоящее время существенно отличается в России от ситуации в развитых странах (см. таблицу 3.1).

Таблица 3.1

Занятость в различных отраслях и секторах экономики в России, Германии и Великобритании, 2012 и 2013 гг., % от работающих¹

Сектора экономики	Россия, 2013	Германия, 2012	Великобритания, 2012
Первичный сектор	9	3	1
Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	7	3	1
Добыча полезных ископаемых	2	0,5	0,4
Вторичный сектор	35	33	23
Обрабатывающие производства (промышленность)	15	23	13
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; транспорт и связь	20	10	10
Третичный сектор	30	30	38
Оптовая и розничная торговля, сфера обслуживания, включая ЖКХ и др. услуги	23	22	29
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	7	8	9
Четвертичный сектор	26	36	38
Образование, наука, культура и т. д.	17	23	26
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, информационные и т. п. услуги	9	13	12

¹ Данные по Германии и Великобритании приведены по Европейскому социальному исследованию (ESS – European Social Survey) за 2012 год. Данные по России рассчитаны на основе официальной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud10.xls).

Роль этих отличий для развития нашей страны вообще и ситуации с российским средним классом в частности станет понятнее, если учесть, что *доминирование того или иного сектора экономики отражает этап исторического развития, который переживает страна*. Так, доминирование первичного сектора экономики характерно для традиционных, доиндустриальных обществ. Выход на первый план вторичного сектора означает переход страны к индустриальному этапу развития. Доминирующая роль третичного сектора свидетельствует о вступлении в позднеиндустриальную эпоху развития. Для этой эпохи характерно быстрое развитие торговли, ЖКХ, ресторанных бизнеса, рекреационных и сравнительно простых медицинских услуг и т. п., составляющих основу третичного сектора экономики, а также рост занятости в такой отрасли как образование. Фактически на этом этапе решающая роль в производстве переходит от объектов природы (как это было в доиндустриальную эпоху) или оборудования, что характерно для индустриальной эпохи, к человеку как главному фактору производства. Соответственно, и *главным компонентом национального богатства становится в эту эпоху человеческий капитал, а класс, являющийся носителем этой формы национального богатства (именно им является средний класс), оказывается на позднеиндустриальном этапе развития наиболее массовым классом и начинает играть всевозрастающую роль в жизни общества*. Наконец, переход к постиндустриальному этапу развития отражает рост роли в экономике такого фактора производства как знания и информации в целом, двигателем ее развития становятся знаковые системы – от науки и программного обеспечения до брендов и рекламы. Выход на первый план по значимости четвертичного сектора экономики увеличивает спрос на высококвалифицированных профессионалов и относительно сокращает спрос на другие типы работников, занятость которых предполагает от представителей среднего класса обычно менее высокий уровень квалификации, чем требуется в четвертичном секторе. Для среднего класса эти процессы означают усиление внутриклассовой дифференциации и даже его поляризации.

Если с учетом этих тенденций посмотреть на данные таблицы 3.1, то становится понятно, что и Германия, и Великобритания к началу 2000-х годов уже начали переход к постиндустриальной модели развития, для которой характерна массовая занятость в четвертичном секторе. Большая часть рабочей силы в этих странах (36% и 38% соответственно) работает сейчас именно в отраслях четвертичного сектора, который является «точкой роста» экономики развитых стран. Это неизбежно влечет за собой и рост в структуре их занятости доли профессионалов – фактически это единственная профессиональная группа, по которой в 2000-х годах наблюдался существенный рост (с 13 до 18% в Германии, с 13 до 19% в Великобритании¹). В то же время в России население чаще всего (35%) занято во вторичном секторе экономики, который включает занятость в промышленности, строительстве, транспорте, а также в области производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Следовательно, работающие в нем в массе своей – это рабочие, т. е. представители группы, которая независимо от своего уровня доходов не относится к среднему классу (хотя при этом они вполне могут оказаться в составе среднедоходных слоев).

Различия в занятости в России и развитых странах отражают, таким образом, тот факт, что *российское общество находится пока в другой исторической эпохе, нежели ведущие страны Запада, а именно – в эпохе позднеиндустриального развития. Именно для этой эпохи, как показывает исторический опыт, характерен быстрый рост среднего класса и превращение его в доминирующую в обществе*

¹ Данные ESS за 2002 и 2012 гг.

социальную силу. Причем в составе данного класса именно на данном этапе относительно велика доля полупрофессионалов, клерков, служащих и т. п. групп, т. е. представителей среднеквалифицированных «белых воротничков», и относительно ниже, чем это характерно для общества с доминированием четвертичного сектора экономики, доля профессионалов. Обе эти тенденции (как общего роста среднего класса, так и увеличения в его составе более быстрыми темпами группы среднеквалифицированных работников нефизического труда) фиксируются при рассмотрении профессионального портфеля СК применительно к России (см. таблицу 3.2).

Таблица 3.2

**Динамика профессионального портфеля различных групп населения,
2003/2014 гг., % от работающих**

Профессиональные группы	Средний класс, в т. ч.				Потенциальный СК		Остальное население	
	Ядро СК		Периферия ядра СК					
	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014
Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые	34	20	29	12	18	7	1	1
Специалисты, работа которых предполагает использование высшего образования	67	80	24	5	45	22	2	1
Прочие работники нефизического труда (Полупрофессионалы, клерки, рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания)	0	0	47	83	37	71	8	8
Рабочие	0	0	0	0	0	0	90	90

Данные таблицы 3.2 выявляют две основных тенденции. Во-первых, основу ядра СК составляет возросшая доля профессионалов, а также заметно уменьшающаяся доля руководителей всех уровней и предпринимателей, а во-вторых, что основная масса входивших в 2003 г. в состав периферии ядра СК руководителей и профессионалов к настоящему времени перешла в ядро СК, где, собственно, по своему профессиональному статусу и должна находиться. Это произошло, прежде всего, за счет повышения их благосостояния и сопутствующего ему формирования идентичностей средних слоев. В результате ядро СК и его периферия стали гораздо более гомогенными по своему профессиональному составу, чем в начале 2000-х годов. Этот процесс можно оценить как несомненно позитивный и отражающий общие закономерности формирования массового среднего класса в позднеиндустриальную эпоху в любой стране мира.

Отчасти, как видно из данных таблицы 3.2, эти тенденции затронули и потенциальный СК, куда, в отличие от ситуации 10-летней давности, входят теперь в первую очередь уже не профессионалы и руководители бюджетных отраслей (перешедшие в массе своей за это время в основном в ядро СК и, отчасти, в его периферию), а другие представители работников нефизического труда, к тому же с относительно более низким качеством человеческого и культурного капитала, чем у представителей тех же профессиональных групп в составе СК¹. Тем не ме-

¹ Все профессиональные группы (за исключением профессионалов, т. е. специалистов, работающих на должностях, предполагающих высшее образование) в составе потенциального СК имеют более низкий образовательный уровень, чем те же группы в СК. При этом, как было показано в разделе 1, представители потенциального СК имеют обычно за счет первичной социализации в другой среде заметно худший культурный капитал, чем даже представители периферии ядра СК. Это, естественно, делает их менее конкурентоспособными на рынке труда.

нее, почти 30% в потенциальном СК составляют все-таки работники, которые, по крайней мере, по своему профессиональному статусу, могли бы попасть, при лучшем материальном положении и иной самоидентификации, даже в состав ядра СК.

Что это значит с точки зрения **возможностей расширения российского среднего класса**? Это означает, что при устранении необоснованных отраслевых, региональных, поселенческих и т. п. диспропорций в оплате труда высококвалифицированных специалистов, а также при дальнейшем совершенствовании социальной политики в СК страны может войти дополнительно еще 2-3% населения. Еще на 5-6% СК мог бы увеличиться при определенных изменениях социальной политики за счет пенсионеров с достаточно высоким образовательным уровнем, которые по их прошлому социальному статусу и, будучи на пенсии, должны были бы относиться к СК. Тем самым, максимальный ресурс расширения СК при наиболее благополучных условиях составляет в сумме порядка 8-10% населения страны.

При этом можно было предположить, что ресурс расширения СК насчитывает все те 19%, которые составляют потенциальный СК, а не половину этой группы. Однако на самом деле это не так. Дело в том, что часть работников нефизического труда даже в развитых странах относится к низшему классу как в силу особенностей их занятости (например, продавец в ларьке или приемщика химчистки в райцентре), так и вытекающего из нее уровня благосостояния. В основе данной социально-классовой принадлежности лежит низкое качество их человеческого капитала, не позволяющего получать на него дополнительные доходы. Речь в этих случаях идет лишь об оплате простой физической способности к труду, как и у низкоквалифицированных рабочих. Учитывая низкий уровень образования подавляющего большинства входящих в потенциальный СК россиян, а также тот факт, что в массе своей работающие его представители – это работники торговли и бытового обслуживания (почти 40% от численности работающих представителей этой группы в целом), понятно, что к СК они не только в настоящий период, но и в будущем отнесены быть не могут.

Все это позволяет утверждать, что с учетом реально имеющегося ресурса *максимально возможная численность среднего класса при нынешней отраслевой структуре экономики России составляет порядка половины населения*. Это, конечно, не «общество двух третей», которые были характерны для развитых западно-европейских стран в 1960-1970-е гг., т. е. в период нахождения их на таком же этапе позднеиндустриального развития, на котором находится в нынешний исторический период Россия, но все-таки общество достаточно массового среднего класса.

Таким образом, если говорить о специфике российской ситуации со СК по отношению к ситуации со СК в западных странах в настоящее время, то она заключается отнюдь не в численности СК и даже не в уровне благосостояния российского среднего класса. *Специфика российской ситуации со средним классом заключается, прежде всего, в относительно низкой доле в составе работающих представителей СК занятых в четвертичном секторе экономики по сравнению с наиболее развитыми странами Запада, а также в растущей доле в нем периферийных для данного класса профессиональных статусов* (для сравнения – если доля специалистов средней квалификации выросла в России с 2002 по 2012 годы с 17 до 19%, то в Германии она сократилась за это время с 21 до 19%, в Великобритании – с 12 до 11%¹ и т. д.). В итоге, если в наиболее развитых странах эволюция среднего класса идет в настоящее время по линии его поляризации, то есть увеличения в нем доли занятых на рабочих местах как низкой, так и высокой квалификации

¹ Данные ESS.

с сокращением средних позиций, то *российский средний класс прирастает, прежде всего, среднеквалифицированной рабочей силой, занятой рутинным нефизическим трудом*. И в этом отношении ситуация с российским СК напоминает процессы, которые имели место в таких западно-европейских странах как Германия, Великобритания и др. 50 лет назад. Как тогда в этих странах, так и сегодня в России фактически рост СК происходит за счет рабочей силы, представленной, с одной стороны, служащими, а с другой – рядовыми работниками сферы торговли и бытового обслуживания со сравнительно высоким уровнем образования (не ниже среднего специального).

Еще раз подчеркнем – эти отличия закономерны, поскольку ключевая тенденция экстенсивного роста российского СК прежде всего¹ за счет однородной рабочей силы средней квалификации является отражением специфики того этапа развития, на которой находится сегодня российская экономика, а также рентоориентированного характера последней. В результате в ней растет занятость на рабочих местах средней и низкой квалификации и в очень незначительном количестве создаются рабочие места, предполагающие высококвалифицированный нефизический труд. *Лишь вследствие положительной внешнеэкономической конъюнктуры, связанной с высокими ценами на энергоносители, такая модель экономического роста позволяет обеспечивать повышение средней заработной платы по стране. Причем происходит это во многом в силу действия перераспределительных, а не рыночных механизмов.*

Рост доходов населения в целом и СК в частности, при такой модели его расширения, носит временный характер, и при любых кризисных явлениях в экономике можно ожидать сокращения российского среднего класса. Доказательство тому можно было наблюдать в 2008-2009 гг., когда в результате финансово-экономического кризиса заметно «осыпалась» именно периферия ядра СК (в 2009 г. она сократилась по сравнению с предкризисным периодом на четверть – с 20 до 15%). *Фундаментальное расширение среднего класса и его устойчивый рост возможны только при завершении в России позднеиндустриального этапа развития и начале перехода к постиндустриальной модели развития, т. е. развития в России «экономики знаний» на фоне диверсифицированной структуры экономики в целом.*

В связи с этим особенно важно подчеркнуть, что уже сегодня *именно четвертичный сектор экономики, представленный такими отраслями как наука, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, образование, культура, финансовая деятельность, консалтинг и т. п., в массовом масштабе обеспечивает в России рабочими местами представителей СК, особенно – его ядра* (см. рис. 3.1). И в этом отношении ситуация в России напоминает ситуацию в развитых странах, только в них эта тенденция выражена гораздо ярче – так, например, в Германии до 70% профессионалов занято в отраслях четвертичного сектора экономики.

Как видно на рис. 3.1, ядро СК почти на 60% концентрируется в России именно в четвертичном секторе экономики, работа в котором предполагает не просто наличие высшего образования, но зачастую уникальную квалификацию. Именно занятость в четвертичном секторе экономики в ядре среднего класса

¹ Речь в данном случае идет о тенденции, которая может продолжиться в будущем. Если же говорить о прошлых годах, то наряду с ней действовала и другая тенденция – в состав ядра СК, как упоминалось выше, перешли из его периферии и даже потенциального СК многие представители профессионалов и руководителей, а доля ядра СК выросла в составе населения за последние 10 лет в полтора раза – с 11 до 16%. Однако эта тенденция была все же менее мощной, и если изменение статуса высококвалифицированной рабочей силы затронуло 5% россиян, то в процесс расширения периферии СК оказались вовлечены 8% россиян.

вносит однозначность в картину рабочих мест, которые занимают представители этой части СК. Так, работники четвертичного сектора ядра СК на 90% состоят из профессионалов. Можно даже сказать, что *профессионалы, занятые в бюджетных отраслях четвертичного сектора экономики, по сути дела являются сегодня своего рода «лицом» ядра российского среднего класса*, и лицо это преимущественно женское. При этом для руководителей, попавших в ядро СК, наиболее типичной является занятость на частных и приватизированных предприятиях вторичного и третичного сектора. А этот лик ядра СК имеет уже четко выраженные мужские черты.

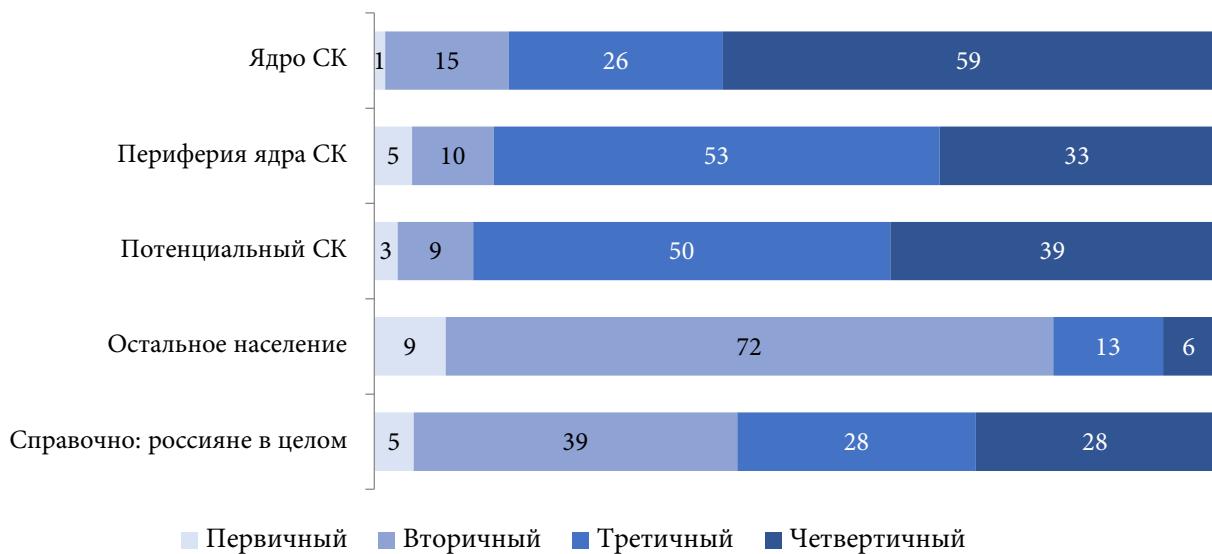

Рис. 3.1. Занятость различных групп населения по секторам экономики, 2014 г., % от работающих

Представители периферии ядра СК и потенциального СК, независимо от их профессионального статуса, заняты в настоящее время в основном в третичном, а остальное население – во вторичном секторе экономики. Более того, профессиональный состав периферии ядра СК – это как бы «ядро СК наоборот». Если ядро СК – это в основном профессионалы четвертичного сектора экономики, то его периферия – это в основном рядовые служащие или работники в сфере торговли и бытового обслуживания. Причем если работники торговли и сферы услуг из третичного сектора представляют собой типичный портрет представителя периферии ядра СК в современной России, то рядовые служащие и офисный персонал, для которых относительно чаще характерна занятость во вторичном и четвертичном секторе экономики (см. таблицу 3.3), выступают своего рода «связующим звеном» между ядром среднего класса и его периферией.

Анализ распределения представителей СК по секторам экономики и профессиональным статусам демонстрирует, что *российский средний класс – это сложный, гетерогенный феномен, в котором как бы «встречаются» две разные эпохи экономического развития, с разными требованиями к рабочей силе, с разными квалификационными стандартами, мотивацией и образом мышления*. Как же эта гетерогенность проявляется в деятельности, которую предполагают рабочие места представителей российского СК, и их человеческом капитале?

Таблица 3.3

**Профессиональный портрет различных групп населения
в зависимости от сектора экономики, в котором они работают, 2014 г.¹, % от работающих**

Профессиональные группы	Средний класс, в т. ч.								Потенциальный СК				Остальное население			
	Ядро СК				Периферия ядра СК											
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые	50	32	30	10	28	28	11	8	50	18	4	6	0	0	3	4
Профessionалы	50	68	70	90	29	0	2	9	50	46	6	38	3	0	0	15
Полупрофессионалы и клерки	0	0	0	0	43	64	34	78	0	27	24	46	0	1	7	29
Рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания	0	0	0	0	0	7	53	5	0	9	66	10	0	0	36	4
Рабочие													97	99	53	48

Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим сначала некоторые **особенности человеческого капитала** представителей российского СК, т. е. их образования и квалификации, а затем – некоторые особенности их деятельности на рабочих местах.

Таблица 3.4

Динамика образовательного уровня представителей различных профессиональных групп в России, 2003 / 2014 гг., % от работающих

Образование	Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые		Профессио-налы		Прочие работники нефизического труда (офисный персонал, работники торговли и т. д.)		Рабочие		В целом по занятому населению	
	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014
Формальный уровень образования										
Ниже общего среднего	1	0	0	0	3	2	9	6	5	3
Общее среднее	9	2	4	0	14	18	35	31	20	18
Среднее специальное и незаконченное высшее	36	30	17	5	66	71	52	62	44	48
Высшее	54	68	79	95	17	9	4	1	31	31

¹ Сокращения в таблице: «I» соответствует первичному сектору, «II» – вторичному, «III» – третичному, «IV» – четвертичному.

Продолжение таблицы 3.4

Образование	Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые		Профессионалы		Прочие работники нефизического труда (офисный персонал, работники торговли и т. д.)		Рабочие		В целом по занятому населению	
	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014
<i>Число лет дневного обучения*</i>										
Менее 10 лет	-	19	-	15	-	18	-	19	-	18
10-11 лет	-	5	-	3	-	20	-	33	-	19
12-14 лет	-	26	-	9	-	51	-	45	-	36
15 лет	-	24	-	34	-	7	-	2	-	14
16 и более лет	-	26	-	39	-	4	-	1	-	13

*В 2003 г. этот вопрос в анкете отсутствовал.

Если говорить об **образовании**, то, как свидетельствуют данные таблицы 3.4, доля выпускников вузов среди занятых остается в России по-прежнему одной из самых высоких в мире (31%). При этом типичным для профессиональных статусов, характерных для ядра СК, все в большей степени становится наличие высшего образования (доля его обладателей среди руководителей и предпринимателей увеличилась за последние годы в ядре СК с 54 до 68%, а среди профессионалов – с 79 до 95%). Для прочих работников нефизического труда все более характерно становится при этом среднее специальное образование.

Еще 10 лет назад в российской экономике гораздо чаще встречались случаи, когда на рабочих местах, предполагающих высшее образование, работали люди, его не имеющие, при этом люди с высшим образованием массово работали на несоответствующих их уровню образования рабочих местах. Сейчас такое положение дел стало скорее исключением. Из данных таблицы 3.4. видно, например, что среди российских рабочих доля лиц с высшим образованием сократилась в 4 раза (с 4 до 1%), а среди «белых воротничков» средней квалификации и рядовых работников сферы торговли и бытового обслуживания – почти в 2 раза (с 17 до 9%). Это, несомненно, положительная тенденция, позволяющая говорить о *все большей определенности в России портрета различных профессиональных статусов, росте четкости требований, предъявляемых к работникам, занимающим соответствующие профессиональные позиции*.

В то же время представленные данные наглядно показывают, что *качество высшего образования даже у профессионалов очень разное*, и если высшее образование как таковое имеют среди них 95%, то дневное высшее образование – 73%. Впрочем, это не отменяет того факта, что доля имеющих дневное высшее образование среди профессионалов в 1,5-2 раза выше, чем среди имеющих тот же образовательный уровень предпринимателей, руководителей и остальных представителей нефизического труда, и что именно группа профессионалов имеет самые высокие показатели качества своего человеческого капитала.

В связи с характеристикой образовательного уровня различных профессиональных групп особо следует отметить и то, что рынок высшего образования в России до сих пор «перегрет». Соответственно, *наличие высшего образования отнюдь не гарантирует его*

обладателям попадания в состав СК, хотя вероятность попасть в него стала для них сегодня намного выше, чем 10 лет назад. Так, высшее образование в настоящее время является гарантией попадания в СК почти для 90% выпускников российских вузов, в то время как в 2003 году лишь две трети обладателей высшего образования входили в его состав.

С другой стороны, в самом СК обладатели высшего образования все чаще стали попадать в его ядро – среди тех, кто имеет в современной России высшее образование три четверти оказываются в ядре СК, еще 11% – в его периферии, каждый десятый из них оказывается в потенциальном СК и очень мало (3%) попадают в группу «остальное население». Данная положительная тенденция свидетельствует о том, что за последние 10 лет наличие высшего образования стало ощутимее влиять на жизненные шансы у его обладателей. При этом среднее специальное образование в настоящее время в России такой роли не играет (см. таблицу 3.5).

Таблица 3.5

**Динамика особенностей человеческого капитала различных групп населения,
2003/2014 гг., % от работающих**

Образование	Средний класс, в т. ч.				Потенциальный СК		Остальное население	
	Ядро СК		Периферия ядра СК					
	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014
Формальный уровень образования								
Ниже среднего специального	0	0	0	0	18	31	44	40
Среднее специальное и незаконченное высшее	7	1	69	84	38	42	50	58
Высшее	93	99	31	16	44	27	6	2
Число лет дневного обучения*								
Менее 10 лет	-	14	-	20	-	13	-	19
10-11 лет	-	2	-	9	-	26	-	34
12-14 лет	-	8	-	55	-	38	-	42
15 лет	-	37	-	9	-	12	-	3
16 и более лет	-	39	-	7	-	11	-	2

*В 2003 г. этот вопрос в анкете отсутствовал.

Комментируя данные таблицы 3.5, следует отметить также, что за последние 10 лет за счет перехода в состав СК наиболее образованной части потенциального СК образовательный уровень последнего заметно понизился, и если в 2003 году высшее образование в нем имели 44%, то в 2014 г. этот показатель сократился до 27%, а наиболее распространенным в нем стало среднее специальное образование. Однако более значимо то, что треть потенциального СК вообще не имеет профессионального образования даже второй ступени. Это заведомо не позволяет ей получать доходы на свой человеческий капитал и означает необходимость рассматривать ее как аналог неквалифицированных рабочих, только с нефизическим характером труда.

Анализ данных таблицы 3.5 показывает также, что три четверти ядра СК (76%) потратило на обучение 15 лет и более, причем больше половины из них потратили на формирование своего общего человеческого капитала 16 и более лет. Кроме того, нетрудно заметить, что периферия ядра российского СК теперь

состоит в основном из работников со средним специальным образованием, потребовавшим 12-14 лет обучения. Как уже упоминалось выше, отчасти эти люди пришли в СК «извне» на места профессионалов, перешедших из периферии в ядро среднего СК. Это неизбежно привело к снижению качества человеческого капитала периферии ядра СК.

Важно подчеркнуть в связи с этим, что качественный человеческий капитал у представителей периферии ядра СК сегодня востребован только в четвертичном секторе экономики (см. таблицу 3.6). Именно в нем работает основная часть обладателей высшего образования не только из ядра СК, но и из его периферии и даже из потенциального СК – в четвертичном секторе экономики сосредоточены почти две трети периферии ядра СК и потенциального СК с высшим образованием. Более того – по 62-63% из них имеют по 15 и более лет дневного обучения. Тот факт, что россияне с такими особенностями человеческого капитала оказываются в периферии ядра СК и даже в потенциальном СК показывает, что либо часть из них занята на рабочих местах, где не требуется все многообразие имеющегося у них человеческого капитала (что означает, что он в российской экономике имеется в переизбытке), либо он используется, но не оплачивается соответствующим образом. Судя по всему, верны оба эти объяснения.

Таблица 3.6

Образование представителей различных групп населения, работающих в разных секторах экономики, 2014 г.¹, % от работающих

Сектор занятости	Средний класс, в т. ч.				Потенциальный СК			Остальное население		
	Ядро СК		Периферия ядра СК							
	Ср. спец. и н/высшее	Высшее	Ср. спец. и н/высшее	Высшее	Ниже спр. спец.	Ср. спец. и н/высшее	Высшее	Ниже спр. спец.	Ср. спец. и н/высшее	Высшее
I		1	3	3	3	0	3	15	5	0
II		18	9	3	10	0	19	61	81	45
III	33	24	58	29	70	63	17	19	8	9
IV	67	57	30	65	17	37	61	5	6	46

Таким образом, в целом расширение СК в последнее десятилетие привело к разнонаправленным тенденциям изменения образовательного уровня его представителей. С одной стороны, в него вошли россияне с высшим образованием, которые еще в 2003 году в него не входили, и, в результате, подавляющее большинство лиц с высшим образованием оказывается сегодня в России в составе СК, при этом во все большей степени – в его ядре. С другой стороны, одновременно шло массовое увеличение в нем доли работников со средним специальным образованием, во все большей степени концентрирующихся на периферийных для среднего класса позициях. Действие двух этих тенденций привело, с одной стороны, к гораздо большему соответствуанию профессиональных статусов и образовательного уровня представителей как ядра СК, так и его периферии с одновременным все большим расхождением их образовательного уровня, и профессиональных статусов между собой.

¹ Сокращения в таблице: «I» соответствует первичному сектору, «II» – вторичному, «III» – третичному, «IV» – четвертичному.

С другой же стороны, оно привело к тому, что общая «образовательная композиция» среднего класса за последние 10 лет, несмотря на его расширение, практически не изменилась – соотношение работающих с высшим и средним специальным образованием в СК сегодня составляет 60:40, примерно столько же (59:41) было в 2003 году.

Однако формальный уровень образования – далеко не единственное, что определяет качество человеческого капитала работника в современном мире. Не менее важны его **навыки и компетенции**, среди которых и навык использования в работе информационных технологий, и навык самообразования, и многое другое. Как же обстоят сегодня дела с этими компонентами человеческого капитала российского среднего класса? Посмотрим сначала на ситуацию с навыком использования информационных технологий в ходе своей производственной деятельности (см. таблицу 3.7).

Таблица 3.7

Навыки, которые представители различных групп населения используют в своей работе, 2014 г., % от работающих

Частота использования различных навыков	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
<i>Работы на компьютере</i>				
Ежедневно	67	35	37	9
Иногда	27	22	21	7
Работа не предполагает использование этих навыков или эти навыки отсутствуют	6	43	42	84
<i>Работы с использованием Интернета</i>				
Ежедневно	51	22	21	5
Иногда	35	24	27	6
Работа не предполагает использование этих навыков или эти навыки отсутствуют	14	54	52	89
<i>Работы с применением иностранного языка</i>				
Ежедневно	8	3	2	1
Иногда	19	5	7	1
Работа не предполагает использование этих навыков или эти навыки отсутствуют	73	92	91	98

Как свидетельствуют данные таблицы 3.7, интенсивность использования информационных технологий в ядре СК значительно выше, чем среди других групп работающего населения. Масштабы использования информационных технологий на рабочем месте среди работающих россиян из периферии СК и потенциального СК в разы ниже. Что же касается представителей остального населения, то в их работе умение пользоваться компьютером и, тем более, Интернетом, в подавляющей массе случаев (84-89%) вообще не нужно.

Говоря о различиях в этой области составляющих СК профессиональных групп, следует отметить, что сегодня работа подавляющего большинства руководителей, входящих в ядро СК, предполагает ежедневное использование компьютера и Интернета (81 и 67%, соответственно). При этом лишь 63% специалистов

с высшим образованием, входящих в ядро СК, ежедневно используют компьютер в своей работе, и всего 47% ежедневно выходят в сеть. Это, разумеется, не означает, что профессионалы из ядра СК хуже своих руководителей разбираются в компьютерах или не знают, как работать в интернете, но означает, что работа значительной их части предполагает лишь эпизодическое обращение к этим навыкам или вообще их не предполагает. Это одно из важных отличий России от развитых стран, где работа профессионалов давно уже немыслима без постоянного использования информационных технологий.

Отметим в связи с этим также, что данные исследования свидетельствуют об очень *слабом проникновении информационных технологий не только в производственную деятельность СК, но и в российскую экономику в целом, несмотря на быстрое освоение россиянами компьютерных технологий как таковых* – лишь 21% работающих россиян сегодня вообще не использует компьютера при том, что три четверти (73%) пользуется компьютером, по меньшей мере, несколько раз в неделю. Однако на работе используют компьютерные технологии в 1,5 раза меньшее их число – всего 47% работающих россиян. Важно отметить и то, что значительный разрыв между численностью использующих информационные технологии дома и на работе характеризует все профессиональные группы. Максимальных значений этот разрыв достигает у рабочих – у них он практически четырехкратный (54 к 13%).

Очень мало затребован в российской экономике и навык владения иностранным языком. В этом плане можно говорить о сохранении «закрытости» российского профессионального поля. Даже у ядра СК, представители которого, будучи в массе своей профессионалами, должны были бы хотя бы иногда знакомиться с иностранной литературой по их специализации, три четверти убеждены, что их работа вообще не предполагает использования иностранного языка. В то же время, надо подчеркнуть, что в этой области в последние годы происходят изменения. Так, в 2003 году доля россиян из ядра СК, работа которых, по их мнению, предполагала знание и использование иностранного языка, составляла 20% против 27% в 2014 г., увеличившись за 10 лет, как видим, в 1,4 раза. Однако это не меняет того факта, что в целом нынешняя система стимулирования труда просто не предполагает вовлечения подавляющей массы россиян в использование знаний иностранного языка у себя на работе даже если эти знания у них есть.

В то же время доход для работника от наличия у него соответствующих навыков на тех рабочих местах, где они востребованы, заметно отличается от дохода на аналогичных рабочих местах, но не предполагающих использования соответствующих навыков. Так, например, в 2013 г. индивидуальный доход представителей ядра СК, постоянно использовавших на своих рабочих местах компьютер, в половине случаев был более 20 тыс. рублей, в т. ч. в 13% случаев – выше 40 тыс. рублей. В то же время у тех, чья работа не требовала использования компьютера, более 20 тыс. рублей получали лишь 23% группы, а выше 40 тыс. – только 4%. Для иностранного языка этот разрыв был еще больше.

Поскольку концентрация рабочих мест, на которых эти навыки востребованы, в ядре СК существенно выше, чем в какой-либо другой профессиональной группе, то, с одной стороны, это формирует определенные поведенческие паттерны у его представителей, определяемые характерным для его наиболее продвинутой части набором знаний и навыков «из будущей жизни», т. е. постиндустриальной эпохи экономического развития. С другой же стороны, повышенная отдача на рабочих местах, предполагающих не только высшее образование, но и владение рядом навыков, стимулирует представителей ядра СК к их освоению.

Поэтому не удивительно, что доля людей, которые тратят свой досуг на дополнительное образование и повышение квалификации, в ядре СК в 2,5 раза выше (15%), чем в целом по стране (6% – см. рис. 3.2). При этом среди профессионалов и руководителей из ядра СК, занятых в четвертичном секторе экономики, их доля выше средней по стране в 3,5 раза (21%) – и это 80% всех россиян, которые вообще инвестируют свободное время в свой человеческий капитал.

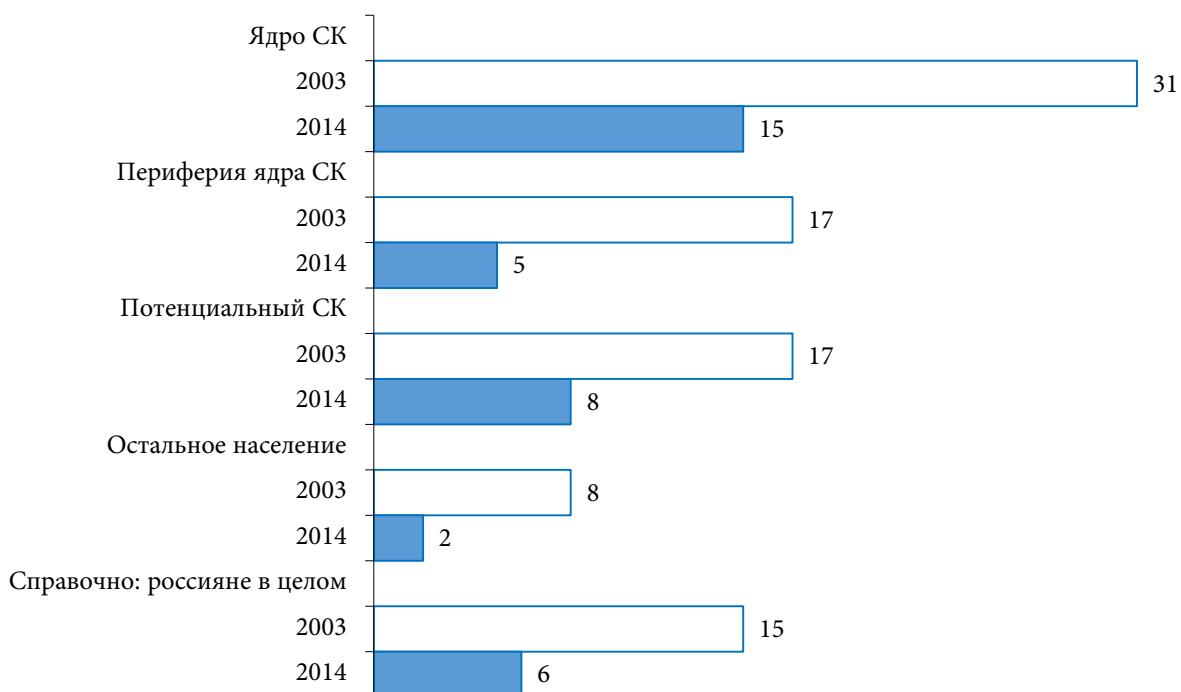

Рис. 3.2. Динамика использования свободного времени в целях получения дополнительного образования и повышения квалификации в различных группах населения, 2003 / 2014 гг., % от работающих

Итак, представители ядра СК сейчас резко выделяются на фоне всех остальных групп населения большей распространенностью использования своего свободного времени для самостоятельного дополнительного образования и повышения квалификации. Однако не может не тревожить тот факт, что даже в ядре СК доля инвестирующих свое свободное время в повышение квалификации за 10 лет сократилась вдвое. Сворачивание инвестиций в дополнительное образование и квалификацию в СК является отражением общероссийской тенденции сокращения инвестиций населения в свой человеческий капитал – с 15% в 2003 году до 6% в 2014 году.

Как видно из рис. 3.3, эти тенденции затронули главным образом четыре профессиональные группы работников: 1) руководителей, предпринимателей и самозанятых (сокращение в 2,5 раза), 2) рядовых работников сферы торговли и услуг (сокращение в 12 раз) и 3) рабочих (сокращение в 7 раз). При этом, как показывают данные наших прошлых исследований, если первая группа раньше повышала квалификацию ради улучшения карьерных перспектив по своей основной специальности, то представители второй и третьей групп делали это ради смены сферы деятельности и перехода в состав «белых воротничков». Эти мотивации, как видим, уже не стимулируют их повышать свою квалификацию в нынешних условиях столь же массово, как это было в период незавершившейся структурной перестройки экономики.

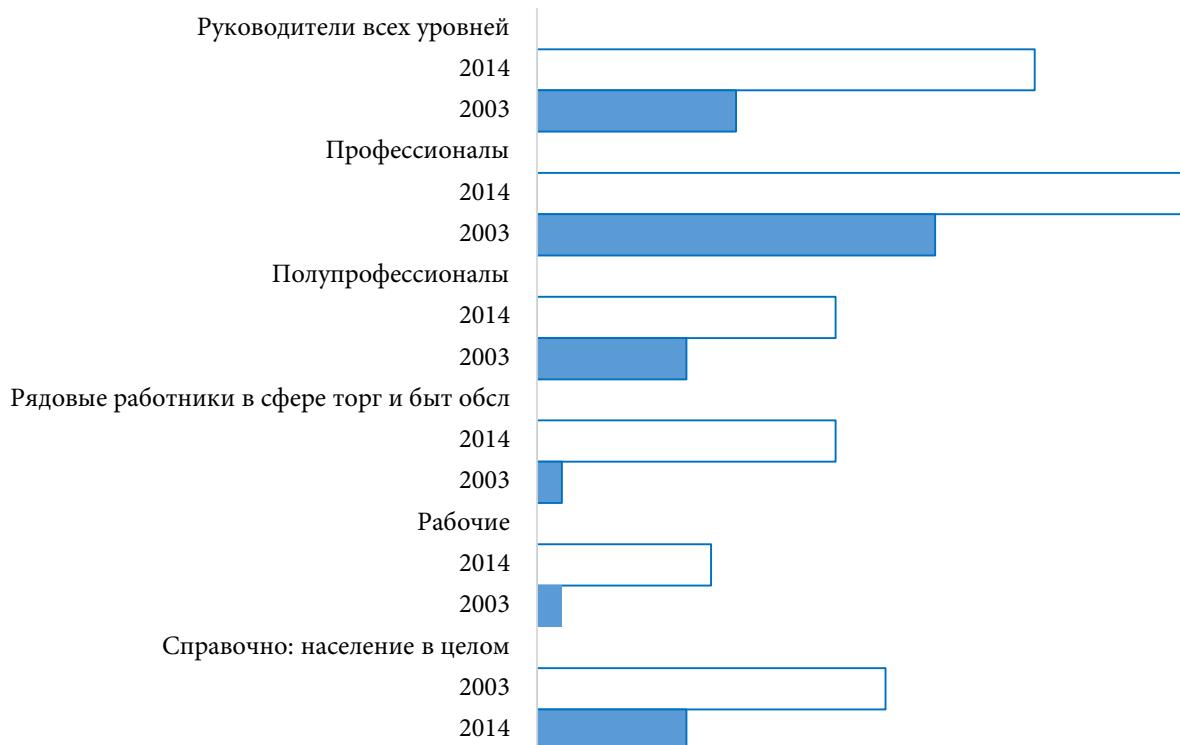

Рис. 3.3. Динамика использования свободного времени для получения дополнительного образования и повышения квалификации в различных профессиональных группах, 2003/2014 гг., % от работающих

В то же время, сокращение уровня инвестиций свободного времени в свой человеческий капитал, хотя и отразилось на снижении уровня этих инвестиций среди профессионалов, но произошло в меньшем масштабе (в 1,6 раза, по населению в целом это падение было в 2,2 раза). Это связано со спецификой трудовых мотиваций, в том числе – в отношении к повышению своей квалификации в группе профессионалов. Фактически профессионалы остаются сегодня в России наиболее внутренне мотивированной на постоянное поддержание и наращивание своего человеческого капитала группой. Однако, как видно на рис. 3.3, и в ней процент «энтузиастов» невысок и быстро сокращается. Кроме того, не все профессионалы продолжают повышать свою квалификацию в равной степени – это делают, прежде всего, те из них, кто занят в четвертичном секторе экономики.

Видимо, относительным падением заинтересованности в повышении своей квалификации объясняется и рост позитивных оценок доступности необходимых знаний (см. рис. 3.4). На сегодняшний день в ядре СК практически нет людей, которые бы оценивали эти возможности как неудовлетворительные, а в его периферии этой точки зрения придерживается лишь каждый десятый. Это является отражением общероссийской тенденции, затронувшей все слои населения. Так, масштаб пессимистичных оценок работающими россиянами своих возможностей получения необходимого образования и навыков снизился за период с 2003 по 2014 г. в 2,7 раза (с 35 до 13%).

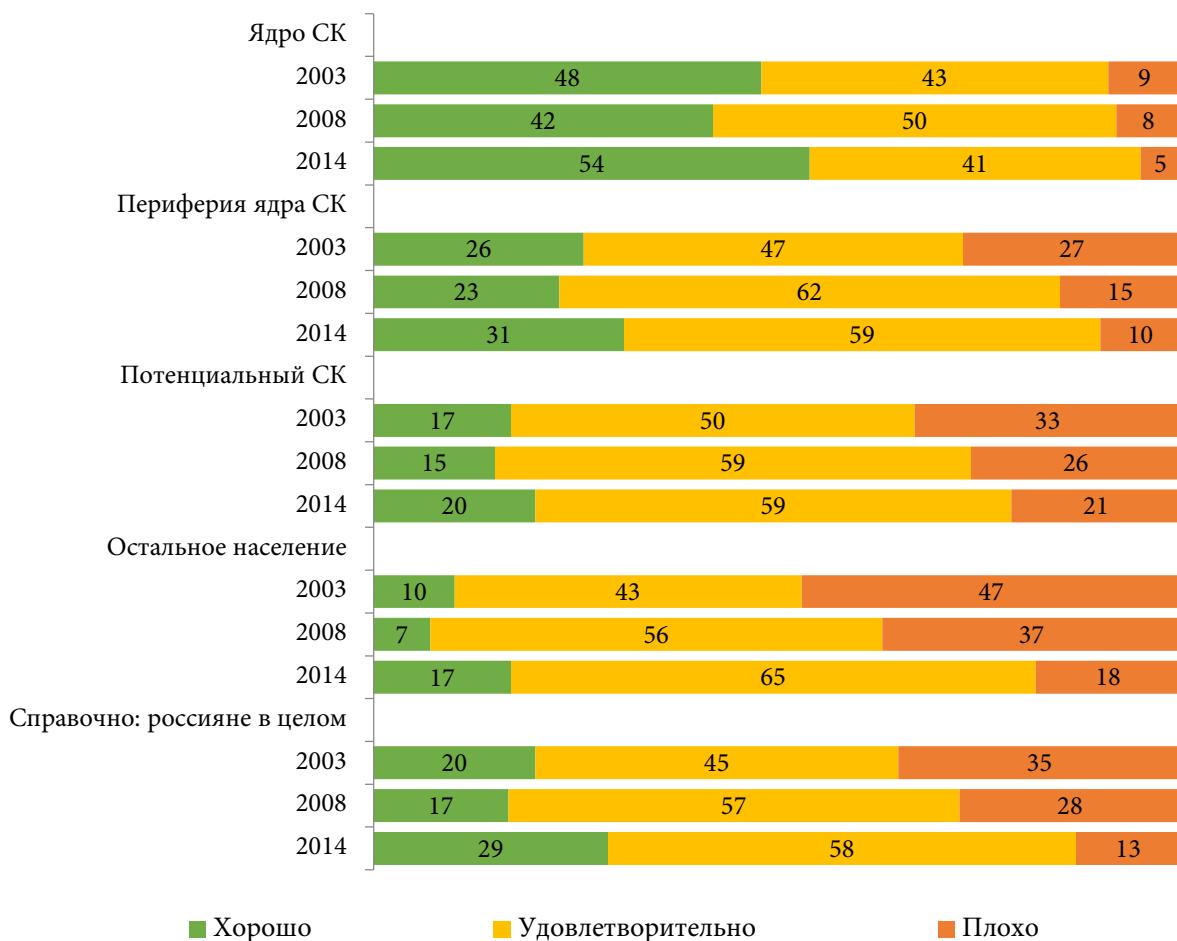

Рис. 3.4. Динамика оценок своих возможностей получения необходимого образования и знаний в различных группах населения, 2003/2014 гг., % от работающих

Таким образом, россияне вообще и представители СК в частности гораздо реже стали прикладывать усилия для наращивания и даже поддержания своего человеческого капитала, само это наращивание стало в гораздо меньшей степени предопределять их карьерные перспективы, и в этих условиях их озабоченность возможностью новых знаний заметно снизилась.

Причина всех этих негативных тенденций в области человеческого капитала СК – завершение структурной перестройки экономики, прекращение создания в массовом масштабе новых рабочих мест, требующих высококвалифицированного труда, и вытекающее из этого для работников сокращение возможности использовать дополнительные знания для карьерной мобильности. Людей с высшим образованием, имеющих навыки использования информационных технологий и хотя бы в какой-то степени знающих иностранные языки, в России сейчас больше, чем рабочих мест, где требуются эти характеристики человеческого капитала. В итоге они уже не гарантируют карьерного роста, выступая дополнительными бонусами скорее для работодателей, чем для работников.

В то же время в 2003 г. накапливание новых знаний и навыков очень четко коррелировало с положительными изменениями в сфере карьерных перспектив и работы в целом. Так, 32% из тех, кто в 2003 г. тратил свое свободное время на дополнительное образование и повышение квалификации, удалось в тот период получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу. В 2014 г. этот показатель сократился в 2,5 раза – до 13%. Таким образом, падение

интереса к наращиванию своего человеческого капитала связано не столько с процессами, обусловленными спецификой внутренней эволюции самого среднего класса, в частности его расширения, сколько с общими тенденциями в экономике страны, затрагивающими перспективы мобильности людей. При этом в наибольшей степени от закрытия «социальных лифтов» пострадал именно СК – так, за последние 10 лет относительная доля тех россиян, кто получил повышение на работе или которым удалось найти новую, более подходящую работу, сократилась почти втрое (с 17 до 6%). В то же время в СК динамика изменений как в карьере, так и в профессии гораздо более удручающая – число добившихся в этих областях положительных сдвигов за последние три года уменьшилось с 2003 по 2014 год с 40 до 14% в ядре среднего класса, и с 25 до 5% в его периферии. Таким образом, негативные макроэкономические тенденции немало способствовали качественным метаморфозам среднего класса.

Рассмотрим теперь **характеристики деятельности российского СК на его рабочих местах**, прямо влияющие на его отношение к своей работе и отношение к своему человеческому капиталу. В их числе, прежде всего, **властный ресурс** (в том числе существующий в форме ресурса влияния) у себя на работе.

Таблица 3.8

Динамика ресурса влияния на принятие решений у разных профессиональных групп, 2003/2014 гг., %

Ресурс влияния	Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые		Профessionалы		Прочие работники нефизического труда		Рабочие	
	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014
В рамках всего предприятия	44	33	8	5	4	3	1	3
В рамках своего подразделения	42	50	46	45	25	22	16	16
От него на работе вообще ничего не зависит	14	17	46	50	71	77	83	81

Как видно из данных таблицы 3.8, помимо отмеченных выше тенденций снижения шансов на улучшения в карьере и сокращение инвестиций в наращивание своего человеческого капитала, в последние годы в среднем классе наблюдается существенное снижение объема влияния на рабочем месте, причем как в рамках предприятия в целом, так и рамках своего подразделения, и, как следствие, имеет место значительное увеличение доли россиян, от решений которых, по их собственному мнению, ничего не зависит. А ведь ресурс влияния – одна из ключевых характеристик любой производственной деятельности, заметно влияющая на самоощущение человека на работе и его трудовые мотивации. Особенно значимо это для деятельности СК. В то же время из рис. 3.5 можно видеть, что распространенность наличия властного ресурса (точнее такой его формы, как ресурс влияния на принятие решений), сократившись во всех группах населения, особенно сильно сократилась именно в СК и, прежде всего, в его ядре (при этом ресурс влияния в рамках всего предприятия снизился в ядре СК даже в 2,6 раза).

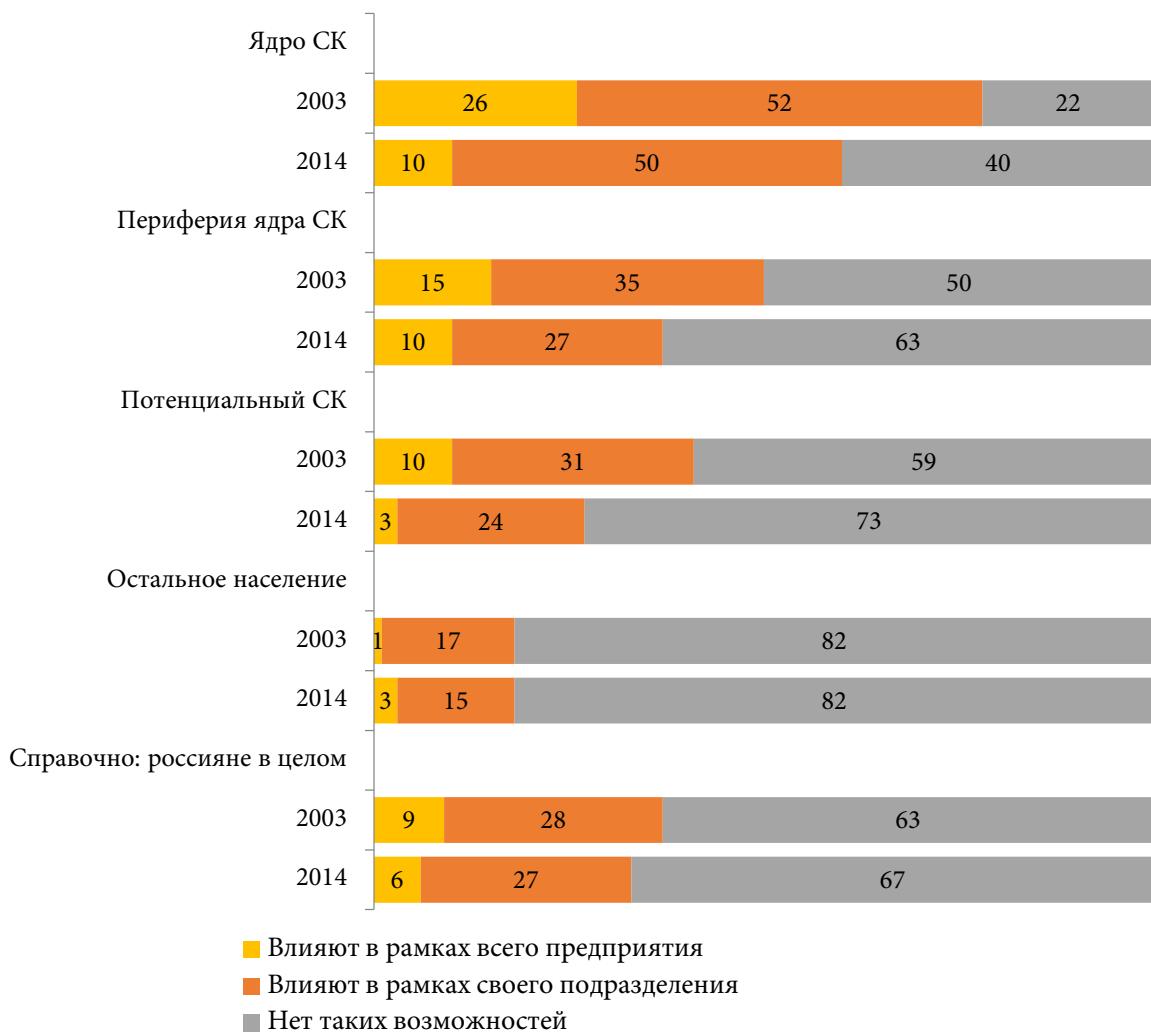

Рис. 3.5. Динамика возможности влиять на принятие решений у себя на работе у представителей различных групп населения, 2003/2014 гг., % от работающих

Темпы сжатия ресурса влияния на рабочем месте в ядре СК опережают аналогичные процессы среди занятого населения страны в целом почти в 2 раза. Так, в 2003 г. в ядре среднего класса было всего 22% работающих россиян, признавшихся, что от них на занимаемых ими должностях ничего не зависит, в 2014 же году их доля достигла уже 40%, хотя среди работающих россиян за то же время доля тех, у кого полностью отсутствовал ресурс влияния на рабочем месте, увеличилась всего на 4% – с 63 до 67%. При этом среди профессионалов ощущение, что они у себя на работе являются просто «винтиками», «пешками», которые никак не могут повлиять на принятие решений в своих коллективах, характеризует ровно половину. Даже среди руководителей это ощущение испытывает сейчас каждый седьмой.

Напомним в связи с этим: представители ядра среднего класса – это группа, характеризующаяся не просто высоким уровнем квалификации, но и особыми трудовыми мотивациями. Их труд особенно сложно контролировать, тем более, с точки зрения его качества. Поэтому в менеджменте развитых стран принято создавать у них заинтересованность в работе не только, а подчас даже не столько материальными стимулами, сколько чувством сопричастности и ощущения своей «миссии». В России же события развиваются в прямо противоположном направлении, и именно в этой группе отчуждение (а ощущение невозможности влиять на происходящее, восприятие себя как «винтика» свидетельствует именно об отчуждении

(в труде) нарастает опережающими темпами. Следствием этого отчуждения неизбежно является и рост значимости материальных мотиваций (главное – высокая зарплата) в ущерб содержательным мотивациям труда среди представителей СК, о котором говорилось в предыдущем разделе. Эти изменения опасны по своим социально-экономическим последствиям, поскольку качество работы руководителей и профессионалов, основная часть которых входит в ядро СК, особенно сильно влияет на конкурентоспособность страны и жизнь в ней каждого человека. Именно они работают в органах управления страны, учат и лечат россиян, создают то информационное поле, в котором они живут, определяют успешность развития промышленности и финансовой сферы России и т. д.

С чем же может быть связано столь быстрое нарастание отчуждения в труде у российского СК? В качестве гипотезы можно было бы предположить, что идет обострение внутрифирменных конфликтов и усиливаются противоречия между собственниками и работниками. Однако ни ядро СК, ни даже его периферия не отличаются обостренным чувством наличия конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками. Напротив, за последние 10 лет среди работающих россиян, формирующих ядро СК, существенно снизилась распространенность ощущения конфликта между собственниками и наемными работниками (с 16 до 9%), что является частичным отражением общероссийской тенденции снижения значимости этого типа конфликтов (см. рис. 3.6) на фоне роста значимости для россиян противоречий между богатыми и бедными, властью и народом, чиновниками и гражданами и т. д. Таким образом, дело тут не в этом, и проблема причин нарастания отчуждения в СК и утраты им ресурса влияния у себя на работе требует отдельных исследований.

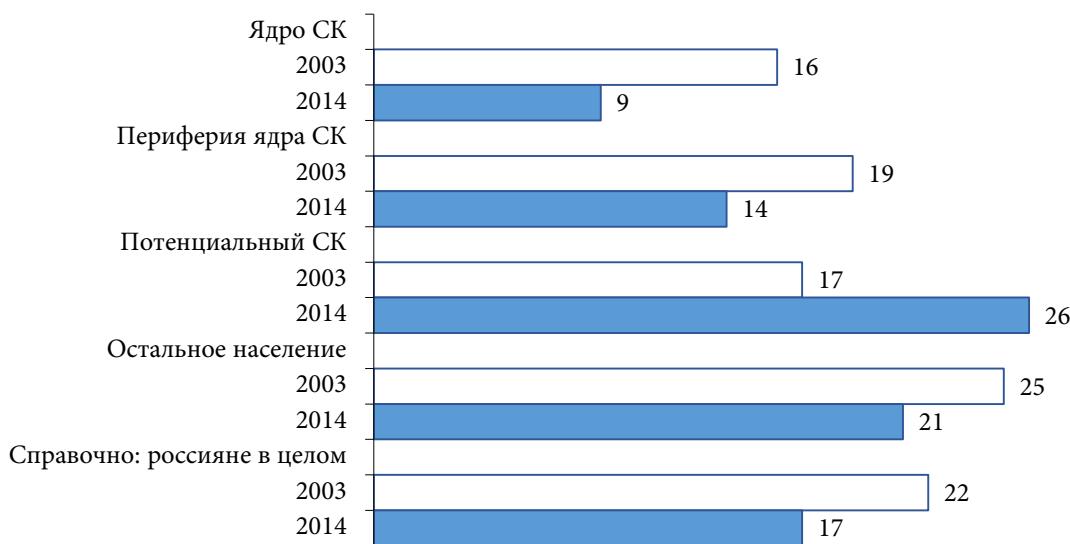

Рис. 3.6. Динамика ощущения наличия противоречий между собственниками предприятий и наемными работниками в различных группах населения, 2003/2014 гг., % от работающих

Данные исследования позволили зафиксировать и еще один очень важный факт – ощущение остроты конфликта между собственниками предприятий и его работниками характерно в наибольшей степени для рабочих (21%), а также работников предприятий, находящихся в негосударственной собственности (20%). При этом чаще всего ощущают это противоречие представители традиционного рабочего класса (высоко- и среднеквалифицированные рабочие – в 21% случаев), а также рядовые работники торговли и сферы обслуживания, о близости положе-

ния которых к положению традиционного рабочего класса по многим параметрам уже говорилось выше. Это новая тенденция – еще несколько лет назад ощущение данного конфликта как значимого¹ характеризовало в первую очередь пожилых респондентов, работающих на предприятиях государственной формы собственности, а также пенсионеров, и было скорее идеологической нормой, чем результатом реального конфликта интересов. Сейчас же ситуация начала быстро меняться, что также свидетельствует об изменениях, идущих в сфере производственных отношений и производственной культуры в России.

Еще одна, наряду с ресурсом влияния, важная характеристика производственной деятельности и в целом рабочих мест представителей СК – это **вписанность ее в «правовое поле» и вытекающая из этого степень социальной защищенности**. Как свидетельствуют данные исследования (см. таблицу 3.9), позиции ядра СК, хотя и кажутся достаточно благополучными на фоне других слоев населения, все же не слишком хороши. Отнюдь не все представители даже ядра СК официально оформлены на работу, 16% ядра СК и 32% его периферии получают зарплату или часть ее «в конвертах», столько же не имеют гарантированной законом оплаты отпуска и больничных листов. Таким образом, значительная часть представителей СК находится сейчас вне правового поля российского трудового, пенсионного и социального законодательства, и находятся в этой ситуации они отнюдь не в результате собственного желания.

Таблица 3.9

**Степень социально-экономической защищенности на рабочем месте
у различных групп населения, 2014 г., % от работающих**

Показатели	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население	Справочно: население в целом
	Ядро СК	Периферия ядра СК			
Своевременная выплата з/п	97	93	93	88	92
Официально оформлены на работу	87	77	73	71	76
«Белая» зарплата	84	68	60	57	66
Оплата отпуска и больничного листа	84	69	60	60	68
Дополнительные социальные блага	25	17	14	10	15

В целом, судя по данным исследования, в той или иной степени *вне правового поля и предусмотренных российским законодательством социальных гарантий находятся 44% работающих россиян* – в их числе почти третья (16% всех работающих россиян) не имеют и официального оформления на работу, и, соответственно, «белой» зарплаты, и оплаты предусмотренных законодательством отпуска и больничного листа. У остальных 28% не реализуется как минимум одно из этих прав. В наиболее благополучном положении при этом находятся профессионалы – лишь четверть их находится полностью вне правового поля, а в наихудшем положении – рабочие (53% которых не имеют официального оформления на работу, и, соответственно, «белой» зарплаты и оплаты предусмотренных законодательством отпуска и больничного листа) и, особенно, рядовые работники торговли и сферы бытового обслуживания, где этот показатель доходит

¹ Респонденты должны были выбрать три наиболее острых для сегодняшней России типа конфликтов из 15 позиций.

даже до 70%. При этом, что особенно удивительно, и на государственных предприятиях полностью в законодательном поле находятся лишь 74% работников. Менее удивительно, но также весьма тревожно, что на приватизированных предприятиях этот показатель снижается до 57%. И совсем драматична и требует немедленного вмешательства государства ситуация, когда на других предприятиях частного сектора в зоне действия трудового, пенсионного и социального законодательства России оказываются лишь около 30% работающих граждан.

Что же касается дополнительных социальных благ (оплаты добровольного медицинского страхования или наличия ведомственной поликлиники, оплаты транспорта, связи, жилья и т. д.), то их наличие обуславливается сегодня в России обычно владением навыками, составляющими базу квалификационных требований при постиндустриальной модели развития. Они распространены в большей степени среди ядра СК (25% по сравнению с 15% в среднем по работающим) и профессионалов (также 25%) и предоставляются с большей вероятностью за работу, связанную с ежедневным использованием Интернета (22%) и иностранного языка (31%).

Тот факт, что ядро СК включает наиболее квалифицированную часть российских работников, человеческий капитал которых обеспечивает им более сильные переговорные позиции с работодателями независимо от того, кто выступает этим работодателем – государство или частный предприниматель, отражается не только в большей степени правовой защищенности СК, но и в большей **устойчивости занятости** его представителей (см. таблицу 3.10).

Таблица 3.10

**Вероятность увольнения у различных групп населения, самооценки,
2014 г., % от работающих**

Вероятность увольнения	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население	Справочно: население в целом
	Ядро СК	Периферия ядра СК			
Это исключено	20	12	7	7	11
Это маловероятно	58	51	39	43	49
Это вполне возможно	20	32	46	44	35
Такая вероятность очень велика	2	5	8	6	5
Справочно: Оказывались за последние 5 лет в ситуации, когда нигде не работали и не учились более трех месяцев подряд	9	21	34	27	22

Вероятность сохранения своего рабочего места повышается, если труд работника предполагает хотя бы эпизодическое использование компьютера в работе, и достаточно интенсивное использование в ней Интернета и иностранного языка (25% их считают свое увольнение невозможным – при 11% среди работающих россиян в целом). Видимо, необходимый для успешного выполнения соответствующих таким рабочим местам обязанностей специфический капитал приобрести сложнее, чем общий человеческий капитал, что дает этой части представителей СК относительно большую уверенность в устойчивости своей занятости. Во всяком случае, как видно из данных таблицы 3.10, большинство из ядра СК, и его периферии считают свое увольнение маловероятным, и еще 20%

в ядре СК и 12% в его периферии считают, что это абсолютно исключено. При этом среди остальных работающих россиян наиболее массовой является точка зрения, что это вполне возможно. Их реальный опыт безработицы в последние годы подтверждает неслучайность опасений в сфере собственной занятости.

В условиях низкого уровня социально-экономической защищенности неудивительно, что значительная часть населения (24% всех работающих – см. таблицу 3.11 хотела бы перейти на работу в органы государственной власти, где права работников соблюдаются более последовательно.

Таблица 3.11

**Желание различных групп населения работать в органах государственной власти,
2014 г., % от работающих**

Желание работать в органах государственной власти	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население	Справочно: население в целом
	Ядро СК	Периферия СК			
Хотелось бы	28	26	37	19	24
Не хотелось бы	65	71	59	80	72
Уже работают	7	4	4	2	4

Для ядра СК это стремление характерно в относительно большей степени, чем для населения в целом. При этом в той части ядра СК, которая находится вне правового поля и социальных гарантит, эта доля резко возрастает и составляет 36% всей группы.

4. Структура, возможности и модели потребления среднего класса

Одним из животрепещущих вопросов, интересующих не только исследователей, но и любого обывателя – как живут представители среднего класса России, в чем заключаются особенности их имущественного положения и потребительского поведения. Сразу отметим в связи с этим – в отличие от потенциального СК и остальных россиян, *средний класс (и особенно ядро этого класса) характеризуется возможностями что-то изменить к лучшему в своей жизни* (см. рис. 4.1).

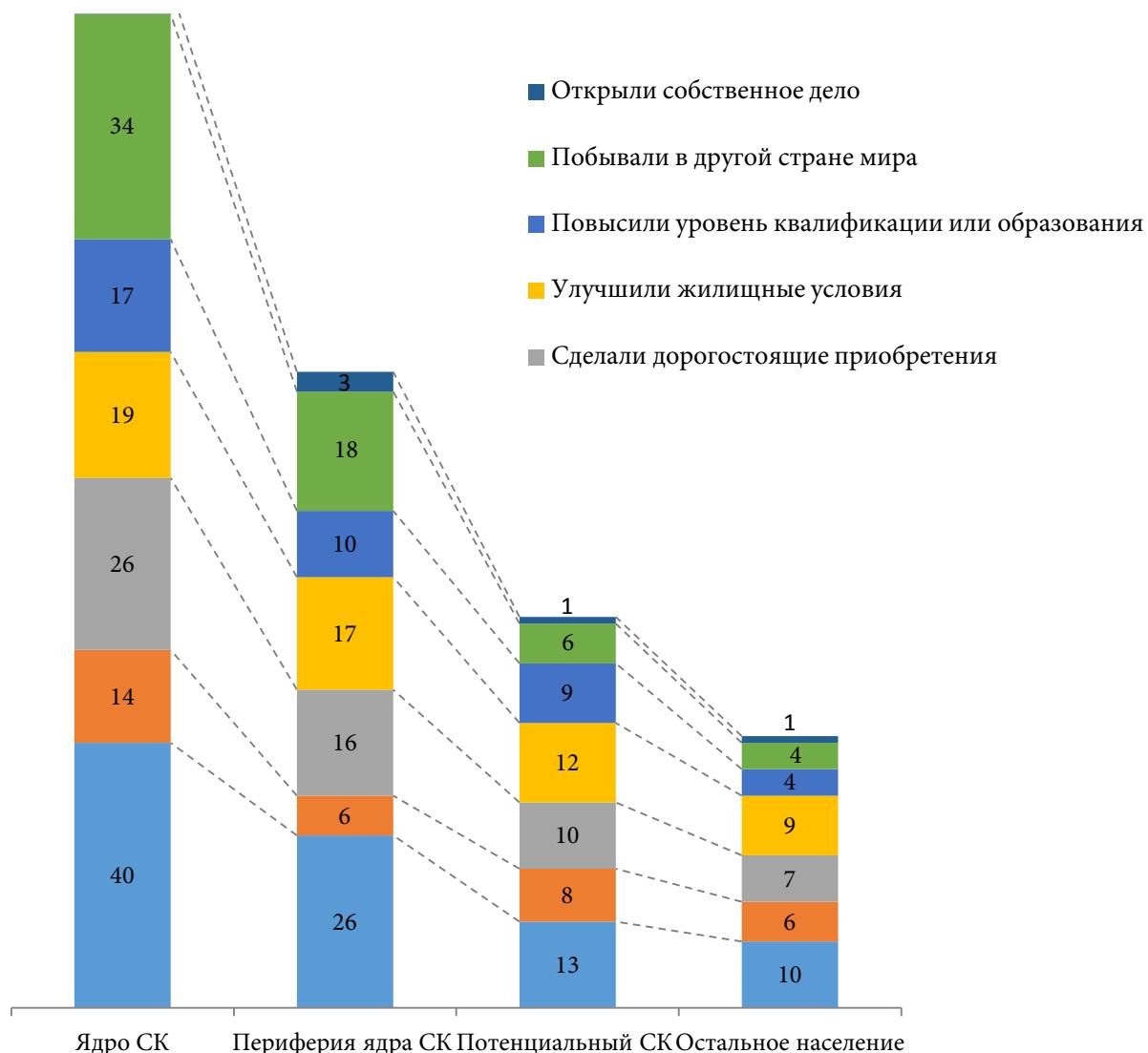

Рис. 4.1. Доля сумевших достичь в течение 3-х лет перед опросом тех или иных значимых улучшений своей жизни в различных группах населения, 2014 г., %¹

¹ Данные по улучшившим свою производственную ситуацию и повысившим квалификацию приводятся в процентах от работающих представителей соответствующих групп.

Примечательно, что среди имевших значимые улучшения в жизни, связанные с социумом, а не личной сферой (свадьба, рождение ребенка и т. д.), каждое из них в отдельности встречалось в среднем классе, и особенно в его ядре, гораздо чаще, чем в других группах. В итоге среднее число такого рода сдвигов у имевших соответствующие улучшения в СК было хотя само по себе и не велико, но все же примерно втрое больше, чем у не входящих в его состав россиян (1,26 против 0,45). Таким образом, *различия здесь качественные – представители среднего класса характеризуются положительными сдвигами в их жизни, имеющими конкретные и осязаемые проявления, в то время как в жизни большинства остальных россиян эти улучшения отсутствуют.* И даже если россияне, не входящие в СК, фиксируют у себя рост текущих доходов, это не ведет у них к каким-то существенным сдвигам в их жизни в целом.

Вместе с тем, следует отметить, что, хотя СК выглядит сегодня гораздо более успешным по сравнению с другими группами населения, однако динамика его достижений выглядит неутешительно. Так, если сравнить нынешнюю ситуацию СК с ситуацией десятилетней давности, то в 2003 г. говорил о том, что ему ничего не удалось добиться из перечисленного на рис. 4.1, каждый пятый (21%) представитель СК при 29% в 2014 г. В потенциальном СК этот показатель составил в 2014 г. 64% при том, что одиннадцатью годами ранее он составлял лишь 52%. Аналогична и картина по остальному населению страны, хотя различия здесь меньше, – не удалось добиться ничего существенного за три года перед опросом 73% в 2014 г. и 66% в 2003 г. Как видим, несмотря на то, что отрыв СК в сфере доступных для него достижений от остальных россиян огромен, но относительное ухудшение положения в этой области (которое прослеживается по всем группам населения), в наибольшей степени характеризует именно СК – в нем число тех, кто не смог добиться никаких значимых изменений в жизни выросло в 1,38 раза, в то время как в потенциальном СК и остальном населении – в 1,23 и 1,11 раз соответственно.

Кроме того, выявляется, что в СК заметно сократилась доля тех, кто смог повысить уровень своего образования или квалификации, а также улучшить ситуацию у себя на работе (см. таблицу 4.1). Подобная тенденция, о которой уже шла речь в предыдущем разделе, может очень неблагоприятно сказаться как на среднем классе, так и на развитии общества в целом, т. к. не только свидетельствует о закрытии «социальных лифтов» с соответствующим ростом уровня напряженности в обществе, но и отражает падение качества человеческого потенциала.

Таблица 4.1
Динамика достижений среднего класса за три года перед опросом, 2003 / 2014 гг., %¹

Чего удалось добиться	2003	2014
Повысить уровень своего материального положения	42	33
Сделать дорогостоящие приобретения	28	21
Повысить уровень образования, квалификации	36	15
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу	31	10
Улучшить жилищные условия	23	18
Побывать в другой стране мира	10	26
Открыть собственное дело	9	3
<i>Ничего из вышеперечисленного добиться не удалось</i>	21	29

¹ В таблице выделены показатели отдельных достижений, которые за прошедшие 10 лет сократились в 2 и более раз, а курсивом – показатель с положительной динамикой.

Как видно из данных таблицы 4.1, все показатели, связанные с социальной мобильностью и «социальными лифтами», сократились за последние 10 лет в СК более чем в 2 раза. Втрое сократилось число тех, кто смог открыть собственное дело, получить повышение на работе или найти более подходящую работу, в 2,4 раза – число тех, кто повысил качество своего человеческого капитала. Даже показатели, связанные со сферой потребления, и те сократились (за единственным исключением – представители СК стали гораздо активнее ездить за рубеж). При этом ядро СК *снизило свои достижительные показатели даже сильнее, чем остальные представители СК* – число тех, кому не удалось реализовать ничего из рассматриваемого списка достижений, увеличилось в нем за этот период более чем втрое (с 7 до 22% при 30 и 37% соответственно в периферии этого ядра). При этом *сильнее всего и ядро СК, и его периферия пострадали именно от закрытия «социальных лифтов»* – доля тех, кому удалось получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу сократилась в них с 40 до 14% в ядре СК и с 25 до 5% в периферии этого ядра. Если же говорить о возможностях открытия «своего дела», то она в больше степени коснулась ядра СК – в нем соответствующий показатель сократился более чем втрое (см. таблицу 4.2).

Таблица 4.2

Динамика достижений ядра СК и периферии этого ядра за три года перед опросом, 2003/2014 гг., %¹

Чего удалось добиться	Ядро СК		Периферия ядра СК	
	2003	2014	2003	2014
Повысить уровень своего материального положения	58	40	33	26
Сделать дорогостоящие приобретения	37	26	9	16
Повысить уровень образования, квалификации	50	17	28	13
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу	40	14	25	5
Улучшить жилищные условия	23	18	23	17
Побывать в другой стране мира	15	34	8	18
Открыть собственное дело	13	4	4	3
<i>Ничего из вышеперечисленного добиться не удалось</i>	7	22	30	37

Не останавливаясь более подробно на проблеме жизненных шансов представителей СК и других социальных групп в современной России, отметим, что специфика их проявляется практически по всем вопросам. Причем это *именно специфика классовых позиций, а не только различий в уровне текущего материального благосостояния*. Так, например, лишь 33% представителей среднего класса с доходом от 1 до 1,5 медиан в их типах поселений, не добились ничего из рассматриваемого списка достижений. В то же время, по потенциальному СК этот показатель составил в группе с таким же уровнем дохода 58%, а по остальному населению – 69%. Это один из весомых доводов в пользу того, что *применительно к условиям России можно говорить о среднем классе и средних слоях как двух разных группах – средний класс, конечно, входит в средние слои, но последние к нему не сводятся*. К обоснованию данного вывода мы будем еще не раз возвращаться в ходе анализа социологических данных.

¹ В таблице выделены показатели отдельных достижений, которые за прошедшие 10 лет сократились в 2 и более раз, а курсивом – показатель с положительной динамикой.

Столь же заметно различаются у представителей среднего класса и других социальных групп показатели по другим краеугольным вопросам, связанным как с текущим потреблением, так и возможностями расширения своих жизненных шансов на будущее (см. таблицу 4.3).

Таблица 4.3
Некоторые особенности жизненных шансов у различных групп населения, 2014 г., %¹

Жизненные шансы и специфика потребления	Средний класс	Потенциальный СК	Остальное население
Хорошее материальное положение (самооценка)	41	13	12
Хорошее питание (самооценка)	66	33	31
Хорошая ситуация с одеждой (самооценка)	55	24	20
Хорошие жилищные условия (самооценка)	53	32	26
Наличие недвижимости (земли, гаража, второго жилья, дачи, садового участка с домом или без), в т. ч. - 2 и более из этих объектов недвижимости	59 22	45 11	45 9
Наличие автомобиля, в т. ч. - иномарки	74 54	42 20	43 17
Наличие сбережений, в т.ч - позволяющих прожить на них не менее года	46 19	30 8	20 3
Самооценка своего положения, статуса в обществе как хорошего	51	29	20

Как видно из данных таблицы 4.3, *средний класс качественно отличается от остальных россиян почти по всем важнейшим сторонам своей жизни*. Хотя если вести речь о его материальном положении как хорошем и наличии у него сбережений, то о них в среднем классе заявляет меньшинство, хотя и намного большее, чем среди остальных россиян. Впрочем, если говорить не о всем среднем классе, а только о его ядре, то картина существенно изменится – в этом случае хорошим свое материальное положение считает уже ровно половина, а говорить о наличии сбережений можно даже применительно к большинству группы (54%), причем каждый четвертый в ядре СК имеет крупные сбережения, позволяющие прожить на них не менее года. Периферия ядра СК отличается в этих вопросах достаточно существенно – считает свое материальное положение хорошим в данной группе лишь каждый третий, а сбережения имеют лишь 38%, причем о наличии крупных сбережений говорит вообще лишь каждый седьмой.

В отношении всех остальных позиций, характеризующих уровень их благосостояния, различия двух подгрупп среднего класса также довольно значительны, хотя *почти всегда периферия ядра СК все же ближе к этому ядру, чем к остальным россиянам*. Так, оценивают как хорошее свое питание три четверти ядра СК и 58% его периферии, жилищные условия – 56 и 50% соответственно, автомобиль имеют 78 и 70% соответственно (хотя качество имеющихся в этих двух группах автомобилей различно – в ядре СК автомобиль-иномарку имеет две трети (64%) группы, а в периферии этого ядра – лишь 44%).

Если говорить о динамике положения различных групп населения сравнительно с 2003 г., то обращает на себя внимание, что некоторые показатели, например наличие недвижимости помимо занимаемого респондентами жилья, очень близки между собой, в то время как другие изменились за последние 10 лет довольно сильно. Так, например,

¹ В таблице выделены показатели, характеризующие более половины соответствующей группы.

заметно выросло (примерно в 2,5 раза по отношению к 2003 г., когда этот показатель составлял лишь 17%) в СК число считающих свое материальное положение хорошим. Возросли, хотя и в разной степени, и другие показатели. У остальных россиян в относительном выражении этот рост был еще значительнее – по отношению к 2003 г. число считающих свое материальное положение хорошим выросло втрое (с 4 до 13%). При этом картина по разным показателям среди не входящих в СК россиян довольно пестрая, а наиболее ощутимо выросла распространенность наличия в их домохозяйствах автомобилей.

Все это позволяет утверждать – *российский средний класс характеризуется существенно лучшими жизненными шансами, чем остальные россияне. Более того – несмотря на общий по населению рост уровня жизни в последнее десятилетие, выявляемая данность имеет тенденцию к углублению*. Однако позитивные изменения в жизнедеятельности СК сосредоточены в основном в сфере потребления. Что же касается достижений в профессиональной деятельности или наращивании СК своего человеческого капитала, то можно говорить об ухудшении ситуации в данных областях, и в этом отношении положение СК характеризуется теми же тенденциями, что и жизненная ситуация остальных россиян.

При этом различия между двумя группами, составляющими российский средний класс, хотя и просматриваются, но все же в меньшей степени, чем разница между периферией ядра СК и остальными россиянами. В этом плане можно говорить скорее о сходстве внутренних структур СК, чем о разнице между ними. И это один из доводов в пользу того, что в настоящий период в России это все-таки единый класс.

Рассмотрим далее основные компоненты материального положения среднего класса и остальных россиян более детально. И первое, к чему стоит в связи с этим обратиться – это **показатель текущего дохода** представителей российского среднего класса (см. таблицу 4.4).

Таблица 4.4

Среднемесячные доходы в расчете на одного члена семьи в различных группах населения, 2014 г., в рублях

Доход	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
Ежемесячный среднедушевой	23 918	16 694	11 660	12 064
Ежемесячный медианный	20 000	15 000	10 000	10 000

Как видно из данных таблицы 4.4 разброс доходов в каждой группе весьма значительный. Так, например, хотя медианный доход в ядре СК составлял 20 000 рублей, максимальный среднедушевой доход, представленный в выборке исследования, достигал в этой группе 150 000 рублей (при этом доходы свыше 50 000 рублей на человека имели 5% группы). В периферии ядра СК при медианном доходе в 15 000 рублей максимальные доходы составляли 120 000 рублей, однако доходы более 50 000 рублей имел лишь 1% группы, а верхние 5% начинались с 30 000 рублей. В потенциальном СК максимальные доходы достигали 50 000 рублей, что было больше медианы в этой группе в 5 раз, но при этом верхние 5% группы имели доходы в интервале от 20 000 до 50 000 рублей. Наконец, остальное население по уровню своих доходов очень напоминало потенциальный СК, и максимальный среднедушевой доход в этой группе также составлял 50 000 рублей, а верхние 5% начинались с 25 000 рублей.

Кроме того, хотя личные доходы представителей различных подгрупп среднего класса на протяжении всего периода наблюдений дифференцировались весьма значительно (так, для среднедушевых ежемесячных доходов коэффициент соотношения доходов ядра СК и его периферии выглядит как 1,4, а для медианных среднедушевых доходов – как 1,3), но остальные россияне отстают в этом отношении достаточно далеко даже от периферии ядра СК, и эти соотношения составляют у периферии ядра СК и остальных россиян 1,4 и 1,5.

Впрочем, даже доходы ядра СК в современном российском обществе очень сильно уступают доходам представителей среднего класса в США и Западной Европе. Однако они не так уж и малы в отечественном контексте – *среднедушевые ежемесячные доходы в российской семье, принадлежавшей к ядру СК, составляли в 2014 г. около 16,5 тыс. долларов США в год на типичное для него домохозяйство из трех человек (без учета паритета покупательной способности, который заметно увеличил бы данные показатели). Для периферии ядра СК эти показатели составляли примерно 11,5 тыс. долларов США без учета ППС.*

Если говорить о динамике в этой области за последние 10 лет, то можно зафиксировать – при том, что в среднем доходы массовых слоев населения страны, судя по данным социологических исследований, выросли с 2003 по 2014 г. в номинальном выражении, т. е. без учета инфляции, в 4,7 раза, в ядре СК среднедушевые доходы выросли в 4,1 раза, а медианные – в 5 раз. В периферии этого ядра номинальный рост доходов составил, соответственно, 4,3 и 5 раз. В потенциальному среднем классе эти показатели достигали 4,6 и 5 раз, а в составе остального населения – 5,3 и 5,6 раз (ср. данные таблиц 4.4 и 4.5).

Таблица 4.5

Среднемесячные доходы в расчете на одного члена семьи в различных группах населения, 2003 г., в рублях

Доход	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
Ежемесячный среднедушевой	5831	3843	2514	2259
Ежемесячный медианный	4000	3000	2000	1800

Таким образом, мы вновь сталкиваемся с парадоксальной картиной. С одной стороны, разрыв между СК и остальными россиянами достаточно велик и в абсолютных цифрах продолжает углубляться. С другой же стороны, если посмотреть на изменение их положения в динамике по отношению к ним самим в прежние годы, то в наименьшей степени выиграл от роста благосостояния россиян в последние годы именно средний класс, и особенно – его ядро.

Для того чтобы понять, как различается жизнь россиян, принадлежащих к различным группам населения, нужно проанализировать, впрочем, не только их текущие доходы, но и различия в их уровне жизни. В связи с этим посмотрим, прежде всего, на то, какова их имущественная обеспеченность. Обратимся сначала к вопросу наличия наиболее дорогостоящих видов имущества, и оценим **жилищную ситуацию** и ее динамику в различных группах населения.

В целом можно сказать, что российский СК не слишком отличается от остальных россиян по характеру занимаемого им жилья, хотя трех- и многокомнатные квартиры встречаются в нем заметно чаще, чем в других группах населения (см. рис. 4.2).

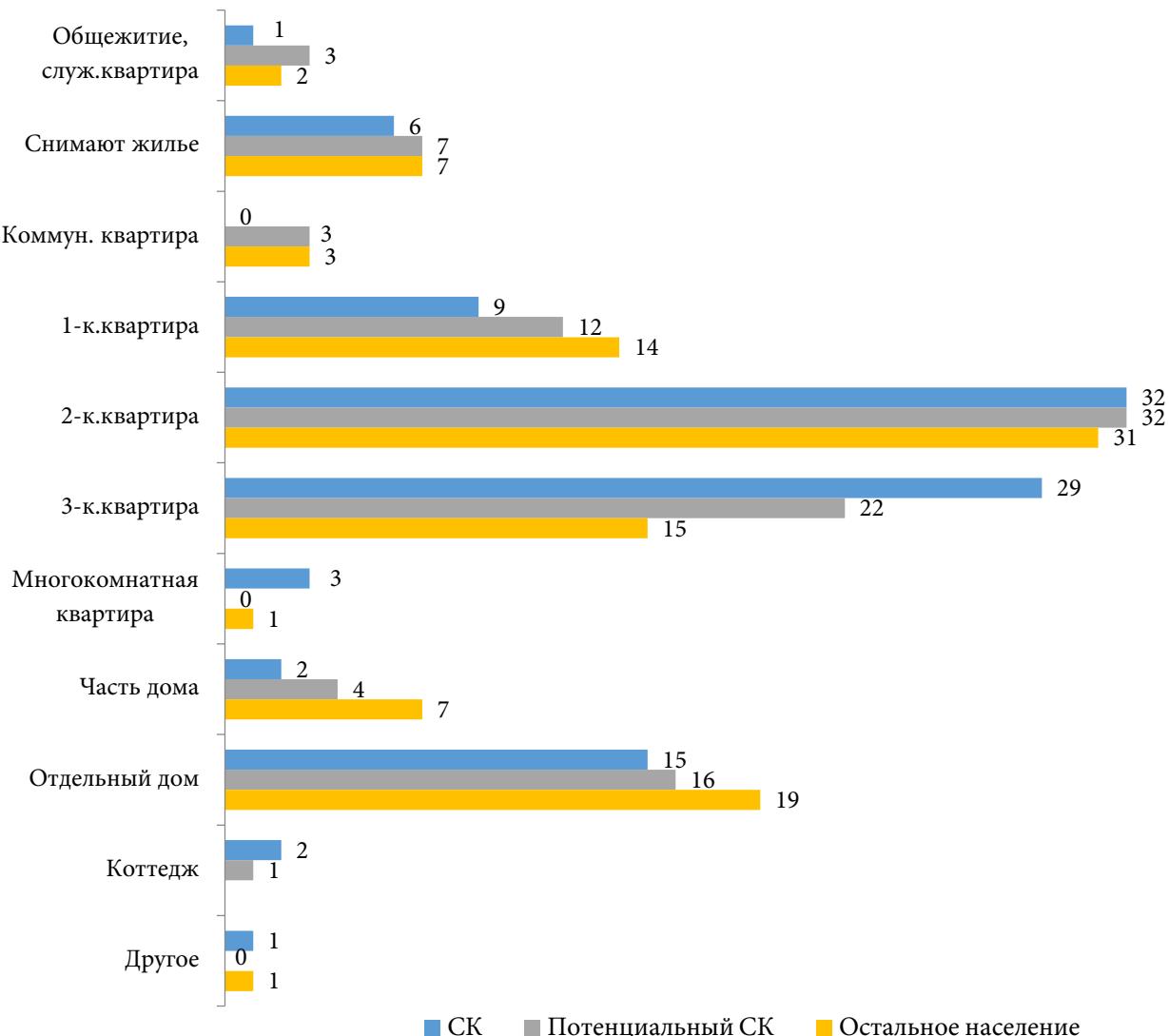

Рис. 4.2. Характер жилья, занимаемого различными группами населения, 2014 г., %

Если же учесть также наличие отдельного жилья и его метраж, то картина отличий жилищных условий СК от остальных россиян станет еще более наглядной. Во-первых, в среднем классе почти вдвое реже, чем среди остальных россиян (11% против 19%), встречаются те, кто не имеет отдельного жилья и вынужден его снимать, проживать в общежитиях, коммунальных квартирах или занимать часть дома. При этом если сравнить две полярные группы (ядро СК и тех, кого мы назвали «остальное население»), то разрыв становится еще больше – 8% против 20%. Наличие отдельного жилья – очень важный показатель, поскольку большинство тех (52%), кто оценивает свои жилищные условия как плохие – это именно люди его не имеющие.

Во-вторых, в СК выше средняя обеспеченность метражом общей площади на человека – 23,8 кв. м в среднем и 20 кв. м по медиане при 21,5 кв. м в среднем и 18 кв. м по медиане среди остальных россиян. Существенно также, что в ядре СК почти 60% имеет обеспеченность метражом в 20 и более кв. м на человека. При этом в его составе гораздо меньше, чем среди остальных россиян, доля имеющих менее 10 кв. м общей площади на человека, что наряду с отсутствием собственного жилья можно рассматривать как важный признак жилищной депривации. Если же рассмотреть обе формы жилищной депривации (отсутствие отдельного жилья и метраж менее 10 кв. м общей площади на человека по месту жительства) в совокупности, то можно зафиксировать – в СК жи-

лишней депривацией характеризуется немногим более десяти процентов, в то время как среди остальных россиян ее можно встретить вдвое чаще. Кроме того, нельзя не учитывать, что жилье СК (отчасти потому, что его представители чаще проживают в городах, а отчасти – в силу их большей способности обеспечить себе благоустроенное жилье) реже не имеет необходимых коммунальных удобств – в 84% случаев у членов СК (при 79% в потенциальном СК и 74% в остальном населении) оно имело централизованное отопление, водоснабжение, канализацию, электричество и т. д. При этом в ядре СК этот показатель доходил до 90%.

Тем не менее, хотя в целом жилищная обеспеченность СК лучше, чем у остальных россиян, все же в ряде случаев она не может считаться удовлетворительной. Не случайно каждый десятый представитель СК называет проблемы с жильем (при 16% по остальным россиянам) в числе трех главных проблем, с которыми его семье или ему лично пришлось столкнуться за последний год. И, видимо, российский средний класс долго еще будет отличаться от своих западных «коллег» гораздо худшими жилищными условиями. Впрочем, это специфика жизни не только жилищной ситуации российского среднего класса, но и населения России в целом – специфика, на которой оказались и последствия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уничтожившей значительную часть жилищного фонда страны, и годы реформ 1990-х годов, характеризовавшиеся почти полной остановкой жилищного строительства.

В этих условиях неудивительно, что именно квартира или дом являются наиболее популярным приоритетом трат представителей среднего класса – 43% представителей СК купили бы себе, в случае если бы у них появилась соответствующая сумма денег, именно жилье.

При этом предпочтения СК в области желаемого жилья достаточно разнообразны. Так, ровно треть среднего класса приобрела бы себе в случае появления у них достаточной для этого суммы денег квартиру, а 12% – отдельный дом, коттедж или таунхаус. При этом если квартиру представители ядра СК и периферии этого ядра готовы были приобретать с равной частотой, то отдельный дом в большей степени стремились приобрести представители ядра среднего класса – среди них соответствующий показатель составлял 13% при 11% в периферии, и большинство желавших приобрести отдельный дом представителей СК проживали отнюдь не в сельской местности.

Еще 3% СК приобрели бы себе при наличии средств недвижимость за границей (причем в ядре СК этот показатель доходил до 5%). Стоит отметить, что вопрос о приоритетах трат носил открытый характер и допускал три ответа. В этой связи интересно, что представители СК не просто сами вспоминали о желательности для них приобретения недвижимости за границей, но (в случае выраженности у них этого желания) более чем в 90% случаев называли именно это желание не только первым, но и единственным. Учитывая, что примерно половина желающих приобрести недвижимость за рубежом относилась к средним с точки зрения уровня их обеспеченности россиянам, т. е. не входила в верхние 5% выборки по уровню своего благосостояния, такие стремления могут отражать осознанные или бессознательные установки на эмиграцию. С другой стороны, для второй, более обеспеченной их половины, это отражало, видимо, тот факт, что все остальное из того, что они хотели бы иметь, у них уже действительно было.

Реальные поведенческие практики российского СК подтверждают демонстрируемые им установки на улучшение своей жилищной ситуации – каждый десятый представитель СК (13% в ядре СК и 7% в его периферии) улучшил за последние 3 года свои жилищные условия именно за счет строительства или покупки жилья. И это при том, что и другими, нерыночными способами именно представители СК улучшали свое жилищное положение относительно чаще – 8% представителей СК (и в этом отношении в «лидерах» оказалась периферия ядра СК с показателем в 10%) сумели это сделать за

последние 3 года. Таким образом, именно СК, даже при его относительном благополучии в этой области, продолжает оставаться основным стратегическим «игроком» на рынке жилой недвижимости, причем как российском, так и зарубежном.

В этой связи любопытно, что уже не только среди элитных и субэлитных слоев российского населения, но и в среднем классе начинает формироваться новый стандарт потребления в этой области – стандарт, предполагающий сочетание городского жилья и пригодного для круглогодичного проживания второго жилья, т. е. «загородный дом + квартира». Стандартный набор «квартира – машина – дача», являвшийся формулой благополучия советского времени, не предполагал наличия второго комфортабельного жилья. Теперь же картина качественно изменилась – каждый десятый представитель ядра СК (и 8% СК в целом) в нашей выборке уже имеет такое жилье (среди остальных россиян – 3%).

При этом основных моделей использования второго жилья две – либо 3-4-комнатная квартира, в которой семья постоянно проживает, и загородный дом, который периодически используется для отдыха, либо загородный дом, в котором семья постоянно проживает (при этом квартирой, как правило, 1-2-х комнатной, в городе пользуются в этом случае лишь по мере необходимости или же в ней постоянно проживает одно из поколений семьи, например, сын-студент¹). Использование зарубежной недвижимости в случае ее появления у представителей СК, также идет пока по этим моделям. Возможно, на распространение их на зарубежную недвижимость влияет то, что городская недвижимость во многих городах России стоит так дорого, что разъехаться, например, с семьями взрослых детей в своем районе обходится дороже, чем приобрести квартиру или дом в какой-нибудь из Балканских стран.

Конечно, распространность в СК второго жилья, возникновение своего рода «одержимости» данным вопросом, проявляющейся и в озабоченности жилищной проблемой, и в активном улучшении своих жилищных условий всеми доступными способами, и в месте ее в приоритетах возможных трат, а также формирование новых моделей использования жилья (включая наличие второго жилья и зарубежной недвижимости) – отнюдь не нормы жизни российского среднего класса, а лишь зарождающиеся в нем тенденции. Однако эти новые тенденции, которых не было в 2003 году, сейчас постепенно набирают силу и уже в ближайшем будущем можно ожидать при благоприятных условиях их дальнейшего развития. И эти тенденции заслуживают, на наш взгляд, значительного внимания в силу их масштабности и вытекающих из них серьезных экономических и социальных последствий.

Немаловажно отметить также, что второе жилье приобретается СК, в отличие от элитных и субэлитных слоев населения, не в инвестиционных целях, а именно для проживания. Хотя в России в целом, судя по данным исследования, в аренду сдается лишь около 10% имеющегося второго жилья, в СК эта практика распространена в полтора раза реже, чем среди остальных россиян. Таким образом, вопреки расхожим штампам, использование второго жилья как капитала, приносящего доход, не просто распространено в стране в целом очень мало, но и характерно сейчас в большей степени не для СК, а для менее обеспеченных слоев российского населения, которые в силу различных обстоятельств (прежде всего наследования) имеют возможность получения дохода от него.

В перспективе такая ситуация с жилищной обеспеченностью СК означает постоянный и значительный спрос в стране на жилую недвижимость. При этом наиболее популярной будет модель улучшения жилищных условий, когда уже

¹ Среди имеющих второе жилье представителей СК 35% в качестве основного жилья назвали 3-4-х комнатные квартиры, а еще 60% либо 1-2-х комнатные квартиры (35%), либо коттеджи, таунхаусы, отдельные благоустроенные дома и т. д.

имеющееся жилье обменивается (в том числе и с помощью ипотеки) на большее, поскольку подавляющее большинство представителей ядра СК уже имеют в собственности какое-нибудь отдельное благоустроенное жилье.

Учитывая данную ситуацию, помочь среднему классу в улучшении его жилищных условий должна идти прежде всего по пути разработки многообразных программ с доплатой или отсрочкой оплаты за приобретаемое жилье до момента заселения (при приобретении жилья на первичном рынке). Причем программы эти должны быть, с учетом многообразия типов домохозяйств, очень разнообразными. Они должны строиться как на коммерческих, так и на льготных (для молодых семей, семей бюджетников, включая военных, и т. д.) началах, быть ориентированными как на простой переезд в новую квартиру, так и на различные варианты разъезда для улучшения жилищных условий многопоколенных домохозяйств среднего класса и т. д.

Пока же, хотя в целом аренда жилья в СК непопулярна (снимает жилье лишь каждое двадцатое домохозяйство из состава среднего класса), но этого нельзя сказать о молодежи из СК. Не случайно более двух третей арендующих жилье составляет в среднем классе молодежь не старше 30 лет. Это значит, что *молодежь среднего класса зачастую (каждый шестой молодой представитель СК) живет в «съемном» жилье, являясь активными «игроками» на рынке аренды квартир, особенно в крупных городах*. Однако *появление ребенка, как правило, исчерпывает возможности среднего класса по отвлечению средств из семейного бюджета на найм жилья, и все программы помощи ему в решении его жилищного вопроса на платной основе должны учитывать эту особенность российской модели жизненного цикла семьи*, при которой даже рост зарплат у профессионалов оказывается для подавляющего большинства из них недостаточным, чтобы, компенсировав расходы на рождение и воспитание ребенка, обеспечивать также решение жилищных проблем.

Рассмотрим теперь различные виды **недвижимости**, находящейся в собственности семей, принадлежащих к среднему классу, и динамику его обеспеченности этими видами недвижимости за последние несколько лет (см. рис. 4.3). Несмотря на различия между ядром СК и его периферией, подавляющее большинство семей СК (85%) имеют в собственности квартиру или дом. Отметим, что обеспеченность СК квартирами возросла по сравнению с 2003 годом – тогда доля собственников жилья в среднем классе составляла около 70%. Таким образом, в последние 10 лет СК широко воспользовался возможностями приватизации жилья и его приобретения.

Как видно на рис. 4.3, ядро СК и периферия этого ядра характеризуются *заметно лучшей, чем остальные россияне, обеспеченностью не только жилой недвижимостью, но и дачами и гаражами*. При этом собственность на землю без жилых строений встречается сегодня среди россиян, в том числе и в СК, достаточно редко. Однако если она встречается, и именно как собственность на землю, а не просто на садовый или огородный участок без дома (который обычно составляет от 1 до 6 соток и стоимость которого в подавляющем большинстве случаев низкая), то площадь этого земельного участка (а значит в большинстве случаев и стоимость) различается в разных группах населения весьма существенно (см. таблицу 4.6). Фактически только применительно к ядру СК можно говорить о том, что земля у ее владельцев имеет размеры, при которых возможно говорить о ней как капитале, в частности – организовать на ней эффективное товарное фермерское хозяйство.

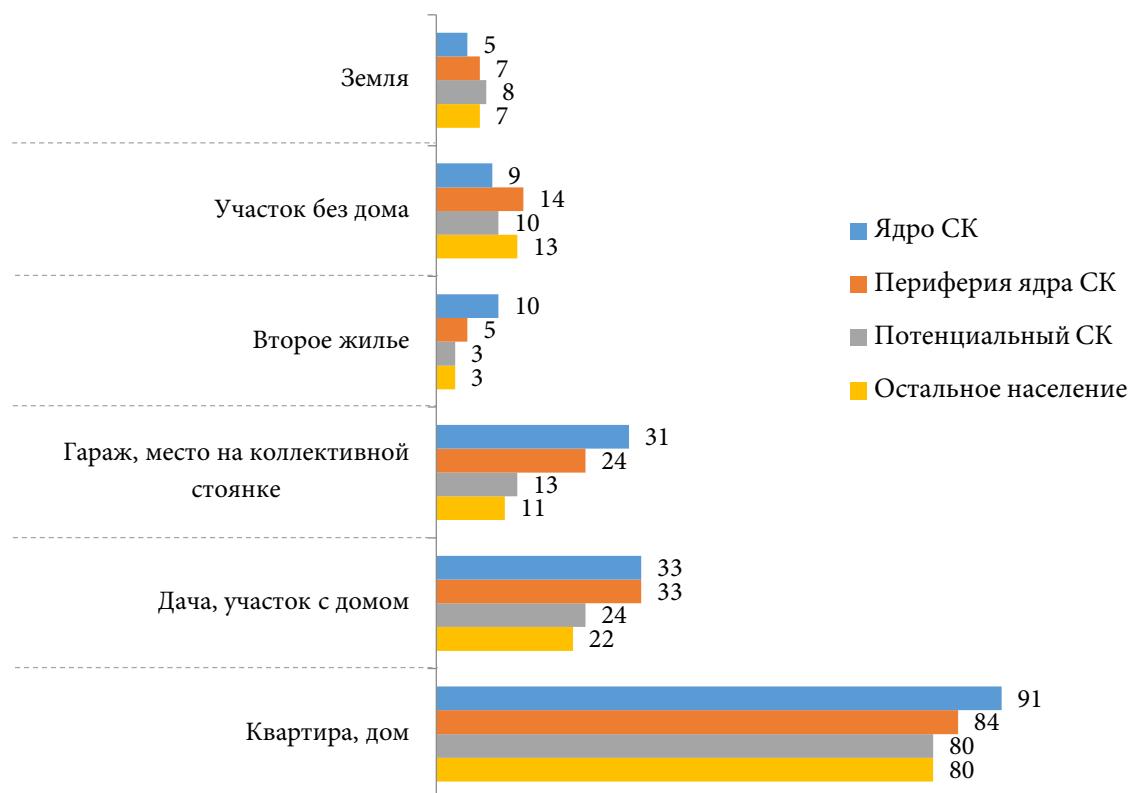

Рис. 4.3. Недвижимость, находящаяся в собственности различных групп населения, 2014 г., %

Таблица 4.6

Площадь земельных участков у их собственников в различных группах населения, 2014 г., гектар

Площадь	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
Средняя	16,9	9,9	4,3	1,59
Медианная	2	2,4	1,65	1
Модальная	10	2	1	1

Квартиру, машину и дачу – своего рода традиционный набор, до сих пор свидетельствующий для большинства россиян о сравнительно высоком уровне жизни, – имеют по 31% представителей ядра СК и его периферии. В потенциальному СК таким набором обладают 16%, а в остальном населении – 13%. Тех, у кого в собственности находится два вида имущества из этих трех, насчитывается 47% в ядре СК, 41% в периферии этого ядра, 30% в потенциальному СК и 35% в остальном населении. Ни квартиры, ни машины, ни дачи не имеют 3% ядра СК, 6% его периферии и 12-13% остальных россиян.

По наличию полного набора из этих трех видов имущества особенно выделяются жители городов с населением свыше 1 млн человек – 55% ядра СК и 44% его периферии в таких городах им обладают (при 42% в потенциальному СК и 19% среди остального населения). Близкую картину демонстрируют и другие областные центры, для которых эти показатели составляют, соответственно, 35%, 31%, 22% и 13%. Таким образом, *по уровню владения как разного рода недвижимостью,*

так и набором имущества, свидетельствующем в глазах россиян о благополучии, СК существенно отличается от других массовых слоев населения, а для его ядра эти отличия приобретают качественный характер.

Перейдем теперь к рассмотрению того, какие **товары длительного пользования** (ТДП), находятся в распоряжении СК и других групп населения (см. таблицу 4.7).

Таблица 4.7

Наличие ТДП в различных группах населения, 2014 г., %¹ (отранжировано по ядру СК)

Товары длительного пользования	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
Холодильник	99	99	99	87
Телевизор, в т. ч.:	98	99	97	98
- телевизор цветной обычный;	62	73	79	80
- телевизор жидкокристаллический или плазменный.	85	74	53	48
Пылесос	97	94	88	86
Стиральная машина-автомат	97	92	84	79
Компьютер, в том числе ноутбук	96	84	64	55
Микроволновая печь, кухонный комбайн, гриль, тостер и т. п.	94	86	70	60
Мобильный телефон	92	93	90	91
Автомобиль, в т. ч.*:	88	70	42	43
- автомобиль-иномарка (в т. ч. собранный в России);	64	44	20	17
- отечественный автомобиль.	21	37	26	29
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	77	63	37	34
Айфон, смартфон	51	39	22	17
Планшет, айпад	49	41	16	16
Антenna спутникового телевидения	39	45	24	24
Кондиционер	31	23	13	9
Посудомоечная машина	24	13	5	3

* В части домохозяйств отечественные автомобили соседствовали с иномарками, поэтому число имеющих автомобили меньше суммы имеющих иномарок и отечественных автомобилей.

Комментируя данные таблицы 4.7, прежде всего следует отметить, что домашнее имущество россиян сегодня достаточно разнообразно. Из 16 видов ТДП, наличие которых выявлялось в ходе опроса, в семьях россиян присутствует, как правило, более половины. Стандартный набор имущества, присутствующего в домохозяйстве типичного россиянина, включает сегодня цветной телевизор (причем не только обычный, но и жидкокристаллический или плазменный), хо-

¹ В таблице выделено наличие соответствующего ТДП в товарном наборе более чем 50% представителей данной группы.

лодильник, пылесос, мобильный телефон, стиральную машину, разнообразную мелкую кухонную технику, компьютер, а также автомобиль, который имеют 54% всех домохозяйств страны, причем часть семей имеет даже по 2 автомобиля.

Однако наличие автомобиля в домохозяйстве стало нормой пока только для представителей СК, поскольку три четверти представителей СК уже имеют, по крайней мере, один автомобиль в семье, в том числе каждое десятое домохозяйство – два и более автомобиля. Домохозяйства же остальных россиян пока в большинстве своем (58%) не «автомобилизированы». С точки зрения особенностей стилей жизни представителей СК интересно также, что в ядре СК имеющиеся у них автомобили – это, как правило, иномарки (лишь 10% имеющих в качестве первого автомобиля иномарку имеют в качестве второй машины в семье отечественный автомобиль, а 90% и в качестве второго автомобиля имеют иномарку). В периферии же ядра СК показатель имеющих отечественные автомобили наряду с иномаркой заметно растет и доля таких домохозяйств в этой группе вдвое больше, чем в ядре СК. Примерно те же пропорции характеризуют и картину по остальным имеющим автомобиль россиянам. А это значит, что, по хорошо известному маркетологам принципу «стекания» образцов поведения в населении «сверху вниз», можно ожидать, что даже при распространении стандарта жизни с двумя автомобилями в семье отечественные автомобили будут все больше вытесняться иномарками, в том числе – и собранными в России.

Говоря о других особенностях потребительского стандарта СК на фоне остальных россиян, необходимо обратить внимание также на то, что *главным отличием стандарта жизни СК в отношении его оснащенности домашним имуществом является огромный (в 2,5 раза) отрыв в обеспеченности цифровой видеотехникой, айпадами, планшетами, айфонами и т. п., отражающий качественную разницу в степени вовлеченности в информационные технологии среднего класса и не входящих в его состав россиян* (см. таблицу 4.7). Причем подобная тенденция сохраняется и при контроле возраста – даже среди 51-60-летних в СК имеющих такого рода технику можно встретить в 2,5 раза чаще, чем в этой же возрастной группе из потенциального СК или остального населения. Впрочем, следует учесть, что всего 6 лет назад точно такая же картина (и с тем же разрывом в 2,5 раза) характеризовала ситуацию с компьютером. Теперь, как видим, разрывы по оснащенности компьютерами не просто сократились – во всех рассматриваемых слоях населения компьютер имеет уже более половины домохозяйств. Учитывая любовь россиян к сложным техническим устройствам, особенно нестационарным, можно ожидать дальнейшего роста оснащенности их домохозяйств также цифровой видеотехникой и, особенно, айпадами, айфонами и т. п.

Говоря о динамике изменения насыщенности домохозяйств СК ключевыми товарами длительного пользования, нельзя не отметить также, что она не просто достаточно быстро меняется, но и что по разным видам ТДП эти изменения происходят с разной скоростью. Так, например, с 2003 г. оснащенность домохозяйств СК антеннами спутникового телевидения выросла более чем в 10 раз, а посудомоечными машинами – почти в 10 раз. В семь раз выросла доля имеющих кондиционеры, вчетверо – автомобили-иномарки, в том числе собранные в России, в 3,5 раза – имеющих цифровую видеотехнику, в два с лишним раза – имеющих компьютеры и мобильные телефоны (см. рис. 4.4). Что касается остальных россиян, то у них эти изменения имеют и другую скорость, и иные приоритеты.

Не менее существенным отличием СК от остальных россиян является и другое обстоятельство – *средний класс в большинстве своем имеет возможности для так называемого «стилевого потребления»*, в то время как остальные россияне

этих возможностей не имеют. При этом *стандарты жизни обеих подгрупп среднего класса, несмотря на некоторые количественные различия и специфику качества ТДП, которыми они располагают (автомобиль иномарка/отечественный автомобиль; обычный телевизор/плазменный или ЖК – телевизор и т. д.), практически совпадают*. И в ядре СК, и в периферии этого ядра большинство домохозяйств имеют холодильник, цветной телевизор, пылесос, стиральную машину, мобильный телефон, кухонную технику (микроволновая печь, кухонный комбайн, гриль и т. п.), автомобиль, компьютер, айфон или смартфон и практически половина – айпад или планшет. Это довольно полный набор ТДП, не просто обеспечивающий качество и разнообразие досуга СК, но и делающий его основным потребителем на большинстве товарных рынков. Не случайно если среднее число видов ТДП в среднем классе – 10,4 (а в его ядре даже 10,7 при 9,99 в периферии этого ядра), то у потенциального СК оно всего лишь 7,89, в остальном населении – 7,45. Казалось бы, это не такая уж большая разница (всего 3 предмета длительного пользования), но это именно те три предмета, которые превышают минимально необходимый потребительский стандарт и создают для СК качественно иную жизненную среду.

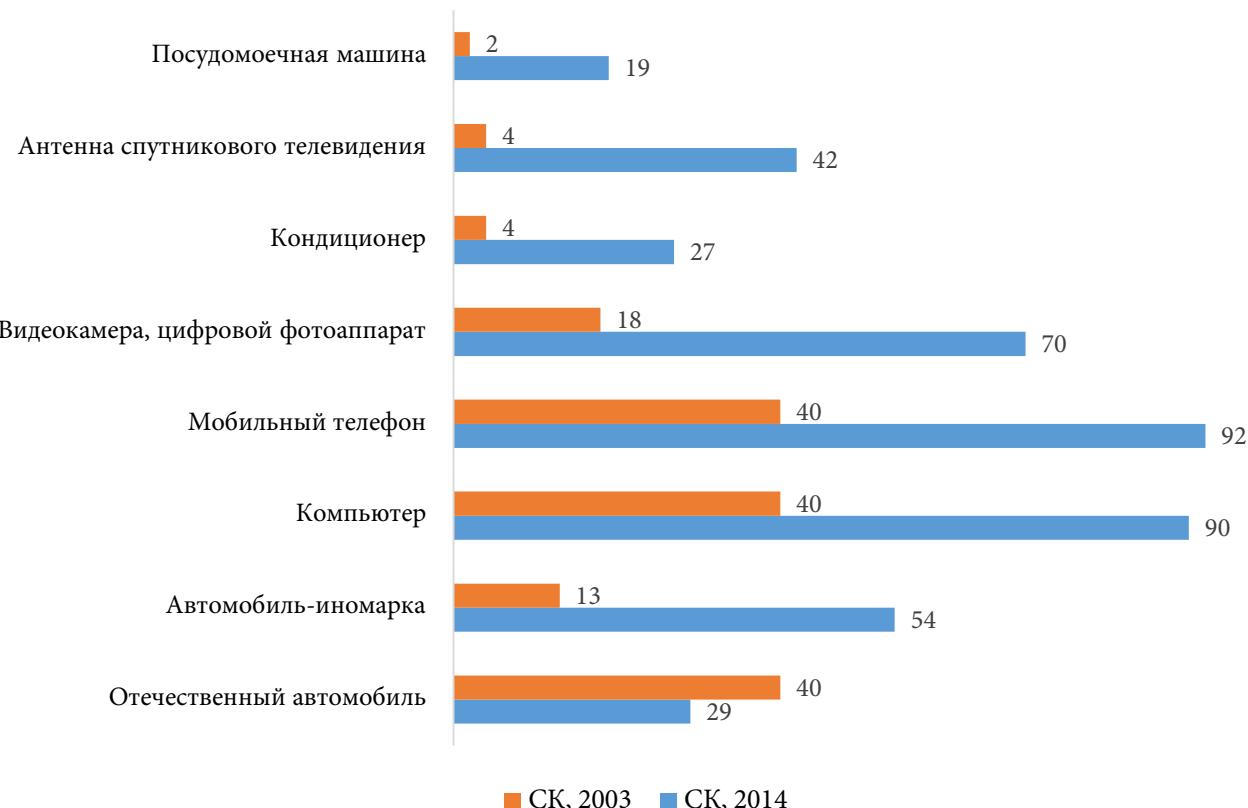

Рис. 4.4. Динамика наличия некоторых ТДП у представителей СК, 2003/2014 гг., %

Более того, как показал анализ оснащенности домохозяйств россиян различными видами ТДП с помощью факторного анализа (метод Варимакс с вращением), можно выделить 5 основных моделей наличия ТДП в домохозяйствах, описывающих в совокупности почти 60% распределения. Три из них связаны с финансовыми возможностями семей. Характерными особенностями первой из них, присущей бедным слоям населения, выступает наличие холодильника, обычного телевизора и пылесоса при отсутствии остальных видов ТДП. Вторая, которую можно рассматривать как стандарт жизни малообеспеченных, предпо-

лагает также наличие плюс к имеющимся у бедных ТДП мобильного телефона и стиральной машины. Как видим, и эта модель потребительского поведения остается в рамках абсолютно необходимых предметов, не позволяющих говорить о стилевом потреблении. Наконец, третья модель, отражающая особенности товарной обеспеченности средних слоев населения, в полной мере присуща только СК и характеризуется наличием в товарном наборе домохозяйств прежде всего цифровой видеотехники, жидкокристаллических или плазменных телевизоров, разнообразной кухонной техники, айпадов, компьютеров, автомобилей-иномарок и айфонов. Еще две модели из пяти выделившихся не связаны жестко с материальными возможностями россиян и отражают скорее стилевые предпочтения, связанные с различными факторами. Одна из них характерна для сравнительно благополучного населения из сельской местности и характеризуется наличием отечественного автомобиля, обычного телевизора и антенны спутникового телевидения при практически полном отсутствии компьютеров и вообще всякой цифровой техники. Вторая же характерна для благополучной молодежи, проживающей с родителями или снимающей жилье. Она отличается наличием в их личной собственности только мобильных телефонов и автомобилей-иномарок, без домашнего имущества.

Если говорить о представителях СК, то и его ядро, и периферия этого ядра характеризуются примерно одинаковым распространением третьей и, в меньшей степени, пятой из этих моделей. С учетом близости числа ТДП в их домохозяйствах и динамики насыщения их теми или иными видами домашнего имущества в отличие от остальных россиян это позволяет утверждать, что *повседневный быт обеих подгрупп среднего класса очень близок между собой, с одной стороны, и качественно отличается от жизни других слоев российского населения – с другой. Причем главной особенностью этого быта выступает не только довольно полный и постоянно расширяющийся объем домашнего имущества, но и возможность стилевого потребления.*

В заключение рассмотрения специфики трат представителей СК и других жителей России, связанных с их повседневной жизнью, нельзя не затронуть еще одного сюжета – ситуации с расходами на питание и услуги ЖКХ (см. таблицу 4.8).

Таблица 4.8

Самооценка различными группами населения размера той части семейного дохода, которая тратится ими на коммунальные услуги и питание, 2013 г., %

Виды расходов	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
<i>Расходы на коммунальные услуги</i>				
До 25%	80	76	66	70
От 25 до 50%	17	19	26	23
Более 50%	3	5	8	7
<i>Расходы на питание</i>				
До 25%	48	40	31	35
От 25 до 50%	40	46	46	45
Более 50%	12	14	23	20

Как свидетельствуют данные таблицы 4.8, ситуация с высокими и все растущими платежами за ЖКХ, сэкономить на которых они практически не могут, оказывается даже на представителях среднего класса, поскольку почти каждый пятый в нем тратит на оплату услуг ЖКХ более четверти своего семейного бюджета. Настораживает то, что 13% СК тратят более 50% своих доходов на питание – ситуация в целом противоположная, поскольку считается, что затраты на питание в размере более чем 50% доходов можно рассматривать как признак бедности. При этом лишь немногим более 40% СК тратят на питание менее четверти своих доходов. Это значит, что благополучие примерно половины СК во многом иллюзорное, и хотя по сравнению с остальными россиянами его представителям в целом хватает денег на текущие расходы, но они скорее просто достаточно успешно могут «свести концы с концами», чем характеризуются действительно существенным «запасом прочности».

Об этом же говорит и анализ их отложенных в силу нехватки средств трат, т. е. тех действий, которые они совершили бы при наличии у них достаточных для этого средств. Судя по данным исследования, как уже отмечалось выше, и представители СК, и остальные россияне чаще всего потратили бы их на приобретение недвижимости (см. рис. 4.5).

Рис. 4.5. Действия, которые совершили бы при наличии у них достаточных для этого средств представители СК и остальные россияне, 2014 г., %

Наиболее значительные отличия между российским СК и остальными россиянами касаются возможности потратить, в случае появления дополнительных средств, эти деньги на лечение (представители СК стали бы это делать втрое

реже остальных россиян), путешествия (видимо, эта форма досуговой активности становится ныне характерной особенностью жизни СК, поэтому такое желание встречается у его представителей в полтора раза чаще, чем у остальных россиян, хотя члены СК итак путешествуют гораздо чаще них), а также покупок зарубежной недвижимости и различных форм инвестирования, стремление к которым в большей степени также характеризует именно средний класс (хотя справедливости ради надо отметить, что показатели этих направлений использования средств и в СК невелики).

При этом *если говорить о приоритетах отложенных трат в ядре СК и в его периферии, то нужно отметить, что они очень близки между собой, заметно отличаясь, в то же время, от остальных россиян.* Так, например, на лечение потратили бы деньги в обеих этих группах чуть менее 3% при более чем 9% у остальных россиян. На путешествия потратили бы деньги 20% представителей ядра СК и 19% его периферии при 13% у остальных россиян. Открыли бы собственный бизнес по 6% представителей ядра СК и его периферии при 2% у остальных россиян и т. д.

5. Экономическое положение и поведенческие стратегии среднего класса

Как было показано выше, средний класс заметно отличается от остальных россиян по своей имущественной обеспеченности и потребительским стандартам. Однако это далеко не единственные отличия, связанные с особенностями экономического ресурса его представителей, спецификой их материального положения. СК характеризуется также гораздо более позитивной динамикой своего материального положения – 41% представителей СК и только 18% остальных россиян заявили о том, что их материальное положение за последний год улучшилось. В то же время признание в том, что оно ухудшилось, в СК встречалось втрое чаще (7% против 20%), чем у остальных россиян. Однако ощущение позитивной динамики своего материального положения в разной степени свойственно представителям разных групп среднего класса (см. таблицу 5.1).

Таблица 5.1
Самооценки динамики своего материального положения за последний год перед опросом в различных группах населения, 2014 г., %

Положение	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
Улучшилось	51	31	24	15
Ухудшилось	6	9	22	20
Осталось без изменений	43	60	54	66

Как видно из данных таблицы 5.1, только ядро СК характеризуется доминированием тенденции улучшения своего материального положения – по крайней мере, по самооценкам его представителей. При этом периферия этого ядра, судя по ее самоощущению, также скорее улучшает свое положение, чем ухудшает его. И хотя доля улучшивших его за последний год в ней менее половины (31%), но она в 3,5 раза превосходит долю ухудшивших его. Принципиально иная самооценка у остальных россиян – в потенциальном СК доли улучшивших и ухудшивших свое материальное положение выравниваются, а в группе, которая ни при каких условиях не войдет в состав СК («остальное население») доля тех, чье положение ухудшилось, начинает даже превышать долю сумевших его улучшить.

Имеющуюся динамику своего материального положения СК проецирует и на будущее. Так, ровно половина его представителей убеждена, что в ближайший год их материальное положение улучшится, и лишь 6% ожидают его ухудшения. По не входящему в состав СК населению страны картина иная – хотя в силу свойственного россиянам оптимизма доля ожидающих улучшения своего положения превышает долю ожидающих его ухудшения, но соответствующие показатели составляют 28 и 17%. При этом в вопросе о предполагаемой динамике своего положения на будущее обе подгруппы СК гораздо ближе друг к другу, чем в вопросе о его реальной динамике (см. таблицу 5.2).

Таблица 5.2

Самооценки возможной динамики своего материального положения в предстоящий год в различных группах населения, 2014 г., %

Положение	Средний класс, в т. ч.		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
Улучшится	53	47	36	25
Ухудшится	5	7	16	18
Останется без изменений	42	46	48	57

Примечательно, что ожидания улучшения материального положения и его реальная позитивная динамика в последний год во всех группах населения достаточно тесно связаны друг с другом – везде от двух третей до 85% улучшивших свое положение ожидают развития этой тенденции и на будущее. Что же касается ухудшения, то с ним ситуация иная. Те представители СК, чье положение ухудшилось, рассматривают это ухудшение как временное, ситуативное, и лишь в четверти случаев ожидают развития этой тенденции. В то же время для остальных россиян, не входящих в состав СК, это ухудшение воспринимается как устойчивая тенденция и более половины тех, чье положение ухудшилось, ожидают дальнейшего его ухудшения.

Принципиальная разница экономического положения СК и остальных россиян выявляется и при сравнительном анализе тех **проблем, которые их беспокоили в последний год**. В СК лишь каждый десятый упомянул о плохом материальном положении как одной из трех основных таких проблем. В то же время среди остальных россиян о плохом материальном положении в тройке проблем-лидеров говорили втрое чаще – в трети случаев. При этом следует отметить, что практически по всем остальным проблемам (а в исследовании были представлены 19 их видов) показатели СК и остального населения были достаточно близки. Наибольшие различия продемонстрировали:

- проблемы с жильем (они входили в тройку лидеров у каждого десятого представителя СК и 16% остальных россиян);
- проблемы с получением необходимой медицинской помощи (недоступность ее воспринималась как проблема, серьезно мешающая им жить, лишь 8% представителей СК и 13% остальных россиян);
- проблемы с работой (они беспокоили 16% работающих представителей СК и 26% остальных работающих россиян);
- проблемы, связанные со здоровьем либо самих респондентов, либо членов их семей (23% в СК и 31% у остальных россиян);

- отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые дела. И это была единственная проблема, которая в большей степени беспокоила СК, чем остальных россиян – 17% представителей СК сталкивались с ней как одной из трех наиболее серьезных в их жизни при том, что среди не входящих в СК россиян на нее жаловались лишь 8%.

Что же касается остальных проблем, то величина разрыва в показателях по ним между СК и остальными россиянами не превышала величины статистической погрешности, хотя в абсолютных величинах разрыв при этом мог оказаться и двукратным. Так, например, на проблему вредных привычек (алкоголизм, наркомания и т. п.) у кого-то из членов семьи жаловались 3% представителей СК при 6% среди остальных россиян.

Если говорить о различиях в этом вопросе между ядром СК и периферией этого ядра, то практически по всем позициям их ответы очень близки. Наибольшие разрывы характеризовали такие проблемы как отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые дела (эта проблема в большей степени была характерна для ядра СК, 20% которого сталкивается с ней в своей жизни как очень значимой при том, что среди периферии этого ядра на нее жаловались лишь 14%) и плохое материальное положение, картина по которым обратная – 7 и 11% соответственно.

Более того – ядро СК и его периферия очень близки и по доле тех, в чьей жизни в течение года перед опросом вообще не было никаких серьезных проблем (39% в ядре СК и 37% в его периферии). Среди остальных россиян такие люди встречаются более чем в два раза реже, при этом две их подгруппы также очень близки между собой и далеки от СК (не имели никаких серьезных проблем в последний год по 16% и в потенциальном СК, и в остальном населении).

Очень важно подчеркнуть – сравнительно хорошее и в целом характеризующееся позитивной динамикой *материальное положение СК, «набор» беспокоящих его проблем, а главное – возможность «беспроblemного бытия» позволяют его представителям иметь принципиально иное качество жизни, нежели то, каким характеризуется большинство населения страны.*

За счет чего же обеспечивается это лучшее качество жизни? Откуда получают свои доходы представители СК, и какие стратегии в отношении своих финансовых ресурсов они используют? Начнем с **источников их доходов**. В целом для представителей СК характерна относительно большая распространенность трудовых доходов (лишь 18% домохозяйств СК не имеют трудовых доходов при 28% в остальном населении – напомним в связи с этим, что неработающие пенсионеры, студенты и неработающие трудоспособного возраста при определенных условиях включались нами в состав СК). При этом представители СК не только относительно чаще относятся к числу занятых, но и чуть чаще имеют несколько видов трудовых доходов за счет дополнительной занятости (16% при 14% у остальных россиян). Кроме того, они гораздо чаще получают доходы от собственности и бизнеса (13% против 3% у остальных россиян), хотя и для них наличие доходов помимо доходов от занятости в целом нехарактерно. Любопытно при этом, что помочь от родственников, друзей, соседей и т. д., а также доходы от подсобного и приусадебного хозяйства встречаются в СК и у не входящих в его состав россиян практически с равной частотой (10 и 10% и 11 и 8% соответственно). Однако в обоих этих случаях близость показателей достигается не за счет ядра СК, а за счет его периферии (см. рис. 5.1).

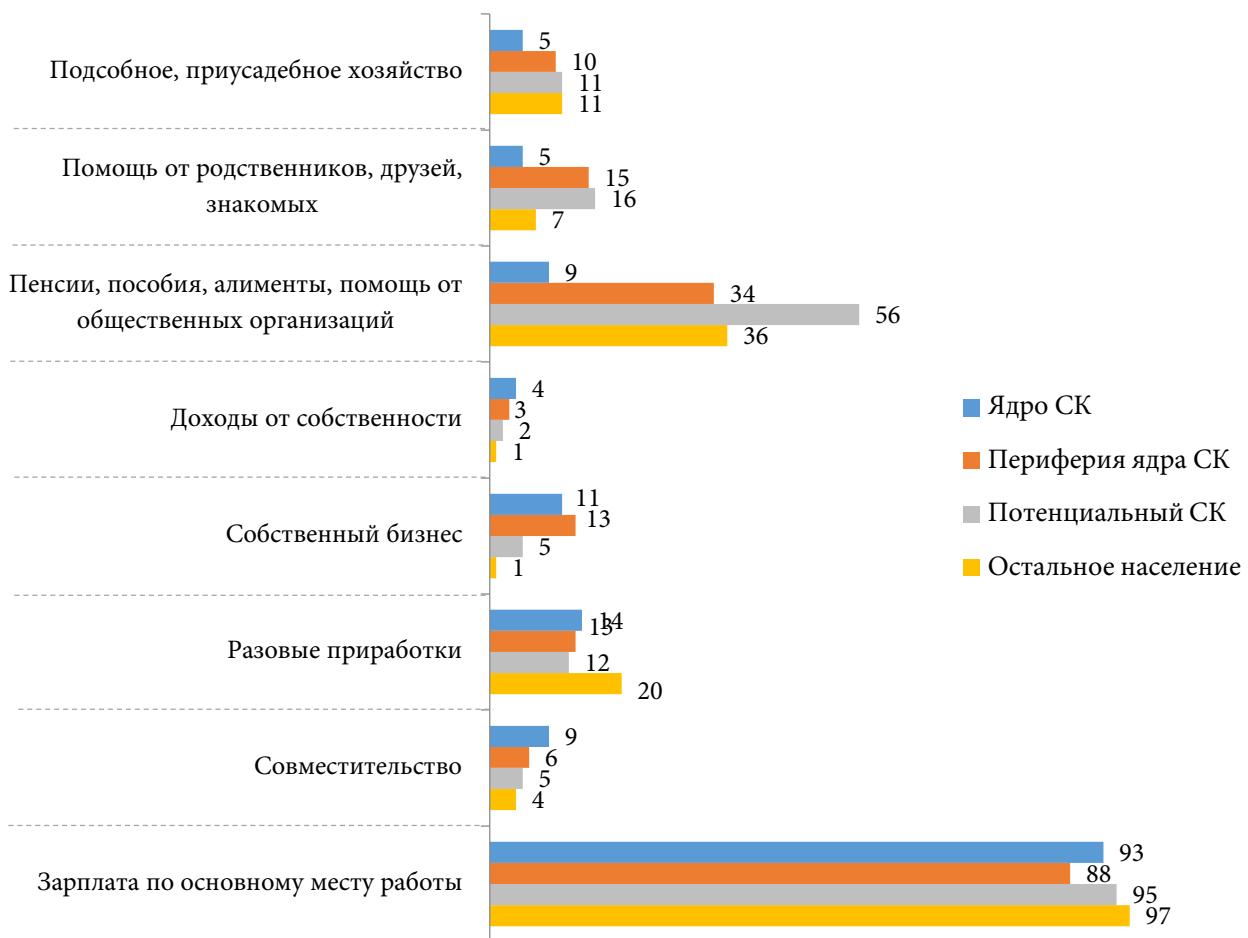

Рис. 5.1. Основные источники доходов в различных группах населения, 2014 г., %¹

Как видно на рис. 5.1, наиболее характерными особенностями источников доходов домохозяйств ядра СК выступают высокие показатели таких форм занятости по найму, которые свидетельствуют об их востребованности на рынке труда – основной занятости и совместительства. У периферии ядра СК относительно выше доля доходов от бизнеса, что является ее наиболее характерной особенностью и отражает тот факт, что занятия бизнесом часто выступают альтернативной стратегией занятости для тех, для кого недоступна эффективная основная занятость. Напомним в связи с этим – ряд представителей малого бизнеса, микропредпринимателей и самозанятых, характеризующихся либо низким уровнем благосостояния, либо ощущением принадлежности к «социальным низам», попали в соответствии с методикой расчета именно в периферию ядра СК. При этом те из них, кто характеризовался сочетанием двух или даже трех этих признаков могли попасть в первом случае в число представителей потенциального СК, а во втором – даже в состав остального населения, поскольку в данном случае речь шла уже, как правило, не о владельцах реального бизнеса, а о маргинальной и люмпенизирующейся самозанятости.

¹ Данные о долях, имеющих в составе источников доходов зарплату от основной и вторичной занятости, а также имеющих доходы от бизнеса, приведены только по работающим. Высокий показатель пенсий в числе основных источников доходов в потенциальном СК связан с тем, что в нем чаще, чем в СК, встречаются многопоколенные домохозяйства, поскольку у его представителей нет возможности разъехаться с выросшими детьми. В результате именно в этой группе максимальна доля пенсионеров.

Особенности источников доходов представителей различных групп российского населения тесно связаны с тем, какие **стратегии улучшения своего материального положения** они избирают – а стратегии эти достаточно разнообразны (см. рис. 5.2).

Рис. 5.2. Способы изменения материального положения в лучшую сторону в различных группах населения, 2014 г., %¹

Как видно на рис. 5.2, *распространенность половины видов действий по улучшению своего материального положения у всех групп населения достаточно близка между собой*. Основными отличиями выступают, прежде всего, меньшая распространенность в ядре СК самообеспечения продуктами питания и торговли продуктами «со своего огорода», а также разовых приработков. Реже представители ядра СК бывают вынуждены в этих целях также занимать деньги или получать помощь близких. Периферия ядра СК практически никаких ярко выраженных особенностей не имеет, и применительно к ней важно отметить лишь то, что хотя разовые приработки распространены в ней чуть шире, чем в ядре СК, но все же заметно реже, чем в составе не входящих в СК группах россиян. Так что *разница в уровне благосостояния СК и остальных россиян объясняется не дополнительными действиями, которые они предпринимают, а тем, что их уровень доходов от занятости заметно выше за счет того, что они занимают рабочие места иного типа*.

¹ Данные по доле имеющих в составе стратегий улучшения материального положения все формы вторичной занятости приведены по работающим.

Однако это не означает, что положение СК и остальных россиян в данном плане не имеет никаких существенных различий – просто подобные различия сконцентрированы в области так называемых «пассивных поведенческих стратегий» (см. таблицу 5.3).

Таблица 5.3

**Распространенность и причины отсутствия действий по улучшению
своего материального положения в различных группах населения, 2014 г., %**

Причины пассивных стратегий	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
<i>По группам в целом</i>					
Ничего не предпринимают, так как не видят в этом необходимости	35	24	30	13	7
Ничего не предпринимают, так как считают, что ничего не могут сделать для улучшения своего положения	11	13	12	26	25
<i>По работающим представителям групп</i>					
Ничего не предпринимают, так как не видят в этом необходимости	35	24	31	10	9
Ничего не предпринимают, так как считают, что ничего не могут сделать для улучшения своего положения	11	10	10	17	16

Как показывают данные таблицы 5.3, представители СК и, особенно, его ядра достаточно массово (более чем в трети случаев) ничего не предпринимают для улучшения своего материального положения, поскольку не видят в этом необходимости. Впрочем, учитывая, что люди эти почти на 60% сосредоточены в группах с доходом более 1,5 медиан доходного распределения по своим типам поселений, это неудивительно. В то же время в остальных двух группах, не входящих в состав СК, этот ответ встречался лишь в каждом десятом случае. При этом доля считающих, что они ничего не могут сделать для улучшения своего положения, была в них более чем вдвое выше, чем в СК. Даже по работающим представителям данных групп она превышала показатели СК в 1,6 раза. Необходимо отметить также, что запросы в отношении желаемого уровня материального благополучия среди не входящих в СК россиян были намного ниже – так, среди тех из их представителей, кто считал, что может позволить себе ничего не делать для улучшения своего материального положения, поскольку в этом нет необходимости, лишь 31% имел доходы более 1,5 медиан доходного распределения по своим типам поселений. Впрочем, поскольку главным источником дополнительных доходов для всех групп населения выступает дополнительная занятость в разных ее видах, а качество рабочей силы, которое могут предложить на рынке труда представители групп, не входящих в состав СК, достаточно низкое, то и дополнительная занятость также оказывается для них не слишком эффективной и в большинстве случаев не ведет к сколько-нибудь существенному изменению

их положения. Поэтому зачастую им оказывается проще приспособиться к имеющимся у них возможностям, понизив планку своих материальных притязаний, чем искать способы улучшить сложившуюся ситуацию.

Специфика поведенческих стратегий представителей СК проявляется, впрочем, не только в части их действий по решению стоящих перед ними экономических проблем, но и в других характеристиках их экономического поведения. Так, например, *они имеют достаточно заметные отличия от остальных россиян в плане сберегательного, кредитного, инвестиционного поведения*. Отчасти эти отличия связаны с особенностями ресурсной базы СК, а отчасти являются отражением сложившихся (или складывающихся) именно в этом классе поведенческих практик. Так, если говорить о ресурсной базе, и прежде всего – об экономическом ресурсе, присутствующем у них в виде различных финансовых инструментов (денежные сбережения, акции и т. д.), то представители СК обладают такого рода ресурсом гораздо чаще, чем остальные россияне. Так, например **сбережения** имеют в СК 46% (причем в ядре СК этот показатель доходит до 53%), а среди остальных россиян – лишь 24%. Еще нагляднее разница между входящими и не входящими в СК россиянами становится при сравнении распространенности у них крупных сбережений, т. е. сбережений такого размера, чтобы они могли прожить на них не работая год – разрыв по имеющим их между ядром СК и группой, названной нами «остальное население», почти восьмикратный (см. рис. 5.3).

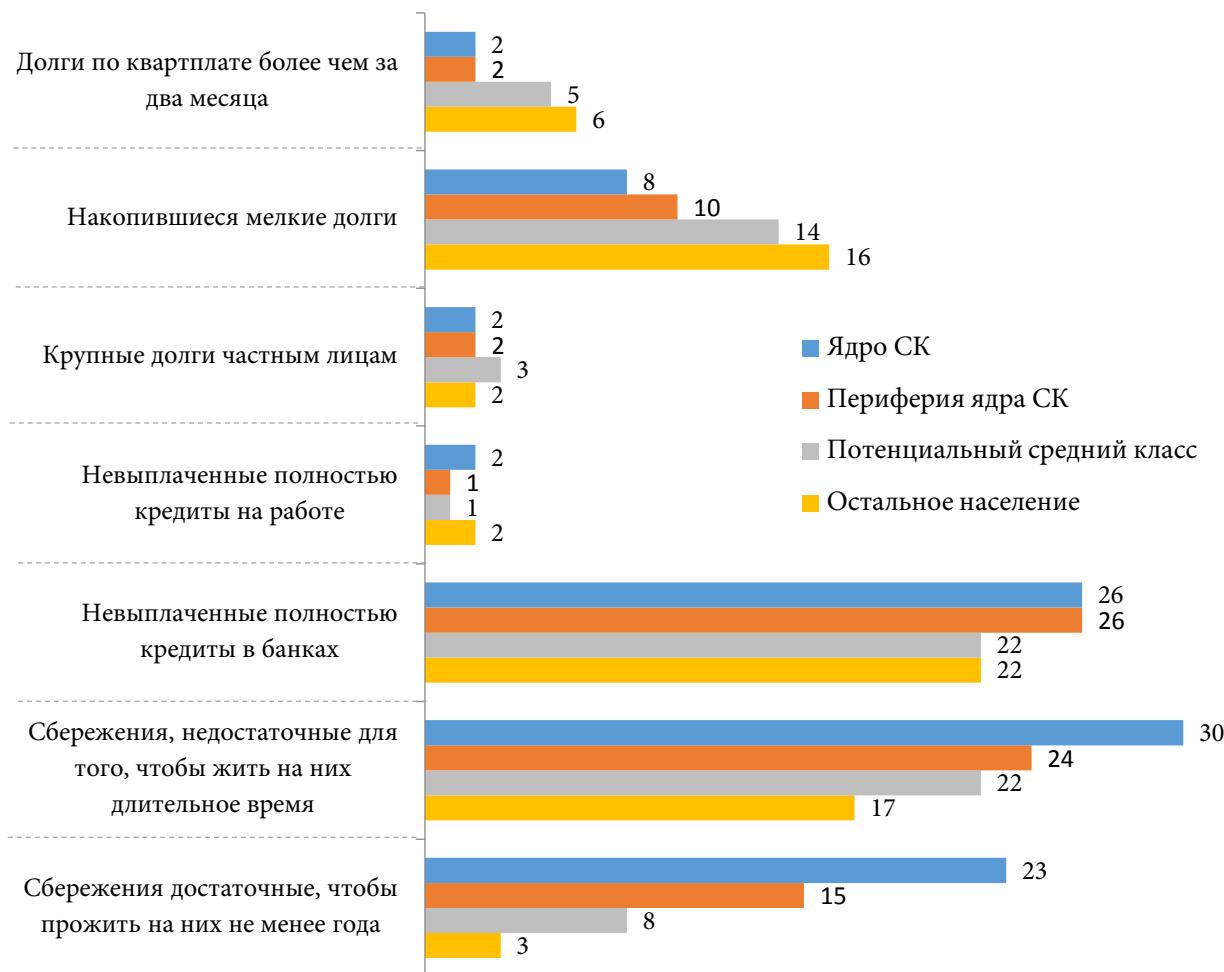

Рис. 5.3. Наличие долгов и сбережений в различных группах населения, 2014 г., %

При этом весьма любопытно, что, в отличие от ситуации со сбережениями, картина кредитного поведения представителей СК и не входящих в него россиян представляется, по крайней мере, на первый взгляд, практически идентичной. Скажем долги СК и среди остальных россиян соотносятся как 67% против 64%. При этом 27% представителей СК и 28% не входящих в его состав россиян имеют один вид задолженностей (как правило, это невыплаченные кредиты в банках), а остальные – от 2 до 5 их видов. Соответствующие цифры будут почти аналогичными, даже если рассматривать их по обеим подгруппам СК и обеим подгруппам остальных россиян в отдельности.

Такая картина по наличию сбережений и долговой нагрузки в СК и среди остальных россиян говорит, на первый взгляд, о том, что кредиты все россияне «набирают» по мере возможности использовать различные механизмы кредитования, а наличие сбережений связано с уровнем доходов, который у СК относительно выше. Однако более глубокий анализ показывает, что это не так, и распространенность в СК кредитов – следствие того, что для него вообще характерны более сложные стратегии финансового поведения, чем для остальных россиян. Так, например, в СК лишь в 28% случаев встречается пассивное финансовое поведение (при котором у людей нет ни сбережений, ни долгов) – среди остальных россиян этот показатель достигает 44%. Доля имеющих и долги, и сбережения в составе СК почти при этом вдвое выше, чем в остальном населении (7% против 4%), и с точностью до процента совпадает в обеих подгруппах СК. Более того – как показывает сравнение с данными 2000-х годов, хотя доля характеризующихся пассивным финансовым поведением россиян постепенно сокращается во всех группах населения, но в составе СК это сокращение происходит относительно быстрее.

Таким образом, *в отличие от остальных россиян, средний класс характеризуется более активным финансовым поведением. Это связано, отчасти, с его большими финансовыми возможностями, а отчасти – с особенностями его установок*, поскольку даже в группах с одинаковым уровнем доходов средний класс демонстрирует более активное финансовое поведение. Так, например, в группе, имеющей среднедушевые среднемесячные доходы в размере от одной до 1,5 медиан доходного распределения, характерного для их типов поселений, пассивное финансовое поведение свойственно менее трети представителей СК при 41% у остальных россиян.

Оборотной стороной более активного финансового поведения среднего класса выступает и его большая, чем в других слоях населения, активность и сложность поведения в сфере кредитования. Мы уже отмечали выше, в целом кредиты в СК распространены даже чуть шире, чем среди остальных россиян. В целом 45% среднего класса (при 33% у остальных россиян) уже пользовались за последние 3 года банковскими кредитами (всего шесть лет назад, в 2008 г., эта доля была в СК вдвое меньше). Особенno велик (14% против 7% у не входящих в состав СК россиян) разрыв в доле тех, кто имел два и более видов кредитов. При этом в ядре СК и периферии этого ядра доли бравших в последние 3 года банковские кредиты совпадали с точностью до процента. С другой стороны, очень похожи между собой и заметно меньше, чем у СК, показатели использования кредитов у потенциального СК и остального населения.

Однако главное отличие кредитного поведения СК от остальных россиян даже не в большей частоте взятия им кредитов, а в разнице видов кредитования, которые были использованы представителями СК в последние три года или планируются ими к использованию в ближайший год (см. таблицу 5.4).

Таблица 5.4

Особенности кредитного поведения различных групп населения за три года перед опросом, 2014 г., %

Виды действий по различным кредитам	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
<i>Ипотечное кредитование</i>					
Уже использовали	13	7	10	4	4
Планируют использовать в течение ближайшего года	7	5	6	4	4
<i>Автокредит</i>					
Уже использовали	21	22	22	6	11
Планируют использовать в течение ближайшего года	5	6	6	4	4
<i>Потребительское кредитование для покупки бытовой, аудиотехники, компьютера</i>					
Уже использовали	21	25	23	21	21
Планируют использовать в течение ближайшего года	3	4	4	4	4
<i>Потребительское кредитование для покупки мобильного телефона, смартфона, планшета</i>					
Уже использовали	5	7	6	7	6
Планируют использовать в течение ближайшего года	1	1	1	1	1
<i>Образовательный кредит</i>					
Уже использовали	2	1	2	1	1
Планируют использовать в течение ближайшего года	2	2	2	2	1

Как видно из данных таблицы 5.4, представители СК в два с лишним раза чаще остальных россиян использовали в последние три года ипотечное кредитование и автокредит. При этом в отношении распространенности использования ипотечного кредитования ядро СК заметно отличается от своей периферии, хотя автокредит распространен среди их представителей в равной степени. Потребительское кредитование на другие товары длительного пользования в равной степени распространено во всех группах населения. Обращает на себя внимание также малая распространенность во всех группах населения образовательных кредитов.

При этом планы по использованию различных видов кредитов почти одинаковы как у представителей СК, так и у остальных россиян, хотя планирование ипотечного кредитования и автокредитов встречается в СК все же чуть чаще. При этом во всех группах населения очень близки доли тех, кто вообще не собирается пользоваться банковскими кредитами – в обеих подгруппах СК они составили по 85%, а в обеих подгруппах остальных россиян – по 88%.

Более того – во всех группах населения России совершенно четко выделяются два типа людей. Одни, и их заметно больше, кредитами не пользовались и пользоваться не собирались. В целом среди россиян таких 54% (при этом в среднем классе их доля составляет 46%, а среди остальных россиян – 60%). Этот показатель достаточно велик, но все же заметно меньше, чем он был в 2008 г., что свидетельствует о росте популярности

кредитования среди населения страны. Все остальные взрослые граждане страны так или иначе с кредитами связаны. Часть из них (и таких 14% от всего населения) кредиты уже брали и планируют их брать и дальше. При этом их зачастую не останавливает и то, что старые кредиты, как правило, потребительские, ими еще не погашены – 38% от числа имеющих непогашенные кредиты в банках собирались в момент опроса весной 2014 г. воспользоваться кредитом снова уже в течение ближайшего года, причем и в СК, и среди остальных россиян этот показатель совпадал. Единственное, что радует в этой связи – некоторое уменьшение данного показателя, т. к. весной 2008 г. таковых в этой группе было более половины. Видимо, кризис 2008–2009 гг. все-таки показал хотя бы части россиян опасность одновременного обслуживания нескольких кредитов.

Две другие кредитные стратегии также примечательны. Одна из них характеризует тех, кто кредиты в последние три года не брал, но планирует взять. Эта группа относительно невелика по численности и включает всего 7% россиян. Другая же (33% населения в целом) кредитами пользовалась, но в ближайший год вновь обращаться к ним не намерена. Первый показатель в СК на 3% ниже, а второй – на 9% выше (38% против 29%), чем среди не входящих в его состав россиян. Это свидетельствует о том, что *резерв расширения кредитования за счет не пользовавшихся ранее кредитами россиян – не столько СК, сколько наименее благополучная часть населения*. При этом прошлый опыт кредитования и выплаты долга вместе с процентами для СК оказался не столь тяжелым, как для не входящих в его состав россиян.

Учитывая как наличие у СК свободных средств (70% в нем при 40% среди не входящих в его состав россиян способны назвать приоритетные направления расходования ими свободных денег, в то время как остальные говорят об отсутствии свободных средств в принципе), так и специфические для него модели кредитования, естественен вопрос, имеет ли средний класс какие-то, характерные именно для него, **особенности в отношении распоряжения этими деньгами**.

Как показало исследование, около трети представителей СК тратят появляющиеся «свободные» деньги на приобретение дорогостоящих предметов длительного пользования и более трети – на развлечения, включая зарубежные поездки (см. рис. 5.4). При этом 8% СК тратят свободные средства и на то, и на другое. Остальные же россияне, в отличие от СК, чаще всего просто откладывают свободные средства «на черный день» (46% всех имеющих свободные средства в данной группе).

Однако наиболее ярко специфика поведенческих стратегий по распоряжению свободными средствами проявляется при анализе не просто отдельных действий в рамках возможных направлений трат, а типов этих стратегий. В связи с этим следует отметить, что соответствующие типы были выделены нами с помощью факторного анализа (метод Варимакс). Он показал, что можно выделить четыре таких стратегии. Первая из них, которую условно можно назвать **«потребительской стратегией»**, характеризуется расходованием свободных денег на дорогостоящие ТДП и развлечения. Вторая, **«инвестиционная стратегия»**, включает покупку ценных бумаг и предоставление денег в долг под проценты. Третья – **«сберегательная стратегия»** – характеризуется прежде всего инвестициями в недвижимость, которые, как известно, в нашей стране уже давно не приносят прибыли, но позволяют по крайней мере сохранить средства в условиях нестабильности фондовых рынков и банковской системы. В меньшей степени, но также характерно именно для нее размещение свободных средств на депозитах в Сбербанке или в других коммерческих банках. Наконец, четвертая стратегия может быть охарактеризована как **«стратегия выживания»** и включает в себя такие виды использования свободных средств как откладывание их «на черный

день» в виде неорганизованных сбережений и помочь близким, т. е. в нее входят действия, направленные на обеспечение как собственного выживания, так и выживания значимых для себя людей. Любопытно также, что покупки валюты оказались связаны при факторном анализе в первую очередь с потребительской стратегией (видимо, в этом случае валюта нужна для зарубежных поездок, оплаты покупок и т. д.), а также, хотя и в несколько меньшей степени, с консервативной сберегательной стратегией.

Рис. 5.4. Способы распоряжения свободными деньгами в различных группах населения, 2014 г., % от имеющихся свободные средства

Очень важно подчеркнуть при этом, что, как свидетельствуют данные, российский средний класс, в отличие от его зарубежных «коллег», отнюдь не характеризуется относительно большей распространённостью у него сберегательно-инвестиционных установок, чем у остальных россиян. Доминирующей стратегией распоряжения свободными средствами у него выступает потребительская, и особенно ярко это заметно на ядре СК (см. таблицу 5.5).

Более того, как видно из данных таблицы 5.5, даже у тех, кто имеет инвестиционно-сберегательные стратегии, их финансовое поведение – это все-таки скорее сберегательное, чем инвестиционное поведение. При этом наблюдаются довольно существенные различия между ядром СК и его периферией – в последней инвестиционно-сберегательные установки и поведение выражены относительно слабее, чем в ядре. Потребительская стратегия также распространена в периферии ядра СК относительно меньше. Ведущая же роль принадлежит в ней задачам обеспече-

ния выживания. Это свидетельствует об ощущении периферии ядра СК крайней непрочности своего условного благополучия, понимания необходимости создавать «страховой резерв». Впрочем, с учетом наличия свободных средств далеко не у всех представителей этой группы такой резерв пытается формировать лишь около четверти ее представителей (при 37% в ядре СК и 17% среди остальных россиян). Причем резерв этот по его функциям – не перераспределение средств в рамках различных этапов жизненного цикла, и не дополнительный источник получения дохода, а именно небольшие сбережения на случай нехватки средств на текущее потребление. Подобная линия поведения характеризует прежде всего тех, у кого относительно длительный временной горизонт, но средств на более рациональные в экономическом плане стратегии не хватает.

Таблица 5.5

**Стратегии распоряжения свободными средствами в различных группах населения,
2014 г., % от имеющих свободные средства**

Виды стратегий	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Потребительская	67	49	59	36	37
Инвестиционная	4	2	3	1	1
Сберегательная	47	42	45	45	29
Выживание	37	51	43	58	57
<i>Справочно: присутствуют какие бы то ни было формы инвестиционно- сберегательного поведения</i>	49	42	46	46	30

В связи с этим надо отметить, что *в целом для СК характерно, в отличие от остальных россиян, стремление планировать свою жизнь. Оно характеризует 63% его представителей и лишь 36% не входящих в его состав россиян, т. е. различия здесь ярко выраженные и качественные.* Однако даже в СК наиболее массовой (47% при 29% у остальных россиян) является группа, планирующая свою жизнь лишь на ближайшие год-два. На 3-5 лет планируют свою жизнь 14% представителей СК и 5% не входящего в его состав населения, а более чем на 5 лет – всего по 2% тех и других. При этом связь планирования своей жизни и избираемых стратегий расходования свободных средств очень наглядная – если среди тех, кто планирует свою жизнь на 5 и более лет вперед, 38% используют инвестиционную стратегию и 43% используют стратегию выживания, то среди тех, кто вообще не планирует свою жизнь, лишь 15% используют инвестиционную стратегию и 22% – стратегию выживания.

С учетом этого для прогнозирования финансового поведения СК существенно, что его ядро характеризуется гораздо более длительным «временным горизонтом», чем периферия этого ядра – в ядре СК лишь треть вообще не планируют свою жизнь. В его периферии таковых также меньшинство (42%), но они встречаются уже чаще, чем в ядре СК. Кроме того, в ядре СК больше тех, кто характеризуется длительным (3 и более лет) временным горизонтом. Среди остальных россиян данный показатель в разы меньше. При этом связь планирования собственной жизни и стратегий расходования свободных средств в СК и среди

остальных россиян проявляется по-разному. В СК среди тех, кто имеет свободные деньги и планирует свою жизнь на 3 года и более, 60% демонстрируют наличие у них инвестиционной стратегии и 59% – стратегии выживания (откладывание средств на «черный день»). В тоже время среди остальных россиян таковых 41% и 45% соответственно.

Таким образом, «отложенное потребление», столь характерное для СК развитых стран, присуще и российскому СК, но лишь при одном условии – готовности его планировать свою жизнь на сколько-нибудь долгий период. В условиях же характерной для России нестабильности и малопредсказуемости не только будущего, но и прошлого и настоящего, эта готовность достаточно низка даже в составе СК. Тем не менее, СК и в этом отношении демонстрирует достаточно выраженные отличия от остальных россиян, что позволяет говорить о формировании у него особых поведенческих стратегий.

6. Ценности и мировоззрение среднего класса

Характеризуя средний класс как особый социальный субъект в современном российском обществе, нужно подробно остановиться на анализе норм и ценностей, которые декларируют его представители. Необходимо ответить на вопрос – является ли российский средний класс в настоящий момент выражителем ценностей всего общества или же существует ценностный раскол между ним и остальными россиянами? Для этого следует проанализировать особенности мировоззрения СК, а также охарактеризовать особенности отношения его представителей к справедливости и неравенствам.

Говоря об особенностях норм и ценностей представителей СК, нужно, прежде всего, обратиться к **религии**, так как различные религиозные взгляды могут находить свое отражение и в соответствующем мировоззрении. Данные исследования показывают, что представители СК практически не отличаются от остальных россиян по своим религиозным взглядам. Так, утверждают, что являются православными, 72% СК и 70% других групп населения; последователями ислама или иной религии считают себя 7% СК и 4% остальных россиян; верят в некую высшую силу, но не принадлежат к конкретной конфессии 7% СК и 9% остальных групп населения; наконец, не считают себя верующими 14% СК и 17% остальных россиян. Таким образом, *разница в доле сторонников того или иного отношения к религии различается у среднего класса и населения, не попавшего в него, не более чем на величину статистической погрешности*. Это позволяет утверждать, что различия в ценностно-нормативных моделях СК и остальных россиян, о которых будем идти речь в этом разделе, определяются в современном российском обществе иными факторами, нежели их религиозная принадлежность.

Обратимся теперь к анализу **ценостных установок** представителей СК, которые ассоциируются обычно с обществами модерна (нонконформизм, выбор общества равенства возможностей в противовес обществу равенства доходов, внутренний локус-контроль – принятие ответственности за свою жизнь на себя). Можно ли утверждать, что эти установки в большей мере свойственны представителям среднего класса, чем остальным россиянам? (см. таблицу 6.1).

Из данных таблицы 6.1 видно, что *по доле разделяющих ценности общества модерна (внутренний локус-контроль, нонконформизм, инициативность и др.) представители среднего класса, а в особенности его ядра, отличаются от других россиян: поддержка этих ценностей среди них оказывается заметно выше*. Так, демонстрируют преобладание внутреннего локус-контроля, отмечая, что успехи и неудачи зависят от самого человека, более 60% СК и половина остальных россиян; считают, что лучше выделяться среди других, чем жить как все, две трети СК и половина представителей остальных групп

населения. В выборе между инициативностью и традициями к первому варианту склоняется более половины СК (56%) и чуть более 40% не попавших в его состав россиян. Наконец, выбирая между обществом равных возможностей и обществом равных доходов, отдают приоритет равенству возможностей три четверти СК и менее чем две трети россиян, не входящих в него.

Таблица 6.1
Некоторые ценностные установки различных групп населения, 2013 / 2014 гг., %¹

Альтернативные суждения	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Человек – сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – все в его руках*	64	61	62	48	52
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его усилиями*	36	39	38	52	48
Уверен(а), что смогу обеспечить себя и свою семью сам, и поэтому не нуждаюсь в материальной помощи со стороны государства	54	43	47	34	35
Без материальной поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно	46	57	53	66	65
Выделяюсь среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить, как все*	69	63	65	53	45
Жить как все лучше, чем выделяться среди других*	31	37	35	47	55
Главное – это инициатива, предпримчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	59	54	56	45	42
Главное – это уважение сложившихся обычаям, традиций	41	46	44	55	58
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни*	78	72	74	63	65
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей*	22	28	25	37	35

*Данные по вопросам приведены по результатам исследования ИС РАН 2013 года, проведенного по сопоставимой общероссийской репрезентативной выборке, в котором по той же методике были выделены различные группы населения.

¹ Данные по вопросам, отмеченным*, приведены по результатам исследования ИС РАН 2013 года, проведенного по сопоставимой общероссийской репрезентативной выборке, в котором по той же методике были выделены различные группы населения.

При этом ядро СК и периферия этого ядра демонстрируют качественно схожие тенденции по всем вопросам, кроме оценки своей возможности выжить без поддержки государства – уверены, что смогут обеспечить себя сами, и не нуждаются в материальной помощи со стороны государства более половины (54%) ядра СК и менее половины (43%) его периферии; при этом среди остальных россиян соответствующие доли еще ниже.

Таким образом, ценности и установки, характерные для общества модерна, а именно – нонконформизм, внутренний локус-контроль, ориентация на инициативу и приоритет равенства возможностей, ярче проявляются именно у представителей среднего класса. Наиболее ярко они выражены в его ядре. Однако при этом сложно говорить об однозначном доминировании этих ценностей у среднего класса – хотя и составляющая меньшинство, но значительная доля его представителей придерживается противоположных, традиционалистских ценностей. Средний класс демонстрирует ту же ценностную неоднородность, которая свойственна в настоящий момент и всему обществу в целом, хотя его представители дальше продвинулись по пути перехода от традиционалистских ценностей к ценностям модерна.

Если обратиться к динамике данных, то сравнение с 2003 г. показывает, что в среднем классе за это время возросла поддержка нонконформизма, хотя произошло это, прежде всего, за счет периферии ядра (с 55 до 63%). Среди остальных россиян рост поддержки нонконформизма был при этом даже более значительным. Что же касается выбора в дилемме «равенство возможностей» – «равенство доходов», то здесь динамика оказалась более противоречивой – среди периферии ядра СК и тех россиян, кто не попадает в СК, выбор практически не изменился. При этом в ядре СК, в котором в 2003 году приоритет равенству возможностей отдавали 88%, за десятилетие произошло снижение доли тех, кто поддерживает данный вариант равенства (см. таблицу 6.2).

Таблица 6.2
Динамика ценностных установок различных групп населения, 2003/2013 гг., %

Альтернативные суждения	Средний класс				Остальные россияне	
	Ядро СК		Периферия СК			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить, как все	72	69	55	63	37	47
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	28	31	45	37	63	53
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	88	78	73	72	62	64
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	12	22	27	28	38	36

С одной стороны, такая динамика свидетельствует о некотором снижении ценностной гетерогенности в обществе по этому вопросу и сближении СК с остальными россиянами. С другой стороны, подобное снижение означает разочарование части ядра среднего класса в ценностях общества модерна, которые не работают на практике в российских институциональных условиях – в частности, при избыточном и нелегитимном неравенстве, о чем еще будет сказано ниже.

По отношению к нормам и ценностям общества модерна средний класс оказывается неоднороден не только с точки зрения его деления на ядро и периферию, но и с точки зрения отношения к этим ценностям разных возрастных групп: доля поддерживающих модернистские нормы и ценности оказывается значительно выше среди молодежи из состава среднего класса, чем среди его представителей старшего поколения (см. таблицу 6.3).

Таблица 6.3

**Особенности ценностных установок представителей СК из разных возрастных групп,
2013/2014 гг., %**

Альтернативные суждения	Младше 30 лет	От 30 до 50 лет	Старше 50 лет
Человек – сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – все в его руках*	75	59	50
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его усилиями*	25	41	50
Уверен(а), что смогу обеспечить себя и свою семью сам, и поэтому не нуждаюсь в материальной помощи со стороны государства	55	47	36
Без материальной поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно	45	53	64
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить, как все*	75	66	50
Жить как все лучше, чем выделяться среди других*	25	34	50
Главное – это инициатива, предпримчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	70	51	45
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	30	49	55
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни*	77	74	72
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей*	23	26	28

*Данные по вопросам приведены по результатам исследования ИС РАН 2013 года, проведенного по сопоставимой обще-российской репрезентативной выборке, в котором по той же методике были выделены различные группы населения.

Данные таблицы 6.3 показывают, что *возраст является одним из важнейших дифференцирующих факторов для нормативно-ценностных систем среднего класса*. В этом смысле СК не отличается от остальных россиян, среди которых молодежь также демонстрирует более высокую степень модернизированности своего сознания. Однако даже при рассмотрении только молодежи до 30 лет, большую приверженность ценностям модерна демонстрируют в данной группе именно представители СК: так, например, доминирование внутреннего локус-контроля характерно для 75% молодежи СК и 58% остальных молодых россиян, нонконформизм свойственен 75% и 65% этих групп, а приоритет инициативности над соблюдением традиций отдают 70% и 62% соответственно. Таким образом, *возраст, хотя и является дифференцирующим в выборе россиян между ценностями общества модерна и традиционалистскими ценностями, не является при этом единственным определяющим фактором – социально-классовая принадлежность также играет свою роль, отражая совокупность характеристик, влияющих на этот выбор – определенный уровень благосостояния, накопленного человеческого и культурного капитала и т. п.*

Отметим также, что для среднего класса возрастные различия проявляются практически по всем рассмотренным аспектам, кроме выбора между обществом равных возможностей и обществом равных доходов, по которому СК делится на две неравные группы (три четверти поддерживают общество равных возможностей и четверть поддерживает общество равных доходов) независимо от возраста.

Продолжая тему идеальной модели общества, посмотрим, какой выбор представители российского СК делают в дилемме «общество индивидуальной свободы – общество социального равенства» и отличаются ли они в этом вопросе от остальных россиян. Данные показывают, что различия между СК и остальным населением достаточно значительные – *в среднем классе общество индивидуальной свободы выбирают 44% его представителей, а среди тех, кто не попал в средний класс – 29%. Общество социального равенства поддерживают, соответственно, 56% среднего класса и 71% остальных россиян.*

Таблица 6.4

Выбор между обществом индивидуальной свободы и обществом социального равенства представителей различных групп населения, 2014 г., %

Желаемая модель общества	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Общество индивидуальной свободы	47	43	44	30	28
Общество социального равенства	53	57	56	70	72

Сам СК вновь демонстрирует при этом ценностную гетерогенность. Внутри СК на выбор между этими противоположными моделями обществ оказывают влияние возрастные и поселенческие факторы, а также уровень образования – как собственный, так и родительской семьи. Что касается возрастных различий, то доля поддерживающих общество индивидуальной свободы среди представителей СК резко сокращается после отметки в 50 лет – до 38% среди тех, кому от 50 до 60 лет, и до 27% среди тех, кто старше 60 лет; в остальных возрастных группах этот показатель колеблется вокруг 50%. Выбор общества индивидуальной свободы выше у представителей СК, проживающих в более крупных поселениях: так, именно этот выбор делают 74% СК из проживающих в мегаполисах и только треть (35%) представителей сельского СК. Уровень образования также влияет на предпочтительную модель общества – общество индивидуальной свободы готовы поддержать 41% имеющих среднее специальное образование и 52% имеющих высшее образование (в т. ч. незаконченное) или ученую степень. Дифференцирует ответы СК и культурный капитал: среди тех его представителей, чьи родители не имели профессионального образования второй и третьей ступени, общество индивидуальной свободы выбирают 38%, а среди тех, у которых хотя бы один из родителей имел высшее образование, эта доля возрастает до 59%.

Однако вновь нужно отметить, что все эти факторы, являясь дифференциирующими по данному вопросу и для остальных россиян, не определяют полностью тех различий, которые наблюдаются между СК и остальными россиянами: во всех группах, выделенных по тому или иному признаку, именно представители СК в большей степени демонстрируют склонность к выбору общества индивидуальной свободы (так, если рассматривать, например, только жителей мегаполисов, то среди представителей СК такой выбор делают, как было сказано выше, почти три четверти, а среди не попавших в его состав – 29%; если обратиться только к тем, кто имел среднее специальное образование, то аналогичные доли составят 41% в среднем классе и 26% – среди остальных россиян, и т. п.). Таким образом, классовые различия в отношении выбора модели оптимального общественного устройства оказываются достаточно значимыми и не определяются лишь тем, что в составе СК сконцентрировано более образованное и благополучное население.

При этом вновь следует отметить и гетерогенность самого среднего класса по этому вопросу, что не позволяет говорить о доминировании у его представителей какой-либо единой нормативно-ценостной модели.

Чтобы лучше понимать, что стоит за различиями в выборе обществом индивидуальной свободы и обществом социального равенства представителями СК, нужно проанализировать также само отношение к свободе и оценку ее роли в восприятии разных социальных групп. Как показывают данные, *среди представителей СК, особенно в его ядре, выше доля тех, кто отдает приоритет свободе по сравнению с материальным благополучием, чем среди не попавших в средний класс. С другой стороны, понимание свободы совпадает как у представителей СК, так и у тех, кто в него не входит – большинство россиян определяют свободу через возможность быть самому себе хозяином, а не через политические права и свободы, и эта доля составляет около 70% во всех социальных группах* (см. таблицу 6.5).

Таблица 6.5
Отношение к свободе и ее понимание у представителей различных групп населения, 2014 г., %

Альтернативные суждения	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	74	66	70	63	56
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	26	34	30	37	44
Свобода человека – это возможность быть самому себе хозяином	69	69	69	69	70
Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах	31	31	31	31	30

Таким образом, в понимании свободы СК вновь выражает позицию всего населения (отличающуюся от типичной для западных стран и свидетельствующую о незавершенности даже в среднем классе процесса формирования мировоззрения, соответствующего современным обществам).

Продолжая анализ проблематики модернизированности мышления представителей СК, следует остановиться на вопросе о рациональности сознания, которая также типична для обществ модерна. Одним из индикаторов этой рациональности может выступать **планирование своей жизни** в среднесрочной и долгосрочной перспективе, которое, как уже отмечалось в разделе 5, в большей степени свойственно представителям СК (см. рис. 6.1).

Важно подчеркнуть, что среди самого СК планирование своей жизни на перспективу пяти и более лет в большей степени свойственно самым молодым его представителям – среди тех, кому от 18 до 21 года – каждый четвертый планирует свою жизнь на такой срок. Наблюдаются в данном вопросе и определенные гендерные различия – мужчины из состава СК планируют свою жизнь на пять и более лет в 20% случаев, а женщины – только в 12%. Кроме того, на горизонт планирования оказывают влияние характеристики человеческого и культурного капитала – представители СК, имеющие высшее (в т. ч. незаконченное высшее)

образование, в полтора раза чаще планируют свою жизнь на длительный срок, чем получившие только среднее специальное образование, а те, кто имеет хотя бы одного родителя с высшим образованием – почти в два раза чаще, чем те, у кого родители не имеют профессионального образования второй и третьей ступени.

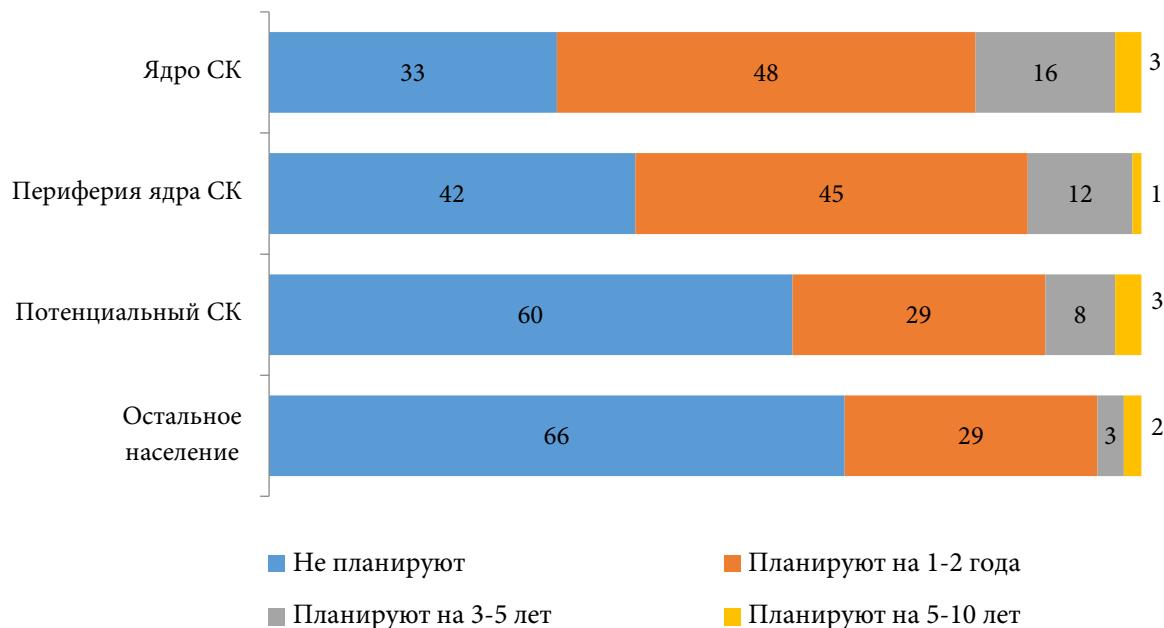

Рис. 6.1. Планирование своей жизни в различных группах населения, 2014 г., %

Таким образом, горизонты планирования у представителей среднего класса, особенно его ядра, значительно шире, чем у остальных россиян, что определяется как иными условиями их жизни (большой стабильностью положения, устойчивостью структурных позиций на рынке труда), так и особенностями их норм и мировоззрения, на которые влияют ряд факторов – возраст, тип поселения, объем человеческого и культурного капитала и т. п.

Продолжая рассмотрение особенностей мировоззрения современного российского СК, обратимся к вопросу **отношения его представителей к неравенствам и к их представлениям о справедливости**. Проведение такого анализа необходимо не только для лучшего понимания особенностей нормативно-ценостных систем СК и выявления возможных различий по отношению к остальному населению, но и в силу того, что представления о справедливом обществе – это отправная точка для формирования запроса к социальной политике государства. Об особенностях взаимоотношений среднего класса и государства еще будет подробно сказано в разделе 11, поэтому в данном материале мы обозначим лишь те базовые нормативно-ценостные рамки, на основании которых выстраивается это взаимодействие. Итак, посмотрим, прежде всего, насколько толерантны представители СК к неравенствам различных типов и какие из них они считают справедливыми и обоснованными, а какие нет. Начать нужно с того, что мнение СК о неравенствах в российском обществе отражает сложившуюся в нем реальную картину избыточности этих неравенств – лишь 4% среднего класса, как и остальных россиян, считают, что острых неравенств в нашем обществе сегодня нет.

Какие же из социальных неравенств воспринимаются сегодня представителями СК как наиболее болезненные для себя и для общества?

Рис. 6.2. Мнение представителей СК о наиболее болезненных для общества в целом и лично для них неравенствах в современной России, 2013 г., %

Данные показывают, что *на первом месте оказывается неравенство доходов, от которого, по мнению представителей среднего класса, в наибольшей степени страдают сейчас и они сами, и общество в целом* (см. рис. 6.2).

Однако, говоря о *всех типах неравенств*, представители среднего класса значительно чаще отмечают болезненность этих неравенств для *всего общества, чем для них самих*. Так, неравенство по доходам отмечают как наиболее болезненное для общества более чем две трети СК (69%), в то время как сами страдают от него, по самооценке, только 40% из них. Неравенство в доступе к медицинской помощи относят к наиболее острым для общества 45% СК, а к болезненным лично для себя – 31%; аналогичная картина характерна и для оценки неравенства жилищных условий (38 и 25%), неравенства в доступе к образованию (33 и 21%) и т. д.

Вообще не страдает от существующих неравенств, по их собственной самооценке, каждый пятый представитель СК (20%). При этом в населении, не попавшем в состав СК, эта доля более чем в два раза ниже (9%). Показательно, что сам средний класс не однороден и в этом вопросе – в ядре СК от неравенств не страдают 27% его представителей, а в периферии ядра эта доля значительно снижается и составляет лишь 15%.

Таким образом, фиксируя в современном российском обществе значительные проблемы, связанные с неравенствами, сами представители среднего класса ощущают себя менее подверженными этим неравенствам, чем остальные россияне. Это, с одной стороны, подчеркивает их более благополучное положение и более высокие жизненные шансы; с другой – свидетельствует о том, что, несмотря на относительную стабильность своего положения, они осознают высокую проблемность ситуации с неравенствами для российского общества в целом на данном этапе его развития. Посмотрим, отличается ли рейтинг наиболее болезненных лично для них типов неравенств у представителей двух подгрупп среднего класса и у остальных россиян (см. таблицу 6.6).

Таблица 6.6

Болезненные лично для них неравенства в различных группах населения, 2013 г., %
(отражено по ответам СК в целом)

Виды неравенств	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Неравенство доходов	35	43	40	48	54
Неравенство в доступе к медицинской помощи	26	34	31	44	43
Неравенство в доступе к хорошим рабочим местам	22	30	26	24	32
Неравенство жилищных условий	26	25	25	24	32
Неравенство в возможностях для детей из разных слоев населения	17	25	22	21	22
Неравенство в доступе к образованию	17	24	21	19	17
Неравенство в обладании собственностью	11	13	12	14	14
Неравенство в досуговых возможностях	11	10	10	11	13
Таких неравенств нет	27	15	20	12	6

Как видно из данных таблицы 6.6, основные различия в восприятии болезненности разных типов неравенств для них лично разными группами населения проявились по самому распространенному типу неравенства – неравенству по доходам. По самооценкам, от этого типа неравенства страдает треть ядра СК (35%), 43% периферии этого ядра, почти половина потенциального СК (48%) и более половины остального населения (54%).

Еще один тип неравенства, болезненность которого заметно различается для представителей СК и остальных россиян – это неравенство в доступе к медицинской помощи (оно занимает третью позицию в рейтинге самых острых неравенств как для СК, так и для остального населения). От него, по самооценкам, страдает четверть ядра СК (26%), треть периферии ядра СК (34%), и более 40% потенциального СК и остального населения.

Различия по остальным типам неравенств между СК и россиянами, не попавшими в него, также присутствуют, но не столь велики. Важно, однако, отметить различия между ядром СК и периферией этого ядра, которые носят количественный, а не качественный характер, но являются достаточно показательными с точки зрения

характеристики положения этих двух подгрупп СК. Так, представители периферии ядра СК чаще отмечают болезненность лично для себя неравенств, связанных с доступом к образованию (24% против 17% в ядре), с доступом к хорошим рабочим местам (30% против 22%), а также с различными возможностями для детей из разных слоев (25% против 17%). Таким образом, оказываясь в составе среднего класса, но не в самой стабильной и устойчивой его части, они чаще страдают от сложившейся в стране системы неравенств – а ведь именно через каналы занятости и образования они могли бы упрочить свои позиции (или хотя бы позиции своих детей) в составе СК.

Итак, дана общая картина восприятия россиянами из состава среднего класса и других массовых групп населения тех неравенств, которые существуют в настоящее время в российском обществе. Обратимся далее к вопросу о том, насколько эти неравенства воспринимаются представителями СК как легитимные и справедливые и каким, по их мнению, должно быть общественное устройство, отвечающее их представлениям о справедливости.

Прежде всего следует отметить, что *представители российского среднего класса являются сторонниками существования в обществе определенной глубины неравенства*. Об этом свидетельствует и выбор подавляющим большинством из них общества равных возможностей, а не равных доходов, и признание необходимости определенной дифференциации доходов в обществе. Так, 42% СК согласны с тем, что большая разница в доходах людей необходима, чтобы отразить разницу в их талантах и усилиях при 24% несогласных с этим¹, в то время как среди остального населения ниже доля согласных с этим и выше доля несогласных (35 и 30% соответственно). Кроме того, более половины СК (52%) считают, что в любом обществе есть и будут неравенства – это естественно и справедливо (при 18% несогласных с этим). Среди остальных россиян согласны с естественностью существования неравенств в любом обществе 46%, не согласны – 22%.

С другой стороны, большинство СК, выражая при этом и мнение остальных россиян, все же считает, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми (с этим согласны 61% СК), а также говорит о том, что в справедливом обществе различия в уровне жизни людей должны быть небольшими (58% согласных с этим среди СК и 64% среди остальных россиян). Таким образом, в массе своей *представители среднего класса, с одной стороны, готовы к тем или иным неравенствам в российском обществе и считают их естественными, но с другой – настаивают на необходимости их адекватной глубины. По этим вопросам они выражают мнение всего населения, хотя и демонстрируют чуть большую толерантность к неравенствам как таковым* (см. таблицу 6.7).

Какова же должна быть глубина дифференциации доходов, чтобы она могла считаться адекватной и справедливой в представлениях среднего класса? Масштабы допустимых для него различий в доходах можно оценить по ответам на вопрос о том, во сколько раз доход квалифицированного специалиста должен превышать средний уровень дохода по стране. Данные показывают, что россияне, входящие в состав СК, допускают большее неравенство доходов, основанное на разнице в квалификации: среднее значение допустимых разрывов в доходах представителей групп населения с разной квалификацией в ядре СК составило 5,6, в периферии этого ядра – 4,9, среди потенциального СК – 4,9, а среди остального населения – 4,4. Таким образом, *представители среднего класса готовы к более, чем пятикратному разрыву между средними зарплатами по стране и уровнем зарплаты наиболее квалифицированных работников, что означает достаточно глубокую дифференциацию доходов в обществе в целом*.

¹ Допускался также ответ «отчасти согласен, отчасти нет».

Таблица 6.7

Представления различных групп населения о неравенствах, 2013 г., %¹

Суждения	Средний класс: согласны / не согласны, в т. ч.			Потенциальный СК: согласны / не согласны	Остальное население: согласны / не согласны
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Большая разница в доходах людей необходима чтобы отразить разницу в их талантах и усилиях	42 / 22	42 / 25	42 / 24	39 / 30	34 / 30
В любом обществе есть и будут неравенства – это естественно и справедливо	56 / 15	49 / 19	52 / 18	51 / 18	43 / 23
Для того, чтобы общество было справедливым, различия в уровне жизни людей должны быть небольшими	58 / 12	57 / 10	58 / 11	63 / 8	65 / 8
Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми	59 / 15	63 / 9	61 / 11	65 / 11	69 / 6

Важно понимать при этом, что для представителей СК, как и остальных россиян, важны не только масштабы различий в доходах, но и их легитимность. *Наибольшую толерантность они проявляют к неравенствам, возникшим в результате большей эффективности труда* (см. рис. 6.3).

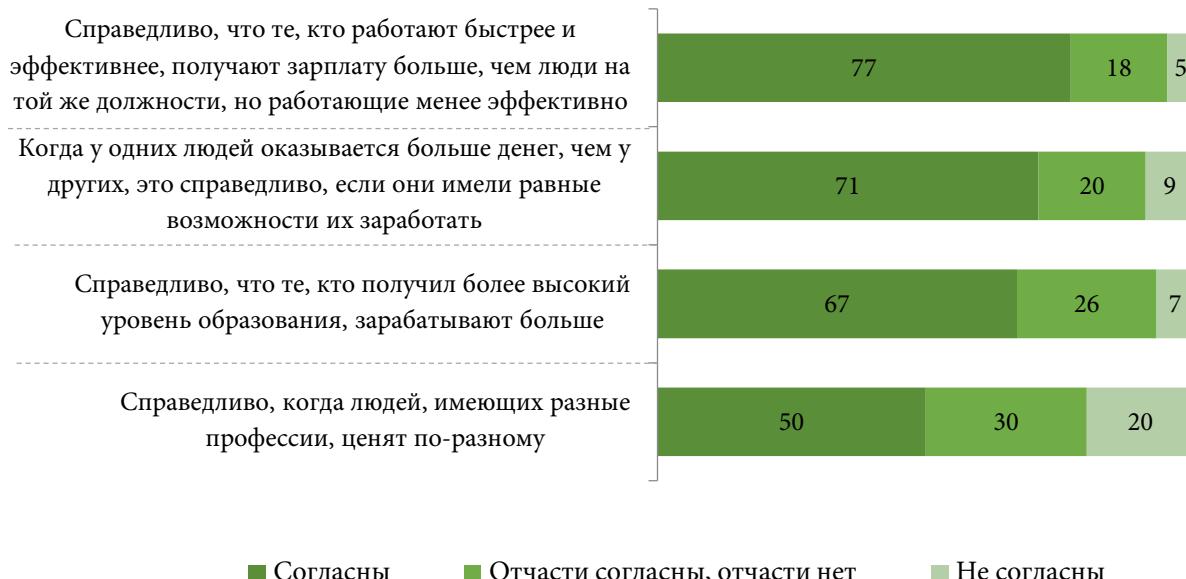

Рис. 6.3 Представления СК о справедливых основаниях неравенств, 2013 г., %

Более 70% среднего класса согласны также с тем, что различия в доходах справедливы, если у людей существуют равные возможности для заработка, что согласуется с характерной для их представлений моделью общества равных возможностей. Еще одно основание для неравенства доходов, которое представляется двум

¹ В таблице не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также те, кто затруднился с ответом.

третям представителей СК справедливым – это различия в уровне образования. Наконец, различные профессии как основания для разной оплаты труда готовы видеть половину представителей СК, в то время как 20% считают это основание дифференциации доходов несправедливым.

Если сравнить ответы представителей СК с ответами россиян, не попавших в его состав, то можно заметить, что хотя средний класс в целом в большей степени склонен соглашаться с теми или иными основаниями неравенств, качественно ответы его представителей отражают картину, характерную для представлений в этой области всех россиян. Так, со справедливостью дифференциации доходов на основании более эффективной работы согласны 72% россиян, не попавших в состав СК; со справедливостью дифференциации доходов в условиях равных возможностей для заработка согласны 60% из них и т. п.

Если же перейти от анализа отношения к неравенствам в целом и их справедливых и несправедливых оснований в глазах СК к его отношению к таким конкретным проявлениям неравенств в современном российском обществе как лучшее жилье, большая пенсия, доступ к качественной медицине и лучшему образованию, то толерантность к ним представителей СК в целом оказывается также выше, чем это характерно для остальных россиян, но качественно средний класс вновь выражает по этим вопросам мнение населения в целом (см. рис. 6.4).

Готовых принять как справедливый тот факт, что люди с большими доходами могут покупать себе лучшее жилье, среди среднего класса, как и среди остальных россиян, оказывается заметно больше, чем не готовых к этому; аналогичная ситуация наблюдается и в оценке справедливости большей пенсии у тех, кто имеет более высокую зарплату. Доля согласных с ними в СК по каждой из этих позиций превышает половину (в то время как среди остальных россиян доля согласных с ними превышает долю несогласных, но не достигает половины всей группы).

Рис. 6.4. Представления СК о справедливости конкретных проявлений неравенств, 2013 г., %

Сравнение с данными предыдущих исследований показывает, что в отношении возможности покупки лучшего жилья людьми со средствами мнение СК за прошедшее десятилетие не изменилось (в 2003 году 54% его представителей были

согласны, а 15% – не согласны со справедливостью такого явления), в то время как толерантность к большей пенсии у тех, кто сейчас зарабатывает больше, за этот период заметно возросла (доля согласных увеличилась с 44% в 2003 году до 56% в 2013).

Иная картина наблюдается в отношении неравенств в доступе к медицинским услугам и к образованию. То, что люди с высокими доходами могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества, считают несправедливым 51% среднего класса, возможность людей с высокими доходами дать лучшее образование своим детям считают несправедливым 54%. Как справедливые эти ситуации расценили только 18 и 19% соответственно. Сравнивая ответы среднего класса по этому вопросу с ответами остального населения, можно отметить, что картина в целом аналогична, хотя СК проявляет все же чуть большую толерантность к этим проявлениям неравенств.

Если обратиться к внутренней структуре среднего класса, то также можно наблюдать некоторые различия, связанные с *большей толерантностью к конкретным проявлениям неравенств среди представителей ядра СК по сравнению с его периферией*. Так, согласны с правомерностью покупки лучшего жилья людьми со средствами 61% ядра и 53% периферии ядра СК, не согласны – 11% и 18%, соответственно. Оценивают как справедливую ситуацию с получением большей пенсии работниками с высокой зарплатой 59% ядра и 48% периферии СК, как несправедливую – 16 и 19% этих групп. Что касается доступа к лучшему образованию для своих детей у людей со средствами, то доли считающих это справедливым составили 20 и 18%, а доли считающих это несправедливым – 50 и 57% в ядре и периферии ядра СК, соответственно. При оценке возможности доступа к медицинским услугам лучшего качества у людей со средствами сочли ее справедливой 20% ядра СК и 17% периферии этого ядра, а несправедливой – 47 и 55% этих групп соответственно.

При этом в рамках самого СК сторонники общества равенства возможностей чаще проявляли толерантность к таким проявлениям неравенств, как лучшее жилье и большая пенсия у тех, кто больше зарабатывает, чем сторонники общества равенства доходов. В то же время в отношении доступа к медицине и образованию эти группы демонстрировали схожие взгляды – различия в их ответах не превышали статистической погрешности. Таким образом, услуги здравоохранения и образования не рассматриваются представителями СК в ряду обычных товаров и услуг – таких, например, как жилье – для которых они вполне допускают возможную дифференциацию качества в зависимости от готовности потребителя заплатить за них большую или меньшую цену.

Таким образом, для представителей среднего класса определенная степень неравенства в обществе не просто приемлема, но даже желательна – в этом вопросе с ними солидарны и остальные россияне, хотя допустимая степень глубины неравенств в представлениях среднего класса больше. Однако эти неравенства должны отвечать представлениям среднего класса об их справедливости и легитимности – быть основанными на более эффективной работе или более высоком уровне образования в условиях, когда у всех были равные возможности для заработка. При этом такие проявления неравенств, как доступ к лучшему образованию или медицинским услугам из-за более высоких доходов для представителей СК представляются скорее несправедливыми, и в этом они солидарны с мнением всего населения.

Завершая анализ особенностей мировоззрения представителей среднего класса, следует также остановиться на вопросе об их **идентичностях**: с кем они отождествляют себя сегодня и отличается ли субъективное самоопределение СК

от самоопределения других массовых групп россиян. Проанализируем в этом контексте особенности групповой самоидентификации («мы-идентификации») СК, фиксирующей ощущение близости к тем или иным социальным группам – про какие группы его представители могли бы сказать, что «это мы» (см. таблицу 6.8).

Таблица 6.8
С кем часто ощущают чувство общности представители различных групп населения, 2014 г., %

Группы	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
С друзьями	67	66	66	60	57
С Вашей семьей	68	62	65	67	60
С товарищами по работе, учебе	40	32	35	23	30
С людьми Вашего поколения	23	32	29	38	31
С людьми той же профессии, рода занятий	29	18	22	13	18
С людьми, разделяющими Ваши взгляды на жизнь или верования	20	17	18	20	16
С людьми той же национальности	8	11	10	6	6
С людьми, живущими в Вашем городе или поселке	5	8	7	7	12
С людьми того же материального достатка	6	8	7	12	11
С людьми, близкими Вам по политическим взглядам, позициям	4	3	4	6	4
<i>Медианное количество выбранных позиций</i>	3	3	3	2	2

По количеству социальных групп, с которыми представители среднего класса часто испытывают высокую степень близости, они в 1,5 раза опережают остальных россиян (медианное значение количества таких групп составляет, соответственно, 3 и 2), что означает, что их социальное пространство в полтора раза шире.

Что же касается степени распространённости тех или иных идентичностей, то две ключевые идентичности, значительно опережающие остальные, совпадают для всех россиян: чаще всего они испытывают чувство общности со своими друзьями (66% среднего класса, 58% остальных россиян) и со своей семьёй (65 и 62% соответственно). Остальные идентичности в гораздо меньшей степени распространены как среди представителей СК, так и среди других массовых групп населения.

Средний класс демонстрирует при этом некоторые количественные отличия от остальных россиян по более или менее свойственным для него идентичностям. Так, представители ядра СК заметно чаще идентифицируют себя с товарищами по работе и учебе (40%) и с людьми той же профессии (29%). Профессиональная идентичность при этом в несколько большей мере свойственна предпринимате-

лям, имеющим наемных работников, и руководителям разных уровней в составе ядра СК. Кроме того, прослеживается ее связь с уровнем культурного капитала — чем выше был уровень образования родителей у представителей СК, тем в большей степени для них характерна профессиональная идентичность. Таким образом, *профессиональная идентичность, пока вообще мало свойственная россиянам в целом, достаточно заметно проявляется в ядре СК, хотя и в нем не является пока преобладающей даже у работающих (впрочем, следует отметить в связи с этим, что в СК эта идентичность присутствует достаточно выражено даже у неработающих пенсионеров, что говорит о ее прочности)*. Кроме того, данные показывают, что *в последние годы эта идентичность в среднем классе снижается — как, впрочем, и чувство общности с людьми тех же взглядов и товарищами по работе или учебе, что отражает дальнейшую атомизацию российского общества за счет снижения в нем роли идентичностей макроуровня*. Так, за последние 10 лет у представителей СК более чем в два раза снизилась ощущаемая степень близости с людьми, с которыми они разделяют общие взгляды на жизнь — с 39 до 18%. Кроме того, произошло заметное снижение идентичности по профессиональному признаку — с 32 до 22%, а также с товарищами по работе или учебе (с 49 до 35%). Другие типы идентичности — с друзьями, семьей, людьми того же поколения — изменились при этом незначительно (см. таблицу 6.9).

Таблица 6.9
Динамика идентичностей представителей СК: с кем часто ощущают чувство общности,
2003/2014 гг., %

Группы	Средний класс, в т. ч.					
	Ядро СК		Периферия ядра СК		СК в целом	
	2003	2014	2003	2014	2003	2014
С друзьями	75	67	68	66	71	66
С семьей	65	68	62	62	63	65
С товарищами по работе, учебе	56	40	45	32	49	35
С людьми того же поколения	27	23	37	32	33	29
С людьми той же профессии, рода занятий	39	29	28	18	32	22
С людьми, разделяющими их взгляды на жизнь или верования	41	20	44	17	39	18
С людьми той же национальности	6	8	10	11	8	10
С людьми, живущими в том же городе или поселке	6	5	9	8	8	7
С людьми того же материального достатка	8	6	7	8	8	7
С людьми, близкими им по политическим взглядам, позициям	7	4	4	3	5	4

Приведенные данные показывают, что *о формировании у среднего класса особых систем идентичностей говорить пока рано (за исключением идентичности с представителями средних слоев, о чем уже говорилось в предыдущих разделах и еще будет говориться подробнее в разделе 13)*. Это может быть связано, во-первых, с расширением в последние годы границ СК и соответствующим увеличением степени его гетерогенности, не способствующей формированию у его представителей единых систем идентичностей,

а, во-вторых, с тем, что сам СК пока в значительной степени воспроизводится через приток в него «извне». Социальное окружение СК начинает постепенно отличаться от окружения остальных групп населения, но о завершении этого процесса и о социальном закрытии, замыкании на себе среднего класса говорить пока все же преждевременно. Так, несмотря на то, что в разделе 1 отмечалось, что представители СК имеют обычно супругов с более высоким уровнем образования, чем россияне из других слоев населения, эти различия носят качественный характер пока только для ядра СК, а периферия этого ядра демонстрирует лишь количественные отличия по этому параметру от других россиян. Если же говорить о более широком социальном окружении представителей современного российского среднего класса, то они общаются, судя по данным исследований ИС РАН 2013 и 2014 гг., как с бедными, так и с богатыми домохозяйствами. И хотя представители СК имеют в своем окружении несколько меньше бедных семей и значительно больше богатых, чем это характерно для остальных россиян, все же более половины ядра СК и почти две трети периферии этого ядра общаются хотя бы с одной-двумя бедными семьями. В этих условиях преждевременно говорить о формировании четких социальных границ между представителями среднего класса и других групп российского общества.

7. Российский средний класс о желательном векторе развития страны

Анализируя особенности мировоззрения современного российского среднего класса, отдельно нужно остановиться на тех нормах и ценностях, которые связаны с его представлениями о желательном векторе дальнейшего развития страны. Являясь массовым социальным субъектом, объединяющим в себе наиболее ресурсообеспеченных россиян, занимающих достаточно устойчивые структурные позиции в обществе, СК может оказывать значительное влияние на выбор пути России – в частности, принимая или отвергая на микроуровне те ценности, нормы и практики, которые соответствуют тому или иному варианту развития страны, а также ретранслируя свои представления в другие массовые социальные группы. В данном разделе мы обратимся к анализу ряда норм и ценностей, которые характеризуют отношение представителей российского среднего класса к западной модели развития и типичным для нее институтам, и попробуем на этой основе оценить потенциал поддержки им альтернативных векторов развития страны.

Прежде всего, начать следует с того, что сами представители СК думают об **оптимальном пути развития России** – считают ли они, что страна должна идти по траектории, характерной для западных стран, или же предполагают для нее особый путь (см. рис. 7.1.).

Рис. 7.1 Приоритетный путь развития России
в представлениях различных групп населения, 2014 г., %

Как видно из рис. 7.1, поддержка западного пути развития для России в среднем классе оказывается немногим выше, чем в других группах населения (причем различий во взглядах в этом вопросе двух подгрупп СК не наблюдается — и в ядре, и в периферии ядра СК около трети поддерживают западный путь развития России). Однако в целом и средний класс, и все остальные россияне склоняются к точке зрения о том, что Россия — особая цивилизация, и западный путь развития — не ее путь. Данного мнения придерживаются две трети представителей среднего класса и три четверти остальных россиян. Можно говорить о том, что *в российском обществе в настоящий момент существуют консенсус относительно неприменимости западной модели развития для России и доминирование представлений об «особом пути», которым должна идти страна. Средний класс солидарен в этом с остальным населением, хотя доля поддерживающих западный путь развития в нем выше, чем в остальных социальных группах.*

При этом сравнение с ответами на данный вопрос, которые давали представители среднего класса в 2003 году, показывает, что мнение населения на этот счет в различных социальных группах за последние 10 лет практически не изменилось — за исключением ситуации *в ядре среднего класса, в котором поддержка западного пути для России за прошедшее десятилетие заметно упала — с 43 до 33%* (см. таблицу 7.1).

Таблица 7.1

**Динамика согласия с применимостью западного пути развития для России
в разных группах населения, 2003/2014 гг., %**

Годы	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
2003	43	34	37	26	23
2014	33	32	32	26	24

Таким образом, даже в самой «прозападно»-ориентированной части СК идет процесс постепенного отказа от поддержки этого вектора развития России. По всей видимости, наблюдая, как происходило развитие страны в последние годы и к чему привели попытки реализации западной модели развития, осуществлявшиеся на протяжении последних 20 лет, представители ядра СК делают вывод о том, что те нормы и институты, которые эффективно работают в развитых западных странах, могут дать совсем иной результат в России. Поэтому среди них растет доля поддерживающих «особый путь» нашей страны, что сближает представления среднего класса о желаемом будущем страны с представлениями об этом остальных россиян и позволяет говорить о существовании общественного консенсуса о невозможности развития страны по западному образцу. С этими данными согласуется и та тенденция, о которой шла речь в предыдущем разделе — некоторое снижение поддержки ценностей модерна в ядре СК в силу разочарования в их эффективности в российских условиях.

В среднем классе наблюдается, однако, дифференциация в степени поддержки того или иного пути страны в зависимости от возраста: молодые представители СК в большей степени склонны к выбору западного пути развития для России, чем представители СК старшего поколения. Так, среди россиян из СК, которые моложе 30 лет, считают, что Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны, — 42%, но по мере увеличения возраста эта доля

снижается: до чуть более трети среди тех, кому от 31 до 40 лет, и до четверти среди старших возрастных когорт. Нужно также отметить, что в каждой возрастной когорте именно представители СК в большей степени поддерживают западный путь развития: так, например, даже среди россиян старше 50 лет эти доли составляют 21% среди СК и 17% среди не попавших в него. Но в целом, *несмотря на большую распространенность поддержки западного пути для России в среднем классе, эта точка зрения не является преобладающей даже у молодежи из СК – почти для 60% их представителей характерно видение иного, особого пути развития страны.*

Посмотрим, как влияют эти представления о путях России на мнение СК и остальных россиян о том, как должна строиться внешнеполитическая деятельность страны. *По данному вопросу консенсуса в рамках самого среднего класса не наблюдается – наоборот, в этом отношении он делится на две неравные, но значительные по численности группы: 56% его считают, что политика России должна быть ориентирована, в первую очередь, на страны СНГ, а 44% – что она должна быть ориентирована на страны Запада.* В населении, не попавшем в СК, поддержка союза с ведущими странами Запада как приоритетного направления политики оказывается заметно ниже и составляет только треть (34%). Что же касается различных подгрупп среднего класса, то в наибольшей степени на союз с западными странами ориентированы представители его ядра: в нем около половины считают, что приоритетным должно быть выстраивание отношений со странами Запада, а не странами СНГ (49%). В периферии ядра СК эта доля снижается до 41%. Таким образом, россияне скорее склоняются к тому, что для России важнее выстраивание отношений со странами СНГ, хотя в ядре СК в выборе между Западом и странами СНГ как ключевыми партнерами в международных отношениях голоса разделились поровну¹.

Выбор представителями СК того или иного внешнеполитического вектора в качестве ключевого тесно связан с их представлениями относительно путей развития России в целом: так, среди тех, кто поддерживает идею, что наша страна должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны, три четверти (75%) считают приоритетной ориентацию политики страны на западное сообщество, в то время как среди уверенных в том, что Россия – особая цивилизация и ей нужно искать свой путь, 70% говорят о том, что политика нашей страны должна быть ориентирована на развитие отношений прежде всего со странами СНГ. Таким образом, *нормативные представления о векторе движения России определяют и приоритеты россиян из среднего класса во внешнеполитической деятельности страны и, следовательно, будут оказывать влияние на популярность или непопулярность среди их представителей тех или иных политических мер.*

Что же касается направления внутреннего экономического развития России, то, выбирая между развитием высокотехнологичных и наукоемких производств или же использованием природных и сырьевых богатств страны, *представители среднего класса поддерживают первый вариант – т. е. вектор, связанный с опережающим развитием науки и технологий.* Следует подчеркнуть, что в этом смысле они не отличаются от остального населения – 65% россиян в целом выбирают именно данный вариант – однако максимальная доля его сторонников наблюдается в ядре СК (72%), которым есть что предложить на рынках труда в условиях развития наукоемких и технологически сложных производств. При этом в среднем классе доля

¹ Здесь следует отметить, что опрос проводился в период начала обострения событий на Украине (Евромайдан), что могло повлиять на актуализацию необходимости выбора между странами СНГ и Западом как приоритетными партнерами внешнеполитической деятельности в массовом сознании и оказать влияние на ответы респондентов.

поддерживающих ту или иную стратегию дальнейшего экономического развития страны не зависит от возраста, но оказывается выше среди тех, кто не только сам имеет высшее образование, но и является выходцем из высокообразованной семьи.

Продолжая тему желаемого будущего России, посмотрим, как распределились ответы представителей СК на вопрос о том, какой из лозунгов в наибольшей степени выражает их представления о желаемом будущем страны (см. таблицу 7.2).

Таблица 7.2

Лозунги, выражающие представления о желаемом будущем России в представлениях СК и остальных россиян, 2014 г., % (отранжировано по ответам СК)

Характеристики желаемого будущего России	Средний класс	Остальные россияне
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	49	56
Возвращение России статуса великой державы	35	31
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	34	32
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	33	27
Обеспечение стабильности и развития в обществе без революций и потрясений	27	29
Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	16	21
Россия, в первую очередь, для русских, создание русского национального государства	16	20
Решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством (экологическая и др.)	14	12
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	14	10
Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	10	6
Новое революционное переустройство России	1	2
Ни один из этих лозунгов не выражает Вашу личную мечту о будущем России	2	3

Как видно из данных таблицы 7.2, представления среднего класса о желаемом будущем России в целом отражают ту картину, которая характерна и для всего населения в целом, и четко артикулируют существующий в обществе запрос на социально-ориентированный мягкий консерватизм. Со значительным отрывом лидирует лозунг социальной справедливости, равных прав для всех и сильного государства (отметим, что представители СК в несколько меньшей степени, чем остальные россияне, поддерживают этот лозунг, хотя и среди них он является наиболее популярным – его выбрала половина представителей СК при 56% среди остальных россиян). Далее следуют лозунги, получившие поддержку примерно трети представителей среднего класса: «возвращение России статуса великой державы» (35%), «возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем» (34%) и «права человека, демократия, свобода самовыражения личности» (33%). Наконец, более четверти представителей СК отметили в качестве отражающего их представления о будущем страны лозунг, связанный с обеспечением стабильности в стране без революций и потрясений. Каждый из остальных вариантов получил менее 20% голосов как в СК, так и среди остальных россиян.

Обращает на себя внимание тот факт, что *представители среднего класса выступают за сбалансированное развитие страны: им, с одной стороны, не близки лозунги сильной и жесткой власти или революционного переустройства России; с другой – они не поддерживают идею свободного рынка с минимальным вмешательством государства в экономику. Сближение с Западом также не является для них приоритетом (так, в качестве главных сторон желаемого будущего России идею вхождения в «общеевропейский дом» поддержали лишь 10% среднего класса)*. Таким образом, вновь подтверждается вывод о стремлении СК к «особому пути» России, не совпадающему с направлением развития западных стран. По мнению представителей СК, этот путь должен характеризоваться не только свойственным странам Запада обеспечением социальной справедливости, равных прав для всех граждан, возможности самовыражения для каждого (вспомним также об устойчивом предпочтении представителями среднего класса общества возможностей над обществом равенства доходов), но и достаточно активной ролью государства в социальной и экономической сфере, что менее характерно для современного неолиберального западного вектора развития.

Обратимся теперь к нормам и ценностям, которые не относятся напрямую к выбору представителями СК того или иного пути развития страны, но их поддержка или неприятие во многом определяет коридор возможностей при выборе руководством страны моделей ее развития, так как любые инициативы на макроуровне могут быть успешными и результативными только при их поддержке и на микроуровне. Начнем с норм и ценностей, отражающих отношение представителей СК к ключевому неполитическому институту западной цивилизации – институту **частной собственности**.

К самому факту существования частной собственности в России СК относится положительно – причем поддержка частной собственности в нем выше, чем в других группах населения, а различия по этому вопросу между его подгруппами незначительны – и в ядре СК, и в периферии этого ядра как минимум 70% относится к факту существования в стране частной собственности положительно, воспринимая ее как необходимый и востребованный институт, и еще четверть – нейтрально (т. е. принимают ее просто как данность). В потенциальному СК доля положительно относящихся к частной собственности снижается до 56%, а среди остального населения – практически до половины (52%). При этом негативное отношение к частной собственности выражают 2% ядра СК, 6% периферии этого ядра и 12% среди не попавших в состав среднего класса россиян. Таким образом, *принятие частной собственности не просто как данности, но как эффективного и необходимого общественного института, свойственно представителям СК в большей мере, чем остальным россиянам* (см. рис. 7.2).

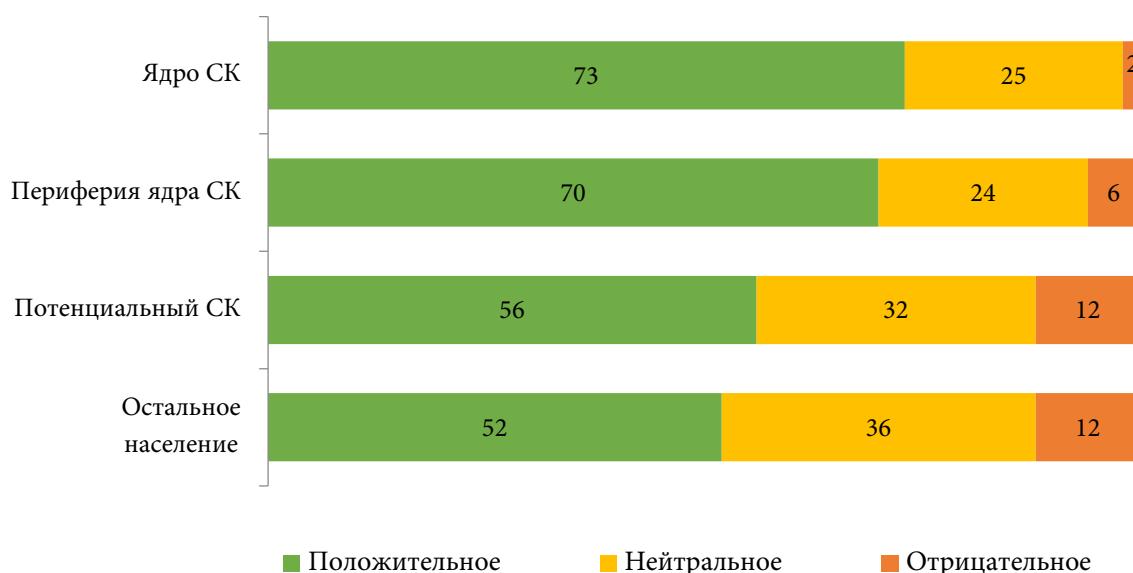

Рис. 7.2 Отношение к частной собственности у представителей различных групп населения, 2014 г., %

Динамика данных показывает, что, по сравнению с 2005 годом, отношение к частной собственности улучшилось во всех слоях населения — в том числе и в среднем классе, хотя качественных изменений в этом отношении в нем за последние годы не произошло — частная собственность уже в 2005 году воспринималась его представителями как норма жизни, элемент повседневности (см. таблицу 7.3).

Таблица 7.3

Динамика распространенности положительного отношения к частной собственности в различных группах населения, 2005/2014 гг., %

Годы	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
2005	68	64	66	54	45
2014	73	70	71	56	52

Что же имеют в виду, говоря о частной собственности, представители российского среднего класса? Данные показывают, что *концепция частной собственности в их представлениях достаточно сильно отличается от классического представления о ней в экономической науке*. Она распространяется, в их понимании, прежде всего на такие объекты личного пользования и недвижимости, как квартиры (85%), дачи и загородные дома (81%), земельные участки, используемые для собственных нужд (78%) или для производства сельхозпродукции для продажи (66%), автомобили (71%). В меньшей степени представители СК готовы согласиться с тем, что объектами частной собственности могут быть заводы, фабрики, магазины (63%), акции предприятий (52%), крупные суммы денег (47%), товары длительного пользования (45%). Наконец, термин «частная собственность» практически неприменим в представлениях представителей среднего класса к природным богатствам (13%), что отражает нелегитимность в их глазах частной собственности на природные комплексы и ресурсы. Мнение остальных россиян по этому вопросу в целом совпадает с представлениями СК, хотя те, кто не попал в его состав, говоря о частной собственности, чуть реже имеют в виду дачи и загородные участки (74%), квартиры (80%), земельные участки, используемые для своих нужд (72%) или для выращивания продукции на продажу (60%). Как видим, все россияне, в том числе и представители СК, говоря о частной собственности, ориентируются прежде всего на материальные объекты недвижимости. При этом менее осязаемые объекты — деньги, акции и т. п. — в меньшей степени ассоциируются у них с этим понятием.

Учитывая положительное отношение представителей СК к частной собственности, неудивительно, что они в большей степени, чем представители остальных россиян, разделяют мнение о том, что только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным, хотя их различия носят в данном случае количественный, а не качественный характер — собственность воспринимается как необходимый элемент свободы во всех группах населения (см. таблицу 7.4).

Итак, хотя в целом большинство россиян разделяет точку зрения о том, что обладание собственностью — это необходимая предпосылка свободы, именно в среднем классе и особенно его ядре она представлена особенно ярко — три четверти представителей ядра СК придерживаются данного мнения.

Таблица 7.4

Оценка роли собственности в отношении к свободе в различных группах населения, 2014 г., %

Альтернативные суждения	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным	76	70	72	67	65
По-настоящему свободен лишь тот, кто не имеет никакой собственности, собственность лишь закабаляет человека	24	30	28	33	35

Если же говорить о частной собственности на мезоуровне – уровне предприятий, – то в среднем классе меньше противников любого **частного бизнеса** (таковых всего 2% в ядре СК, 5% в периферии этого ядра, 9% в потенциальном СК и 11% среди остального населения). Что же касается типов частного бизнеса, которые, по мнению представителей среднего класса, имеют право на существование и защиту в российских условиях, то для них *в большей степени важен не масштаб бизнеса, а характеристики его деятельности с экономической, социальной и правовой точек зрения* (см. таблицу 7.5).

Таблица 7.5

Какой частный бизнес имеет право на существование и защиту в условиях России в представлениях различных групп населения, 2014 г., %¹ (отранжировано по ответам СК)

Какой бизнес имеет право на поддержку	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Малый бизнес	23	27	26	24	24
Средний бизнес	20	22	21	16	16
Крупный бизнес	17	13	14	10	9
Важен не масштаб бизнеса, а то, соблюдает ли он законы	43	42	42	39	39
Важен не масштаб бизнеса, а его экономическая эффективность	43	33	37	29	33
Важен не масштаб бизнеса, а его социальная ответственность	39	28	32	24	28
Важен не масштаб бизнеса, а то, в какой отрасли он работает	28	23	25	24	21
Противники всякого частного бизнеса	2	5	4	9	11

¹ Допускалось любое количество ответов.

В целом, как показывают данные таблицы 7.5, в отношении оценки разных типов бизнеса представители среднего класса репрезентируют мнение всего населения. При этом обращают на себя внимание несколько ключевых моментов. Во-первых, это *более лояльное отношение, которое представители СК, как и россияне в целом, проявляют к малому бизнесу по сравнению со средним и особенно крупным бизнесом*. Во-вторых, это *большая, по сравнению с масштабом бизнеса, важность характеристик его деятельности – причем не только экономических (его эффективность), но и правовых (соблюдение им законов), а также социальных (социальная ответственность бизнеса)*. Интересно, что группы тех, кто руководствовался в своей оценке масштабами бизнеса, и тех, кто руководствовался его правом на существование и поддержку другими его характеристиками, практически не пересекались. Только критериями масштаба бизнеса при ответе на этот вопрос руководствовались 28% СК, а только критериями других его характеристик – 67%.

Рис. 7.3. Динамика представлений СК о том, какой частный бизнес имеет право на существование и защиту в условиях России, 2005/2014 гг., %¹

По сравнению с 2005 годом, в СК не изменилось число противников частного бизнеса как такового – в то время как среди остальных россиян произошли достаточно заметные сдвиги: доля противников частного бизнеса снизилась практически в два раза (с 19% до 10%). При этом *сами представители среднего класса стали обращать меньше внимания на масштаб бизнеса по сравнению с другими его характеристиками*. Отвечая на аналогичный вопрос 9 лет назад, 49% представителей СК отмечали, что на существование и защиту имеет право, прежде всего, малый бизнес – сейчас эта доля снизилась до 26%. Но это не означает снижение легитимности малого бизнеса в глазах россиян – аналогичное снижение произошло и в отношении среднего бизнеса (с 43 до 21%), и даже крупного бизнеса, который и в 2005 году получал наименьшую поддержку (с 23 до 14%). Одновременно

¹ Допускалось любое количество ответов.

с этим произошло снижение требований россиян из СК к экономической эффективности бизнеса и к соблюдению им законов. При этом, однако, доля тех, для кого важна социальная ответственность бизнеса, практически не изменилась, а роль отрасли, в которой действует предприятие, даже немного возросла. В целом это означает, что *средний класс конкретизирует свои требования к бизнесу и выдвигает для признания его права на существование, защиту и поддержку меньшие дополнительных условий* (так, в 2005 году среднее число отмеченных позиций в данном вопросе составляло у представителей СК 2,5, а к настоящему моменту оно снизилось до 2). Однако однозначного согласия в отношении того, какими именно должны быть характеристики частного бизнеса, чтобы он воспринимался как легитимный и имеющий право на поддержку в российской экономике, в СК пока нет, как не было его и в середине 2000-х годов (см. рис. 7.3).

Обратимся теперь к оценке представителями среднего класса факта существования в стране **предприятий, принадлежащих иностранным фирмам**. Данные исследования показывают, что россияне из среднего класса относятся к таким предприятиям более толерантно, чем остальные, и в этом плане и ядро СК, и периферия этого ядра заметно отличаются от групп, не попавших в состав СК. Положительное отношение к наличию в стране предприятий в собственности иностранных фирм в большей мере свойственно представителям ядра СК (см. рис. 7.4). Однако даже в ядре СК существует хотя и меньшая, но значительная доля высказывающих отрицательное отношение к существованию в России предприятий в собственности иностранных фирм, а в периферии СК эта доля возрастает до трети. Это *не позволяет говорить о безусловном принятии открытой рыночной экономики не только россиянами в целом, но даже средним классом, и вновь свидетельствует о неприменимости для России западной модели развития в ее классическом виде*.

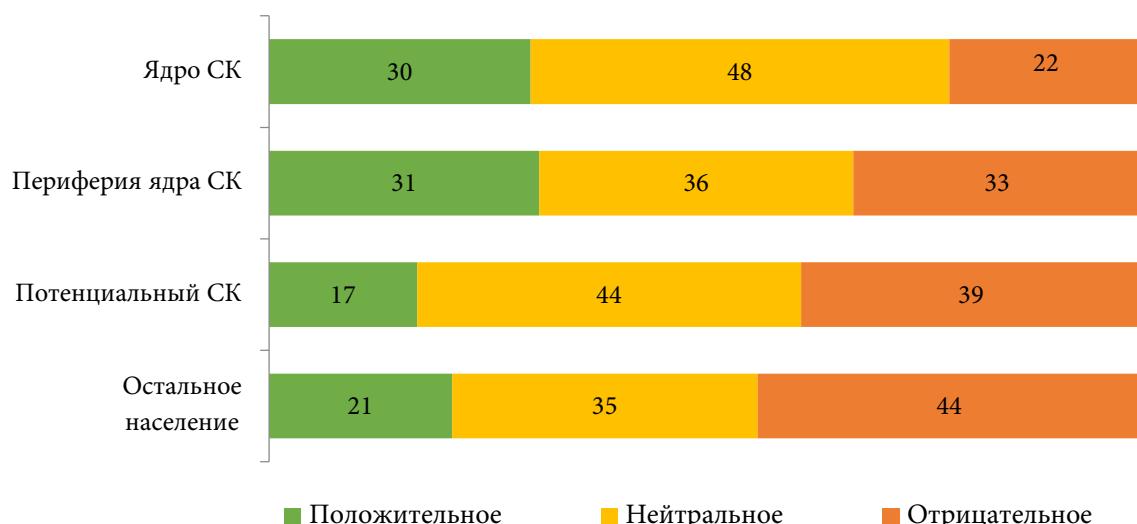

Рис. 7.4. Отношение к существованию в России предприятий, принадлежащих иностранным фирмам, у представителей различных групп населения, 2014 г., %

Динамика данных показывает, что *за последнее десятилетие положительное отношение у среднего класса к собственности иностранных фирм на территории России возросло* (с 18% в 2005 году до 31% в 2014), *а отрицательное – снизилось* (с 42 до 29%). Сравнение с изменениями, произошедшими в этот период в других группах населения, позволяет говорить о том, что динамика отношения представителей СК к существованию в России предприятий в собственности иностранных

фирм отражает характерную для всего общества в этот период картину, и картина эта свидетельствует о росте толерантности россиян к собственности иностранных фирм на предприятия, расположенные на территории России (см. таблицу 7.6).

Таблица 7.6

Динамика отношения к существованию в России предприятий, принадлежащих иностранным фирмам, в различных группах населения, 2005/2014 гг., %

Группы населения		Положительное отношение		Отрицательное отношение	
		2005	2014	2005	2014
Средний класс, в т. ч.	Ядро СК	17	30	38	22
	Периферия ядра СК	18	31	44	33
	СК в целом	18	31	42	29
Потенциальный СК		12	17	48	39
Остальное население		11	21	60	44

Обратимся далее к отношению представителей СК к еще одному ключевому принципу, являющемуся базовым для западного общественного устройства – **верховенству закона**. Данные исследования показывают, что российский средний класс сейчас нельзя назвать более законопослушным, чем остальных россиян. Хотя представители ядра СК чуть реже остальных отмечают, что законы не так важны, как справедливость (16%), *большинство в ядре и периферии ядра СК, как и среди остальных россиян, не попавших в состав среднего класса, считают, что законы нужно соблюдать, только если это делают и сами представители власти* (такой ответ дали 54% среднего класса и 49% остальных россиян). *Безусловное принятие закона при этом характерно только для четверти населения – как среди вошедших, так и среди не вошедших в состав среднего класса* (см. рис.7.5).

Рис. 7.5. Отношение к закону представителей различных групп населения, 2014 г., %

Таким образом, говорить о безусловном принятии средним классом такого базового принципа западного общественного устройства как непреложность закона говорить пока не приходится. *Средний класс выражает в данном вопросе*

мнение всего населения страны, которое подразумевает определенную степень условности закона – необходимость его выполнения отсутствует, если представители органов власти сами нарушают его.

Итак, как было показано выше, и в отношении частной собственности, и в отношении к праву как механизму регулирования общественных отношений, средний класс представляет все российское население в целом. Базовые неполитические институты современных западных обществ, хотя и не отвергаются средним классом, как, впрочем, и остальными россиянами, но и не принимаются ими как безусловные – в их представлениях существуют границы распространения концепции частной собственности, предпосылки необходимости соблюдения законов, условия признания права бизнеса на существование и т. п.

Разумеется, важно исследовать и вопрос о том, что россияне думают о нормах и ценностях, связанных с **регулированием политической сферы жизни общества**. Данные свидетельствуют: в этом вопросе средний класс в целом вновь выражает мнение всего населения, и говорить о том, что его представители обладают иным политическим сознанием или качественно иными представлениями об оптимальном политическом устройстве и политических институтах, не приходится. Средний класс декларирует те же нормы и ценности, относящиеся к политическому устройству, как и остальные россияне. Так, для подавляющего большинства представителей СК нормой является то, что любой человек должен иметь право отстаивать свое мнение, даже если большинство придерживается другого мнения. Большинство СК также полностью или скорее согласны с тем, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции, и в этом российский средний класс похож на население стран Запада.

Однако, с другой стороны, хотя и реже, чем остальные россияне, представители СК согласны с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы большинства перед интересами отдельной личности, а также с тем, что задача оппозиции состоит в помощи правительству, а не в его критике. Это существенно иные представления о правах человека и роли оппозиции в обществе, чем в западных демократиях. Кроме того, представители СК готовы признать право каждого гражданина на отстаивание своих интересов при помощи забастовок и демонстраций – но только если эти действия не несут угрозы общественному порядку (см. таблицу 7.7).

Таблица 7.7

Некоторые политические установки среднего класса, 2014 г., %
(отражировано по доле полностью разделяющих соответствующие установки)

Нормативные суждения	Полностью согласны	Частично согласны	Не согласны
Каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения	62	34	4
Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	47	43	10
Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции	46	45	9
Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказать помощь в его работе	43	49	8

Продолжение таблицы 7.7

Нормативные суждения	Полностью согласны	Частично согласны	Не согласны
Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	37	55	8
Гражданин не должен иметь право на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку	30	47	23
В любом обществе существуют конфликты, которые могут быть решены только посредством насилия	10	41	49

Следует отметить, что опрос проводился в период начала развития политического кризиса на Украине, поэтому мнения россиян по вопросам приемлемости отстаивания своего мнения с помощью забастовок и демонстраций, а также действий оппозиции против власти могли в этот период быть «подогреты» информационной кампанией, нежеланием повторения украинского сценария в России, и это также надо учитывать при трактовке полученных результатов. Однако динамика этих представлений у россиян говорит о неслучайности нынешних данных (см. рис. 7.6).

Рис. 7.6. Динамика политических установок россиян, 2001, 2008 и 2014 г., %¹

Что касается динамики этих показателей для россиян в целом за последние 10-15 лет, то они достаточно устойчивы и изменились за этот период незначительно – заметные сдвиги произошли только в отношении снижения степени согласия среди населения в целом с тем, что каждый имеет право отстаивать свое мнение, даже если большинство придерживается иного мнения (с 71% в 2001 г.

¹ Вопрос о задачах оппозиции не задавался в 2008 г.; вопрос о возможности забастовок при наличии угрозы общественного порядка не задавался в 2001 г., поэтому эти данные на рисунке не представлены.

до 60% в 2014 г.). Кроме того, по сравнению с 2008 годом увеличилась доля согласных с тем, что гражданин не должен иметь права на забастовку, если есть угроза общественному порядку (с 25% в 2008 г. до 29% в 2014 г.).

Если обратиться к динамике этих показателей в самом СК, то за период с 2008 по 2014 год она была достаточно неоднозначной: с одной стороны, в его ядре снизилась доля тех, кто полностью согласен с тем, что государство должно отстаивать интересы народа перед интересами отдельной личности (с 52 до 41%; в периферии ядра СК изменений не произошло), что демонстрирует движение в сторону принятия идеи приоритета личности над обществом, свойственной обществам модерна. С другой стороны, одновременно с этим наблюдались и противоположные тенденции: снизилась доля тех, кто был уверен, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения (с 72 до 65% в ядре СК и с 69 до 60% в его периферии), а также возросла доля тех, кто считает, что права на защиту своих интересов при угрозе общественному порядку быть не должно (с 25 до 30% в ядре СК и с 22 до 30% в периферии ядра СК). *Эти тенденции свидетельствуют о сложности и нелинейности процессов динамики политического сознания россиян.*

В целом можно говорить о том, что *процессы эволюции политического сознания в среднем классе находятся сейчас на том же этапе, что и в российском обществе в целом, и в целом далеки от преобладания тех норм, которые характерны для западных обществ.* В этом смысле вектор развития политического устройства страны, которому способствуют установки представителей СК, также далек от западного его варианта.

Продолжая тему соотношения личных и общественных интересов (по которой, судя по приведенным выше данным, у россиян из СК, как и у населения в целом, пока не сложилось окончательного представления), рассмотрим также декларируемую населением готовность ограничить свои **личные интересы во имя общественных** и пожертвовать своим личным благосостоянием ради страны и общества. В этих вопросах СК вновь представляет мнение всего населения страны – между различными социальными группами не наблюдается никаких количественных отличий. Однако представления самого СК по этим вопросам неоднородны: так, *хотя большинство в нем считает, что личные интересы – главное для человека (60%), меньшая, но все же достаточно значительная доля его представителей (40%) уверена, что личные интересы нужно ограничивать во имя интересов страны и общества. При этом сами не готовы жертвовать своими интересами и личным благополучием две трети среднего класса (66%), в то время как треть заявляют о том, что готовы были бы это сделать ради спасения страны.* Таким образом, представители СК в массе своей считают приоритетными свои личные интересы и в большинстве случаев не готовы их ограничивать или жертвовать своим благополучием ради страны, хотя доля декларирующих, что они готовы на это пойти, тоже остается достаточно заметной (см. таблицу 7.8).

В связи с этим интересно также отметить, как представители СК воспринимают необходимость отстаивать свои интересы. В данном вопросе мнения их расходятся – большая часть (61%) *считает, что для того, чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться, в то время как 39% придерживаются мнения, что нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней.* Среди остальных россиян также существует раскол в отношении выбора в этой дилемме, хотя по сравнению со СК они чуть реже выбирают активную борьбу за свои права (55%) в пользу необходимости подстраиваться под реальность (45%).

Таблица 7.8

**Соотношение личных и общественных интересов
в представлениях различных групп населения, 2014 г., %**

Альтернативные суждения	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	42	39	40	45	39
Личные интересы – это главное для человека	58	61	60	55	61
Если авторитетные политики призовут меня во имя спасения страны пожертвовать личным благосостоянием – я готов(а) на это пойти	31	35	33	39	31
Не готов(а) жертвовать личным благополучием даже ради спасения страны	69	65	66	61	69

Завершая рассмотрение желательного вектора развития России в представлениях среднего класса, проанализируем, что означает для них быть **патриотом своей страны**. Прежде всего, отметим, что по всем позициям мнение представителей СК почти полностью совпадает с мнением остальных россиян, не попавших в его состав, различаясь не более чем на величину статистической погрешности (см. таблицу 7.9). Единственная позиция, по которой мнения представителей СК и остального населения расходятся – это позиция «не говорить, что у твоей страны есть недостатки». С тем, что замалчивание недостатков своей страны является признаком патриотизма, согласились 40% россиян, не попавших в состав СК, и только 31% СК (28% ядра СК и 33% периферии этого ядра).

Таблица 7.9

**Патриотизм в представлениях среднего класса и остальных россиян, 2014 г., %
(отранжировано по ответам СК)**

Варианты ответов	Средний класс	Остальные россияне
Любить свою страну	98	97
Стремиться улучшать жизнь в стране, для того чтобы обеспечить ей достойное будущее	97	97
Гордиться своей страной	95	94
Защищать свою страну от любых нападок и обвинений	89	92
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она не была	78	81
Не говорить, что у твоей страны есть недостатки	40	31

Как видно из данных таблицы 7.9, для СК, как и для остальных россиян, быть патриотом – это, прежде всего, любить свою страну, стремиться улучшать в ней жизнь и гордиться ею. Подавляющее большинство согласно и с тем, что патриотизм – это защита страны от любых нападок и обвинений. Чуть меньшая доля, но все же более трех четвертей среднего класса считают при этом, что быть патриотом означает говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была. В гораздо меньшей степени с патриотизмом ассоциируется замалчивание недостатков страны.

8. Досуговые практики и социально-психологическое состояние среднего класса

Важнейшую роль в характеристике положения в обществе представителей той или иной социальной группы и их образа жизни играет свободное время и досуговые практики. Сфера досуга не только выступает ярко выраженным показателем уровня, качества, стиля жизни, ценностных и культурных предпочтений, повседневных привычек людей, но и является одним из определяющих факторов их социально-психологического состояния. Это тот самый нематериальный жизненный ресурс, который может в одних случаях стать компенсатором неблагополучного положения дел в материальной сфере и сделать бедного счастливым, а в других – нивелировать все материальные достижения, обесценить их, заставив «плакать богатого». В данном смысле изучение сферы досуга приближает нас к концепции «экономики счастья», увязывающей объективные показатели жизнедеятельности общества с субъективными оценками гражданами своего положения и пытающейся на этой основе зафиксировать и объяснить нередкие феномены социальных провалов успешной экономической политики и, напротив, ситуаций благополучия отдельных социальных групп на фоне отсутствия или скромных масштабов экономических успехов.

Задачами изучения сферы досуга в рамках данного исследования было оценить основные параметры досуга представителей российского среднего класса (на текущий момент и в динамике за последнее десятилетие) и выявить их связь с показателями социально-психологического самочувствия. При изучении сферы досуга мы ориентировались на две базовых группы показателей: 1) наличие свободного времени как «пространства досуга» и 2) собственно досуговые практики людей, их сочетание и разнообразие.

В начале анализа в качестве базовой его предпосылки зафиксируем тот факт, что сфера досуга в современном глобализирующемся обществе обретает все большую значимость. Эксперты и теоретики социального развития современных обществ подчеркивают, что сфера досуга перешагнула черту «вторичности» по отношению к сфере труда и рассматривается как самодостаточная категория. На фоне глобальной тенденции повышения ценности досуга гуманитарные отрасли и сфера услуг становятся одной из основных сфер занятости и источников дохода, а культура занимает место одного из важнейших ресурсов и приоритетов экономического развития. Фиксируются изменения в жизненных стратегиях людей,

добровольно отказывающихся от занятости в пользу досуга. С другой стороны, есть данные и противоположного характера, касающиеся России и развитых европейских стран, и оставляющие открытым вопрос о правомерности применения к ним сейчас концепции «цивилизации досуга» (особенно имея в виду актуализацию ценностей труда и занятости в связи с недавним мировым финансово-экономическим кризисом). Кроме того, исследования последних десятилетий свидетельствуют о том, что «второсортность» свободного времени и досуга по отношению к работе остается в России устойчивым стереотипом общественного сознания. Кардинальных изменений в отношении к досугу, несмотря на существенные перемены в образе жизни и новые досуговые возможности, в целом не произошло, *а главным вопросом становится не то, остается ли у человека время для досуга, а то, остаются ли на него силы.*

Однако, несмотря на все сложности и неоднозначность процесса становления «цивилизации досуга», постулат о неизбежности ее формирования можно принять за отправную точку анализа, исходя из которой мы и будем рассматривать далее досуг представителей СК. Прежде всего, обратимся к **общим оценкам удовлетворенности своими досуговыми возможностями** россиян в целом, а далее рассмотрим на этом фоне самооценки ситуации с досугом представителей СК.

Рис. 8.1. Динамика оценок россиянами своего положения в различных сферах, связанных с досугом, 2003-2014 гг., %

Сразу подчеркнем – *россияне в целом скорее довольны теми досуговыми возможностями, которые у них есть, чем недовольны ими* (см. рис. 8.1). Большинство населения (51%) оценивают их как «удовлетворительные», еще 35% полностью ими довольны (оценку «плохо» дали 13% опрошенных). За прошедшее с 2003 г. десятилетие удовлетворенность россиян своими досуговыми возможностями

в целом повысилась, при этом существенное улучшение оценок произошло за последний год. Сходная картина отмечается и в показателях удовлетворенности возможностями отдыха в период отпуска (48% удовлетворенных, 36% полностью довольных и 16% недовольных). Причем данные исследований ИС РАН показывают, что нынешняя ситуация в оценках досуговых возможностей – одна из самых благоприятных за последние двадцать лет и является результатом долгосрочного тренда на улучшение ситуации в данной области, который отмечается с 2000 г., ставшего переломным в динамике многих показателей социального самочувствия россиян.

Довольно большой разброс оценок возможностей для досуга и отдыха в период отпуска (хотя однозначно позитивных оценок в 2-3 раза больше, чем негативных, тем не менее последние составляют 13-16%) и существенная динамика оценок во времени свидетельствуют, что данные показатели сильно зависят от внешних для человека обстоятельств, прежде всего, от ситуации в стране в целом. Если сравнить приведенные данные с теми, которые характеризуют возможности людей для общения с друзьями, то можно увидеть совсем другую картину – стабильно высокий на протяжении долгих лет уровень удовлетворенности (47-55% полностью довольных, 39-44% удовлетворенных и 4-8% недовольных). Другими словами, *удовлетворенность россиян своим общением с друзьями представляет собой своеобразную социальную константу по сравнению с динамично меняющимися оценками возможностей для досуга и отдыха в период отпуска*.

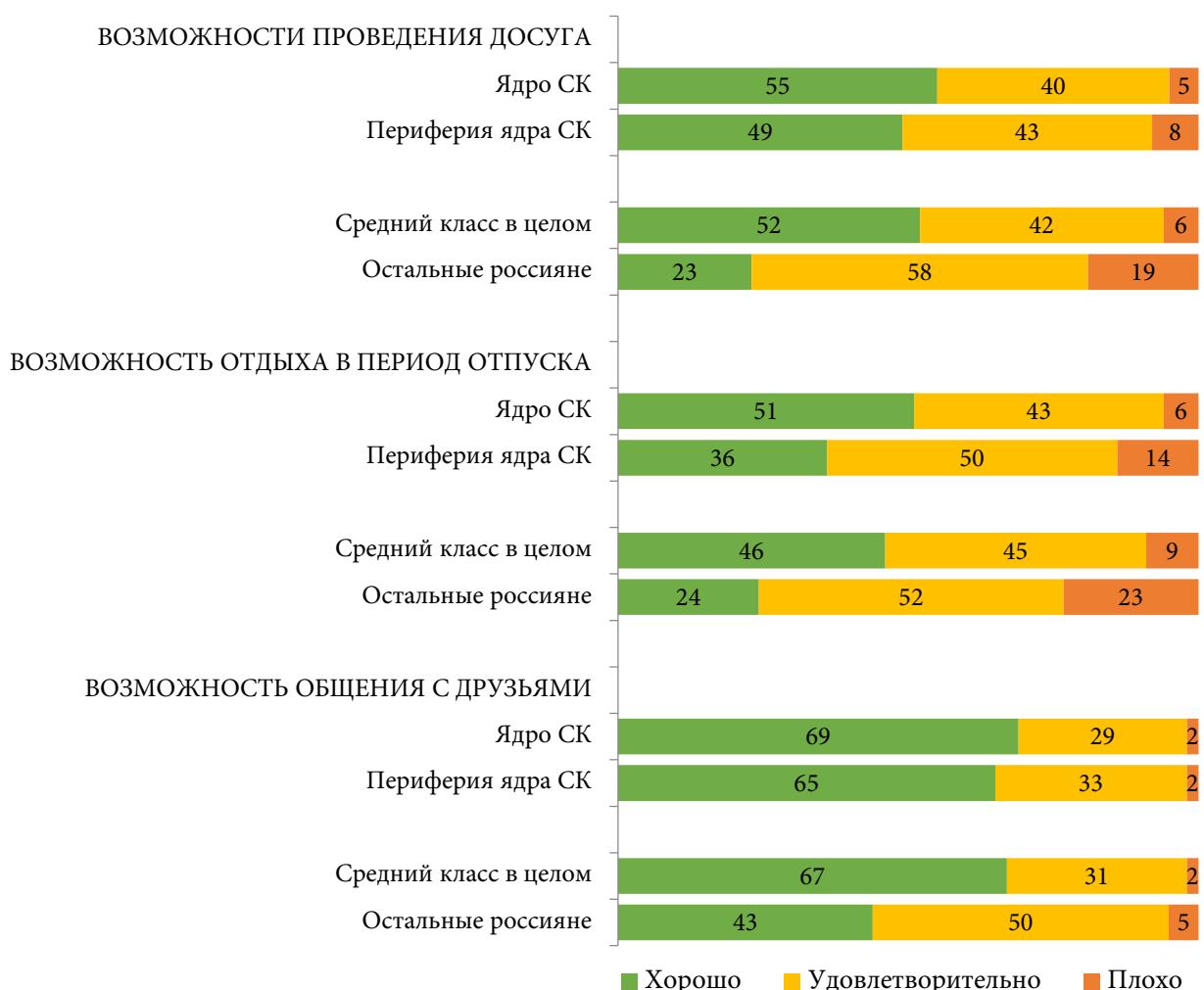

Рис. 8.2. Оценки своего положения в различных сферах, связанных с досугом, представителями различных групп населения, 2014 г., %

Как показывают результаты проведенного исследования, представители российского среднего класса отличаются по сравнению с остальным населением более высокими самооценками досуговых возможностей. При этом наибольший уровень удовлетворенности характерен для ядра СК. Все три оцениваемых показателя – возможности проведения досуга, отдыха в период отпуска и общения с друзьями – получают в ядре СК уверенное большинство оценки «хорошо» (55%, 51% и 69% соответственно). Доли тех, кто ставит рассматриваемым показателям оценку «плохо», в этой группе минимально (2-6%). Периферия ядра СК довольно близка к нему в своих оценках досуговых возможностей, тогда как потенциальный СК отличается уже заметно более низкими самооценками. В целом его оценки совпадают с оценками группы «остальное население» (см. рис. 8.2).

Разрывы в оценках досуговых возможностей представителями двух подгрупп СК больше по показателям «возможности проведения досуга» и «возможность отдыха в период отпуска» и меньше в отношении возможностей общения с друзьями, что еще раз подчеркивает обозначенную выше зависимость первых двух показателей от внешних условий. Возможность же общения с друзьями меньше дифференцирована в зависимости от различных социально-экономических и статусных обстоятельств, а потому реже выступает в качестве «линии разлома» в образе жизни представителей различных групп.

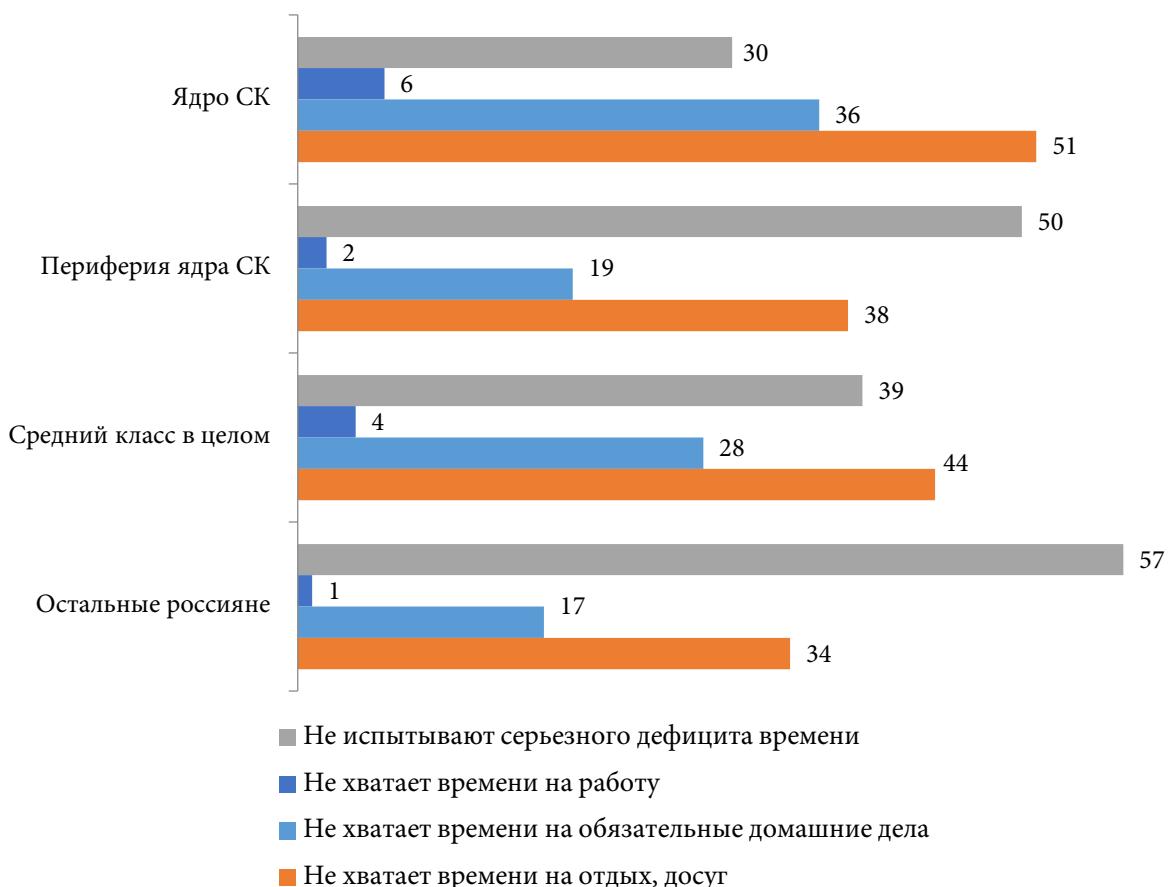

Рис. 8.3. Дефицит времени, испытываемый представителями различных групп населения, 2014 г., %

Говоря о досуге, прежде всего, следует обратить внимание на наличие главного его ресурса – **свободного времени**. Как показывает исследование, представители СК являются в этом отношении наиболее уязвимыми. Так, только немногим более трети СК в ходе опроса заявили, что не испытывают серьезного дефицита времени (39%), тогда как среди остального населения свободны от вре-

менного дефицита большинство (57%) (см. рис. 8.3). Чем ближе к ядру СК, тем выше временной дефицит (в самом ядре СК не страдают от дефицита времени уже только 30%). Именно представители СК чаще других говорят о дефиците времени на работу (2% в периферии ядра СК и 6% в ядре СК), на обязательные домашние дела (до 36%), но главное – на отдых и досуг (до 51% в ядре СК). Таким образом, с точки зрения наличия главного и необходимого ресурса для досуга – свободного времени – представители СК, особенно его ядра, сильно ограничены.

Это обстоятельство подтверждают и другие данные настоящего исследования. Так, отвечая на вопрос о том, приходилось ли им за последний год сталкиваться с теми или иными проблемами, представители СК вдвое чаще, чем остальные россияне, говорили о том, что у них не было времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела (17 и 8% соответственно). Причем в ядре СК о нехватке времени говорили 20%, и это вышло в «рейтинге проблем» на 2-е место (уступив лишь проблеме со здоровьем), тогда как среди остального населения нехватка времени стоит лишь на 8-м месте.

Неслучайно поэтому, говоря о том, какой они хотели бы видеть идеальную работу, представители ядра СК чаще других акцентируют внимание на том, что работа должна оставлять много времени для других занятий (отдыха, семьи, учебы). На данную характеристику работы в ходе опроса обратили внимание 12% представителей ядра СК, тогда как в остальных рассматриваемых группах данный показатель составил 7-10%. Приведенные различия в целом невелики, да и рейтинг ценности свободного времени в иерархии представлений об идеальной работе невысок (9-е место из 11 возможных в ядре СК), однако более высокая ее важность именно для этой группы является дополнительным свидетельством того, что время для нее – ресурс очень дефицитный.

Итак, фиксируется *дефицит свободного времени как важное исходное обстоятельство, характеризующее ситуацию в сфере досуга представителей среднего класса (прежде всего, его ядра)*. И это при том, что представители СК и особенно его ядра являются носителями наиболее оптимистичных оценок своих досуговых возможностей. В условиях дефицита одного из главных ресурсов досуга – времени – единственным возможным компенсатором, формирующим у представителей СК позитивные самооценки досуговых возможностей, может быть только качество этого досуга.

Что же составляет сегодня досуг представителей российского среднего класса, чем он отличается от досуга остального населения, в чем та его «изюминка», которая формирует удовлетворенность представителей СК своим досугом, несмотря на то, что его мало?

Сначала обратимся к общей картине и ее изменению за последние годы. Как показывают данные опроса, в целом по населению самым распространенным **видом досуга** является просмотр телепередач и слушание радио – свободное время посвящают этому 65% опрошенных. Далее с показателями 47-58% следуют такие досуговые альтернативы как занятие домашним хозяйством, встречи и общение с друзьями и «просто отдых».

Россия по-прежнему «читающая страна» – 37% наших сограждан в свободное время читают газеты и журналы, столько же читают книги, слушают музыку и смотрят видео. Не менее популярны среди россиян (38%) такие «простые радости» как прогулки, проведение времени на природе. Значительную роль в досуговых практиках опрошенных играют также занятия с компьютером, в том числе Интернет (36%). Несколько меньшее место в структуре досуга россиян занимают такие культурные практики как посещения театров и концертов (32%), популярность же проведения свободного времени на выставках и вернисажах, в музеях относительно невелика (12%).

Постепенно развиваются практики проведения свободного времени в кафе, барах и ресторанах (23%), которые в разы популярнее досуга вочных клубах и на дискотеках (4%). Немало россиян отдают свое свободное время и различным хобби (15%), а вот ранее популярные занятия в кружках и клубах по интересам к настоящему времени практически полностью растеряли свою аудиторию (2%). Зато каждый пятый россиянин посещает спортклубы, секции, тренировки (22%).

Особая тема – посещение церкви, религиозных собраний. Их сегодня практикуют 11% россиян. При этом религиозные собрания много популярнее участия в деятельности каких бы то ни было общественных или политических организаций (1-2%).

Основные тренды в распространности досуговых практик – сокращение книжной аудитории, а также таких традиционных домашних досуговых практик как просмотр телепередач и слушание радио, занятия домашним хозяйством и общение с друзьями. Им на смену приходит рост компьютерной аудитории и отдых в культурных, развлекательных и спортивных центрах (театры и концерты, кафе и рестораны, спортклубы) (см. рис. 8.4).

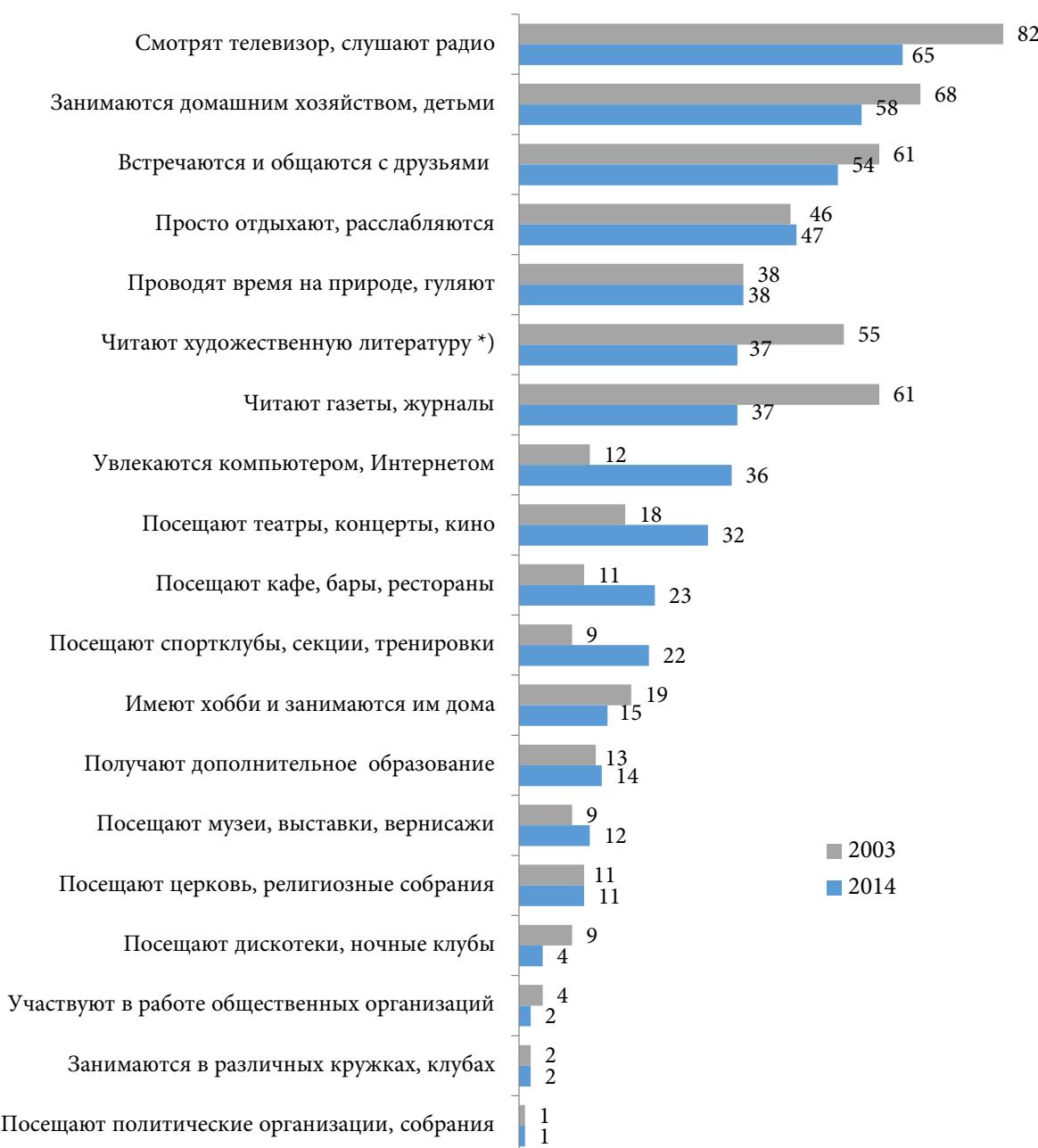

Рис. 8.4. Динамика популярности различных способов проведения россиянами своего досуга, 2003/2014 гг., % (данные отражены по частоте упоминаний в 2014 г.)

* В 2003 г. эта позиция имела несколько иную формулировку: «слушаю музыку, читаю книги, смотрю видео».

На фоне остального населения представители СК отличаются заметно большей активностью в использовании большинства досуговых практик. По 15 из 19 позиций частота использования соответствующих практик в СК больше, чем у остальных россиян. В «минусе» у среднего класса только самые пассивные виды досуга – просмотр телевидения и слушание радио, а также просто просто «ничегонеделание».

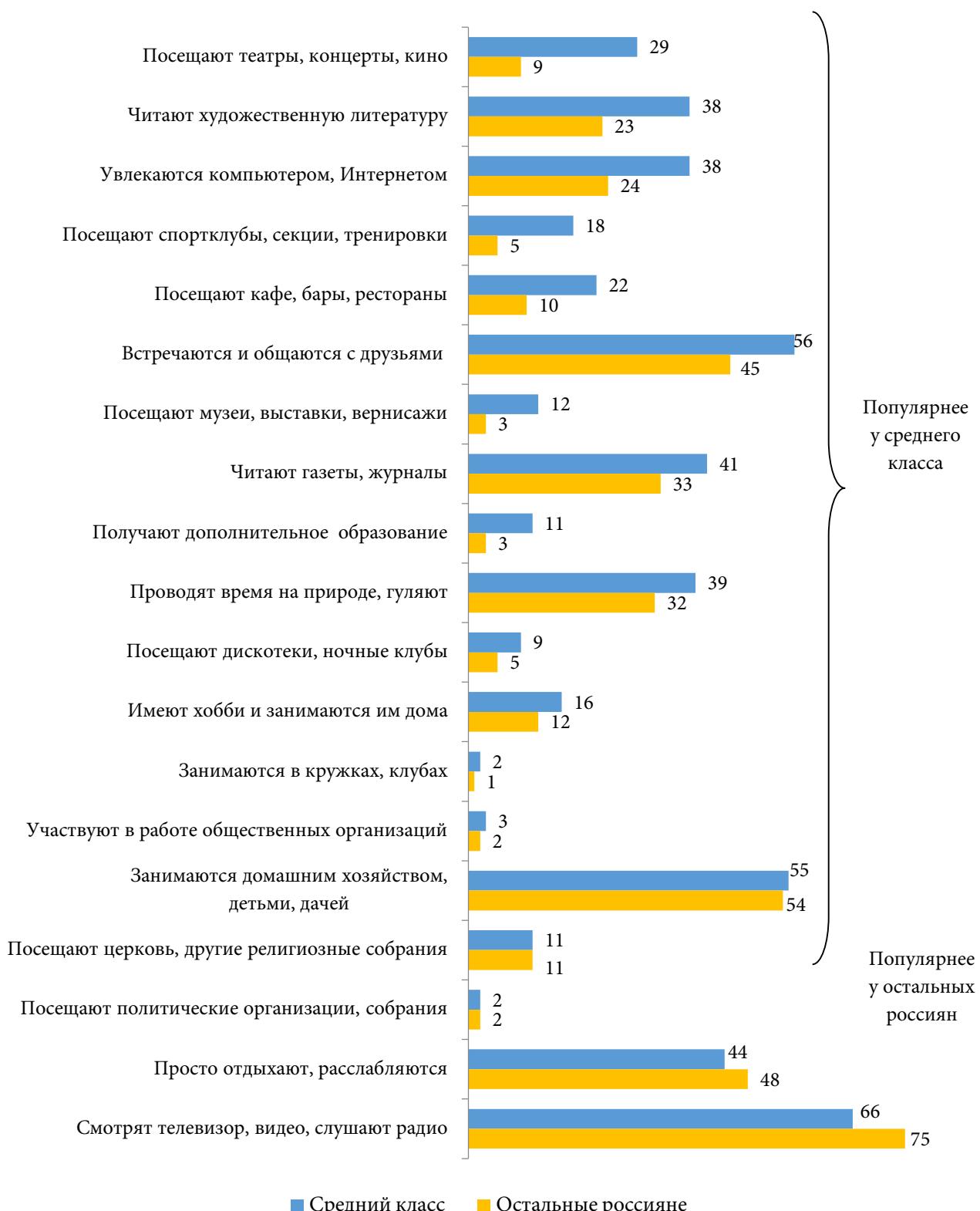

Рис. 8.5. Популярность различных способов проведения досуга у представителей различных групп населения, 2014 г., %

Главные маркеры досуга СК, отличающие его от остальных россиян – посещение театров и концертов, а также музеев, выставок и вернисажей; чтение художественной литературы и периодики; Интернет; спорт; кафе, бары и рестораны; встречи и общение с друзьями (см. рис. 8.5). Таким образом, *досуг представителей российского среднего класса на фоне остального населения страны выглядит не только заметно более насыщенным и гармоничным, но и направленным на культурное, интеллектуальное и физическое саморазвитие, а также общение*. Напомним, что разнообразие и насыщенность досуга СК отмечаются на фоне временного дефицита, которым характеризуется образ жизни этой группы. Другими словами, *количественный недостаток свободного времени действитель восполняется у него качественными характеристиками досуга*.

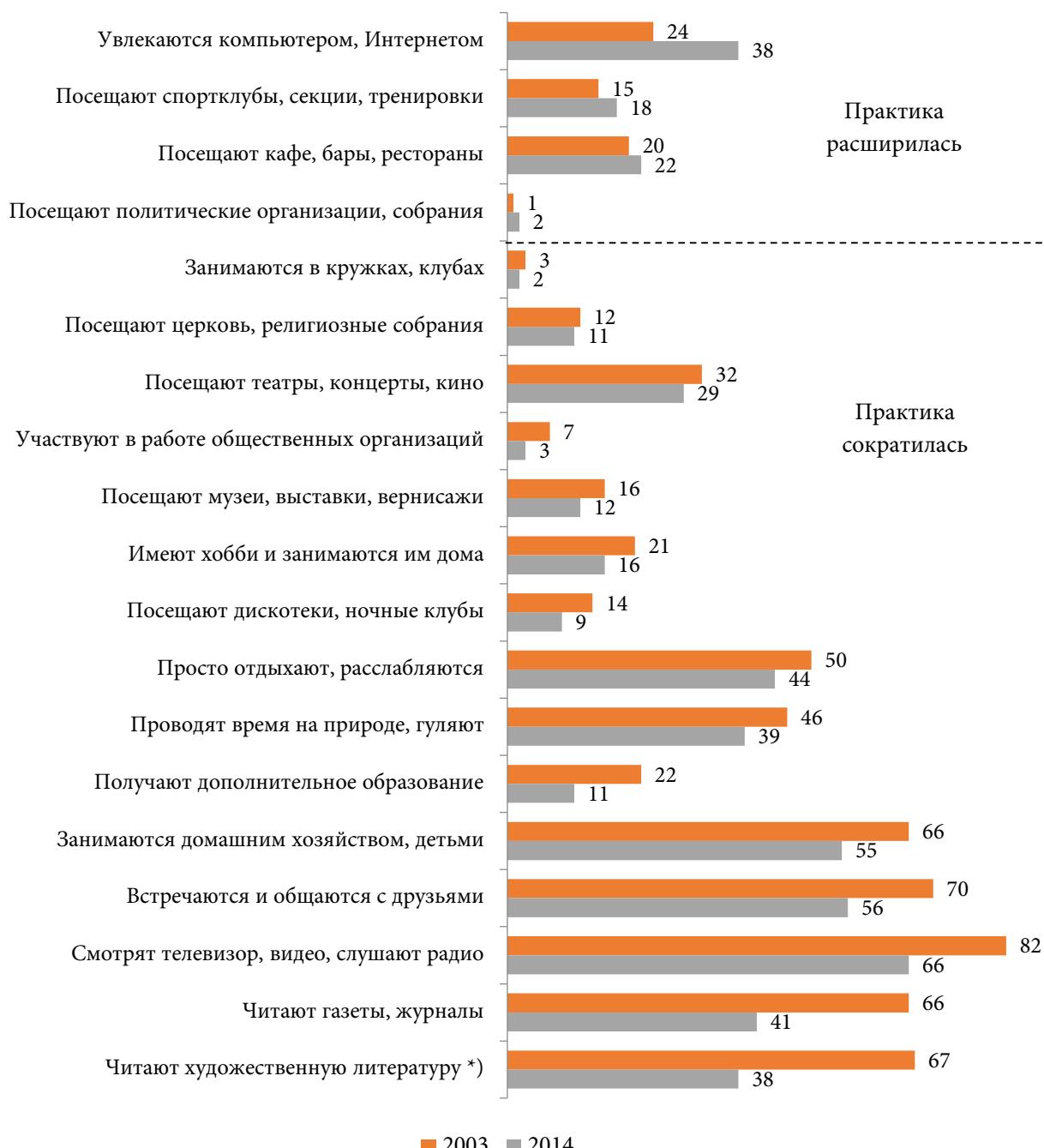

Рис. 8.6. Динамика различных способов проведения досуга у представителей СК, 2003/2014 гг., %

^{*)} В 2003 г. эта позиция имела несколько иную формулировку: «слушаю музыку, читаю книги, смотрю видео».

Однако, при всем относительном богатстве досуговых практик СК, на них оказались общие тенденции в развитии сферы досуга в последние годы – сокращение читательской аудитории и форм проведения досуга, связанных с ведением домашнего хозяйства. Так, по сравнению с 2003 г. заметно сократилось число представителей СК, которые читают периодику (с 67 до 38%, т. е. на 29%), смотрят ТВ и слушают радио (на 16%), занимаются домашним хозяйством (на 11%) (см. рис. 8.6).

Но, пожалуй, главная негативная для СК тенденция – сокращение доли тех, кто получает дополнительное образование (на 11%), посещает музеи, выставки и вернисажи (на 4%), участвует в работе общественных организаций (на 4%). Иначе говоря, *наблюдается сокращение досуговой активности представителей среднего класса именно по тем направлениям, которые являются визитной карточкой группы, маркируют ее как культурный и образовательный «локомотив общества», лидера общественной деятельности.*

Направленность досуговой активности, то есть содержательная сторона наполнения свободного времени, является важным типологизирующим фактором, определяющим специфику и качество свободного времени той или иной социальной группы. Можно выделить **три основных типа досуговой активности**. Самые распространенные и не требующие никаких дополнительных затрат *домашние* формы проведения свободного времени (телевизор, радио, хозяйствственные заботы или просто ничегонеделание) при отсутствии любой досуговой активности вне дома представляют собой *простой тип* досуговой активности. На сегодняшний день *доля сторонников «простых» форм досуга и отдыха составляет в России 12%* - именно столько наших сограждан не выходят за рамки этих видов проведения своего свободного времени (см.рис. 8.7).

Добавление к этим домашним занятиям тех или иных увлечений, включая чтение периодики, книг, слушание музыки, занятия компьютером и другие хобби, проведение времени на природе, более активное общение, направленное на пребывание вне семьи, встречи с друзьями, посещение церкви обогащает свободное время и несет в себе определенный развивающий компонент. Оставаясь домашним по своей сути, такой тип досуга более разнообразный и интересный, чем простое сидение перед телевизором и домашние хлопоты, и в целом наиболее *«традиционный»* для России, поскольку именно его практикует подавляющее большинство населения. В целом сегодня *традиционные формы заполнения свободного времени практикуют относительное большинство россиян – 52%*. Эта часть населения, в свою очередь, распадается на две подгруппы. Одна из них – те, кто дополняет «простейший досуг» чтением периодики, книгами, музыкой, прогулками на природе, а также такими «домашними хобби», как рукоделие, фотография и т. д. Их досуг остается в целом домашним, но носит более разнообразный и содержательный характер. *Такой «традиционный домашний» досуг предпочитают 15% россиян*. Заметно больше тех, кто в свое свободное время не ограничивается рамками дома, а предпочитает те или иные виды общения – Интернет-сообщества, друзья, религиозные и т. п. сообщества. *Такой традиционный, но направленный на общение досуг свойственен 37% россиян.*

Однако та часть населения, которая использует только простые или традиционные формы заполнения свободного времени, остается не в состоянии проявлять активное социальное, политическое и культурное участие вне дома, являющееся признаком полноценности и разносторонности досуга, важным условием высокого качества жизни. *Активный досуг*, о котором идет речь как о важнейшем

показателе качества жизни, начинается только при условии расширения спектра досуговых предпочтений за счет внедомашних видов культурной, развлекательной, рекреационной, общественной или иной деятельности, дополнительного образования и т. д. Посещение кино, театров, музеев, концертов, клубов, кафе и т. п., включенность в деятельность общественно-политических институтов, любая другая социальная активность вне дома требуют заметных дополнительных затрат (как материального, так и эмоционального или интеллектуального плана). Однако именно это и придает социальной жизни людей наибольшую полноту. Поэтому «активный» тип досуга, венчающий собой иерархическую лестницу типологии досуговой активности, наиболее богат, разнообразен и социально привлекателен. Такой «продвинутый», активный внедомашний досуг с характерным для него множеством развивающих, развлекающих, культурных, рекреационных, общественных элементов практикуют 36% россиян.

В группе сторонников активного досуга можно выделить три подгруппы. Для первой характерен досуг, предполагающий дополнение традиционных досуговых «жанров» такими «легкими жанрами» как посещение дискотек и ночных клубов, кафе и баров, а также кружков и клубов по интересам, спортивных залов и т. п. Этот активный, направленный на развлечения и спорт, досуг, присущ 11% наших сограждан. Второй тип активного досуга – это активный досуг, ориентированный на саморазвитие человека, его культурное и интеллектуальное самосовершенствование. Являющиеся его приверженцами люди посвящают свое свободное время театрам и концертам, музеям и выставкам, а также дополнительному образованию. Таковых насчитывается 21%. Наконец, третий тип активного досуга – это досуг, в ходе которого человек проявляет себя как активный гражданин, отдающий свое свободное время общественному участию, в том числе – в работе различных общественных собраний и ассоциаций или работе политических организаций. Распространенность активного досуга с общественным участием по результатам исследования можно оценить в 4% (см. рис. 8.7).

Рис. 8.7. Распространенность основных типов досуга по признаку его содержательной направленности среди россиян в целом, 2014 г., %

Типологизация досуга ярко демонстрирует отличия в досуге среднего класса от досуга остальной части общества. Самый простой, практически «растительный» вид досуга (телевизор, домашнее хозяйство и просто ничегонеделание) присущ всего 7% представителей СК, т. е. встречается у них в два с лишним раза реже, чем среди остальных россиян (16%).

Традиционный досуг – несколько более разнообразный и содержательный – характерен для 37% СК, тогда как для остального населения это наиболее распространенный тип досуговой активности (61%). При этом пропорция подтипов, входящих в состав традиционного досуга (как домашнего, так и ориентированного на общение) складывается у представителей СК в пользу более «продвинутого» его типа, направленного на общение, чаще, чем у остальных россиян. Распространенность его превышает распространенность домашнего ориентированной версии традиционного досуга у СК в 3,1 раза, а у остальных россиян – только в 2,2 раза.

Что же касается активного досуга, то среди представителей СК его практикуют большинство (55%), тогда как среди остальных россиян этот тип досуга, отличающийся направленностью на развитие человека в самых разных сферах, практикуют менее четверти (23%). Именно преобладание этого типа досуга является той разделительной чертой, которая определяет специфику образа жизни среднего класса (см. рис. 8.8).

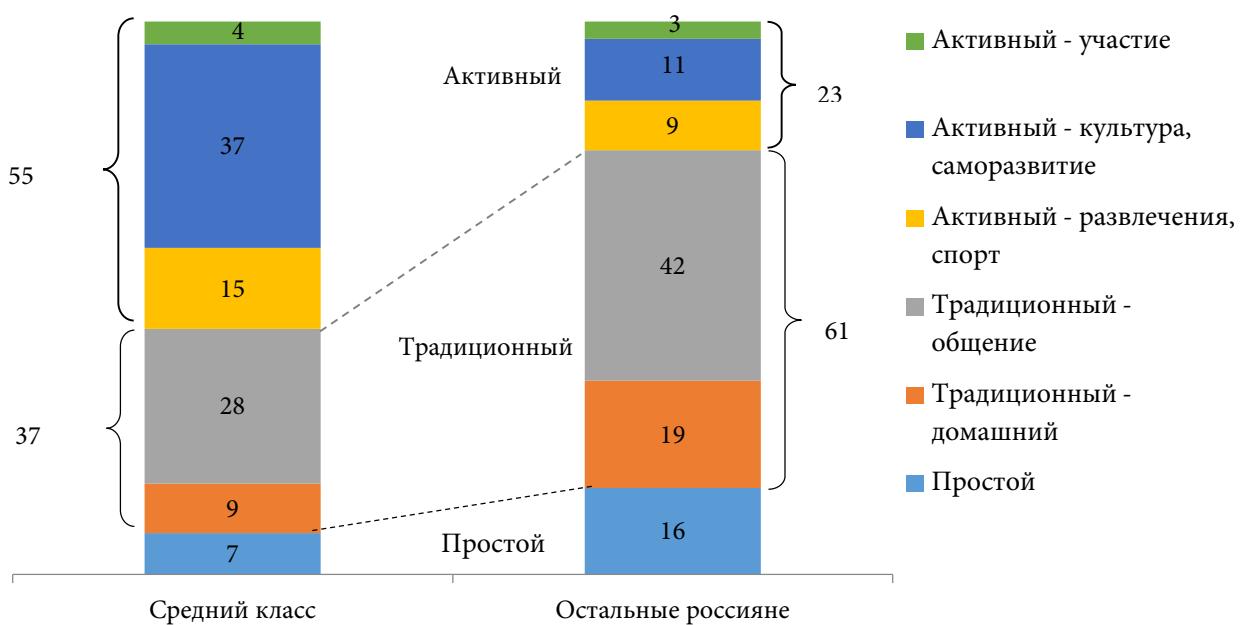

Рис. 8.8. Распространенность основных типов досуга по признаку его содержательной направленности в различных группах населения, 2014 г., %

Если обратиться к данным, характеризующим динамику распространенности различных типов досуга в последнее десятилетие, то обращает на себя внимание общая как для среднего класса, так и для остальных россиян, тенденция увеличения доли простого досуга в ущерб распространности досуга активного типа. Причем у представителей СК эта тенденция, хотя и выражена в абсолютных показателях несколько меньше (увеличение на 5% при росте у остальных на 7%), но в относительном выражении она заметна сильнее (увеличение с 2 до 7% – в 3,5 раза), чем у остальных (с 9 до 16% – в 1,8 раза) (см. рис. 8.9). И хотя на сегодняшний день общая картина распределения типов досуга остается для

среднего класса вполне комплементарной, выгодно отличая его от остального населения, тем не менее, *тот факт, что меньшинство его, практикующее простой, «растительный» досуг, хоть и медленно, но растет, представляется очень тревожным знаком – особенно если вспомнить, что досуг среднего класса теряет сегодня на таких важных направлениях активности как досуговый – дополнительное образование, чтение и т. п.*

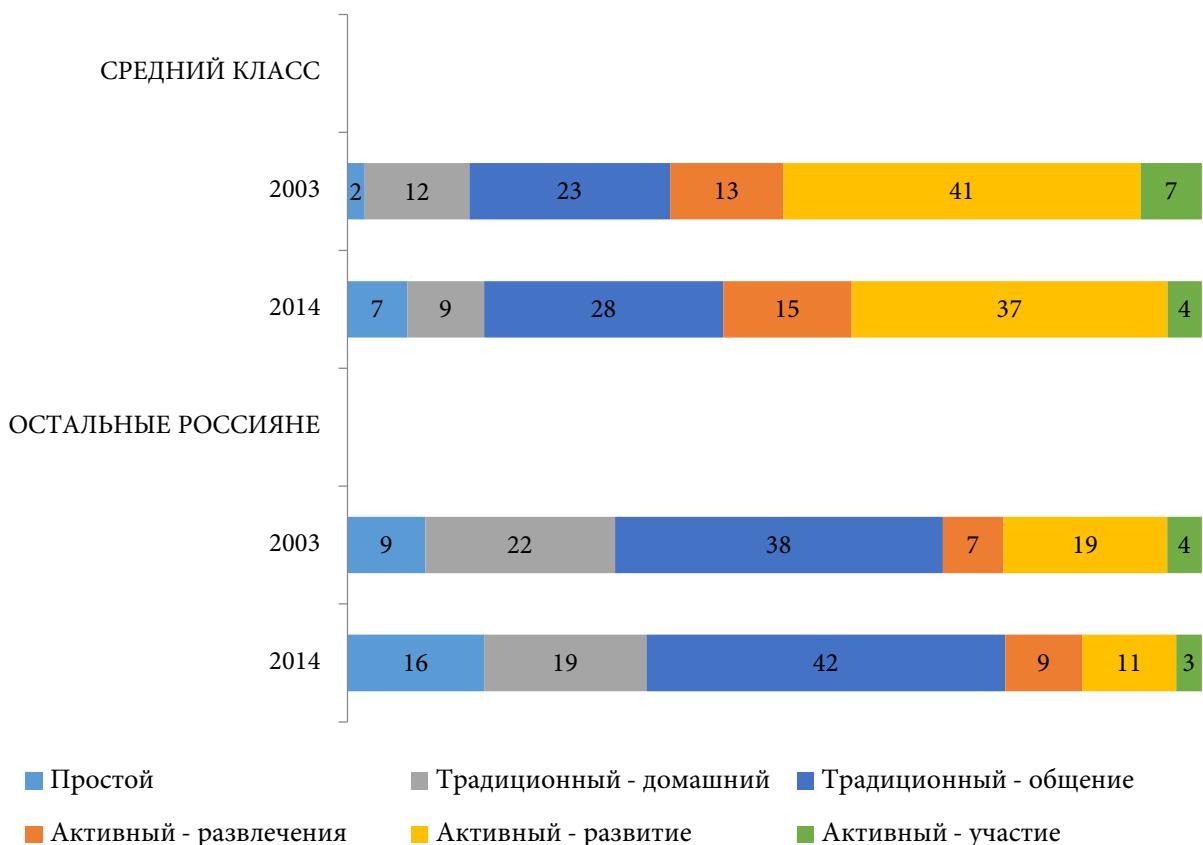

Рис. 8.9. Динамика распространенности основных типов досуга по признаку его содержательной направленности в различных группах населения, 2003/2014 гг., %

Досуговая типологизация в рамках отдельных подгрупп среднего класса свидетельствует, что досуговые практики действительно являются ярким и наглядным показателем отличий в образе жизни различных социальных групп. В этом плане особенно важно, что ядро СК является группой с самой большой долей лиц, практикующих активные типы досуга (63%). В периферии ядра СК их доля уже ощутимо ниже и составляет 48%, в потенциальном СК их 30%, а среди остального населения лишь 20% характеризуются активным типом досуга.

При этом главные отличия сфокусированы в различных долях в этих группах россиян, характеризующихся досуговой активностью, направленной на культуру и саморазвитие – рост распространенности этого типа активного досуга от минимальной доли в группе «остальное население» (7%) до максимальной в рамках ядра СК (45%) составляет 6,4 раза (см. рис. 8.10). Таким образом, *в современной России именно направленность досуга на культуру и саморазвитие является главным маркером досуговых практик среднего класса*.

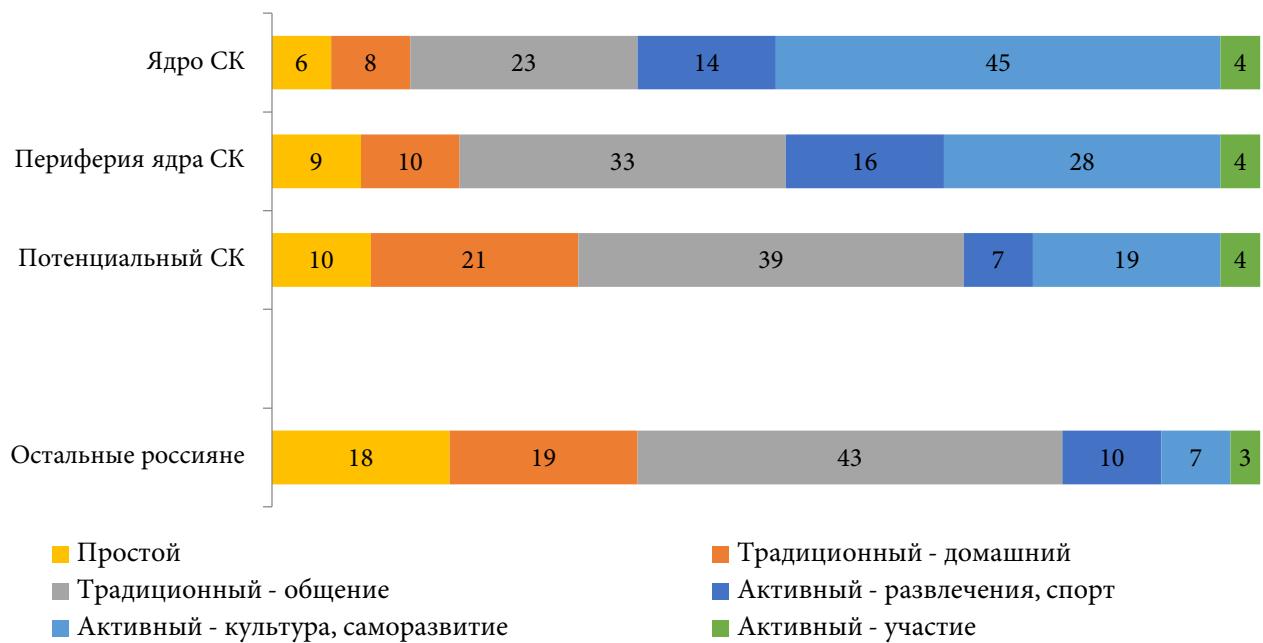

Рис. 8.10. Распространенность основных типов досуга по признаку его содержательной направленности в различных группах населения, 2014 г., %

Понятно, что СК по своему составу неоднороден и отличается по возрасту, типу поселения, социально-профессиональному статусу, что отражается и на досуговых практиках его представителей. Как показывает анализ полученных данных, между распространностью досуговых практик, возрастом и типами поселений, где проживают представители СК, существует прямая зависимость – чем моложе люди и чем крупнее поселение, тем больше распространность активного типа досуга (см. рис. 8.11). Такие тенденции носят вполне объективный характер, поскольку, с одной стороны, именно крупные города, особенно мегаполисы, предоставляют людям наиболее широкие возможности для активного проведения досуга, обладая необходимой для этого культурной, развлекательной, спортивной инфраструктурой. С другой стороны, именно молодежь является главным потребителем услуг, предоставляемых культурно-образовательными и спортивными учреждениями.

Что же касается социально-профессиональной принадлежности представителей СК, то здесь главный «проводник» активного типа досуга – руководители предприятий и учреждений и их заместители (67% из них практикуют активный тип досуга). Близка к ним и структура типов досуга руководителей среднего и низшего звена, предпринимателей и профессионалов.

Другой полюс – представители среднего класса, работающие на должностях, не требующих высшего образования, а также рядовые работники торговли или сферы услуг. Среди них большинство ориентированы на традиционные типы досуга, тогда как активный тип распространен только среди 38% представителей этих групп. Тем не менее, обратим внимание, что и этот, довольно низкий для СК показатель, заметно выше аналогичного показателя у остальных россиян (20%). Таким образом, даже периферийные группы среднего класса занимают в отношении досуга более продвинутые позиции, нежели россияне, не входящие в СК. Это еще раз подчеркивает значимость досуга как маркера положения социальной группы в российском обществе вообще и применительно к СК.

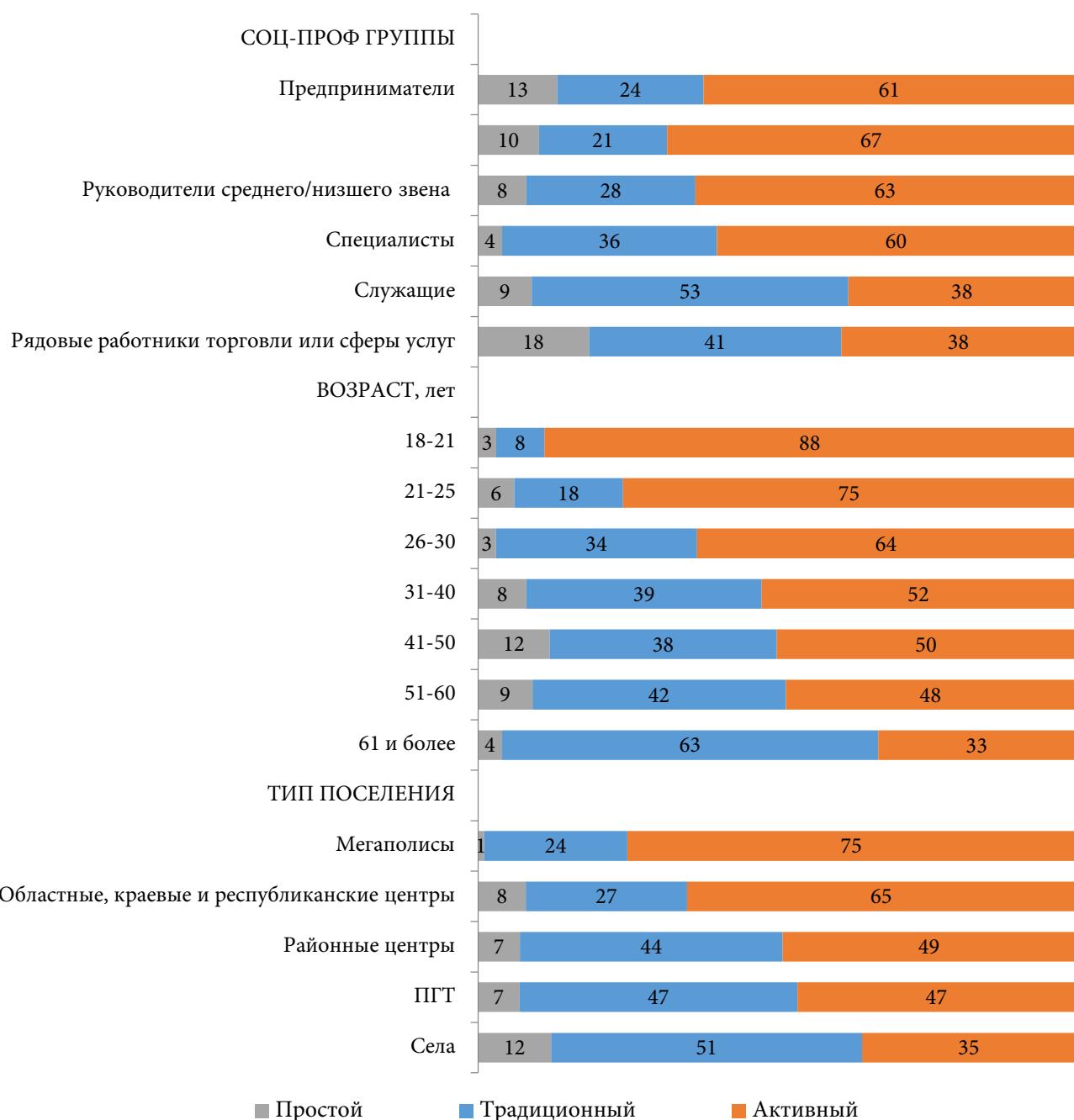

Рис. 8.11. Распространенность основных типов досуга по признаку его содержательной направленности в различных подгруппах СК, 2014 г., %

Для характеристики досуга как важнейшей сферы повседневной жизни населения важно понимать не только его содержательную направленность, но и **степень его насыщенности**, видовое разнообразие. Действительно, трудно назвать полноценным досугом сведение всего свободного времени человека только к одному-двум видам деятельности, даже если это посещение театров или участие в деятельности политической организации. Чем разнообразнее досуг, тем шире круг общения и интересов человека, тем эффективнее используется его свободное время, поскольку позволяет ему снять накопившийся стресс, восстановить силы, полноценно отдохнуть. Узконаправленный же досуг не несет в себе подобного рекреационного заряда, превращается в рутину.

Анализ полученных данных показывает, что большинство россиян имеют насыщенный досуг, в котором представлено три и более вида досуговой активности. При этом каждый второй (51%), как правило, отдает свободное время

трем-пяти видам досуга, а еще 29% имеют досуг очень насыщенный, включающий шесть и более видов деятельности (см. рис. 8.12). В то же время, существует группа людей, досуг которых беден, мало насыщен (1-2 вида досуга) – по данным опроса к этой группе относится каждый пятый россиянин (20%). По сравнению с 2003 г. нынешняя ситуация с точки зрения насыщенности и разнообразия досуга россиян заметно ухудшилась – выросла доля приверженцев бедного досуга (с 11 до 20%) и, напротив, сократилась доля сторонников разнообразного, высоконасыщенного досуга (с 42 до 29%).

Динамика видового разнообразия досуга среднего класса носит такой же негативный характер, как и динамика развития досуга остального населения. Здесь также сокращается доля людей, досуг которых отличается высоким разнообразием, и которые практикуют не менее шести видов досуга – с 58 до 41% за 10 лет. Тем самым, необходимо зафиксировать еще одну важную негативную тенденцию в развитии досуга СК (совпадающую с общей для всего российского общества тенденцией) – на фоне некоторого «опрощения» содержательной направленности, досуг среднего класса теряет и в видовом разнообразии.

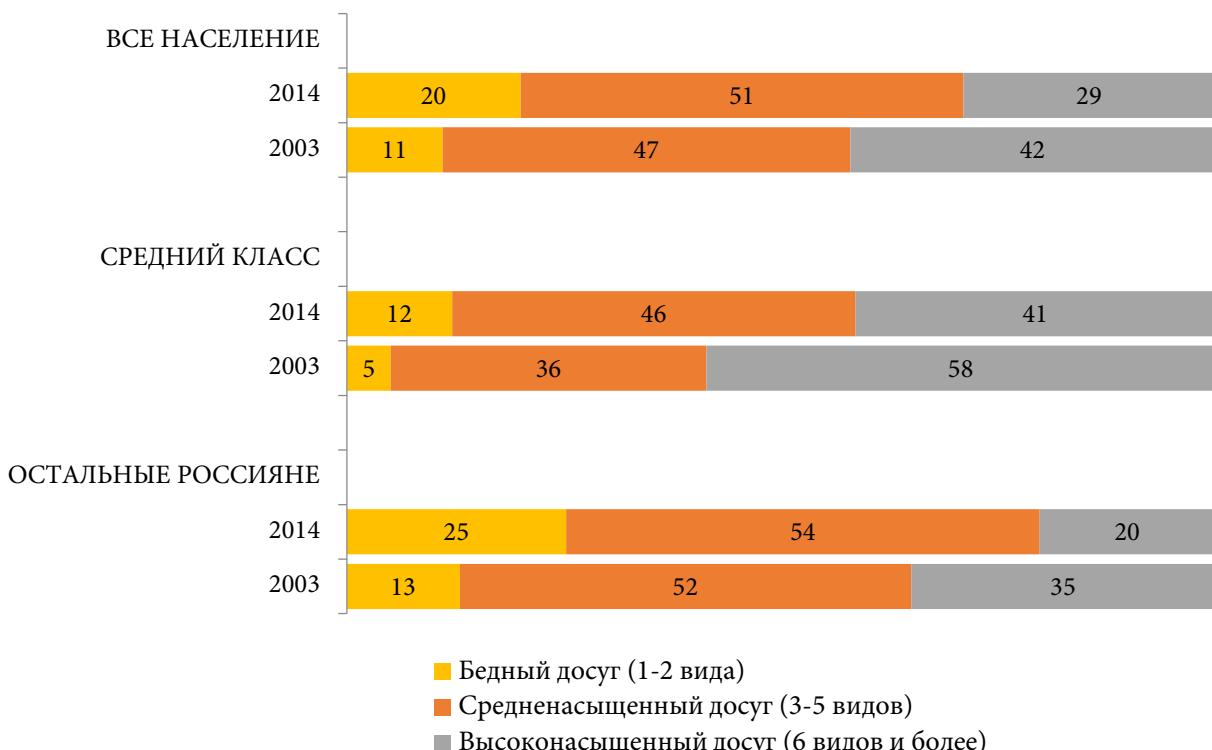

Рис. 8.12. Динамика распространенности количества практикуемых россиянами видов досуговой активности, 2014 г., %

Как и в случае с его содержательной направленностью, видовое разнообразие досуга тем выше, чем ближе группа к ядру СК. Если среди россиян, не входящих в СК, высоконасыщенный досуг практикуют только 17%, то в ядре СК таких 47% (см. рис. 8.13). Отрыв ядра СК как лидера видового разнообразия досуга от самой отстающей группы «остальное население» очень велик – 2,8 раза. Однако он все же не сколь велик, как его же отрыв по содержательному показателю – доле тех, кто практикует активный тип досуга (разрыв в 3,2 раза). Таким образом, если сравнивать такие показатели досуга, как его содержательная направленность и видовое разнообразие, то первый показатель (содержательная направленность) оказывается более значимым для специфики досуга определенной социальной группы.

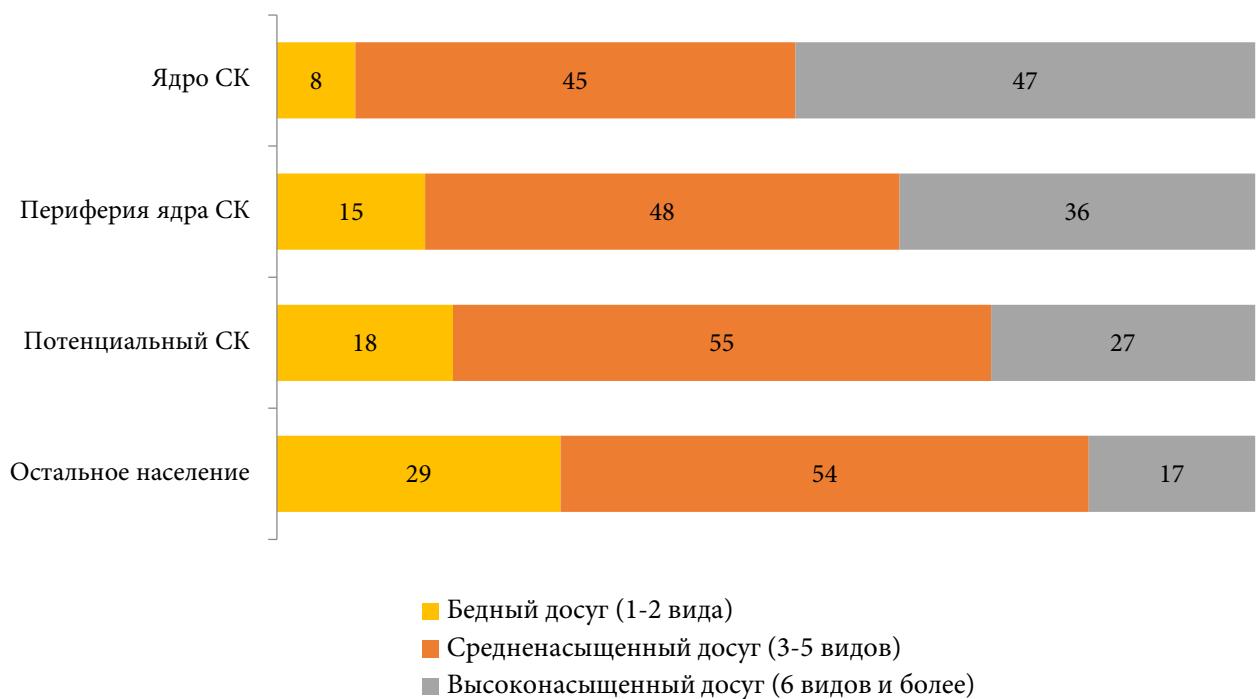

Рис. 8.13. Количество практикуемых видов досуговой активности в различных группах населения, 2014 г., %

В отличие от содержательной направленности досуга, его видовое разнообразие не имеет прямой зависимости от возраста и типа поселения. Можно лишь отметить, что из общей в целом пока еще благополучной картины выпадают представители СК, проживающие в селах и лишенные многих возможностей для досуга, доступных для жителей городских поселений. Среди них только 31% практикуют высоконасыщенный досуг при 40-27% в других видах поселений (см. рис. 8.14).

Среди представителей СК разного возраста наиболее разнообразный досуг практикуют 26-30-летние (49% высоконасыщенного досуга). Пожилые же представители среднего класса (61 год и старше) отличаются по сравнению с остальными возрастными группами наименьшей долей приверженцев высоконасыщенного досуга (34%). Однако это не означает, что они позволяют возрасту сильно ухудшить его видовое разнообразие – большинство (55%) практикуют 3-5 видов досуга, а доля тех, кто ограничивается 1-2 видами досуга даже в этой возрастной подгруппе СК не поднимается выше 11%.

Среди представителей различных социально-профессиональных групп основные лидеры видового разнообразия досуга – руководители предприятий и учреждений и специалисты с высшим образованием. Самый же бедный досуг – у рядовых работников торговли и сферы услуг и служащих без высшего образования.

Возвращаясь к поднятой в начале раздела теме связи между собой показателей объективного положения дел и субъективных его оценок, показателей социального самочувствия, проанализируем связь между показателями, характеризующими сферу досуга представителей среднего класса, с показателями **социального самочувствия, социально-психологического состояния**. Оговоримся, что в этом анализе мы будем опираться на те показатели сферы досуга, которые формируются на основе опросных данных, также содержащих субъективную составляющую. Однако в данном случае субъективный фактор минимизирован, т. к. принимаются в расчет не оценки удовлетворенности, а «статистка» досуговых практик.

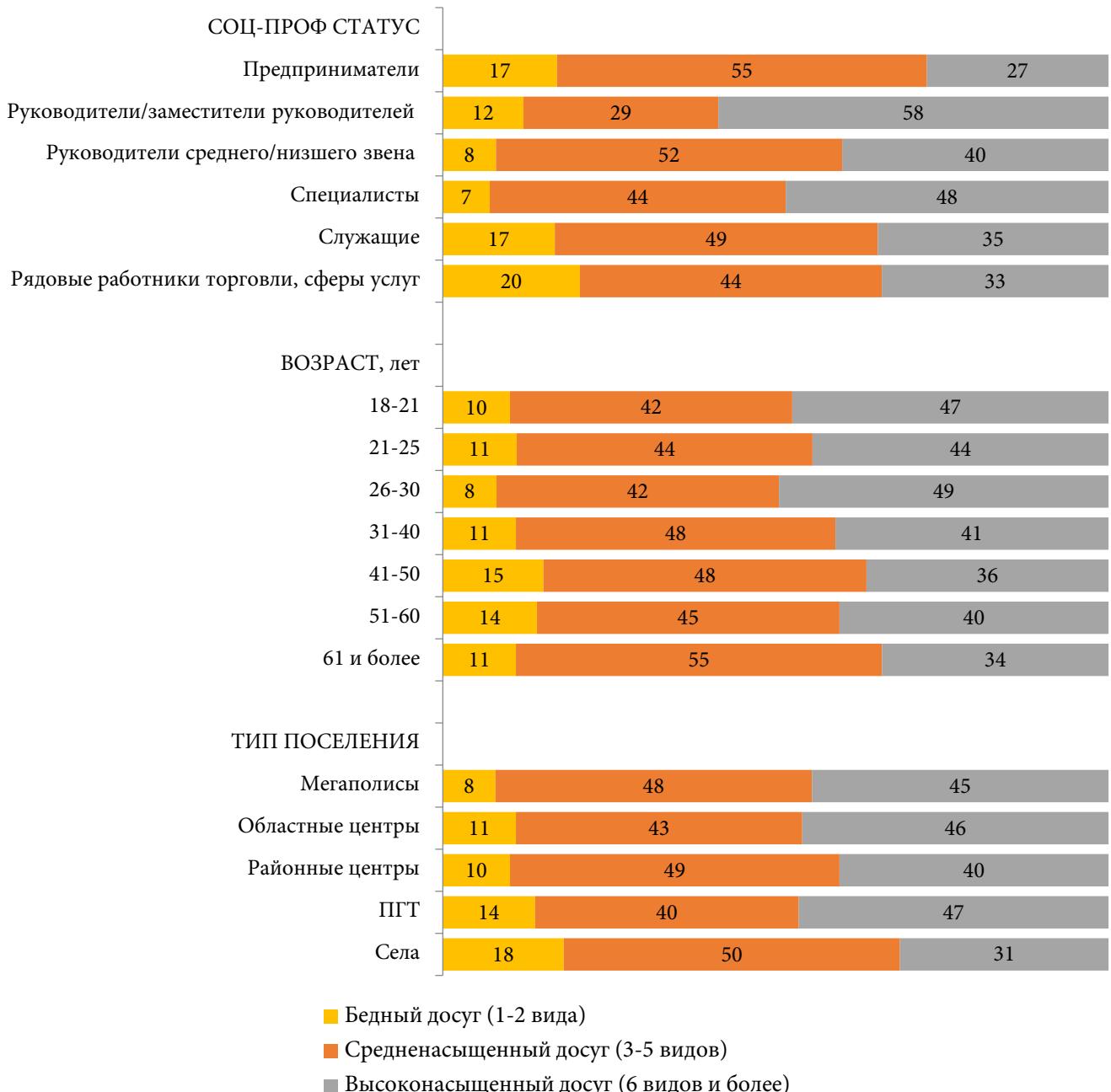

Рис. 8.14. Количество практикуемых видов досуговой активности в различных подгруппах СК, 2014 г., %

Полученные результаты свидетельствуют, что из всех показателей, характеризующих эту сферу, наиболее тесно связана с социальным самочувствием представителей среднего класса содержательная направленность досуга. Если среди тех, чей досуг носит простой характер и ограничивается телевизором, радио и «диваном», доля довольных своей жизнью в целом составляет 37%, то среди практикующих традиционный досуг этот показатель повышается до 47%, а в группе активного досуга достигает максимального значения в 66% (см. рис. 8.15).

Видовое разнообразие досуга также тесно коррелирует с удовлетворенностью жизнью – чем богаче с точки зрения видового насыщения досуг человека, тем выше его удовлетворенность жизнью. Среди представителей СК, практикующих 6 и более видов досуга, удовлетворенность жизнью достигает максимальной отметки в 64%.

Рис. 8.15. Удовлетворенность жизнью представителей СК в зависимости от различных характеристик досуга, 2014 г., %

Что касается собственно наличия свободного времени, то оно тоже связано с самооценками жизни, но в значительно меньшей степени. Так, среди тех, кто не испытывают дефицита времени, доля оценивающих свою жизнь в целом как «хорошую», составляет 58%, а в группе тех, кому на отдых и досуг времени не хватает — лишь немногим меньше (53%). Иначе говоря, *на удовлетворенность жизнью представителей среднего класса влияет не столько сам факт наличия свободного времени как пространства досуга, сколько его качество — видовое разнообразие и, особенно, содержательная направленность*.

Еще большее значимость досуга для психо-эмоционального состояния людей. Среди представителей СК, практикующих самый содержательно бедный, «простой» тип досуга, подавляющее большинство (72%) характеризуют свое обычное, повседневное психо-эмоциональное состояние как негативное (испытывают ощущения тревоги или надвигающейся беды, апатию или безразличие, раздраженность, озлобленность, агрессию) (см. рис. 8.16). В группе же наиболее «продвинутого» активного досуга подавляющее большинство (74%), напротив, характеризуют свое повседневное эмоциональное состояние как позитивное (испытывают эмоциональный подъем или спокойное самочувствие).

Выявлена также связь между содержательным наполнением досуга представителей СК и тем, какие конкретно чувства в связи с окружающей их действительностью и своей ролью в ней они испытывают. Так, наличие негативных чувств, связанных с ощущением собственной беспомощности повлиять на происходящее и/или чувства несправедливости происходящего, чаще всего отмечают

те, кто практикует простой тип досуга (42-44%). Напротив, среди тех, чей досуг содержательно богат и направлен на активное взаимодействие с окружающим миром, такие чувства переживают только 16-18%.

Рис. 8.16. Показатели социально-психологического состояния представителей СК, практикующих «простой» и «активный» тип досуга, 2013 г., %

Та же тенденция, только несколько менее выраженная, отмечена в отношении таких чувств как страх перед будущим из-за ситуации на работе, чувство, что так дальше жить нельзя, стыд за нынешнее состояние своей страны – те, кто проводит свое время в стенах собственного дома, испытывают их примерно вдвое чаще, чем те, кто в свободное время активно взаимодействуют с этим самым «плохим» миром, в том числе пытаясь его изменить.

Таким образом, *активная жизненная позиция, отраженная в соответствующих досуговых практиках, формирует у людей позитивное психо-эмоциональное состояние, тогда как пассивность и добровольное отгораживание от окружающей действительности тесно связано с отчуждением от нее, страхом перед ней, ощущением собственной беспомощности.*

Те же самые тенденции проявляются и если рассмотреть связь между психо-эмоциональным состоянием представителей СК и видовым разнообразием досуга. Чем больше досуговых практик осваивает человек, тем лучше его психоэмоциональное состояние, оптимистичнее взгляд на собственную жизнь и окружающую действительность (см. рис. 8.17).

В результате осуществленного анализа есть основание констатировать следующее. Развитие сферы досуга представителей российского среднего класса показывает, что в целом в России свободное время и досуг, несмотря на обще-

мирующую тенденцию движения к «цивилизации досуга», остаются на ценностном уровне в массовом сознании «вторичными» по отношению к работе. Однако, несмотря на то, что значимость досуга пока не отражена в должной степени на ценностном уровне, досуг является одним из важнейших маркеров образа жизни различных социальных групп, демаркационной линией, отделяющей их друг от друга. Причем досуг не просто является отражением особенностей группы, но и сам играет важную роль в процессах социальной дифференциации, являясь фактором социализации, формирования социального капитала, определения вектора социально-психологического настроя группы. И в этом отношении представители российского среднего класса, несмотря на имеющийся дефицит свободного времени, чаще других россиян удовлетворены своим досугом, причем уровень их удовлетворенности досуговыми возможностями в последнее десятилетие стабильно растет.

Рис. 8.17. Показатели социально-психологического состояния представителей СК, практикующих разное количество видов досуговой активности, 2013 г., %

9. Отношение среднего класса к морали

Происходящие в постсоветской России процессы изменили многое не только в экономике и политике, но и в обыденной жизни каждого человека, в отношениях между людьми, в понимании того, что есть жизненный успех, какие цели надо перед собой ставить и какими средствами для достижения этих целей можно пользоваться. Отражением этого стало широко распространенное мнение о полной и безвозвратной утере нашим обществом нравственных норм, о том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядет духовное перерождение, а точнее – вырождение России. Данные социологических исследований эту озабоченность доказывают очень наглядно, демонстрируя **общее отношение к ситуации в сфере морали**. Так, в ходе исследования 2011 г., посвященного итогам двух десятилетий реформ, падение морали оценивалось населением как одна из самых больших потерь, которые понесло российское общество за этот период (в «рейтинге потерь» эта позиция заняла с 35% второе место, уступая лишь снижению уровня жизни населения, о котором заявили 54%). При этом крайне негативной была не только текущая оценка состояния морально-нравственного климата в обществе, но и того, в каком направлении он развивается (около 80% россиян были убеждены, что меняется он только в худшую сторону).

Рис. 9.1. Мнение представителей различных групп населения об изменении положение дел в сфере морали за последние годы, 2014 г., %

На сегодняшний день тенденция развития общественного мнения по этому вопросу остается крайне неблагоприятной – россияне продолжают негативно оценивать тенденции в сфере морали, набирающие силу в последние годы. 41% наших сограждан считают, что за последние годы ситуация в сфере морали ухудшилась, и только 5% отметили ее улучшение (см. рис. 9.1). Существенных различий в позициях представителей среднего класса и остального населения по этому вопросу нет, как нет их и между отдельными подгруппами СК. Единственное, что обращает на себя внимание в связи с этим – это несколько более критичная, чем у остальных, позиция потенциального СК, у которого число негативных оценок максимально (46%). Можно предположить, что это связано с трудностями преодоления данной группой «порога входления» в средний класс, что создает сильный социально-психологический дискомфорт и может провоцировать негативные оценки ситуации в сфере морали.

Во многом такому положению дел способствовало быстрое и глубокое социальное и экономическое расслоение населения, разделившее общество на «успешных» и «неуспешных», «лидеров» и «аутсайдеров». Пропасть, пролегшая между группами и слоями некогда социально монолитного общества, постоянно подпитывает отношение к успешным группам как «успевшим урвать», «договорившимся со своей совестью» и т. д. Неслучайно 77% россиян выражают полное согласие с пословицей «трудом праведным не наживешь палат каменных» (см. рис. 9.2). Эту позицию разделяют и представители среднего класса (72%). И, судя по динамике оценок, за последнее десятилетие это мнение у представителей СК, причем как его ядра, так и периферии этого ядра, только укрепилось (рост согласных с ним с 68-69% в 2003 г. до 71-73% в 2013 г.).

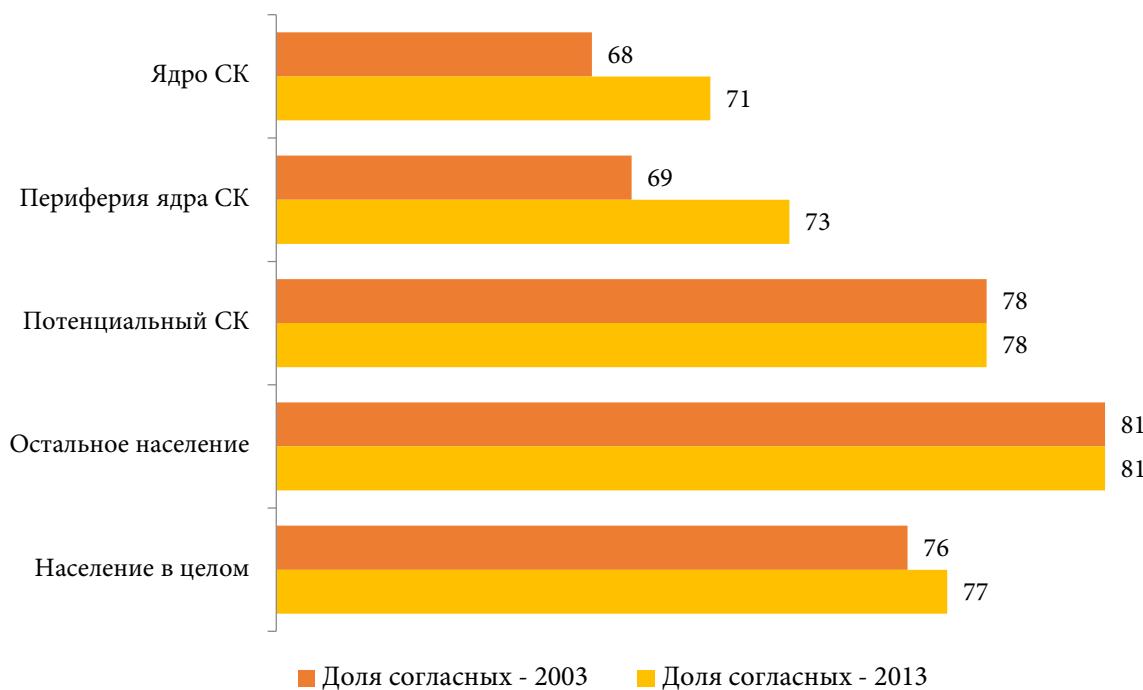

Рис. 9.2. Динамика согласия с пословицей
«Трудом праведным не наживешь палат каменных», 2003/2013 гг., %

Насколько справедливы подобные оценки, действительно ли последние десятилетия радикально изменили россиян и особенно их наиболее успешных представителей, лишили их нравственной опоры, разрушили традиционные основы

общения и взаимодействия? Или эти катастрофические, на первый взгляд, оценки лишены оснований и являются некими клише, за которыми на самом деле стоит что-то иное (например, влияние «медиа-картинки» или зависть к чужому успеху)?

Первое, на что следует обратить внимание в этой связи – *актуальность самого вопроса о морали, ее утрате и обретении нашим обществом для представителей СК сегодня ничуть не меньше, чем для остальных россиян*. Отвечая на вопрос о том, какой бы они хотели видеть Россию в будущем, каждый третий опрошенный и в СК и среди остальных россиян (по 32%) при необходимости назвать не более трех ее главных характеристик выбрал вариант, связанный с возвращением России к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем. Другое дело, что у представителей СК есть и другие ориентиры, которые более актуальны для них, чем для остальных (например, права человека), но что касается необходимости укрепления морали, то в этом вопросе представители разных групп населения единодушны.

Кроме того, по крайней мере на уровне декларативных заявлений в связи с определением **отношения к тем или иным ценностным установкам**, представители СК и остальных россиян в равной степени ориентированы на жизнь в согласии с базовыми морально-нравственными ориентирами. Большинство во всех группах разделяет точку зрения, что человек должен иметь только те доходы, которые заработал честным трудом (69–77%), против меньшинства, полагающего, что можно иметь любые доходы независимо от способа их получения (23–31%). Столь же высоко единство представителей разных групп населения в том, что для человека важнее – спокойная совесть и душевная гармония или же доступ к власти и возможность оказывать влияние на других. Если спокойной совести отдают предпочтение 76–79%, то стремлению к власти без оглядки на «условности» – только 20–24% (см. таблицу 9.1).

Таблица 9.1

Выбор в парах ценностных суждений, характеризующих отношение различных групп населения к моральным нормам, 2013 г., %

Пары суждений	Ядро СК	Периферия ядра СК	Потенциальный СК	Остальное население
Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом	72	69	77	70
Можно иметь любые доходы, независимо от того, как они получены	28	31	23	30
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы была спокойная совесть и душевная гармония	79	76	79	76
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него был доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	20	24	21	24
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	47	49	51	51
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	52	51	49	49

Несмотря на небольшие цифровые различия в целом в позициях представителей различных подгрупп среднего класса, обращает на себя внимание несколько большая склонность представителей периферии СК к выбору позиций, вступающих в противоречие с традиционными моральными ориентирами. Возможно, здесь играет роль «инструментальный характер» рассматриваемых ценностей и их особая роль в продвижении представителей этой группы по социальной лестнице. Находясь в одном шаге от социального лидера – ядра СК – представители его периферии мотивированы на очень активные действия для повышения своего социального статуса. Можно допустить, что для некоторых из них в такой ситуации актуальной становится формула успеха любой ценой.

Справедливость приведенных рассуждений подтверждает характер выбора респондентами в парах суждений, противопоставляющих моральные принципы жизненному успеху. Делая этот выбор, каждая из исследуемых групп, как в составе СК, так и за его пределами, делится практически поровну на два противоположных лагеря. Одни полагают, что переступать через моральные принципы и нормы недопустимо, даже если это станет препятствием к успеху. Другие, напротив, признают, что в нынешних условиях для достижения успеха приходится переступать через мораль (см. таблицу 9.1).

Этот ценностный расклад претерпел, впрочем, заметные изменения за последние десять лет. Наиболее заметные подвижки произошли в оценках альтернативы «спокойная совесть и гармония – доступ к власти, возможности влиять на других» за счет ослабления позиции, поддерживающей традиционные ценности. По сравнению с 2003 г. выбор в пользу спокойной совести сократился на 14% среди населения, не входящего в средний класс, на 12% в группе потенциального СК и на 16% на периферии СК (см. рис. 9.3). Характерно, что наиболее консервативно настроенным оказалось ядро СК, в рамках которого спокойная совесть потеряла (а власть, соответственно, приобрела) только 4%.

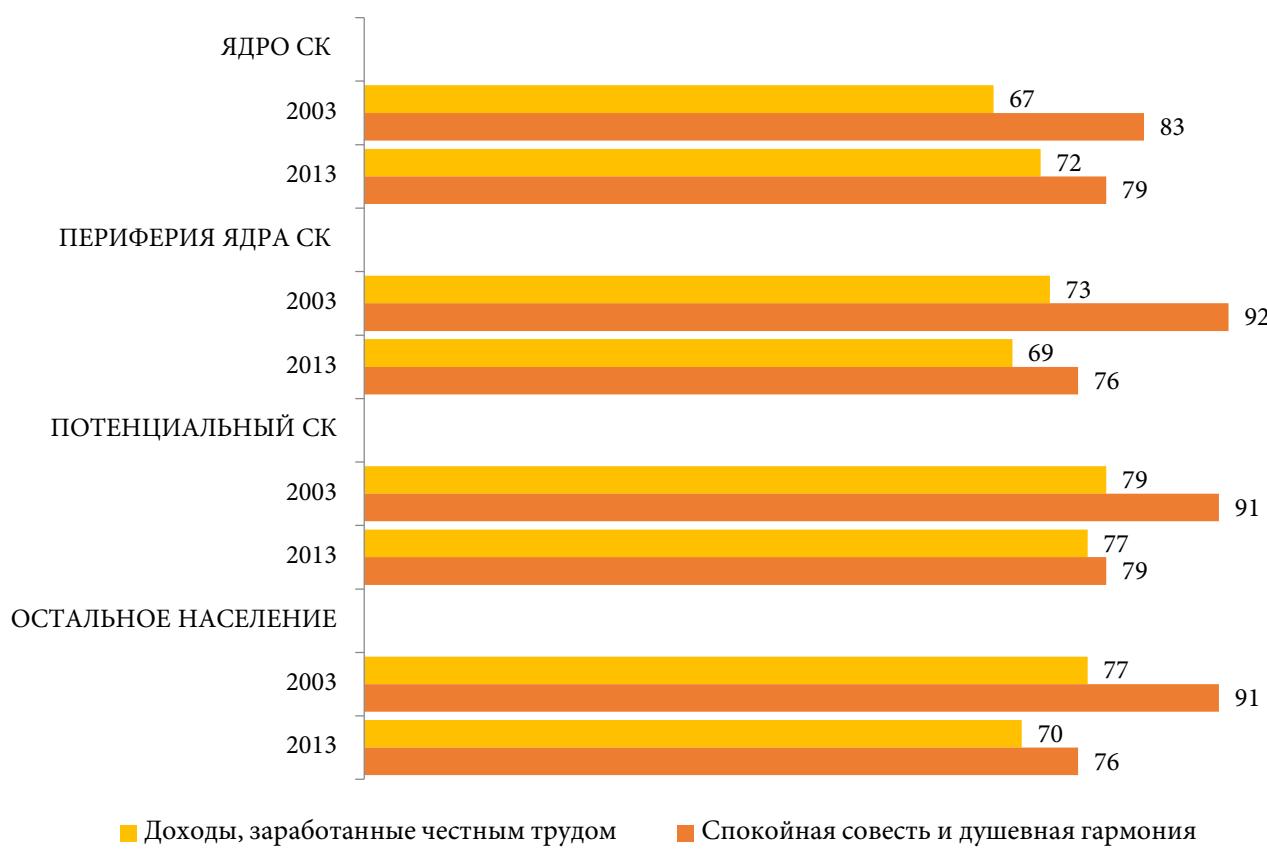

Рис. 9.3. Динамика выбора в парах ценностных суждений, характеризующих отношение различных групп населения к моральным нормам, 2003/2013 гг., %

В альтернативе «честно заработанные доходы – любые доходы, независимо от способа их получения» динамика не столь заметна. В основном она связана с ослаблением позиции, опирающейся на норму, предполагающую получение только честных доходов (снижение доли выбора ее на 2-7%). Единственное отклонение от этой тенденции отмечено среди представителей ядра СК – здесь поддержка идеи получения доходов только честным путем не только не ослабла, но даже выросла (с 67 до 72%).

Отметим, что ядро СК в целом отличается установками на более высокую поддержку позиций, связанных с работой, трудом. Если обратиться к данным, характеризующим видение того, что сегодня необходимо для достижения успеха и благополучного положения в жизни, то можно заметить, что позицию «упорно трудиться» чаще всего отмечают именно представители ядра СК (63% по сравнению с 58-59% среди его периферии и потенциального СК, 52% среди остального населения – см. рис. 9.4). В то же время взятки и неразборчивость в средствах представители ядра СК в качестве возможных факторов жизненного успеха склонны называть реже остальных (по 10% при 17% среди остальных россиян).

Таким образом, взгляд на проблему связи жизненного успеха и морали глазами тех людей, которые этого успеха уже добились, свидетельствует, что широко распространенная точка зрения на успех как производную от умения обойти моральные нормы и принципы далеко не всегда справедлива – во всяком случае, в том, что касается ситуации в массовых слоях населения.

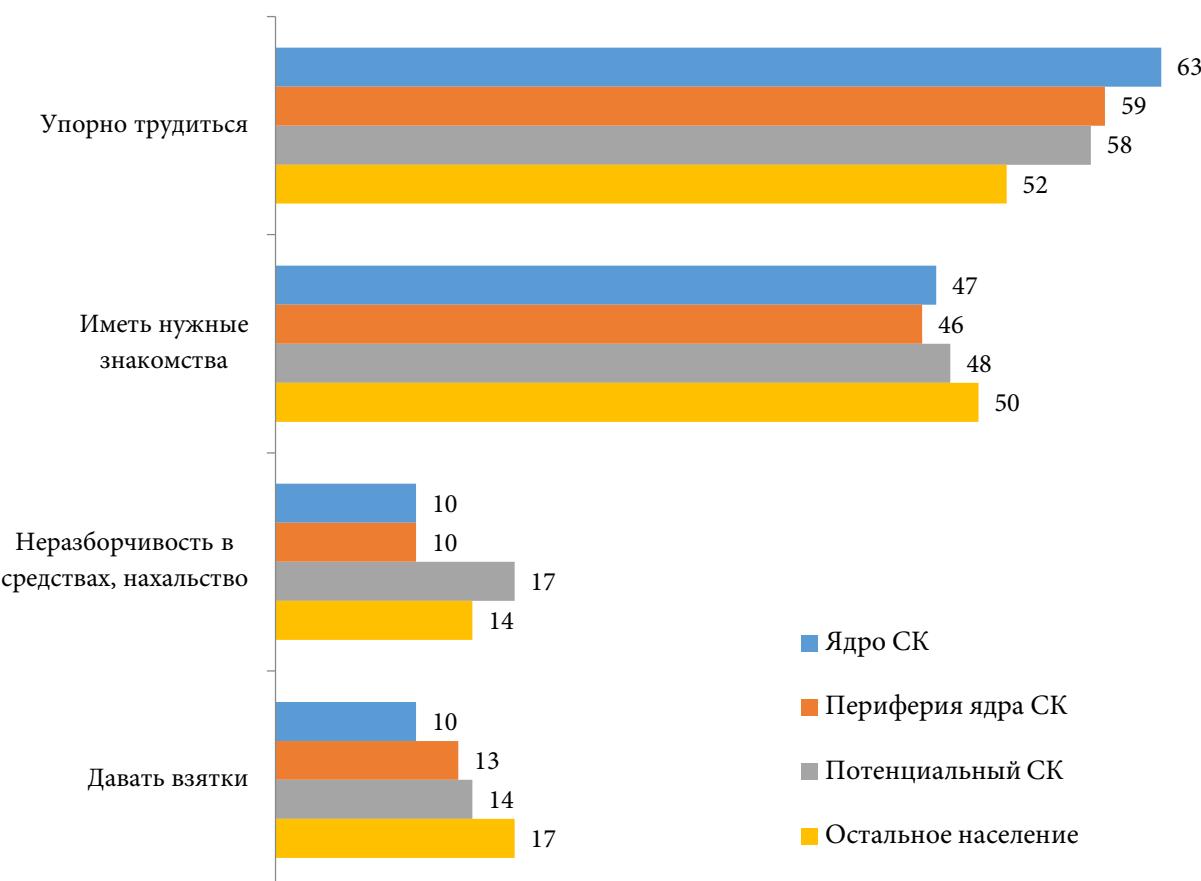

Рис. 9.4. Оценка представителями различных групп населения важности тех или иных условий для того, чтобы добиться благополучия, 2013 г., %

В связи с этим показательными являются данные о том, какие качества считают необходимым воспитать в своих детях представители СК. Как показывают исследования, прежде всего средний класс ориентируется на то, чтобы дать детям хорошее образование (67%). Также в число важных факторов успеха, выявляемых при таком подходе, входят организованность, самодисциплина и трудолюбие (40%), умение постоять за себя (32%), умственные способности (31%), честность и доброта (29%), деловая хватка (27%) (см. рис. 9.5).

За последнее десятилетие оценка этих факторов представителями СК несколько изменилась. Так, снизилась значимость образования (на 8%) и обучения профессии, которая всегда «накормит» (на 8%). Большинство остальных факторов из пула наиболее актуальных, напротив, несколько повысили свою значимость.

В связи с анализом отношения представителей СК к морали характерным является рост значимости для этой группы воспитания в детях веры в Бога и терпимости. С учетом малых цифр, выраждающих поддержку этих позиций, рост здесь носит двух-трехкратный характер – воспитать в детях веру в Бога считают необходимым 11% (при 4% в 2003 г.), терпимость – 8% (при 4% в 2003 г.).

Рис. 9.5. Динамика выбора качеств, которые считают важным воспитать в своих детях в современных условиях представители СК, 2003-2013 гг., %

Наиболее заметна разница в популярности тех или иных воспитательных ориентиров между представителями двух полярных групп – ядра СК и группы «остальное население» (см. рис. 9.6). Во-первых, обращает на себя внимание в целом большая активность ядра СК в определении тех ценностей, навыков и умений, которые они хотели бы видеть в своих детях. Представители же остального населения в этом отношении гораздо более скромны. Иными словами, речь идет о более разнообразном, разнонаправленном, гармоничном подходе к воспитанию, который складывается в ключевой, предопределяющей его лицо подгруппе СК.

Рис. 9.6. Что считают важным воспитать в своих детях в современных условиях представители ядра СК и группы «остальное население», 2013 г., %

Во-вторых, вырисовываются главные маркеры подхода к воспитанию представителей наиболее успешной массовой социальной группы, те позиции, которые отличают его от подхода представителей остального населения. Это, прежде всего, ориентация на организованность, дисциплину и трудолюбие, образование, умственные способности, деловую хватку, формирование в детях гражданской позиции, честности и доброты. Главные же воспитательные «маячки» остального населения – обучение детей профессии, которая всегда даст кусок хлеба, и умение постоять за себя.

Напомним, что подход, который предполагает рассмотрение респондентом того или иного явления, процесса через призму интересов своих детей, выявляет наиболее актуальные для него установки. Можно предположить, что те установки, которые респонденты демонстрируют при ответах на вопрос о воспитании детей, лежат в основе их собственных реальных или желаемых жизненных стратегий. Таким образом, налицо два вектора в воспитательных и собственных жизненных установках опрошенных – один, который можно условно определить как «интеллектуально-трудовой», характерен для представителей СК, прежде всего, его ядра. Другой – «защитно-ремесленный», характерный для остального населения.

В исследовании 2013 г. для изучения отношения респондентов к различным морально-нравственным нормам тестиировалось их мнение по поводу 17 действий и поступков, с которыми человек со значительной степенью вероятности может сталкиваться в реальной жизни или о которых как минимум может иметь сложившееся мнение. Эти действия и поступки описывают морально-нравственные коллизии в самых разных сферах жизни человека – от личной жизни до взаимоотношений с государством. Как показывают исследования, представители СК демонстрируют достаточно высокий морально-нравственный уровень, во всяком случае, на словах. Они называют себя противниками большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными. Так, в числе безусловных табу для них – употребление наркотиков, плохое воспитание собственных детей, жестокое обращение с животными, пьянство, проституция. Безусловными противниками этих действий называют себя более $\frac{3}{4}$ опрошенных из СК (от 95 до 77%, таблица 9.2). Обратим внимание, что за исключением проституции, остальные действия и поступки, подлежащие безусловному осуждению представителями СК, касаются отношения людей к собственному здоровью (наркомания, алкоголизм) и тем, кто слаб, зависим от них (детям, животным).

Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, вероисповеданий, обогащение за счет других, хамство и грубость, супружеская измена, деловая необязательность, дача/получение взятки, уклонение от уплаты налогов также неприемлемы для большинства представителей СК – их осуждают от 72 до 53% опрошенных. Поступки и действия, вошедшие в эту группу относительно высокой распространенности моральных норм, можно условно разделить на три группы. Первая – поступки и действия, которые связаны с характером поведения людей в деловой сфере (обогащение за счет других, деловая необязательность, взятки, неуплата налогов). Однако первой эта группа является только в смысле количества вошедших в нее видов норм, с точки же зрения распространенности этих норм среди представителей СК она находится в самом низу (безусловно, осуждаются входящие в нее действия немногим более половины опрошенных из СК – 53-57%). Вторая – поступки и действия, характеризующие качество коммуникаций людей с окружающими (публичное проявление неприязни, хамство и грубость). Третья – действия и поступки в сфере личной жизни (гомосексуализм, супружеская измена).

Своебразной чертой, водоразделом, за которым обнаруживается значительное число людей, допускающих лично для себя совершение действий, традиционно считающихся аморальными или противозаконными, является отношение к присвоению найденных вещей и денег, а также сопротивление полиции. Последовательных противников такого рода действий среди представителей СК

оказалось ровно половина (50%), тогда как 39-41% сочли это в целом допустимым, а еще 8-11% вообще не осуждают такое поведение, полагая, что к нему надо относиться снисходительно.

Наконец, уклонение от службы в армии и аборты выведены из сферы действия моральных ограничителей для большинства представителей СК. Безусловно осуждают их в нем менее половины (41%), тогда как относительное большинство (42-44%) считают иногда допустимыми. Еще для 15-16% уклонение от службы в армии и аборты в принципе не являются предметом для осуждения и вполне укладываются в рамки поведения, к которому они относятся с пониманием, снисходительно.

Таблица 9.2
Отношение к морально-нравственным коллизиям представителей СК, 2013 г., %

Неэтичные, аморальные или противозаконные действия	Никогда не может быть оправдано	Иногда это допустимо	К этому следует относиться снисходительно
<i>Высокий уровень распространенности моральных норм</i>			
Употребление наркотиков	95	4	1
Плохое воспитание собственных детей, невнимание к ним	90	7	3
Жестокое обращение с животными	85	13	2
Пьянство, алкоголизм	82	15	2
Проституция	77	16	7
<i>Относительно высокий уровень распространенности моральных норм</i>			
Гомосексуализм	72	14	13
Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, вероисповеданий	71	22	7
Обогащение за счет других	68	26	6
Хамство, грубость, нецензурная брань	66	29	5
<i>Средний уровень распространенности моральных норм</i>			
Супружеская измена	58	31	11
Деловая необязательность	57	36	7
Дача/получение взятки	54	40	6
Уклонение от уплаты налогов	53	37	10
Присвоение найденных вещей, денег	50	40	11
Сопротивление полиции	50	42	8
<i>Низкий уровень распространенности моральных норм</i>			
Уклонение от службы в армии	41	43	16
Аборт	41	45	15

Еще одно обстоятельство, которое обращает на себя внимание – это низкий уровень распространенности у представителей СК моральных норм в отношениях между гражданами и силовыми ведомствами, полицией и армией (сопротивление полиции безусловно осуждают только 50%, уклонение от служ-

бы в армии – 41%). Да и в отношениях с государством в экономической сфере (налоги, обход государственных «рогаток» за взятки) регулирующие нормы даже на словах признает незначительное большинство (53–54%). Забегая вперед, отметим, что в этом смысле позиция СК совпадает с позицией остальных россиян. Другими словами, россияне вполне терпимы к нарушениям так называемой гражданской морали, опирающейся на честность и законопослушание, а также к нарушениям норм в социально-экономической сфере. Вероятнее всего, здесь наблюдается своеобразный «ответ» граждан государству, которое само живет по двойным стандартам – «ты, государство, нас обманываешь, ну, и мы не лыком шиты». Причем за последние годы именно в сфере отношений «человек-государство», «человек-закон» происходит снижение моральной планки.

В подтверждение вышесказанного, приведем данные исследования, характеризующие отношение респондентов к закону в целом. В настоящее время только 27% россиян выступают за соблюдение буквы закона вне зависимости от обстоятельств. Большинство же демонстрируют весьма «расслабленное» отношение к закону, считая, что его нужно выполнять только когда его придерживается и сама власть (51%), либо и вовсе полагая, что главное – это не соответствие чего-либо закону, а соображения «справедливости» (22%). Эту позицию примерно в равной степени поддерживают как представители СК, так и остальные россияне. Отметим только, что представители ядра СК демонстрируют самые высокие установки на безусловное соблюдение закона – 33% их полагают, что соблюдать его надо всегда и всюду, даже если закон устарел (при 24–29% в других группах).

Сравнение уровня распространенности моральных норм у представителей СК и остальных россиян свидетельствует, что в целом средний класс несколько уступает последним по этому показателю (см. рис. 9.7). Из 17 протестированных норм представители СК являются более активными в принятии только трех из них (отрицания допустимости пьянства и алкоголизма, присвоения найденных вещей, дачи/получения взяток), да и то, отрыв от остальных россиян составляет у них не более 7%. По заметно большему числу норм (8 из 17) представители СК, особенно его ядра, демонстрируют более высокий уровень толерантности к соответствующим аморальным действиям. Самый большой «люфт» в уровне принятия традиционных российских норм морали фиксируется в отношении к гомосексуализму, обогащению за счет других, проституции, хамству и грубости – отставание среднего класса от остальных россиян здесь составляет 8–12%, максимально оно в ядре СК. Еще по 6 позициям разница в отношении к ним со стороны представителей СК и остальных россиян не зафиксировано, это: супружеская измена, сопротивление полиции, публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, вероисповеданий, уклонение от уплаты налогов, употребление наркотиков, плохое воспитание детей.

Однако в целом отмеченные отклонения не носят характер радикальных и общий профиль распределения оценок аморальных и неэтичных действий среди представителей СК и остального населения сходен.

С точки зрения того, как люди относятся к морально-нравственным нормам, насколько разделяют их и готовы руководствоваться ими в повседневной жизни, важны не только их позиции в отношении отдельных действий и поступков, а в целом полнота и развитость их «нормативного каркаса». Осуждение отдельных (единичных) видов действий и поступков может быть свидетельством не столько морально-нравственного уровня человека, сколько, напротив, нетолерантности и нетерпимости, которая прячется под маской «высокой морали». Например, осуждая гомосексуализм, человек одновременно может с легкостью

воспринимать и практиковать игнорирование законодательства, изменять жене и плохо относиться к детям, публично унижать представителей других национальностей и вероисповеданий и т. д.

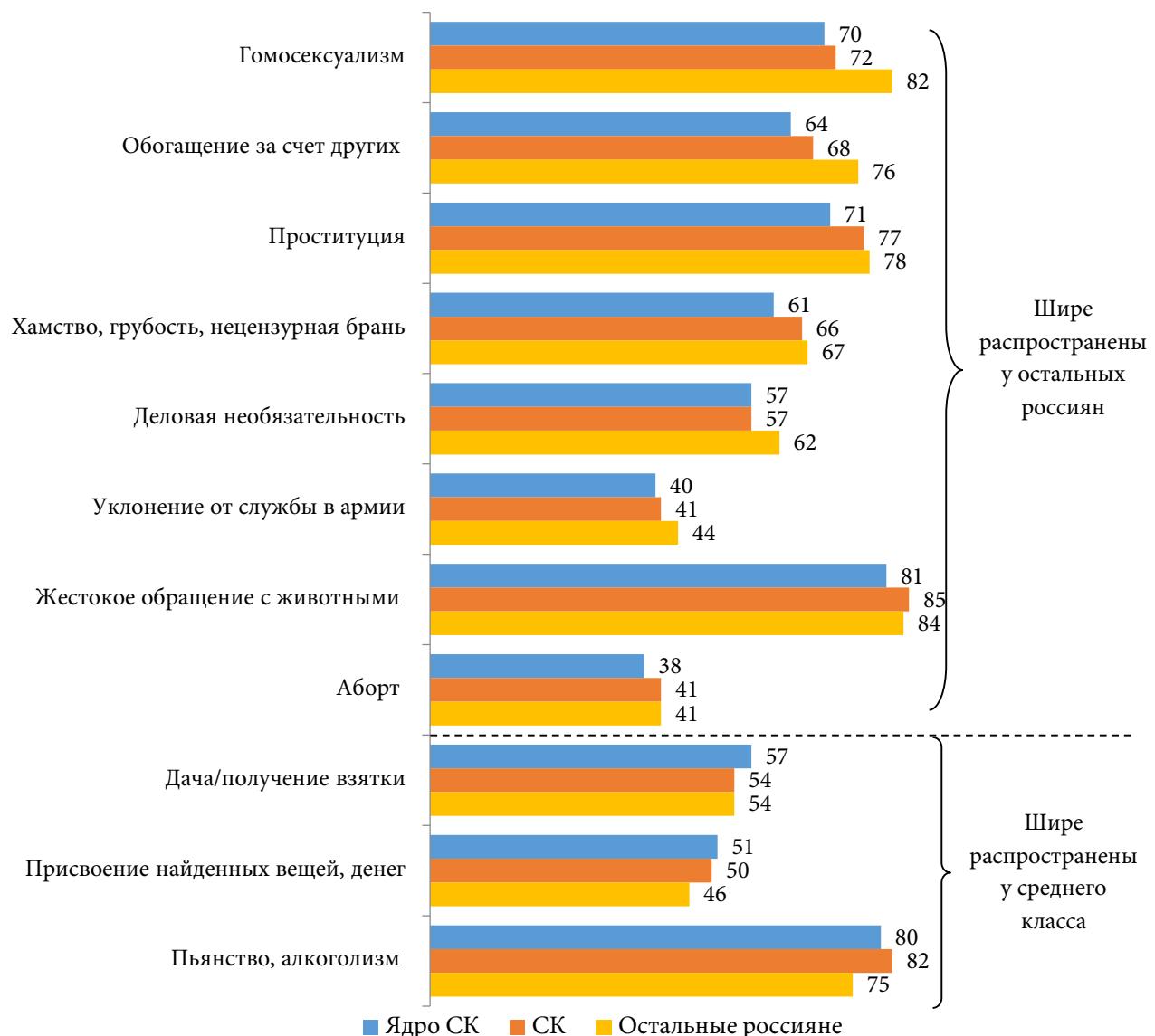

Рис. 9.7. Соотношение распространенности принятия отдельных морально-нравственных норм у представителей различных групп населения, 2013 г., %¹

Для оценки полноты номенклатуры норм, принимаемых и разделяемых представителями СК и остальных россиян, была проведена **типовизация ре-спондентов по их моральному статусу**, в основе которой лежит фиксация частоты выбора ответа «никогда не может быть оправдано» в отношении к тестируемым действиям и поступкам. К группе «высокого» или «абсолютного морального статуса» были отнесены респонденты, разделяющие все 17 норм. К группе «среднего морального статуса» были отнесены респонденты, разделяющие большинство моральных норм (9-16 из 17 возможных). Наконец, группу «низкого морального статуса» составили респонденты, для которых актуальными оказались менее половины включенных в тестирование моральных норм (до 8 норм включительно).

¹ Приведены только оценки норм, по которым различия составляют 3 и более процентных пункта, позиция «никогда не может быть оправдано».

Как показали расчеты, соотношение выделенных групп среди представителей СК и остальных россиян почти одинаково. Относительное большинство как СК, так и остальных россиян (62-63%), относятся к группе со средним моральным статусом (см. рис. 9.8). Каждый четвертый составляет группу морального риска, разделяя менее половины норм, а каждый десятый, напротив, заявляет, что для них неприемлемыми являются все 17 оцениваемых действий и поступков, которые традиционно принято считать аморальными или неэтичными.

На общем фоне выделяются представители ядра СК, в составе которых оказалась самой большой группой с низким моральным статусом. Здесь терпимо относятся к большинству морально-нравственных отклонений 30% респондентов. Обратим внимание на эту его особенность, которая сочетается с ранее отмеченным лидерством представителей ядра СК по их воспитательным установкам на образование, трудолюбие и самодисциплину, умственное развитие, деловую хватку. Таким образом, *вырисовывается позиция значительной части представителей этой группы на саморазвитие человека, заботу о себе и своем успехе в сочетании с моральным релятивизмом.*

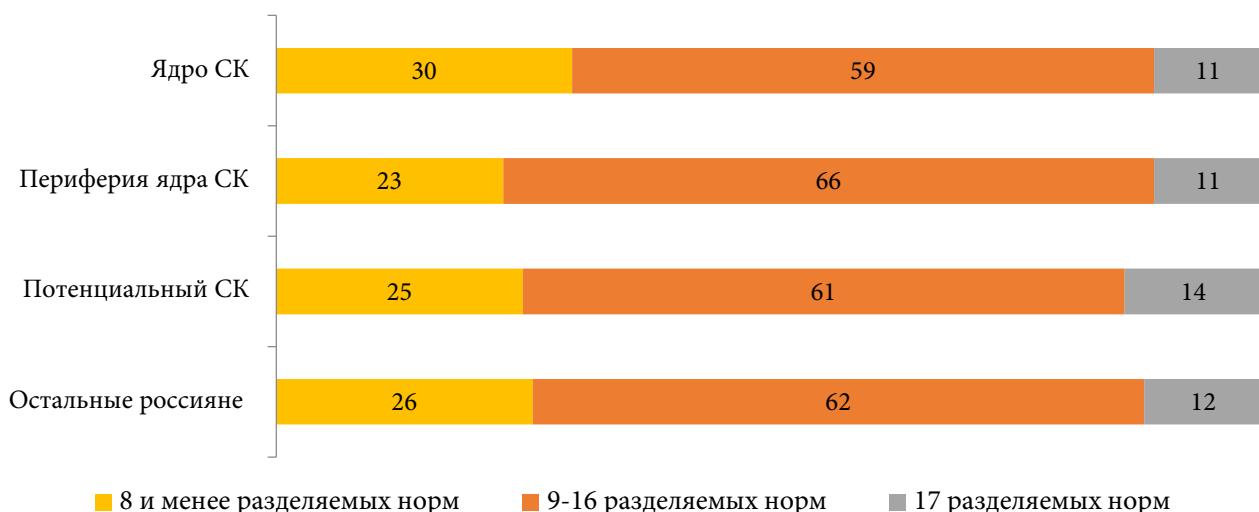

Рис. 9.8. Группировка представителей различных групп населения по числу разделяемых ими морально-нравственных норм, 2013 г., %

Безусловно, распространенность моральных норм имеет свои особенности в различных подгруппах среднего класса. Как показало исследование, мужчины из СК чаще тяготеют к полюсам сложившегося морально-нравственного континуума. Среди них отказалось больше как самых строгих моралистов (13% при 10% у женщин), так и, напротив, людей, «свободных от предрассудков» (28% при 25% у женщин).

Принято считать, что среди возрастных групп наиболее уязвимой в отношении морали и нравственности является молодежь, чей нравственный стержень еще достаточно гибок, и для которой существующая ныне социальная среда с ее моральным релятивизмом естественна и органична. У многих вызывает сомнение, что нынешняя молодежь способна воспринять те ценности и смыслы, которые несет в себе старшее поколение, зреет ощущение, что межпоколенческий «транзит» морально-нравственных основ вот-вот прервется. Особенно уязвимой в этом отношении выглядит наиболее благополучная молодежь. Подобный взгляд на моральный облик социально продвинутой части молодежи справедлив лишь отчасти. Действительно, нынешние 18-25-летние представители СК заметно отстают от

старшего поколения (60 лет и старше) по части включенности в морально-нравственных контекст жизни и относятся ко многим вещам гораздо легче, без «излишней рефлексии». Более четверти их представителей (26-28%) можно смело отнести к группе людей с низким моральным статутом, тогда как приверженностью всем рассматриваемым нормам в самой младшей группе может похвастать лишь 6%. Впрочем, постепенное усвоение человеком различных ценностей и установок, их закрепление с возрастом и приобретением социального опыта – вещь естественная.

В то же время практически на одной ступени «морального взросления» с самыми младшими возрастными когортами находится и «зрелая молодежь» среднего класса (26-30 лет) и поколение, перешагнувшее 30-летний рубеж (30-40 лет). Лишь с группы 41-50-летних наблюдается ожидаемое возрастание доли людей с высоким моральным статусом (и только до 13-14%) (см. рис. 9.9). Причем, промежуточная группа предпенсионного возраста (51-60 лет) этот тренд прерывает и демонстрирует всплеск терпимости к разного рода нормативным отклонениям. Возможно, подобный всплеск морального релятивизма людей предпенсионного возраста является ответом на специфическую социальную ситуацию, связанную с неустойчивостью их положения на работе, ожиданием предстоящего перехода в другой социальный статус. Что же касается «особо устойчивой» моральной платформы, которую ярко демонстрируют самые старшие представители СК (60 лет и старше), то она зачастую покоится скорее на меньшей включенности в активную социальную жизнь с ее соблазнами и испытаниями, нежели на существенно иных ценностных установках. И в этом смысле их завышенные моральные планки, пребывание на моральном «Олимпе» в отрыве от многих сфер жизни, с которыми сталкиваются их молодые сограждане – тоже своеобразный «моральный инфантилизм».

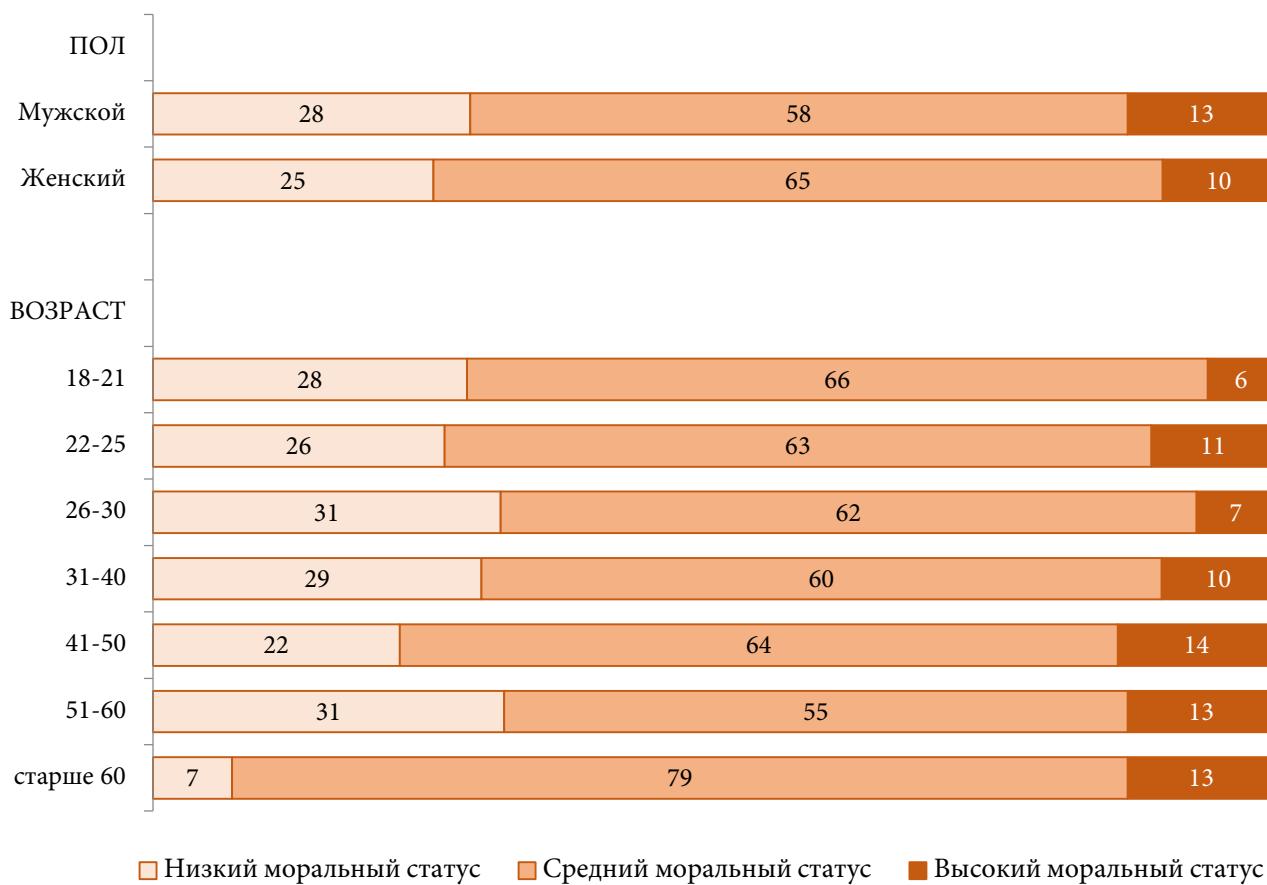

Рис. 9.9. Моральный статус опрошенных в разных поло-возрастных группах представителей СК, 2013 г., %

Более подробный анализ отношения представителей различных возрастных групп среднего класса к тем или иным действиям и поступкам дает возможность прояснить некоторые важные моменты.

В целом отношение к большинству норм демонстрирует классическую картину «морального взросления» россиян — с переходом к каждой следующей возрастной когорте (с отдельными несистемными «выбросами») увеличивается доля тех, кто осуждает те или иные аморальные и неэтичные действия и поступки. Это касается и норм гражданской морали, характеризующей поведение людей в сфере «гражданин — власть — общество», и норм поведения в деловой и социально-экономической сфере, и отношения к нормам поведения в личной жизни.

Однако есть несколько норм, в освоении которых возрастная преемственность нарушается. Это abortionы, супружеская измена и публичное проявление неприязни к представителям других национальностей или вероисповеданий. Что касается abortionов, то здесь в срединных возрастах (от 22-25 лет до 51-60 лет) фиксируется обратный тренд — с возрастом осуждение abortionов снижается вплоть до минимального уровня среди 51-60-летних (снижение распространенности нормы с 50 до 27%). Единственная группа, резко выпадающая из этого тренда, — пожилые представители СК (60 лет и более), в которой abortionы встречают с пониманием почти половины опрошенных (45%).

Не так отчетливо, как в отношении abortionов, но все же наблюдается обратный возрастной тренд и в отношении представителей СК к нормам морали, регламентирующему отношение к супружеским изменениям и публичному проявлению неприязни к людям другой национальности, вероисповедания. Так, в отношении к супружеским изменениям наибольшую лояльность демонстрируют представители самой старшей возрастной группы. Осуждение же демонстрации неприязни к представителям иной веры и национальности заметно снижено среди респондентов 26-40 лет (до 63-65% по сравнению с 71-81% в других группах), чье взросление пришлось на время раз渲а СССР, обострения межнациональной и межконфессиональной напряженности и всплеска этой самой «нетолерантности». Взросление же самых молодых представителей СК (до 25 лет), нынешних и недавних студентов и учащихся пришлось на период, когда формирование толерантности было объявлено государственной задачей и подкреплено специальными программами толерантности, включенными в учебный процесс. Возможно, именно эта «прививка толерантности» способствует тому, что молодежь подавляющим большинством (75-81%) осуждает публичные проявления нетерпимости.

Традиционно считается, что существенные различия в «моральном облике» людей во многом связаны с тем, где они живут — в крупных городах, мегаполисах или в провинции. Мегаполисы, с их жестким ритмом жизни и работы, амбициями и притязаниями, представляются жизненными территориями, в которых человеку, стремящемуся достичь поставленных целей и не выпасть из «обоймы преуспеяния», часто приходится переступать через общепринятые нормы и правила. Да и общественное мнение крупных городов в вопросах морали часто воспринимается как более «гибкое». Напротив, провинция, с ее спокойным, размеренным темпом жизни, сравнительно скромными запросами, традиционностью и консерватизмом, имеет образ места, где люди в первую очередь заботятся о спокойствии своей совести и душевном равновесии.

Так ли это на самом деле? Как показывают данные опроса 2013 г., представители СК, проживающие в провинции, особенно в районных центрах и селах, действительно обгоняют «по части морали» средний класс крупных городов (см. рис. 9.10). Например, в мегаполисах и областных центрах доля тех, кто признает все рассматриваемые в исследовании моральные нормы, минимальна (8%).

Но главное – в мегаполисах почти половина представителей СК (48%) относится к группе с низким моральным статусом, разделяя менее половины включенных в исследование норм. В селах же отмечается самая высокая доля тех представителей СК, которые характеризуются высоким моральным статусом, признавая абсолютно все тестируемые нормы, тогда как доля моральных релятивистов, не приемлющих и половины этих норм, напротив, самая низкая (18%).

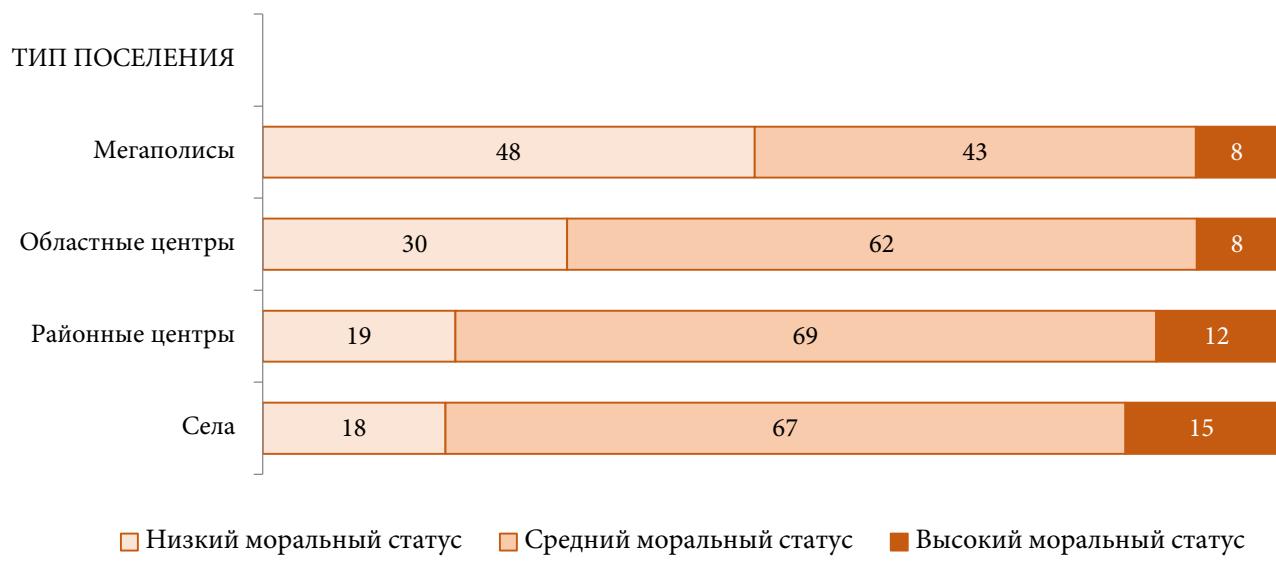

Рис. 9.10. Моральный статус представителей СК в разных типах поселений, 2013 г., %

Следующий фактор, важный при анализе распространения моральных норм у представителей среднего класса – религия. Несмотря на то, что Церковь не является в России институтом, оказывающим определяющее влияние на моральное самоопределение большинства населения, тем не менее, следует отметить наличие связи между отношением представителей СК к религии и их моральным статусом. Первая особенность – заметное отставание атеистов от верующих людей в отношении к рассматриваемым моральным нормам. Если среди разных групп верующих доля опрошенных с высоким моральным статусом составляет 10-14%, то среди атеистов таких только 3% (см. рис. 9.11).

Рис. 9.11. Моральный статус представителей СК, выделенных по их отношению к религии, 2013 г., %

Второе обстоятельство, на которое следует обратить внимание – выраженное лидерство по демонстрации приверженности моральным нормам среди последователей ислама. Среди них отмечается самая низкая доля тех, кто отличается моральным релятивизмом и разделяет менее половины тестируемых норм (17%), тогда как среди последователей православия таковых 23%, а среди верующих без принадлежности к какой-либо конфессии и безразличных к вере треть и более (33 и 35%, соответственно). У атеистов же, сознательно позиционирующих себя как отрицающих веру и религию, доля моральных релятивистов возрастает до 42%. Одновременно среди последователей ислама больше всего тех, кто демонстрирует приверженность абсолютно всем тестируемым нормам (14% при 3% среди безразличных к вере и атеистов).

Анализ распространенности моральных норм среди представителей СК с разным уровнем дохода свидетельствует, что достижение высокого материального положения тесным (хотя и не определяющим) образом связано с пренебрежением моральными нормами. Так, среди обладателей самого высокого уровня доходов (составляющего более двух медиан по типу поселения респондента) доля моральных релятивистов составляет более трети (34%), в соседней доходной группе (где доход составляет от 1,5 до 2 медиан) немногим меньше (31%). В наименее же успешных с точки зрения дохода группах СК доля тех, для кого моральные нормы не важны, заметно ниже и составляет 18-23%. Вместе с тем, следует обратить внимание на важное обстоятельство – в наиболее высокодоходной группе СК, одновременно с высокой долей моральных релятивистов, фиксируется и самая высокая доля людей, поддерживающих абсолютно все тестируемые моральные нормы (15% при 10-11% в других доходных группах).

Рис. 9.12. Моральный статус представителей СК в группах, выделенных по уровню дохода и типу предприятия, 2013 г., %

Еще одна важная «экономическая» особенность в распространенности моральных норм среди отдельных групп среднего класса – ее связь с типом предприятия, на котором работает человек. Представители СК, занятые на государственных предприятиях, отличаются самой высокой степенью приверженности моральным нормам – здесь отмечается наибольшая доля обладателей высокого морального статуса (15%) и наименьшая доля тех, кто характеризуется низким моральным статусом (23%, рис. 9.12). В группе занятых на приватизированных предприятиях пропорция несколько смещается в пользу снижения морального статуса. В группе же занятых на вновь созданных частных предприятиях освобождение от нормативного «ярма» наиболее выражено – здесь только 1% представителей СК разделяет все тестируемые нормы (это самый низкий показатель из всех групп СК, выделяемых по разным основаниям), тогда как доля респондентов, свободных от большинства моральных ограничителей, самая высокая (36%).

10. Миграционное поведение среднего класса: есть ли выгоды?

Важной и пока еще слабо изученной характеристикой представителей СК является их *миграционное поведение* – реальные перемещения из одних мест в другие, а также потенциальная готовность к смене места жительства ради учебы, новой работы, лучших условий жизни и т. д. Речь идет при этом о миграции как внутри России (внутренняя миграция), так и о выездах за рубеж (внешняя миграция – эмиграция). Оба эти вида миграции могут иметь временный (когда выезжающий через некоторое время возвращается на прежнее место жительства) или постоянный (при выезде на постоянное место жительства) характер.

Как показывает опыт зарубежных стран, средний класс обладает более высоким уровнем миграционной активности (реальной и потенциальной), чем другие слои населения. Это связано с тем, что главным ресурсом представителей СК являются знания и навыки, способность их к до- и переучиванию. Обладание развитым человеческим капиталом повышает способность представителей СК переезжать из одного места жительства в другое, позволяет им получать более качественное образование и, одновременно, снижает их зависимость от уровня национального экономического развития.

Попробуем выяснить, в какой степени миграционное поведение среднего класса в сегодняшней России соответствует западной «норме», т. е. насколько такое поведение характеризуется повышенной (в сравнении с другими группами населения) территориальной мобильностью, а также насколько эта мобильность зависит от того, в каком типе поселений проживает человек.

Как показывают данные, миграция в России распространена достаточно широко – не случайно более половины жителей всех типов населенных пунктов имеют знакомых-мигрантов. При этом в современной России есть пять основных групп населения с разным **миграционным поведением** (см. таблицу 10.1):

1 группа – жители сел, деревень и поселков городского типа, которые переезжают в райцентры или малые города, а также в областные центры и столицы;

2 группа – проживающие в средних и крупных городах, предпочитающие переезжать обычно в областные центры или столицы;

3 группа – жители городов-миллионников, которые рассматривают в качестве альтернативы старому месту жительства Санкт-Петербург, Москву или «заграницу»;

4 группа – жители Санкт-Петербурга,езжающие обычно в Москву, страны СНГ или в «дальнее зарубежье»; и, наконец,

5 группа – москвичи, чаще всего уезжающие в «дальнее зарубежье».

Таблица 10.1

**Миграционные потоки населения России по оценкам респондентов
о передвижениях их родственников, друзей, знакомых и соседей¹, 2014 г., % от них**

Место переезда знакомых ему людей	Место проживания респондента						
	Москва и Санкт- Петербург	Город с населением более 1 млн чел.	Город с населением 500 тыс. – 1 млн чел.	Город с населением 250 тыс. – 500 тыс. чел.	Город с населением менее 250 тыс. чел.	Пгт и села	
В «дальнее зарубежье»	69	57	31	20	21	21	
В страны СНГ	17	11	6	13	9	6	
В Москву или Санкт-Петербург	25	67	65	59	60	47	
В крупный областной центр	5	15	22	13	44	53	
В районный центр, малый город	3	4	10	11	9	26	
В село, деревню, пгт	9	4	12	7	9	10	

Таким образом, в современной России наблюдается два типа миграции. Один из них – «волновая» (или «ступенчатая») миграция: из села – в город, из малого города – в крупный город, из крупного города – в столицу, а из столицы – за рубеж. Второй тип миграции – «столицецентрический», при котором население любых типов поселений стремится переехать в Москву или Санкт-Петербург. Двойственность миграционного поведения россиян отличает его и от ярко выраженной «столицецентрической» миграции населения слаборазвитых стран (где мигранты из любых мест проживания стремятся сразу попасть в столичные города), и от «возвратной» миграции, характерной для развитых стран (где наблюдается отток жителей крупных городов в пригороды и малые города).

Миграционное поведение разных возрастных когорт россиян при этом почти не отличается. В то же время наблюдается четкая дифференциация интенсивности мобильности в зависимости от принадлежности к среднему классу и месту в нем:

- среди представителей ядра СК более 2/3 (71%) имеют в своем окружении знакомых, сменивших место жительства;
- среди периферии этого ядра таковых уже 60%;
- среди потенциального СК знакомы с теми, кто имеет опыт миграции, 56%;
- остальное население России проявляет миграционную активность слабее всего – 46% представителей этой группы имеют в своем ближнем окружении людей, сменивших место жительства (см. таблицу 10.2).

¹ Отвечая на соответствующий вопрос, формально респонденты должны были говорить как о тех, кто приехал в населенный пункт, где они проживают, так и о тех, кто из него уехал. Однако, как показывает сравнение места проживания респондентов с их ответами о векторе миграции их знакомых, в подавляющем большинстве случаев респонденты, отвечая на вопросы о мигрантах среди их знакомых, говорили об уехавших.

Таблица 10.2

**Миграционные потоки населения России, по оценкам респондентов
о передвижениях их родственников, друзей, знакомых и соседей, 2014 г., % от них**

Опыт миграции	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
В «дальнее зарубежье»	40	31	35	33	24
В страны СНГ	12	8	10	7	7
В Москву или Санкт-Петербург	75	67	70	62	70
В крупный областной центр	27	31	29	39	43
В районный центр, малый город	9	13	11	15	18
В село, деревню, пгт	4	7	6	10	12
Справочно: нет знакомых мигрантов	29	40	36	44	54

Итак, процессы миграции в СК, и особенно его ядре, распространены несколько шире, чем среди остальных россиян, 51% которых не имеет мигрантов среди своих знакомых. Это позволяет утверждать, что *российский средний класс сближается по миграционной активности со средним классом развитых стран, демонстрируя более высокую способность к смене места жительства, особенно сравнительно с группой «остальное население»*. При этом его характеризует и иной вектор миграции (особенно это характерно для его ядра). Его представители чаще остальных россиян уезжают за рубеж, особенно – в «дальнее зарубежье», и относительно реже – в любые населенные пункты на территории страны. Это позволяет говорить о том, что *эмиграция, будучи достаточно распространенной во всех слоях населения, особенно сильно затронула ядро российского СК, т. е. именно ту часть россиян, которая имеет наиболее качественный человеческий капитал*.

Кроме того, между СК и остальными россиянами есть и другие существенные различия по направлениям миграции. В частности, представители СК при внутренней миграции проявляют ярко выраженную «столицентричность»: 55% знакомых представителей «нестоличного» СК (у ядра СК – 60%) при смене места жительства предпочитали Москву, а с учетом второй столицы (Санкт-Петербурга) данный показатель достигал 63% (у ядра СК – даже 67%). Эта характеристика отличает миграционное поведение СК от поведения остальных россиян, и, одновременно, *сближает российский средний класс с развивающимися странами, где тоже наблюдается резкий контраст между качеством жизни в модернизированных столицах и в гораздо более традиционной «глубинке»*. Эту схожесть подтверждает и распространенная в развивающихся странах ориентация на выезд в развитые страны, популярная в России прежде всего у ядра СК, концентрирующегося в значительной степени в столицах и других городах-миллионниках.

Таким образом, российский средний класс (и, особенно, его ядро) является наиболее миграционно-подвижной частью населения страны. В этом он похож на средний класс развитых стран. В то же время ярко выраженный «столицентризм» миграции российского среднего класса является одним из проявлений отставания России от развитых стран мира. Об этом же говорит и миграция из наиболее крупных городов, особенно столиц, в «дальнее зарубежье», широко распространенная прежде всего в ядре СК.

Отмечая основные **цели миграции** своих знакомых россияне чаще всего выделяют хорошую работу (57%) и личные обстоятельства (также 57%). Обучение как цель переезда на новое место жительства фигурирует гораздо реже – его отметили только 28%. Объяснить такую иерархию целей переездов не так легко, поскольку не очевидно, что подразумева-

ется под «личными обстоятельствами». Видимо, здесь в единый блок собираются очень разнородные мотивы – бракосочетание с жителем другого региона, воссоединение семей (переезд родителей к детям или наоборот), забота о воспитании и образовании детей и т. д.

Анализ особенностей мотивации миграции также показывает определенные различия в этом отношении между представителями СК и остальными россиянами. У представителей СК практически в равной степени фигурируют два основных мотива для переезда их знакомых с одного места жительства на другое – найти хорошую работу (58%) и личные обстоятельства (56%). Обучение как цель смены места жительства указывают 27% СК в целом. Изучение ситуации с учетом типов поселения демонстрирует, что знакомые жителей городов с населением более 1 млн человек чаще переезжают на новое место по личным обстоятельствам (57%), среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга такие цели встречаются еще чаще (62%). Представители СК в остальных типах поселений в качестве основной причины смены места жительства своих знакомых обычно называют стремление найти хорошую работу. Жители сел и ПГТ, попавшие в состав СК, относительно чаще (34%) называют в качестве цели переезда обучение (см. рис. 10.1). У знакомых остальных россиян при переездах эти два мотива фигурируют с одинаковой частотой – с целью найти хорошую работу уезжали 59% знакомых, а по личным обстоятельствам – 58% данной группы.

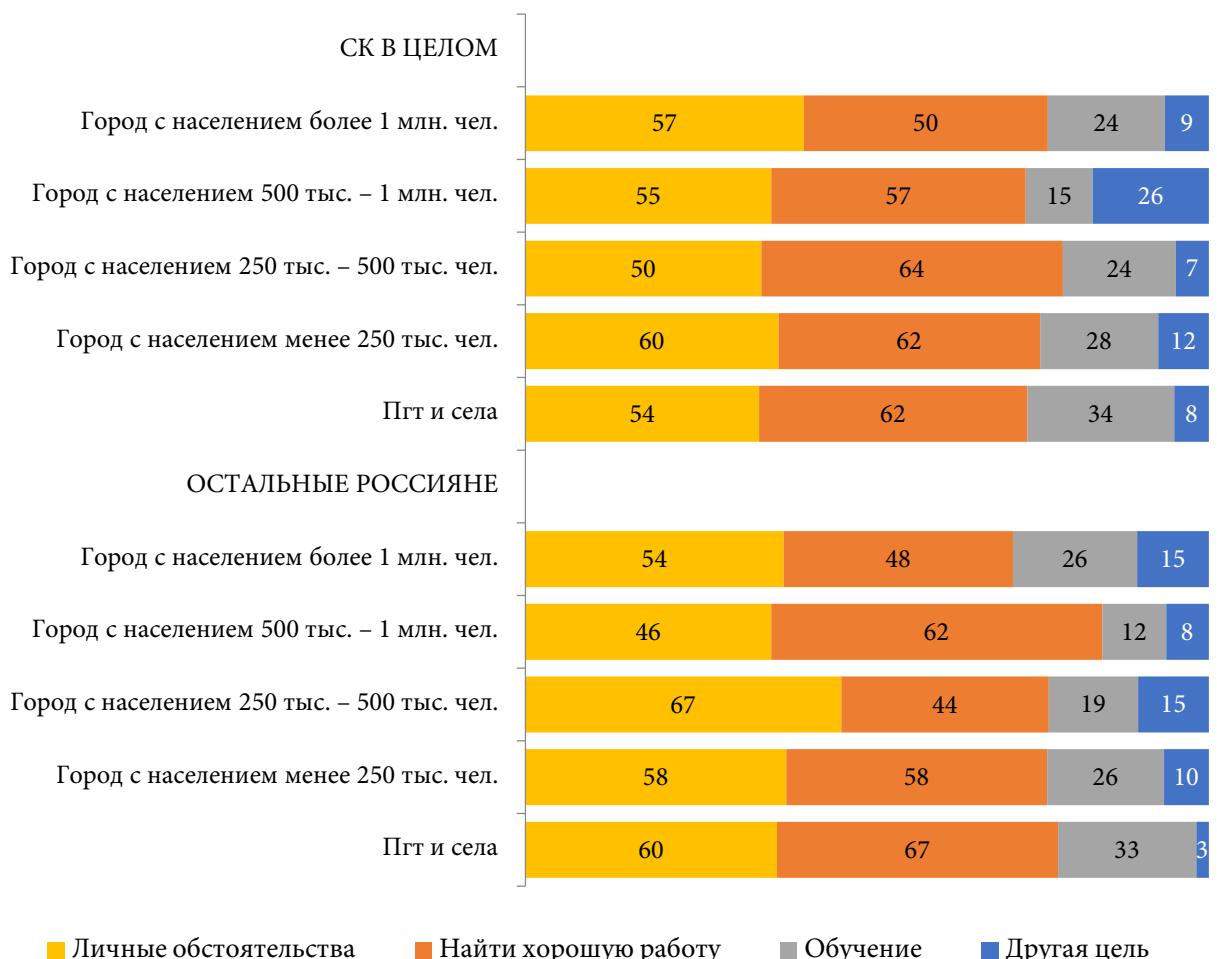

Рис. 10.1. Цели миграции родственников, друзей, знакомых и соседей представителей СК и остальных россиян из разных типов поселений, 2014 г., % от них

Однако цели, которых стремятся достичь мигранты, далеко не всегда в процессе миграции оказываются реально достигнутыми. Поэтому при анализе любых миграционных потоков очень важно отслеживать, **насколько эффективным оказался переезд на новое место проживания**, т. е. в какой степени реальные результаты переезда соответствовали его изначальным целям. Ведь если мигранты в основном до-

стигают своих целей, то миграционный поток будет стабильным или даже растущим. В противном случае он «захлебнется» по мере того, как потенциальные мигранты будут убеждаться в невозможности реализовать свои желания путем миграции.

Согласно данным опроса 2014 года, успешные миграционные переезды встречаются значительно чаще, чем неуспешные. Из 55% россиян, имевших знакомых-мигрантов, более половины (32%) отмечали, что их знакомые вполне достигли целей переезда, лишь 2% – что не достигли, еще 16% – что достигли частично. Конечно, эти ответы надо интерпретировать осторожно, поскольку даже о самых близких людях трудно наверняка судить, насколько они удовлетворены достигнутыми результатами. Многие могут демонстрировать «хорошую мину при плохой игре», если реальность оказалась хуже ожиданий. Однако даже с этими оговорками можно уверенно утверждать, что при переездах общим правилом является именно успешный результат, а неудача – сравнительно редким исключением. Во всяком случае, так воспринимаются результаты миграции в общественном сознании, и именно это важно в первую очередь, когда речь идет об оценке масштабов миграционных потоков на будущее.

В то же время следует обратить внимание на дифференциацию результативности миграции в зависимости от исходного культурного капитала. Наименее оптимистично оценивают результативность переезда своих знакомых россияне из сравнительно небольших городов (с населением до 250 тыс.): лишь 60% проживающих в этом типе поселений имеют знакомых, получивших пользу от переезда. Наиболее оптимистичны – проживающие в крупных городах (с населением 500 тыс. – 1 млн): 82% имеющих мигрантов среди знакомых отметили здесь тот факт, что для их знакомых переход был эффективным.

Анализ дифференциации эффективности миграции по основным социальным группам (см. рис. 10.2) не показывает сильных различий между ними, хотя некоторые отличия все же наблюдаются.

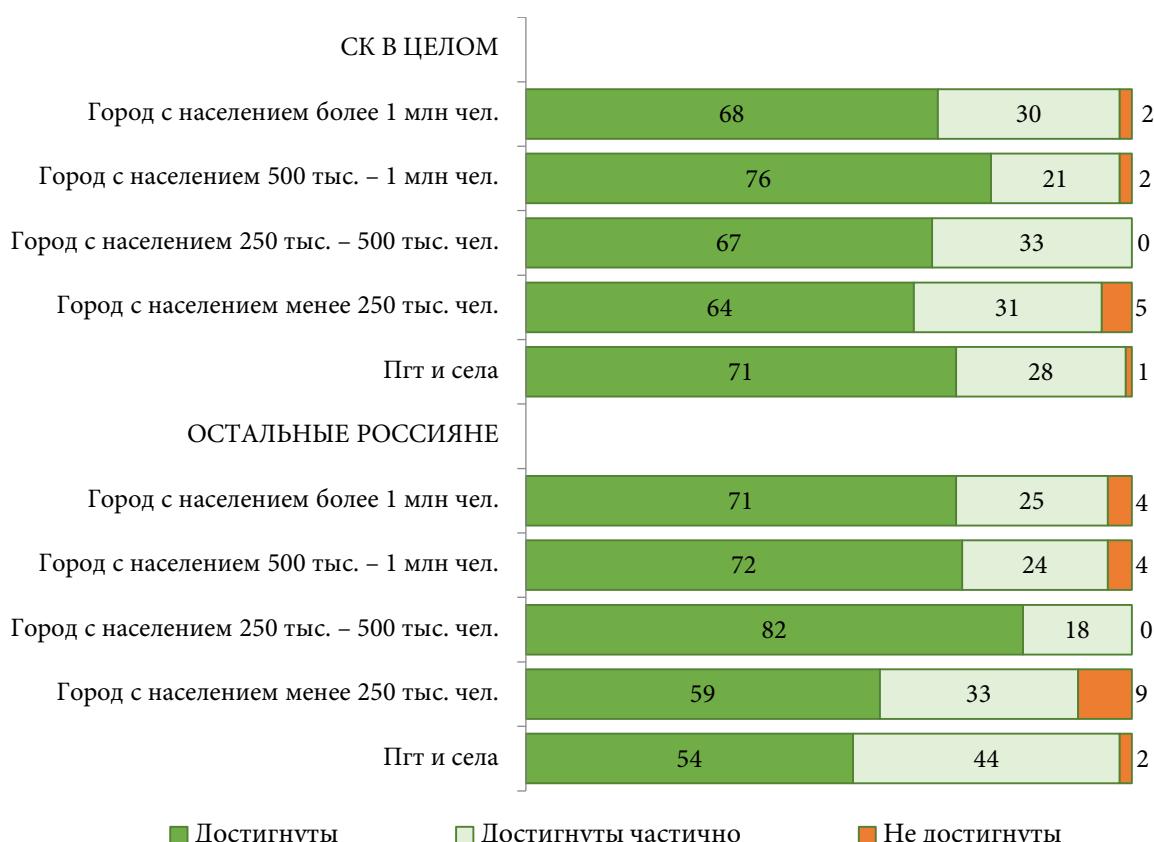

Рис. 10.2. Достижение своих целей мигрантами из различных групп населения по оценкам их родственников, друзей, знакомых и соседей, 2014 г., % от них

В целом представители периферии ядра СК чаще других социальных групп отмечали эффективность миграции для их знакомых (74%). Немногим менее эффективным был переезд для знакомых из потенциального СК (68%) и ядра СК (64%). Наименьшую пользу переезд принес знакомым группы «остальное население» (58%). Переезды знакомых из ядра СК выглядят менее успешными по сравнению с периферией СК и потенциальным СК за счет опыта жителей столичных городов. О полном достижении целей переезда представители ядра СК из столичных городов на фоне других социальных групп сообщают существенно реже (только у 39% из них знакомые-мигранты полностью достигли своих целей против 61%, достигших целей миграции лишь частично). Однако эта негативная оценка касается скорее внутренней миграции, чем эмиграции за рубеж – если в среднем считают, что переезд пошел на пользу их знакомым, 58% россиян, имеющих мигрантов в ближайшем окружении, то среди имеющих знакомых, уехавших за рубеж, этот показатель достигает двух третей. Результативность же миграции в столицы ниже не только этого уровня, но и среднего показателя эффективной миграции и составляет чуть более 50%.

Самая высокая удовлетворенность результатами миграции наблюдается в периферии ядра СК среди жителей крупных городов. Так, среди представителей периферии ядра СК, живущих в городах с населением 500 тыс. – 1 млн, 87% тех, кто имел знакомых-мигрантов, сообщали о полном достижении ими целей переезда (при показателе в среднем по периферии ядра СК в 66%). В ядре СК этот эффект выражен слабее. При этом доля считающих, что их знакомым переезд пошел на пользу, в ядре СК было 58%, в потенциальном СК – 59%, а среди остального населения этот показатель был минимален и достигал лишь 49%. Таким образом, по результатам анализа оценок эффективности миграции можно сделать вывод о малоэффективности миграции для тех россиян, у которых *заведомо нет шансов оказаться в составе СК и максимальной эффективности ее при перемещениях внутри страны для россиян со средним качеством человеческого капитала (периферии ядра СК)*. В то же время для ядра СК наиболее эффективной стратегией оказывается выезд за рубеж, при этом им в гораздо меньшей степени приходится рассчитывать на положительный эффект от внутренней миграции, чем представителям периферийных для СК позиций.

Дополнительные краски к картине миграционной активности россиян добавляет анализ информации, полученной из ответов респондентов об их **собственных переездах**.

Анализ миграционного поведения самих респондентов показывает, что 57% россиян никогда не меняли места жительства. При этом недавним опытом (менее 10 лет назад) переезда обладают только 9%. Реальный показатель миграции на самом деле должен быть несколько выше за счет тех жителей России, которые эмигрировали за рубеж и, соответственно, не попадают в выборку общероссийских опросов, однако учет их изменит общую картину ненамного. По данным ФМС за 2012 год, при численности населения РФ в 143 млн человек за рубеж с другими долгосрочными целями выехало 123 тыс. человек, то есть менее 0,1% россиян¹.

В то же время сравнение данных государственной статистики с информацией по выезду из России из зарубежных источников, а также данными исследований ИС РАН о распространенности отъезда за рубеж свидетельствует, что

¹ Рассчитано по: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 году. Федеральная служба государственной статистики. М., 2013. Табл. 1.2. и 2.6.

в эмиграцию вовлечено значительно большее число людей, чем зафиксировано Федеральной миграционной службой, и реальная миграция за рубеж превышает официальную статистику в разы. Но даже с учетом этого расхождения численность ежегодной эмиграции не превышает 0,5% населения России – впрочем, за 20 с лишним лет, прошедших с момента падения «железного занавеса», и, учитывая, что эти проценты в основном относятся к жителям Москвы и Санкт-Петербурга, понятно, что для них они превращаются в весьма ощутимую часть их жителей. Если же вспомнить, что в число уехавших входят в большей степени обладающие наиболее развитым человеческим капиталом россияне, то можно говорить о серьезных потерях, которые понесла страна за последние десятилетия в результате эмиграции за рубеж.

Массовым отъездом за рубеж представителей ядра СК за последние десятилетия, с одной стороны, и уже упоминавшейся меньшей эффективностью именно для них внутренней миграции, с другой, объясняется тот на первый взгляд парадоксальный факт, что ответы респондентов на вопрос об их собственных переездах демонстрируют *пониженную мобильность среднего класса и прежде всего его ядра* (см. таблицу 10.3). Если среди группы «остальное население» на протяжении жизни переехали 44%, то среди проживающих ныне на территории России представителей СК – 39% (в ядре СК – 35%). Однако следует еще раз отметить, что это показатель лишь внутренней миграции, без учета внешней, особенно активной именно в СК и его ядре.

Таблица 10.3
Личный опыт внутрироссийской миграции в различных группах населения, 2014 г., %

Опыт миграции		Средний класс, в т. ч.			Потенциальн ^ы й СК	Остальное население
		Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Отсутствует	Здесь жили еще родители респондента	27	27	27	21	26
	Здесь родился респондент, хотя родители родились не здесь	38	30	34	31	31
Давний опыт	Респондент приехал сюда в детстве	10	12	11	13	13
	Респондент приехал сюда более 10 лет назад	18	20	19	23	23
Недавний опыт	Респондент приехал сюда более 5 лет назад	5	3	4	5	3
	Респондент приехал сюда менее 5 лет назад	2	7	5	8	5
<i>Всего имеющих личный опыт внутрироссийской миграции</i>		35	42	39	49	44

Для лучшего понимания проблемы зададимся вопросом, является ли пониженная внутрироссийская миграционная активность СК чем-то устойчивым, или это относительно новый феномен. Для ответа на данный вопрос проанализируем информацию о переездах родителей респондентов. Как показывают данные исследования, у родителей представителей СК (особенно его ядра) миграционная активность была не ниже, а даже несколько выше, чем у родителей остальных

россиян. Данная закономерность фиксируется как на этих социальных группах в целом, так и у их представителей из различных типов поселений, за исключением городов с населением более 1 млн человек (особенно, Москвы и Санкт-Петербурга). Среди родителей представителей СК двух столиц только 24% ранее жили в других местах (а среди родителей СК Москвы – лишь 16%), в то время как родители остальных россиян, проживающих в столицах, мигрировали в 57% случаев. Повышенная миграционная активность родителей представителей СК объясняется, видимо, переездами их в другой город на учебу с последующим в нем «закреплением», а также существовавшей в советское время системой послевузовского распределения. В то же время возможность оставаться работать в столичном городе была преимущественно у тех, кто уже имел московскую/ленинградскую прописку, поэтому миграция среди родителей представителей московского и питерского СК была минимальная.

Это позволяет сделать вывод, что *пониженная внутрироссийская миграционная активность СК страны – это феномен, сформировавшийся в постсоветскую эпоху.* Молодые специалисты крупных городов, из которых в основном и пополняется сейчас СК, обычно стараются найти «хорошую» работу там же, где живут их родители, используя семейный социальный капитал. Это связано с тем, что наличие социального капитала, тяжело приобретаемого на новом месте, особенно важно именно для среднего класса. Об этом свидетельствуют, в частности, данные исследования о том, какое положение в обществе, согласно их самооценке, занимали переезжавшие и не-переезжавшие россияне 10 лет назад и каков их статус в настоящее время (см. таблицу 10.4).

Таблица 10.4

**Влияние миграции на изменения самооценок своего статуса в обществе
в различных группах населения, 2014 г.¹, баллы**

Опыт миграции	Ретроспективная самооценка статуса 10 лет назад	Самооценка нынешнего статуса	Средний балл улучшения/ухудшения за 10 лет
СК в целом			
Отсутствует	5,44	6,03	+0,59
Давний опыт	5,38	5,93	+0,55
Недавний опыт (менее 10 лет назад)	5,34	5,73	+0,39
Ядро СК			
Отсутствует	5,45	6,18	+0,73
Давний опыт	5,42	6,09	+0,67
Недавний опыт (менее 10 лет назад)	5,53	6,15	+0,62
Периферия ядра СК			
Отсутствует	5,43	5,85	+0,42
Давний опыт	5,32	5,77	+0,45
Недавний опыт (менее 10 лет назад)	5,21	5,44	+0,23

¹ Самооценка дана в баллах по 10-балльной шкале, среднеарифметическое по группе.

Продолжение таблицы 10.4

<i>Потенциальный СК</i>			
Отсутствует	4,98	4,68	-0,30
Давний опыт	4,94	4,62	-0,32
Недавний опыт (менее 10 лет назад)	5,15	5,08	-0,07
<i>Остальное население</i>			
Отсутствует	4,49	4,47	-0,02
Давний опыт	4,42	4,29	-0,13
Недавний опыт (менее 10 лет назад)	4,58	4,27	-0,31

Как видно из данных таблицы 10.4, хотя у представителей СК (независимо от того, есть ли у них миграционный опыт) за последние 10 лет в целом происходило улучшение самооценок своего статуса в обществе, в потенциальном СК и у остального населения шло их ухудшение. При этом миграция, особенно недавняя, оказывала негативное влияние на статус представителей СК – опыт сравнительно недавней смены места жительства, неизбежно влекущий за собой потерю, по крайней мере, части своего социального капитала и необходимость «завоевания места под солнцем» в новом локальном сообществе, для переехавшей на новое место жительства менее 10 лет назад части СК означал и заметно более низкие самооценки динамики своего статуса в обществе.

У тех россиян, кто не входит в СК, ситуация иная. Для потенциального СК переезд дает некий шанс если и не на улучшение, то хотя бы на сохранение своего положения в обществе. В то же время стратегия жизни на одном месте обычно ведет для представителей потенциального СК к ухудшению их места на «социальной лестнице».

Наиболее рискованным является переезд для группы «остальное население». Стратегия жизни на одном месте для членов этой группы обычно приводит к сохранению их статус-кво, опыт же миграции, особенно недавней, оказывается на самооценке своего места в обществе негативно.

Личный миграционный опыт варьируется с изменением возраста респондентов (см. таблицу 10.5). Опыт переездов менее 5 лет назад характеризует в основном молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, что связано с тем, что основной жизненной траекторией многих молодых людей является «школа – очный вуз – работа». Реализация этой модели часто предполагает переезд школьника из «провинции» в «вузовский» город. Заметное превышение показателей недавней миграции («менее 5 лет назад») у молодых людей, входящих в потенциальный СК, над опытом переездов молодежи из СК в возрасте 18-21 год (38% против 8%), вероятно, – результат введения с 2009 года ЕГЭ в качестве основной формы вступительных экзаменов в вузы. С введением массового ЕГЭ возросли возможности поступления в вуз другого города для молодежи, не обладающей стартовыми ресурсами СК.

Если вести речь про средний класс, то как показывают данные таблицы 10.5, миграция в детстве выглядит примерно постоянной во всех возрастных когортах. Наиболее заметное исключение – высокий процент переехавших в детстве среди россиян в возрасте 21-25 лет, не являющихся представителями СК (19%). Их опыт миграции пришелся на 1990-е – начало 2000-х годов, когда сложные экономические условия и структурная перестройка экономики заставляли людей искать нетривиальные способы улучшения своего положения (в т. ч. путем переездов).

Таблица 10.5

**Личный опыт миграции представителей СК и остальных россиян
из разных возрастных групп, 2014 г., %**

Возраст респондентов, лет	Опыт миграции				
	Нет опыта миграции	Переезд в детстве	Переезд более 10 лет назад	Переезд от 5 до 10 лет назад	Переезд менее 5 лет назад
СК в целом					
18-21	83	6	1	1	8
21-25	62	11	7	7	13
26-30	64	6	14	9	6
31-40	64	10	17	6	3
41-50	58	16	22	2	3
51-60	51	13	30	2	4
Свыше 61	53	9	34	0	4
Остальные россияне					
18-21	61	9	3	2	26
21-25	62	19	4	4	12
26-30	63	11	13	10	4
31-40	54	10	23	6	7
41-50	59	12	27	1	2
51-60	50	12	28	6	4
Свыше 61	52	16	31	0	2

Переезд менее 5 лет назад для СК – прерогатива, прежде всего, молодежи до 25 лет и связан он обычно с получением образования. Переезд от 5 до 10 лет назад более характерен для возрастной группы 26-30 лет, и является обычно результатом переезда из родного города в «вузовский» город для получения образования, возвращения «домой» после окончания вуза или переезда на новое место в поисках работы после получения образования.

Переезд более 10 лет назад встречается в СК тем чаще, чем старше возрастная когорта. И это единственная закономерность возрастного распределения миграции, которая воспроизводится и у остальных россиян, в целом заметно отличающихся от СК по своему миграционному портрету.

Миграционное поведение включает, однако, не только фактически реализованные намерения, но также **миграционные установки**, которые пока не реализовались. Эти установки тоже очень важны, поскольку они позволяют прогнозировать фактическое миграционное поведение граждан при росте безработицы, ухудшении политической ситуации и т. д. Оценивая их, важно помнить, что в отличие, например, от США, в России нет традиции многократной перемены места жительства в связи со сменой работы. Россияне склонны рассматривать недвижимость не как временное место жительства, удобное в данный момент, а как капитал, который дает уверенность в своем будущем. Историческое прошлое с советской пропиской, высокая стоимость жилья, наконец, «обрастание» знакомыми и друзьями (социальным капиталом) по месту жительства также не способствуют стремлению его менять. Тем не менее, в любом обществе всегда

найдутся как те, кто готов мигрировать лишь под давлением обстоятельств (то есть вынужденно), так и те, кто вообще «легок на подъем», особенно если для этого возникает подходящий повод (по собственному желанию).

Чтобы понять, насколько население России склонно *мигрировать по собственному желанию*, в исследовании 2014 г. респондентам предлагалась гипотетическая ситуация, в которой как стимул для миграции предлагалась идеальная работа. Данные исследования свидетельствуют, что даже при самых благоприятных с точки зрения трудоустройства обстоятельствах лишь менее половины населения России готовы переехать на новое место жительства.

Наиболее «легкими на подъем» оказываются при этом представители СК (45% данной группы), а в структуре СК – его ядро (48%). Менее характерно желание мигрировать для представителей потенциального СК (лишь 43%) и еще меньше – для остального населения (только 38%). Эта закономерность проявляется даже у респондентов пенсионного возраста: ради хорошей работы готовы переезжать 12% пенсионеров из СК, 8% пенсионеров из потенциального СК и 4% пенсионеров из остального населения. Эти данные подтверждают ранее сформулированный вывод, что *средний класс является социальной группой повышенной миграционной активности – это проявляется, однако, в настоящее время не столько в его фактических переездах внутри страны, сколько в готовности переехать при определенных условиях, поскольку, как было показано выше, внутренняя миграция для его представителей менее эффективна, чем для представителей других групп.*

Сравнение данных за 2014 год с данными опроса ИС РАН за 2011 год¹ показывает, что доля респондентов, выразивших готовность ехать за «хорошей работой», является неизменной как в целом по СК, так и по двум его подгруппам. В то же время потенциальный СК стал несколько более миграционно активным (38% его готовы были мигрировать в 2011 году против 43% в 2014 году), а остальное население, наоборот, – менее активным (45 и 38% соответственно). Тенденция снижения миграционной активности по мере уменьшения числа признаков СК является устойчивой. Это видно и при сравнении данных за 2014 и 2011 годы для лиц пенсионного возраста: если в 2011 г. доли пожилых людей, желающих мигрировать ради «хорошей работы», составляли 18% в СК, 15% в потенциальном СК и 14% в остальном населении, то в 2014 г. – соответственно 12%, 8% и 4%.

Выявленная ранее зависимость миграционной активности разных групп населения от типа поселения проявляется и в разной готовности их мигрировать ради получения «идеальной работы». Хотя СК в целом и проявляет большую активность в вопросе такого рода миграции, тем не менее, далеко не во всех типах поселений это желание выражено у его представителей одинаково. Особенно четко поселенческие различия заметны в ядре СК. В то время как жители сел и ПГТ в составе СК проявляют готовность мигрировать более чем в половине случаев (в селах это даже 2/3), жители Москвы и Санкт-Петербурга скорее склонны оставаться жить в своих городах (64%). Вероятно, вариант с идеальной работой жителями двух столиц обычно не рассматривается как подходящий повод покидать «насажденное место», поскольку в России за пределами столиц лучшую работу можно найти лишь ценой снижения качества жизни, а потому «от добра добра не ищут». Подтверждением этому умозаключению служат изложенные выше результаты анализа целей миграции: не случайно именно в Москве и Санкт-Петербурге главный мотив для переезда – это не стремление к хорошей

¹ Речь идет об исследовании «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенном в марте 2011 г. по общероссийской репрезентативной выборке численностью 1750 человек.

работе, а личные обстоятельства. Напротив, для представителей ядра СК, проживающих в селах, переезд ради лучшей работы обычно автоматически означает и улучшение условий жизни.

Возрастные различия в мотивации россиян на миграцию ради подходящей работы носят ожидаемый характер. Готовность сменить место жительства наиболее высока в молодые годы, когда люди еще не успели «обрасти» социальными связями и имуществом. Эта готовность сильнее всего выражена у молодых представителей потенциального СК (в возрасте 18-21 года 97% их готовы переехать), слабее всего – у молодежи из ядра СК (69%). Затем постепенно готовность мигрировать снижается, достигая минимума в пенсионном возрасте. Парадоксально, на первый взгляд, выглядит при этом мотивация представителей ядра СК, среди которых после 60 лет резко растет доля готовых переехать ради подходящей работы. Данный парадокс, видимо, объясняется противоречием между общим ухудшением возможностей «хорошего» трудоустройства у работников пенсионного возраста и установкой работников умственного труда на труд «до гробовой доски».

Для выявления тех респондентов, которые наиболее решительно настроены на смену места жительства, в 2014 г. задавался вопрос о возможных действиях респондентов в случае значительного ухудшения их жизни. В предлагаемых респондентам ответах наравне со многими другими формами поведения фигурировала и смена места жительства, которая, таким образом, выступала уже не как добровольная, а как вынужденная миграция. Следует учитывать, что мигрировать при ухудшении жизни всегда труднее, чем уезжать, меняя привычное хорошее на новое лучшее. Поскольку при ответе на данный вопрос необходимо было из более чем десятка вариантов выбрать не более двух, выбор среди них миграции означал очень высокую готовность респондентов мигрировать при ухудшении их жизни.

Как и следовало ожидать, процент тех, кто был настроен в плане переезда довольно решительно, оказался заметно ниже, чем процент потенциально готовых мигрировать ради хорошей работы или по каким-то иным причинам (10% всех россиян против более чем 40%). Как и в случае с анализом потенциальной готовности сменить место жительства ради хорошей работы, *наиболее активно желание переезжать, спасаясь от ухудшения жизни, проявляют представители СК*. Покинуть Россию в этом случае готовы 7% ядра СК, 5% периферии этого ядра, 4% потенциального СК и 3% остального населения.

Похожие соотношения готовности к вынужденной миграции между различными группами россиян наблюдаются с 2003 года. Но в период с 2003 по 2014 год произошли и некоторые изменения, особенно – в ядре СК. При этом установка на внутрироссийскую вынужденную миграцию почти не претерпела изменений, а вот готовность выехать за пределы России претерпевает существенные колебания. Так, в 2003 г. 12% всех представителей ядра СК были готовы к вынужденной эмиграции. Затем, к весне 2008 г., их доля резко сократилась (3%), но после кризиса 2008-2009 гг. начала расти и к 2013 году достигла 6%, а к 2014 – 7%. Аналогичная картина, хотя и менее ярко выраженная, прослеживается также применительно к периферии ядра СК (6% – 2003 г., 3% – 2008 г., 4% – 2013 г. и 5% – 2014 г.). Что же касается остальных россиян, то их готовность вынужденно эмигрировать практически не менялась на протяжении всего прошедшего десятилетия (3-5% их были готовы к внутренней миграции, 2-3% – к внешней).

На миграционные установки и при вынужденной миграции влияет тип поселения, где живут респонденты. В ядре СК готовность мигрировать в ответ на жизненные проблемы демонстрируют чаще всего опять-таки те, кто проживает в селах и ПГТ, – в них к переезду готов каждый пятый представитель СК. Видимо, именно

в таких населенных пунктах условия труда и жизни наименее привлекательны для этой группы. Зато в городах с населением в 250-500 тыс. человек представители ядра СК, наоборот, в наименьшей степени (11%) готовы уезжать даже при значительном ухудшении своей жизни. При этом среди представителей СК из сел и ПГТ доминирует скорее желание мигрировать в другой регион России (9% высказываются за внутрироссийскую миграцию и 3% – за эмиграцию), в то время как в наиболее крупных городах (с населением более 1 млн человек) несколько популярнее желание эмигрировать за рубеж (4% и 11% соответственно). Таким образом, *в СК по мере укрупнения типа поселения снижается готовность в ответ на резкое ухудшение своего положения к переезду в пределах России и растет готовность к эмиграции*. В потенциальному СК и остальном населении эти тенденции практически отсутствуют.

В целом же, эмиграция уже не является для россиян чем-то «экзотическим». Об этом говорит широкая распространенность и эмиграционных установок, и соответствующих практик. Так, доля тех россиян, кто при ухудшении ситуации в стране считает высоко вероятным выходом свой выезд за рубеж, составляет примерно 5%. Кроме того, каждый шестой россиянин имеет уехавших в «дальнее зарубежье» знакомых, а в ядре СК из Москвы и Санкт-Петербурга, откуда относительно чаще идет эмиграция за рубеж, их имеет каждый второй.

Рассмотрим поэтому установки россиян на эмиграцию за рубеж более углубленно на примере только трудоспособного населения (до 60 лет включительно). Согласно данным исследования, в принципе не хотят жить за рубежом 60% этой группы, в то время как 40% хотя бы теоретически допускают такую возможность. При этом эмигрировать на постоянное место жительства (ПМЖ) хотели бы только 14% всех россиян трудоспособного возраста, в то время как выезд на некоторое время (на заработок или учебу), чтобы затем вернуться, как гипотетически возможный вариант рассматривают 26%. Таким образом, доля тех, кто задумывается о временной эмиграции, вдвое превышает количество желающих выехать на ПМЖ. Однако эти показатели заметно различаются у разных групп населения (см. рис. 10.3).

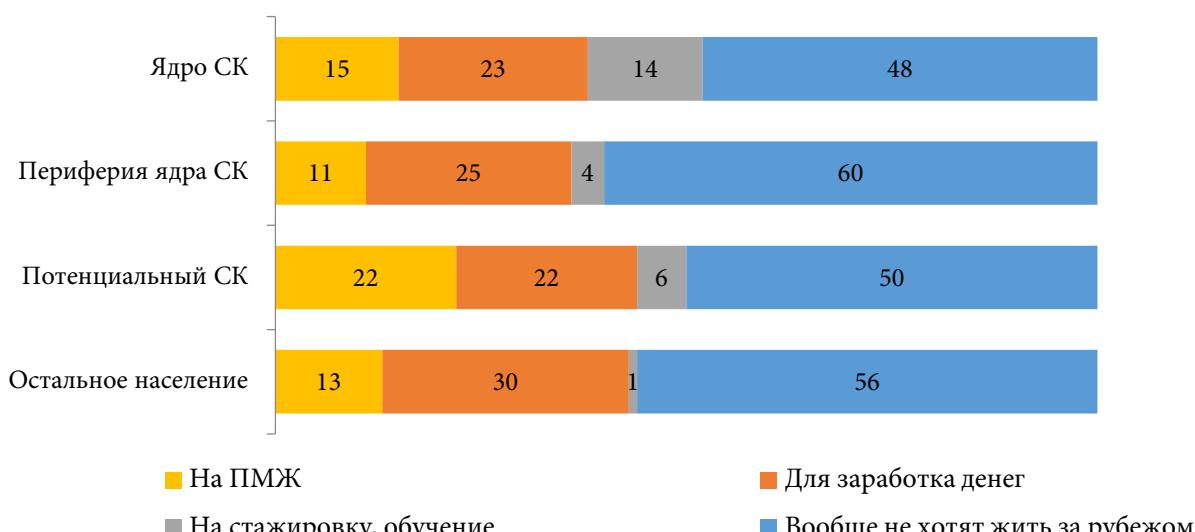

Рис. 10.3. Готовность к эмиграции и ее цели в различных группах населения, 2014 г., % от лиц до 60 лет включительно

Как видно из рис. 10.3, стремление уехать за рубеж на учебу максимально в ядре СК. Наиболее высокую готовность к эмиграции «на ПМЖ» демонстрирует потенциальный СК. Стремление же уехать за рубеж на заработки сильнее всего выражено у представителей остального населения.

Заметим, что для молодежи до 30 лет характерны те же тенденции. При этом если говорить о молодежи из СК, то она примерно в равной степени хотела бы уехать за рубеж на ПМЖ и ради заработка (38 и 37% от всех допускающих для себя возможность эмиграции в этой группе). Представители же СК более зрелого возраста явно отдают предпочтение выезду ради заработка (42% против 33%, предпочитающих ПМЖ). Желание получить заграничное образование с возрастом у представителей СК остается неизменным (25%). В противовес ситуации в СК, структура эмиграционных предпочтений молодежи и трудоспособных россиян средних и старших возрастов у не входящего в состав СК населения особых различий не имеет.

Таким образом, *только в СК структура эмиграционных предпочтений имеет тенденцию изменяться с возрастом. В целом же полученные данные свидетельствуют о том, что эмиграционные установки устойчивы и формируются в зависимости от принадлежности к социальной группе.*

Сравнение разных поселенческих групп с целью установить предпочтаемые ими формы эмиграции (см. рис. 10.4) выявляет интересные закономерности.

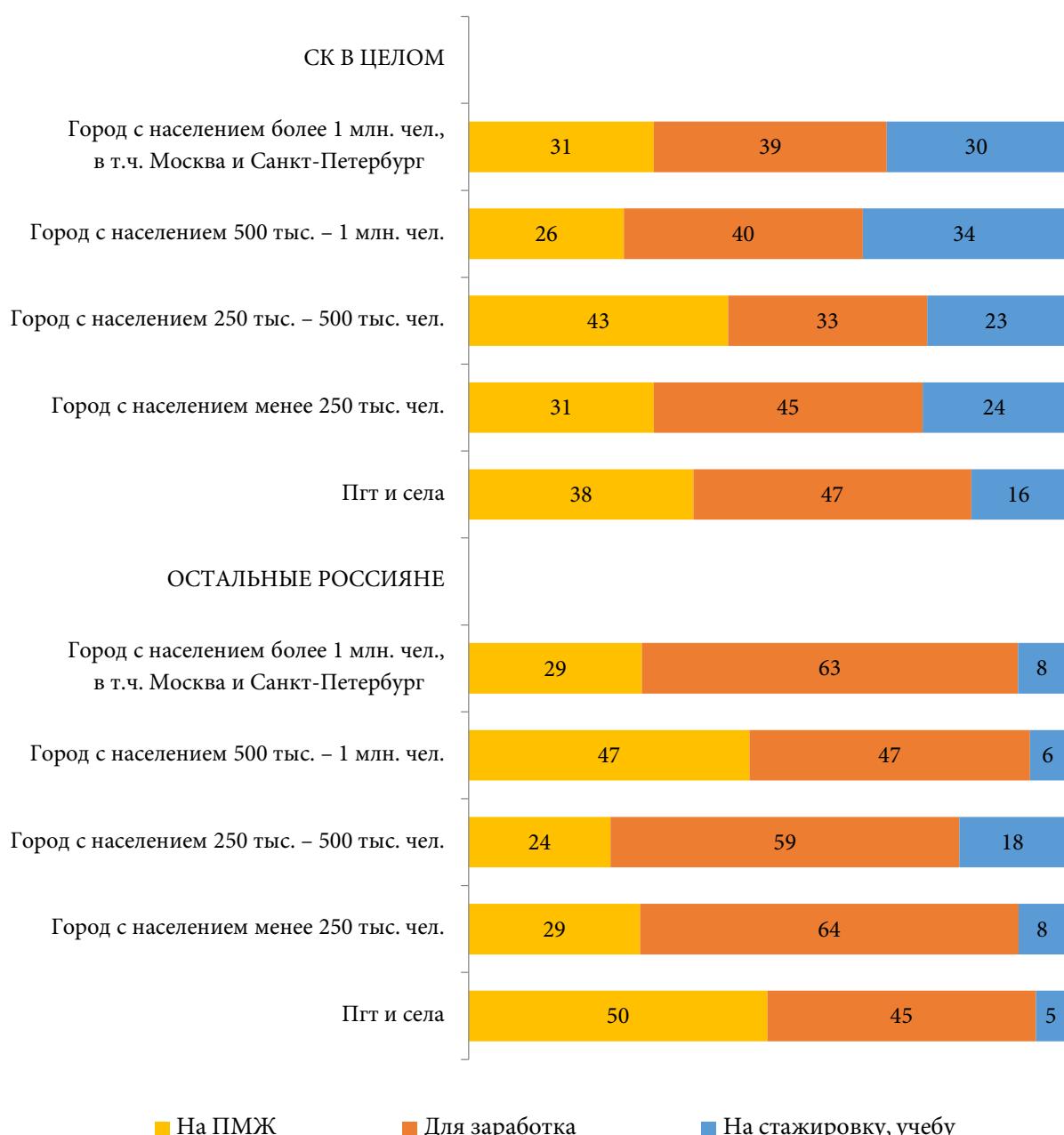

Рис. 10.4. Готовность эмигрировать среди разных групп населения, 2014 г., % от допускающих для себя возможность эмиграции

Среди россиян, не входящих в состав СК, поселок городского типа и села – единственные типы поселений, где выезд на ПМЖ за рубеж более предпочтителен, чем временная эмиграция (видимо, это связано с низким качеством жизни в них, формирующим готовность уехать навсегда куда угодно). Представители же СК предпочитают выезд на ПМЖ всем остальным альтернативам особенно часто не только в селах, но и в средних городах. При этом жители Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов из числа представителей СК в большей степени предпочли бы из трех представленных им на рассмотрение целей эмиграции выезд на стажировку либо учебу (видимо, зарубежное образование дает дополнительные бонусы на рынке труда этих городов). Жители же небольших городов и сел из трех предложенных вариантов выезда за рубеж однозначно предпочли выезд на заработки: в этих типах поселений, видимо, особенно тяжело найти работу с достойным заработком.

Если посмотреть на две подгруппы СК с точки зрения описанных закономерностей, то мы увидим, что стремление жителей двух столиц повысить свое образование за рубежом является отражением желания скорее представителей периферии СК (в этой группе уехать на стажировку/учебу желают 48%), чем ядра СК (29%). По всей видимости, это – проявление их стремления получить дополнительные шансы для успешной столичной карьеры после зарубежного образования, хотя и в ядре СК желание получить образование за рубежом достаточно выражено.

Следует также обратить внимание на значительные различия в информационном багаже представителей разных групп, также влияющим на их миграционные установки (см. таблицу 10.6). У СК и у остальных россиян четко заметна зависимость типа эмиграционной мотивации от опыта зарубежных поездок: у тех, кто стремится эмигрировать на ПМЖ для учебы, чаще всего этот опыт есть, однако реже он встречается у тех, кто выражает желание эмигрировать ради заработка. Примерно так же тип эмиграционной мотивации связан с использованием сети Интернет и с наличием знакомых, уехавших ранее за рубеж.

Таблица 10.6
**«Информационный багаж» представителей СК и остальных россиян
 с разными эмиграционными установками, 2014 г., %**

Информационный багаж, показатели по группам	Готовность уехать за рубеж			Не хотят уезжать за рубеж	
	На ПМЖ	На временной основе			
		Для заработка	На стажировку, учебу		
СК в целом					
Наличие опыта поездок за рубеж за последние 3 года	39	29	38	18	
Ежедневное использование Интернета	76	69	72	50	
Наличие знакомых, уехавших в «дальнее зарубежье»	39	28	38	18	
Остальные россияне					
Наличие опыта поездок за рубеж за последние 3 года	6	10	6	5	
Ежедневное использование Интернета	75	55	77	20	
Наличие знакомых, уехавших в «дальнее зарубежье»	30	13	19	11	

При анализе нацеленности россиян на эмиграцию очень важно обратить внимание на различия в этом вопросе между возрастными когортами.

С точки зрения отношения к эмиграции в СК выделяется четыре возрастные подгруппы:

1. Молодежь до 21 года, которая в наибольшей степени готова уехать за границу: готовность жить за рубежом выразили в этой группе 87%! Чаще всего эта молодежь хочет уехать, чтобы получить образование (37%), но и на ПМЖ в ней стремятся практически столько же.
2. Молодежь СК в возрасте 21-25 лет, как правило, уже получившая образование, чаще хотела бы выехать в эмиграцию на ПМЖ (45%). Эта тенденция сильнее выражена в ядре СК (50%), чем в его периферии (42%).
3. Представители СК в возрасте от 26 до 50 лет хотели бы выехать за рубеж в основном на заработки, причем это типично и для ядра СК, и для его периферии. Желание эмигрировать при этом постепенно падает по мере взросления.
4. Представители СК пожилого возраста хотели бы уехать за рубеж на ПМЖ, очевидно, в расчете на высокое качество жизни и медицинского обслуживания. Данный тренд наблюдается уже с 51 года в ядре СК, а с 61 года – и в периферии этого ядра.

В потенциальном СК вариант с учебой или стажировкой интересен в основном для молодежи от 18 до 30 лет, хотя и она почти вдвое чаще выбирает вариант эмиграции на ПМЖ. В остальном же населении возраст практически не дифференцирует предпочтения респондентов. Во всех трудоспособных возрастах в этой группе самое предпочтительное – это выехать за рубеж ради заработка. На втором месте с довольно большим разрывом идет мотив выезда на ПМЖ и на третьем с огромным отрывом – эмиграция ради обучения либо стажировки, причем это желание присутствует только у молодежи до 25 лет.

Таким образом, *если эмиграционные мотивы представителей СК варьируются в зависимости от этапа жизненного цикла (на учебу и на ПМЖ – в молодости, на заработки в зрелом возрасте и на ПМЖ в старости), то у других социальных групп есть четкая доминанта (у потенциального СК – ориентация на ПМЖ, у остального населения – на заработки).*

11. Государство и средний класс: взаимоподдержка и сотрудничество или взаимная подозрительность и недоверие?

В период реформ и модернизационных преобразований средний класс способен выступать в разных ролях: стабилизировать ситуацию при удовлетворенности ему или наоборот провоцировать развитие трансформационных процессов в случае несогласия с текущим положением дел. В связи с этим особенно важно понимать, как же складываются отношения у государства и среднего класса. Достигнут ли консенсус между ними в части взаимных, пусть даже и условных, обязательств? Каковы их ожидания друг от друга и насколько они удовлетворены выполнением этих ожиданий? Наконец, как реальное положение среднего класса отражается на его запросах к государству или же последние – следствие его мировоззренческих особенностей?

Отвечая на эти вопросы, первое, что нужно подчеркнуть: несмотря на общее улучшение его положения, тревожность СК, связанная с рисками столкнуться с теми или иными проблемами в своей повседневной жизни, остается высокой. Достаточно отметить, что в 2013 г. 88% СК испытывали те или иные опасения, что лишь немногим ниже значений этого показателя в 2003 году (97%).

В целом совокупность опасений населения можно разделить на 5 типов страхов. Первый тип – это страхи, обусловленные особенностями социального развития России. Они свойственны 72% СК, и в эту группу входят страхи потери здоровья, невозможности получения медицинской помощи, отсутствия перспектив для детей, роста тарифов ЖКХ. Второй – это *страхи из-за экономических проблем*: нехватки средств к существованию, потери работы, неясности перспектив на будущее (58%). Третий – *страхи, вызванные ощущением отсутствия безопасности* (боязнь преступности, ожесточенности, войны и терактов) (48%). Четвертый – *страхи, связанные с рисками одиночества, старости* (37%) и, наконец, пятый тип страхов, характеризующий россиян – это опасения социальных девиаций (превращение ребенка в наркомана, превращение близких в алкоголика, невозможность самому получить или дать детям желаемое образование) (32%) (см. таблицу 11.1).

Таблица 11.1

Распространенность разных типов страхов в различных группах населения, 2013 г., %

Типы страхов	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Страхи, обусловленные особенностями социального развития страны (потеря здоровья, невозможность получения медпомощи, отсутствие перспектив для детей, рост тарифов ЖКХ)	69	74	72	74	74
Страхи из-за экономических проблем (отсутствие средств к существованию, потеря работы, неясность перспектив на будущее)	56	59	58	62	63
Страхи, вызванные ощущением отсутствия безопасности (преступность, ожесточенность, война и теракты)	47	48	48	43	43
Страх одиночества, старости	37	37	37	42	42
Страх социальных девиаций (превращение ребенка в наркомана, превращение близких в алкоголика, невозможность получить и дать детям желаемого образования)	38	29	32	31	28

Как видно из данных таблицы 11.1, самый распространенный тип опасений СК, как и остальных россиян, связан с проблемами, плохо разрешимыми в условиях низкого качества социальной инфраструктуры, которая в условиях России относится к так называемым бюджетным отраслям и прямо или косвенно связана с деятельностью государства, или же обусловлены другими особенностями социального развития страны. В их числе страхи потери здоровья и невозможности получить необходимую медицинскую помощь, отсутствия перспектив для детей, роста тарифов ЖКХ. При этом страх потери здоровья самими представителями СК или их близкими свойственен более чем половине СК (см. таблицу 11.2). Следует отметить, впрочем, что за последние 10 лет доля испытывающих это опасение представителей СК заметно снизилась – с 71% в 2003 г. до 57% в 2013 г.

Страх потери здоровья остается доминирующим для представителей СК даже при том, что ситуация со здоровьем у них в целом достаточно хорошая: свое здоровье в 2014 г. оценивали как хорошее 45% СК, удовлетворительное – 50% и только 5% говорили о нем как о плохом. Для остальных россиян эти показатели были равны 25, 56 и 19% соответственно. При этом среди тех представителей СК, кто говорил о своем здоровье как о хорошем, в 2013 г. опасались его потерять менее половины (49%), а среди имеющих удовлетворительное и плохое состояние здоровья – уже две трети (63 и 62% соответственно). Это свидетельствует о том, что *страхи россиян – в значительной степени отражение тех реальных проблем, с которыми они сталкиваются или имеют вероятность столкнуться в своей повседневной жизни*.

Таблица 11.2

Основные опасения представителей различных групп населения и их динамика в СК, 2003/2013 гг., % (отранжировано по населению в целом)

Опасения	Средний класс в целом		2013			
	2003	2013	Ядро СК	Периферия ядра СК	Потенци- альный СК	Остальное население
Потери здоровья ими или их близкими	71	57	53	59	55	55
Остаться без средств существования	39	37	34	40	42	41
Войны в связи с ростом нестабильности в мире или возможных терактов	46	31	31	31	27	29
Остаться без работы*	24	30	27	34	31	38
Резкого роста жилищно-коммунальных платежей	19	16	14	18	33	28
Одиночества	32	29	29	29	30	27
Невозможности получить медицинскую помощь даже при острой необходимости	20	21	19	23	25	26
Старости	13	14	12	15	19	22
Неясности перспектив на будущее	22	18	17	18	26	19
Отсутствия перспектив для детей**	30	15	19	12	26	19
Превращения их детей в наркомана	32	17	20	14	16	14
Ожесточенности, утраты взаимопомощи в отношениях между людьми	18	18	16	19	15	12
Невозможности самим получить или дать детям желаемое образование	19	14	17	13	13	11
Преступности	17	13	14	11	11	11
Превращения кого-то из близких в алкоголика	11	11	12	11	11	8
Нет никаких особых опасений	3	12	14	11	10	8

*Данные приведены от работающих.

**Данные приведены от имеющих несовершеннолетних детей в домохозяйстве.

Проблемы со здоровьем, своим или членов семьи, за последний год перед опросом 2014 г. случались у 24% представителей СК, в то время как для потенциального СК и остального населения эти показатели были равны 35 и 30% соответственно. Однако в течение года перед опросом нуждались в медицинской помощи около половины (47%) представителей семей СК и остальных россиян. Это свидетельствует о том, что под проблемами со здоровьем россияне подраз-

умевают обычно только серьезные заболевания, требующие особых мер по их лечению, и именно с ними сталкивается четверть СК, хотя к медицинской помощи как таковой его представители прибегают вдвое чаще.

При этом, хотя с недоступностью необходимой медицинской помощи СК сталкивался реже потенциального СК и остального населения (8, 14 и 12% соответственно), но и в нем каждый шестой из нуждавшихся в ней не смог ее получить. В целом нуждавшиеся в медицинской помощи, но не сумевшие получить ее в силу финансовых ограничений представители СК наиболее часто не получали стоматологическую помощь (14% при 23% среди остальных россиян), не могли купить лекарства – 9% СК (22% остальных россиян), еще 8 и 7% соответственно (16 и 6% остальных россиян) не смогли получить необходимого им стационарного и поликлинического лечения. При этом для тех, кто пользовался платными медицинскими услугами, этот шаг был в основном вызван отсутствием их бесплатных аналогов (54% для среднего класса и 64% для остальных россиян). В то же время в СК, и особенно его ядре (50%) платные медицинские услуги достаточно часто использовали и в связи с низким качеством их бесплатных аналогов. *Это свидетельствует о различных требованиях к стандартам медицинской помощи у представителей СК и других групп населения.*

Однако, несмотря на то, что необходимую медицинскую помощь представители СК, как правило, тем или иным способом все же получали, опыт столкновения с российской системой здравоохранения у СК вряд ли можно назвать положительным – и с точки зрения доступности услуг государственного здравоохранения, и с точки зрения их качества. Не случайно наличие у человека проблем со здоровьем ведет к резкому росту у него страха невозможности получить медицинскую помощь в случае необходимости – он свойственен только 17% СК с хорошим состоянием здоровья, в то время как для тех, у кого оно удовлетворительное и плохое, этот показатель увеличивается до 25 и 32% соответственно. *Таким образом, средний класс волнует не только риск потери здоровья, но и риск в случае его ухудшения неполучения необходимой помощи. Это отражает недоверие СК к системе государственного здравоохранения и его недовольство состоянием данного института социальной сферы.*

Похожим образом складывается и ситуация с воспитанием детей и отношением СК к социальным институтам, способствующим решению этой задачи. Детей имеют 74% представителей СК (при 79% у остальных россиян). Среднее их количество в домохозяйствах СК – 1,2, в то время как для остальных россиян этот показатель чуть больше – 1,3. При этом у представителей СК в возрасте до 40 лет чаще встречаются планы на рождение детей в будущем: 40% его представителей (при 36% у остальных россиян) еще планируют рождение детей. Следует отметить, что и СК, и остальные россияне в основном ориентированы на наличие двоих детей, включая имеющихся (медиана для обеих групп равна 2, а среднее – 1,55 и 1,53 соответственно). При этом для россиян в возрасте до 40 лет эти показатели ниже: 1,46 для СК и 1,45 для остальных россиян (2 и 1 по медиане). 11% СК (и 12% его ядра) хотели бы в идеале иметь 3 и более детей (21% СК в возрасте до 40 лет). О том, что они вообще не хотели бы иметь детей, говорят 42% СК и 34% СК в возрасте до 40 лет (48 и 35% остальных россиян соответственно). Треть СК (36%) имеет при этом детей, которых не планировала и не хотела бы иметь. Таким образом, СК в целом даже чуть больше, чем остальные россияне репродуктивного возраста ориентирован на рождение детей, и дети занимают в его жизни значительное место, хотя и в нем далеко не все дети планируемые и желанные. При этом репродуктивное поведение среднего класса и остальных

россиян практически не отличаются, что означает, что *сигналы проводимой государством демографической политики в целом одинаково успешно доходят до населения из разных слоев, не порождая диспропорций в сторону увеличения рождаемости в наименее благополучных социальных группах.*

Однако качественные характеристики семейной ситуации СК и остальных россиян все же отличаются, а, следовательно, отличаются и приоритеты их запросов к государственной социальной политике. Так, в СК домохозяйства более малочисленны и состоят в среднем из 2,87 человек, в то время как для остальных россиян этот показатель равен в среднем 3,07; работают среди них 1,86 и 1,93 человека соответственно. Таким образом, уровень иждивенческой нагрузки в домохозяйствах СК и остальных россиян в целом практически одинаков: высокую¹ и скорее высокую нагрузку имеют 62 и 60% представителей СК и остальных россиян соответственно, в то время как низкую и скорее низкую – 39 и 41% соответственно. В то же время доля вообще неработающих в составе семьи в СК заметно выше, чем у остальных россиян – треть и четверть соответственно (см. рис. 11.1). Однако если посмотреть на структуру иждивенческой нагрузки, то оказывается, что она различна – в домохозяйствах СК шире представлены неработающие студенты и несовершеннолетние дети, а у остального населения – неработающие пенсионеры. Это объясняется тем, что СК несколько моложе: средний возраст представителей СК – 40,1 лет, а остальных россиян – 46,3 (медианы равны 39 и 46 годам соответственно). Из этого следует, что *в среднем классе относительно шире будут распространены запросы к политике государства в сфере всех степеней образования, включая дошкольное, а среди остальных россиян – к пенсионной политике и политике в области здравоохранения.*

Рис. 11.1. Характер иждивенческой нагрузки в домохозяйствах среднего класса и остального населения, 2014 г., %

¹ Показатель иждивенческой нагрузки рассчитывался как отношение количества неработающих членов домохозяйства к общему количеству членов домохозяйства. Высокая нагрузка объединяет диапазон значений от 0,75 до 1, скорее высокая – от 0,5 до 0,74, скорее низкая – от 0,25 до 0,49, низкая – от 0 до 0,24.

Если говорить о брачном статусе представителей СК по сравнению с остальными россиянами, то следует отметить, что среди них 68% состоят в официальном или гражданском браке, 16% – холосты, еще 9 и 5% соответственно разведены и вдовы, а у 2% есть постоянный партнер без брака. При этом доля состоящих в браке максимальна среди представителей ядра СК (77%). Среди остальных россиян, учитывая особенности их возрастной структуры, больше доля разведенных (11%), вдовствующих (13%) и холостых (16%).

Представители СК несколько реже сталкиваются с семейными проблемами (24%), в том числе и проблемами с детьми (11% среди имеющих детей) по сравнению с потенциальным СК (18 и 11% соответственно) и остальным населением (22 и 13% соответственно). Хорошо оценивают отношения в своих семьях 75% СК и только 1% оценивает их отрицательно. У остальных россиян эти показатели составляют 55 и 4% соответственно. Среди представителей СК, имеющих в составе своих домохозяйств несовершеннолетних детей и неработающих студентов, три четверти говорят об отношениях в своей семье как о хороших и только 2% – как о плохих. Таким образом, *семьи среднего класса в целом более благополучны, чем семьи остальных россиян, что создает благоприятные условия для трансляции в них социального и человеческого капитала родителей своим детям.* Отчасти этим и объясняется то, что, оценивая перспективы своих детей, 59% имеющих их представителей СК ожидают, что они достигнут большего, чем достигали они сами, еще 9% – что они достигнут того же, и только 2% – что они достигнут меньшего. При этом трети (30%) СК трудно оценить перспективы своих детей. Для остальных россиян соответствующие показатели равны 47%, 11%, 2% и 40% соответственно. Это свидетельствует об ожидании лучших перспектив для своих детей именно у представителей СК.

Тем не менее, как было отмечено выше, представители СК характеризуются достаточно высоким уровнем опасений, связанных с детьми. Отчасти это объясняется тем ухудшением ситуации в сфере образования, которую СК отмечает, говоря о последних годах в жизни России – впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся. Пока отметим лишь, что *беспокоящие СК страхи из первой группы (т. е. связанные с особенностями социального развития России вообще и плохой работой отраслей социальной сферы в частности) отражают реальные проблемы, с которыми сталкивается СК в очень важных для него сферах жизни, и это не может не генерировать у него недовольства деятельностью государства по контролю за ситуацией в этих сферах.*

Экономические страхи – отсутствие средств к существованию, потеря работы, неясность перспектив на будущее – второй по распространенности тип опасений СК, присутствующий более чем у половины его представителей (58%). При этом опасения потери средств к существованию входит в тройку самых распространенных страхов СК (34%), оставаться без работы боится почти треть работающих представителей СК (30%), а 18% СК опасается неясности перспектив на будущее. Таким образом, несмотря на относительно благоприятные на общероссийском фоне позиции среднего класса на рынке труда и достаточно благополучное материальное положение, даже представители СК не чувствуют себя сегодня в России защищенно и уверенно, причем не только в плане удовлетворения своих социальных потребностей, но и в плане экономической безопасности. И это при том, что и нынешнее их положение не слишком благополучно – потребности изменить свое материальное положение в лучшую сторону не испытывают только 30% представителей СК, в том числе 35% его ядра и 24% периферии этого ядра

(в потенциальном СК и остальном населении таковых еще меньше – только 13 и 7% соответственно). Таким образом, несмотря на относительно благополучное экономическое положение, «уверенности в завтрашнем дне» у российского среднего класса нет.

Это ощущение нестабильности своего положения невольно распространяется и на другие сферы, и неудивительно, что третий тип опасений населения страны, характерный, в том числе и для СК, связан с отсутствием ощущения безопасности. Элементы страхов этого типа есть практически у половины СК (48% против 43% для остальных россиян). Войны в связи с ростом нестабильности в мире или терактов опасаются 31% представителей СК, преступности – 13%. Лишь треть СК хорошо оценивает уровень своей личной безопасности (36%). На первый взгляд, это кажется парадоксальным, поскольку за последний год с незащищенностью от насилия столкнулись представители лишь 2% семей СК. Однако это уже не кажется столь парадоксальным, если учесть, что о наличии прецедентов нарушении гражданских прав (их или членов их семей) говорили 19% СК, и чаще всего они встречались с нарушениями прав при контактах с работниками правопорядка: среди СК таких было 9% а среди остальных россиян – 7%. То есть ощущаемая СК угроза со стороны органов правопорядка в разы выше, чем со стороны собственно преступности, хотя и последняя достаточно велика. Такая ситуация ярко демонстрирует *несостоятельность государства в обеспечении безопасности населения и недовольство СК государственными институтами, привлеченными обеспечивать эту безопасность*.

Одиночество и старость – еще один тип проблем, страшящих россиян вообще и представителей СК в частности. За последний год с одиночеством столкнулись 3% СК и еще 2% столкнулись с отсутствием внимания со стороны других людей. В развитых странах решение такого рода проблем входит обычно в число задач государственной социальной политики. В России же пока в качестве такой артикулирована только помочь пожилому нетрудоспособному населению – пенсионерам. Пенсионная сфера на протяжении последних 12 лет неоднократно подвергалась существенным трансформациям. При этом пенсионная система традиционно выстраивается в России в ущерб интересам среднего класса, или, по крайней мере, наиболее благополучной его части, т. к. страховые пенсионные взносы при относительно высоких зарплатах выплачиваются работодателями непропорционально уровню доходов работников. Соответственно, на верхний порог пенсий также установлены ограничения, от чего в наибольшей степени страдают именно представители СК. В связи с этим важно отметить, что в настоящее время среди российских пенсионеров лишь четверть (24%) входит в состав СК, еще 39% входит в состав потенциального СК и треть (37%) – остального населения. При этом 6% СК (4% его ядра) сталкивались в последний год с проблемами отсутствия социальных гарантий на случай старости и инвалидности сами или через членов своих домохозяйств. *Таким образом, пенсионная сфера сегодня не учитывает интересов СК, «выбрасывая» значительную часть его представителей из состава СК при выходе на пенсию. Ситуация же одиночества и старости как нарастания общей беспомощности, а не просто утраты трудоспособности, в интересующем СК разрезе (от дневных стационаров и платных пансионатов до специальных реабилитационных программ и клубов по интересам для пожилых) вообще остается вне сферы внимания государства, хотя в отдельных регионах, в частности в Москве, такого рода инновации начинают появляться.*

Наименее распространенная группа опасений среднего класса — возникновение социальных девиаций в его ближайшем окружении (32%). Следует отметить, что к числу таковых относятся превращение ребенка в наркомана (17%), превращение кого-то из близких в алкоголика (11%), а также невозможность получить самому или дать детям желаемый уровень образования (14%). В то же время хорошее образование это первое, что россияне, особенно из СК, хотели бы дать своим детям — об этом говорят две трети СК (67%). Актуальна для представителей СК и проблема поддержания и наращивания своего собственного человеческого капитала. При этом как хорошие свои возможности получения образования и знаний оценили менее половины работающих представителей СК (42%), а еще 48% оценили их лишь как удовлетворительные. Хотя эти оценки существенно выше тех, что дают соответствующим возможностям остальные работающие россияне (16 и 61% соответственно), но, тем не менее, существенно повысить уровень своего образования и/или квалификации за последние 3 года перед опросом удалось только 14% работающих представителей СК (5% остальных россиян). Таким образом, *возможности получения образования, в том числе дополнительного, даже для среднего класса с его точки зрения недостаточны. Государственные институты образования дают для этого очень ограниченные возможности. Что же касается детей, то их образование для представителей СК — не только основа их будущей карьеры, но и путь избежать девиации. А это значит, что дополнительно к основному образованию с точки зрения СК необходимо активное развитие и сети дополнительного внешкольного образования.*

В условиях того, что функционирование институтов социальной сферы не позволяет получать социальные услуги в той мере и форме, в которых они необходимы, а ситуация с реализацией потребности в них настолько остра, что входит в число основных страхов россиян, для получения доступа к каналам реализации основных социальных потребностей средний класс использует альтернативный формальным институтам и традиционный для российской практики ресурс — социальные сети. Впрочем, остальные россияне также рассчитывают на них в различных вопросах, хотя и в меньшей степени. Россияне в целом и СК в особенности достаточно часто (хотя и менее, чем в половине случаев) отмечают, что располагают социальным ресурсом для решения тех или иных проблем. Так, имеют возможность взять в долг достаточно крупную сумму денег в случае необходимости 39% представителей СК. Это на треть больше, чем среди остальных россиян (29%). Помощь друзей, родственников и знакомых для улучшения своего материального положения может использоваться представителями разных групп населения примерно в равной степени — в 11–15% случаев. Знакомых, которые могут помочь в обращении к хорошим врачам и при устройстве в хорошую больницу, имеют более трети ядра СК (37%) и четверти его периферии (27%). Для потенциального СК и остального населения этот показатель равен 24 и 14% соответственно. При этом у всех кроме ядра СК социальный ресурс, позволяющий решать вопросы со здоровьем, истощается (см. таблицу 11.3), что актуализирует необходимость замены ресурса сетей другими механизмами доступа к необходимым медицинским услугам. В остальных сферах получить реальную помощь от друзей, родственников и знакомых могут только 6–15% СК. При этом 6 лет назад показатели возможной помощи со стороны сетей практически по всем этим позициям также были выше (см. таблицу 11.3.).

Таблица 11.3

Наличие социального ресурса у различных групп населения, 2014 г., %

Возможности социальных сетей	Ядро СК		Периферия ядра СК		Потенциальный СК		Остальное население	
	2008	2014	2008	2014	2008	2014	2008	2014
Устройство на хорошую работу*	25	17	25	13	23	14	16	9
Продвижение по карьерной лестнице*	11	7	6	3	5	6	3	1
Возможность взять в долг крупную сумму денег	38	38	48	40	37	29	36	29
Поступление в хороший вуз**	20	10	10	10	7	4	2	3
Устройство детей в хорошую школу**	17	22	18	14	15	11	10	8
Решение жилищной проблемы	4	7	6	6	6	7	4	3
Обращение к хорошим врачам	34	37	33	27	28	24	19	14
Справочно: не имеют социального ресурса ни в какой форме	18	21	17	46	31	55	42	75

*Данные приведены от работающих.

**Данные приведены от имеющих несовершеннолетних детей в домохозяйстве.

Таким образом, *ресурсы социальных сетей, облегчающие доступ к социальным услугам, у части россиян все еще есть, но они достаточно скучны и в целом сокращаются даже у среднего класса. По сути, и в случае их наличия они ограничены потенциальной помощью только при решении проблем со здоровьем и преодолении временных материальных трудностей*. Однако и до сих пор социальные сети среднего класса расширяют возможности получения им социальных услуг по сравнению с остальными россиянами в разы.

В этих условиях СК старается комбинировать возможности сетей и материальные ресурсы, которые в определенной степени могут компенсировать недостатки в работе отраслей социальной сферы. Именно поэтому 70% СК (81% ядра СК) и лишь менее половины (49%) остальных россиян не сталкивались с невозможностью получить необходимую медицинскую помощь. Видимо, большая доступность для СК медицинских услуг вообще и платных медицинских услуг в частности и определяет то, что его представители, как и остальные россияне (43 и 45% соответственно), отмечают в числе основных характеристик, отличающих жизнь бедных от жизни относительно благополучного населения, уровень и доступность медицинского обслуживания и необходимых лекарств. В целом медицинские услуги – наиболее используемый тип платных социальных услуг в СК: две трети ядра СК (63%) и половина его периферии (52%) имеют опыт использования их в последний год. Для потенциального СК и остального населения этот показатель равен 45 и 39% соответственно. Средний класс также достаточно часто прибегает к платным оздоровительным услугам для взрослых и детей (15 и 24% соответственно), хотя даже для него, в отличие от использования платных медицинских услуг, это не является сейчас нормой. Достаточно часто ресурсы направляются представителями СК и на образование как взрослых, так и детей (20 и 36%¹ соответственно), хотя эта форма инвестиций в человеческий капитал все же не очень популярна в СК.

¹ Для имеющих несовершеннолетних детей в составе домохозяйства.

В связи с этим важно подчеркнуть, что доля прибегающих к платным практикам, направленным на инвестирование в человеческий капитал, в среднем классе, и особенно его ядре, все же в разы больше, чем среди потенциального СК и особенно остального населения. В течение последних 3 лет перед опросом не использовали никаких платных услуг для инвестирования в человеческий капитал, как свой, так и своих детей, менее четверти среднего класса (16% ядра и 31% его периферии), в то время как среди остальных россиян никаких действий в этом направлении не предпринимали около половины (47% потенциального СК и 53% остального населения). При этом инвестирование в человеческий капитал детей в СК более популярно, чем в свой собственный (см. таблицу 11.4). Внимание к человеческому капиталу детей присутствует в СК даже если эти дети не были желанными: 12% имевших нежеланных детей использовали платные оздоровительные для детей и 20% – образовательные услуги для них (для тех представителей СК, у кого количество детей не превышало желаемого их числа, эти показатели были еще выше – 15 и 24% соответственно). Таким образом, средний класс за счет своих собственных средств частично компенсирует недостатки работы социальной сферы и нехватку или низкое качество бесплатных услуг в базовых ее отраслях – здравоохранении и образовании. Это позволяет рассматривать его как уже состоявшегося партнера в реализации основных функций социальной политики государства.

Таблица 11.4

Динамика использования платных услуг представителями различных групп населения, 2003/2014 гг., %

Типы услуг	Средний класс в целом		2014			
	2003	2014	Ядро СК	Периферия ядра СК	Потенци- альный СК	Остальное население
Медицинские услуги	71	58	63	52	45	39
Образовательные услуги для детей*	39	36	45	24	20	15
Оздоровительные услуги для детей*	23	24	29	16	8	9
Образовательные услуги для взрослых	36	20	23	18	14	5
Туристические услуги	13	28	38	17	9	5
Оздоровительные услуги для взрослых	23	15	20	11	6	3

*Данные приведены от имеющих несовершеннолетних детей в домохозяйстве.

При этом готовность среднего класса к решению проблем, традиционно лежащих в России в зоне ответственности органов государственной социальной политики, распространяется еще дальше. Так, СК за счет собственных ресурсов активно решает проблемы с обеспечением себя жильем, а также поддержанием порядка в месте проживания. 22% СК уже тратили собственные ресурсы для обеспечения безопасности и комфорта в месте проживания и еще 30% готовы это делать (для представителей ядра СК эти показатели доходят до 25 и 34% соответственно); не готовы инвестировать в данную сферу менее половины СК (43%), причем в ядре СК таких вообще лишь 38%. Таким образом, в целом средний класс достаточно конструктивен и готов при определенных условиях разделять бремя ответственности за собственное социальное благополучие с государством.

При этом он не только идет на финансирование (по крайне мере, в форме софинансирования) социальной сферы, но и осваивает новые практики, позволяющие страховать социальные риски за свой собственный счет. Так, например, 23% представителей ядра СК (и 18% периферии этого ядра) уже оплачивает добровольное медицинское страхование и еще столько же (по 24%) готовы это делать. Не расходуют средств на добровольное медицинское страхование и не будут этого делать менее половины СК (40-44%) (см. рис. 11.2). В то же время среди остальных россиян этот показатель гораздо выше (60-63%). Отчасти это связано с ограниченности ресурсов последних, но даже в группах с одним и тем же уровнем доходов у СК этот показатель заметно выше, чем среди остальных россиян.

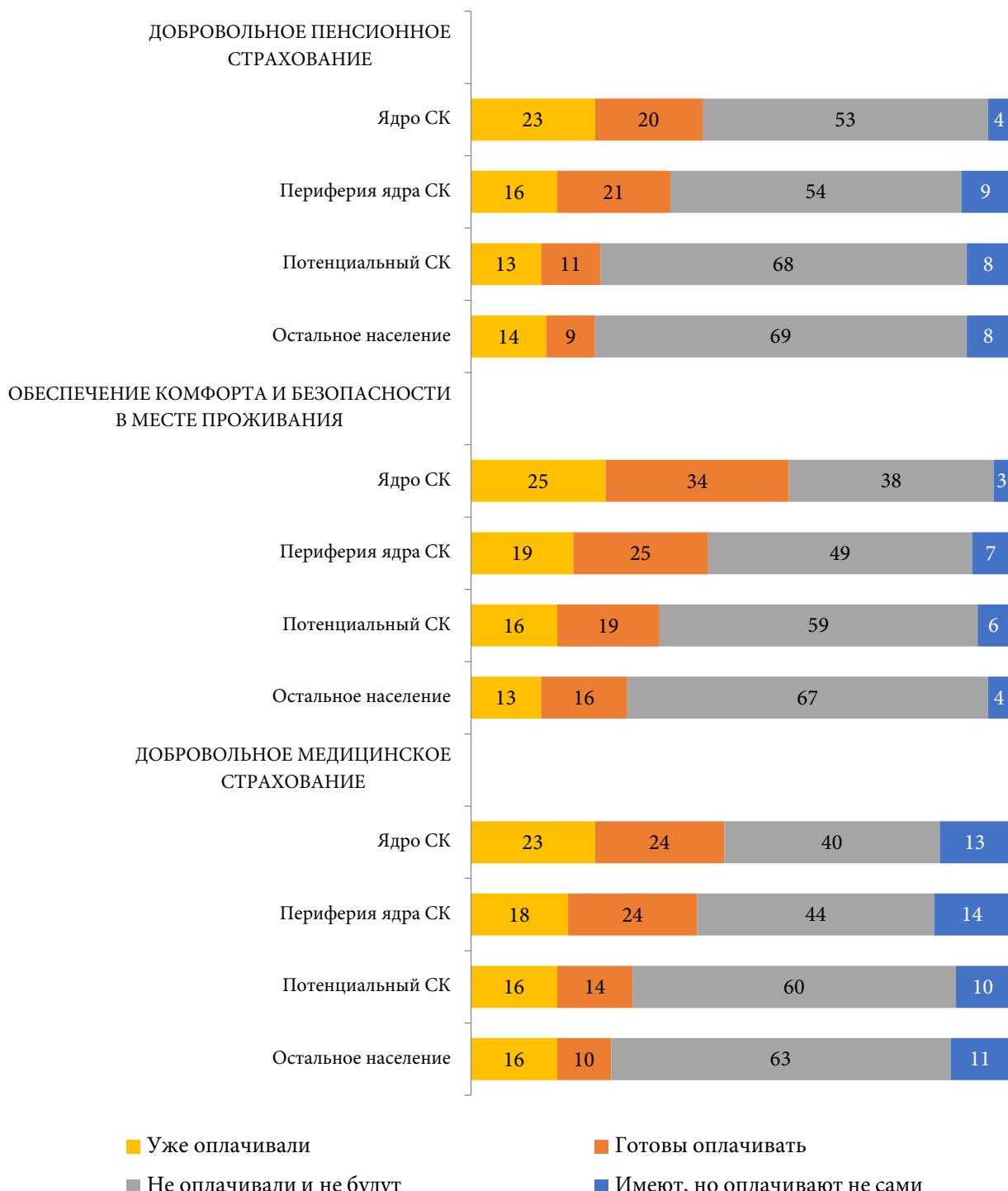

Рис. 11.2. Распространенность практик инвестирования собственных средств в обеспечение социальных гарантий в различных группах населения, 2014 г., %

Самостоятельно оплачивает дополнительное медицинское страхование каждый пятый представитель СК. При этом те, у кого здоровье плохое, более чем в половине случаев (51%) говорят о своей неготовности оплачивать его, в то время как для представителей СК с хорошим и удовлетворительным состоянием здоровья этот показатель равен 35 и 47% соответственно. Относительно чаще не готовы платить за добровольное медицинское страхование молодежь 18-21 года (65%) и старшие группы населения (71% в возрасте 51 года и старше). Несут соответствующие расходы чаще всего представители СК 26-30 лет – в 26% случаев при достаточно низкой доле в этой группе тех, кто получает соответствующие услуги при их оплате кем-то другим (работодатель, родственники и т. д.). Чаще всего другими, в основном в рамках социального пакета на работе, добровольное медицинское страхование оплачивается представителям СК в возрасте 31-50 лет (15-17%), когда они выходят на достаточно высокие трудовые позиции.

Стоит отметить, что использование практик добровольного медицинского страхования не альтернативно наличию социального ресурса, способного помочь в решении вопросов, связанных со здоровьем. Среди представителей СК, не имеющих такого ресурса, уже прибегали к добровольному медстрахованию за свой собственный счет 19%, а среди тех, у кого этот ресурс есть – 24%. Таким образом, добровольное медицинское страхование – инструмент, который представители СК хотя и медленно, но осваивают, в том числе и за счет собственных средств, сокращая необходимость участия государства в этой сфере. При этом значимость здоровья для среднего класса настолько высока, что такие инструменты как медицинское страхование используются и при наличии альтернативных возможностей решения проблем со здоровьем.

Пенсионное страхование является менее привлекательным инструментом решения их проблем для представителей СК, чем медицинское страхование. В 2014 г. 19% СК (23% его ядра) отмечали, что уже несли расходы на добровольное пенсионное страхование, и еще 20% готовы были это делать. О наибольшей готовности нести соответствующие расходы говорила молодежь СК в возрасте до 26 лет (35%), чаще остальных уже используют соответствующие практики представители СК 30-50 лет (24%), а о полной неготовности к их применению чаще заявляла старшая когорта СК – от 51 года и старше (64%). Таким образом, к существующим сегодня инструментам дополнительного пенсионного обеспечения средний класс относится с недоверием, что обусловлено низкой прозрачностью реформ в пенсионной сфере и нестабильностью экономической ситуации, от которой зависит работоспособность долгосрочных инструментов страхования. В итоге в обеих подгруппах СК большинство (53-54%) не оплачивали и не готовы оплачивать в будущем добровольное медицинское страхование.

В этих условиях запрос к совершенствованию институтов социальной политики со стороны СК будет только нарастать, особенно если учесть, что оценка россиянами динамики состояния социальной сферы за последние годы весьма посредственная (см. таблицу 11.5). Средний класс реже дает отрицательную, чем положительную оценку динамики ситуации в последние годы только в части решения проблемы безработицы¹ и возможности зарабатывать. Особенно тревожно, что в разы чаще об ухудшении ситуации, чем о ее улучшении, представители СК говорят, оценивая состояние тех отраслей социальной сферы, с которыми ему

¹ В 2013 году, говоря об изменениях в этой сфере за период нахождения у власти В. Путина, позитивные оценки им давали 33%, а отрицательные – 14% СК, для остальных россиян эти показатели были равны 26 и 21% соответственно.

приходится постоянно сталкиваться в его повседневной жизни: среднее и высшее образование, здравоохранение и т. д. Таким образом, *динамика состояния социальной сферы в целом, по оценкам среднего класса, скорее негативная. Это еще одно свидетельство неудовлетворенности населения характеристиками получаемых от государства социальных услуг: доступа к ним, их качеству и т. д.*

Таблица 11.5

Оценка изменения положения дел в различных сферах жизни общества за время последнего президентства В. Путина, 2014 г., %

Сфера жизни	Ситуация улучшилась	Ситуация осталась прежней	Ситуация ухудшилась	Затруднились ответить
<i>Ситуация в экономике</i>				
Средний класс	14	46	28	12
Остальные россияне	9	42	30	19
<i>Безработица</i>				
Средний класс	34	42	15	9
Остальные россияне	20	47	23	10
<i>Возможность зарабатывать*</i>				
Средний класс	40	39	17	4
Остальные россияне	26	44	26	4
<i>Уровень жизни населения</i>				
Средний класс	22	48	27	4
Остальные россияне	16	44	36	4
<i>Дошкольные детские учреждения**</i>				
Средний класс	20	51	19	10
Остальные россияне	22	46	25	7
<i>Среднее образование**</i>				
Средний класс	15	50	27	8
Остальные россияне	9	56	25	10
<i>Высшее образование</i>				
Средний класс	11	46	34	9
Остальные россияне	10	42	30	18
<i>Здравоохранение</i>				
Средний класс	12	44	40	4
Остальные россияне	9	42	44	5
<i>Жилищная ситуация</i>				
Средний класс	14	55	26	5
Остальные россияне	10	52	31	7
<i>Пенсионное обеспечение</i>				
Средний класс	19	51	18	12
Остальные россияне	16	48	24	12

*Данные приведены от работающих.

**Данные приведены от имеющих несовершеннолетних детей в составе домохозяйства.

Недовольство россиян динамикой ситуации в социальной сфере носит системный характер – так, 40% СК и 44% остальных россиян отмечают ухудшение ситуации в сфере здравоохранения за период последнего президентства В. Путина, хотя с нарушением прав при получении медицинской помощи, включая бесплатные лекарства, сталкивались лишь 6% СК и 7% остального населения, и, следовательно, их недовольство связано не с их конкретной жизненной ситуацией.

Динамика ситуации в системе образования также вызывает у россиян много вопросов. При этом в системе высшего образования, с которой наиболее тесно сталкивается именно средний класс, ситуация за последние годы, по его оценкам, отчетливо ухудшается (так думают 34% СК), чем улучшается (11% СК). В 2 раза чаще в составе СК встречается и отрицательная оценка динамики ситуации в системе среднего образования, чем положительная (27 и 15% соответственно¹). Что же касается дошкольного образования, то доли положительных и отрицательных оценок его динамики в СК оказались практически равны (20 и 19% соответственно²). При этом, как отмечалось, представители СК также испытывают на себе неравенство в доступе к образованию (21%), хотя на нем этот тип неравенства реже отражается негативно, чем на остальных россиянах (33%).

Таким образом, максимально используя при решении социальных проблем свои финансовые и социальные ресурсы, средний класс все же не может самостоятельно справиться с ними в полной мере. Текущее состояние государственных социальных институтов скорее вызывает в нем недовольство, нежели дает основания для доверия и стимул к взаимодействию с государством в этой области.

Не способствует развитию доверия к государственным институтам и экономическая ситуация в стране – недаром при оценке ее изменения за последнее время доля тех представителей СК, кто говорил о ее ухудшении, в 2 раза превышала долю тех, кто говорил об улучшении (28 и 14% соответственно). И это несмотря на то, что абсолютно противоположным образом была оценена ситуация с безработицей (15 и 34% соответственно) и возможностью зарабатывать (17 и 40% соответственно³).

Тем не менее, несмотря на произошедшие в последние годы, по мнению населения, позитивные изменения в этой области, и сейчас в составе 23% домохозяйств среднего класса (24% домохозяйств его ядра) есть безработные или испытывающие трудности с постоянной работой. Для остальных россиян этот показатель ниже – только 16%. Таким образом, несмотря на скорее позитивную, чем негативную оценку ситуации с безработицей, СК сталкивается с проблемами в области работы достаточно часто. Видимо, при нестабильности экономической ситуации наиболее уязвимыми являются трудовые позиции именно представителей среднего класса. Подобная ситуация лишает средний класс возможности предпринимать что бы то ни было для улучшения своего положения самостоятельно и размыивает основы его относительного благополучия. Именно поэтому страх остаться без работы – единственный страх среднего класса, который за последние годы вырос: с 24% среди работающих в 2003 до 30% в 2014 г. Неудивительно в этих условиях, что средний класс предъявляет запрос на более активное участие государства в обеспечении не только функционирования социальной сферы, но и рынка труда.

Если говорить об оптимальных в глазах населения **моделях социальной политики**, то наиболее часто представители различных групп населения, включая СК, считают, что государство должно защищать всех малоимущих (см. таблицу 11.6). Однако если в обеих подгруппах среднего класса доля придерживающихся этого мнения меньше половины,

¹ Доля от имеющих несовершеннолетних детей в составе домохозяйства.

² Доля от имеющих несовершеннолетних детей в составе домохозяйства.

³ Доля от работающих.

то у остальных россиян уже превышает ее. При этом около трети во всех группах считают, что государство должно оказывать категориальную помощь, т. е. помочь определенным группам населения, попавшим в трудное положение (28–36%). Заметно меньшая часть (от 17% в ядре СК до 10% по не входящим в состав СК россиянам) убеждена, что государство должно обеспечивать только нетрудоспособных. И лишь совсем незначительная часть представителей разных групп населения (3–6%) считает, что люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство. *Таким образом, оценивая потребность населения в государственной поддержке, средний класс не сильно отличается по своим взглядам от остального населения и, по мнению его представителей, государство не может самоустраниться из системы социальной поддержки, переложив эту задачу на плечи самих россиян или предприятий, на которых они работают. Несмотря на то, что представители СК несколько чаще говорят о минимизации роли государства в части количества социально незащищенных групп, которым необходимо оказывать поддержку, доминирующей позицией для него, как и для остальных россиян, остается расширенная трактовка социально незащищенных групп, в число которых входят все малоимущие.*

Таблица 11.6

Представления разных групп населения о том, как должна строиться система социальной защиты граждан, 2014 г., %

Модели социальной политики	Средний класс, в том числе			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Государство должно обеспечивать только нетрудоспособных (престарелых, инвалидов, сирот)	17	12	14	9	11
Государство должно оказывать адресную помощь и другим группам населения, попавшим в трудное положение (бездейственным, бедным, семьям с детьми)	36	33	35	36	28
Государство должно защищать всех малоимущих	40	47	44	50	56
Социальная защита должна осуществляться в основном по линии предприятия	3	2	2	1	2
Люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство	4	6	5	4	3

Высокий запрос на такую социальную политику среди среднего класса и остальных россиян свидетельствует о понимании всеми группами населения того, что нынешняя экономическая ситуация в России, как и существующие в ней «правила игры», не позволяют значительной части населения решать свои проблемы самостоятельно, без помощи государства. Даже среди СК уверены в том, что смогут обеспечить себя и свою семью самостоятельно и не нуждаются в материальной помощи со стороны государства лишь две трети представителей его ядра (63%) и менее половины его периферии (45%). По мнению же потенциального СК и остального населения, в двух третях случаев (67 и 65% соответственно) без материальной поддержки со стороны государства им и их семьям выжить сложно. Те представители СК, кто уверен, что сможет обеспечить себя и свою семью, чаще тех, кто не сможет выжить без помощи государства, говорят о том, что государство должно обеспечивать только нетрудоспособных (18 и 10% соответственно)

и что люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство (7 и 3% соответственно). Однако и среди них, как видим, этой точки зрения придерживается незначительное меньшинство.

Следует отметить, что *средний класс, даже в целом проигрывая от трансформационных процессов последних лет, настроен на сотрудничество с государством в построении сильной экономики, а не на простое перераспределение имеющихся у государства ресурсов*. Именно поэтому он несколько чаще, чем остальные россияне, считает, что государство должно поддерживать в первую очередь высокотехнологичные и наукоемкие производства (ВПК, космос, авиация, информатика, фундаментальная наука) (69 и 63% соответственно), в то время как лишь менее трети СК (31%) и 37% остальных россиян думают, что за ведущими странами России в ее нынешнем состоянии все равно не угнаться и единственный выход – эффективнее использовать ее природные и сырьевые богатства (газ, нефть и т. д.). В наименьшей степени поддерживают технологичный вектор развития представители СК, живущие в сельской местности, хотя и среди них эта точка зрения придерживается большинство (53%). Таким образом, *российский средний класс не хочет «садиться на нефтяную иглу» и считает необходимым построение экономики, ориентированной на высокотехнологичное и наукоемкое производство*. Только такая модель экономики обеспечит стабильность его экономического положения и позволит СК выступать полноценным партнером государства в удовлетворении своих социальных потребностей.

12. Политические и социальные перемены в стране и их восприятие средним классом

Изменения, которые произошли в стране за период нахождения у власти В. Путина, весьма существенны. Это позволяет многим исследователям делать вывод, что сегодняшняя Россия во многом другая страна, сталкивающаяся с совершенно иными проблемами и вызовами, чем ранее. Страхи, которые довлели над страной пятнадцать-двадцать лет назад: распад страны, гражданская война, экономический коллапс и т. д., остались в прошлом. Одновременно с этим все более определенно проявляется себя контратенденция, являющаяся, в значительной степени, обратной стороной тех позитивных общественных перемен, которые произошли в стране за последние годы. Политическая и социальная стабильность перестала восприниматься значительной частью населения, прежде всего городским средним классом и молодежью, как приоритетная ценность, а рост экономики и доходов значительного числа россиян повысил планку общественных притязаний. Как результат – основные индикаторы социального самочувствия населения (адаптированность к переменам, уровень материального положения, самооценка перспектив на будущее), либо остаются неизменными, либо показывают позитивную динамику, тогда как показатели уровня удовлетворенности различными сторонами жизни практически не растут, а по некоторым позициям даже снижаются.

Нынешнее поколение россиян сегодня настроены менее оптимистично, чем 10 лет назад, в 2003 г., особенно в отношении **перемен, произошедших в стране за период президентства В. Путина** в экономике и социальной сфере. Как видно из нижеприведенных данных, положительные сдвиги в развитии экономики страны в 2003 г. фиксировали 34% всех россиян, а среди ядра СК их число возрастало даже до 50%; в уровне жизни населения – 21 и 35% соответственно. Ухудшение экономического положения страны отмечали лишь 7-8% СК. «Отставание» уровня жизни населения тогда воспринималось как «временные трудности». В настоящий период все ровно наоборот: 27-29% СК полагают, что ситуация в экономике ухудшилась и лишь 14% – что она улучшилась. Примерно также думают и все прочие граждане России. Единственная сфера, где положительные оценки продолжают превалировать над негативными – это международное положение страны (см. таблицу 12.1). Не видят никаких принципиальных изменений ни в лучшую, ни в худшую сторону все группы опрошенных в отношении развития демократии, прав и свобод граждан.

Следует также обратить внимание и на «перемену мест» в отношении суждений, касающихся состояния национальной экономики и уровня жизни населения. Десять лет назад, как уже отмечалось, население и, особенно, средний класс, отмечали существенные позитивные сдвиги в экономике и более скромные – в уровне и качестве жизни россиян. Сейчас ситуация иная. Если в отношении уровня жизни отмечают положительные сдвиги 20-22% представителей СК, то в развитии экономики страны в целом – лишь 14%. И это связано отнюдь не только с кризисными явлениями – в 2003 г. страна также была далека от экономического процветания.

Таблица 12.1

Динамика оценок изменения положения дел в некоторых сферах жизни российского общества за период президентства В. Путина населением в целом и СК, 2003/2014 гг., %

Сфера жизни	Население в целом		СК в целом		Ядро СК	
	2003	2014	2003	2014	2003	2014
Коррупция						
Ситуация улучшилась	7	9	7	11	5	9
Осталась прежней	43	42	48	43	50	45
Ухудшилась	26	43	23	40	26	44
Уровень жизни населения						
Ситуация улучшилась	21	18	30	22	35	20
Осталась прежней	45	45	46	47	44	50
Ухудшилась	26	33	18	26	17	26
Ситуация в экономике						
Ситуация улучшилась	34	11	43	14	50	14
Осталась прежней	37	44	35	46	33	46
Ухудшилась	12	29	8	27	7	29
Демократия и политические свободы граждан						
Ситуация улучшилась	12	12	14	14	14	16
Осталась прежней	44	53	46	55	50	58
Ухудшилась	13	16	14	16	19	15
Международные позиции России						
Ситуация улучшилась	41	30	48	35	54	39
Осталась прежней	25	43	24	41	24	40
Ухудшилась	12	10	10	9	9	9

Такая ситуация обусловлена тем, что сегодняшнее поколение россиян уже иными глазами смотрит на происходящие в стране процессы и соответственно иначе их оценивает. «Стратегия выживания» для многих из них уже в прошлом и, соответственно, они не хотят мириться с тем, что еще 10 лет назад воспринимали как само собой разумеющееся. Многие наши сограждане осознали, что «толщина собственного кошелька» отнюдь не является определяющим фактором решения многих жизненно важных проблем. Эти обстоятельства, а также резкое увеличение числа людей, способных к активному потреблению не только товаров,

но и качественных услуг, привели к тому, что *динамика общественных ожиданий начала «обгонять» динамику экономических и социальных перемен*. Получив возможность зарабатывать, многие представители СК столкнулись с ситуацией, когда деньги далеко не всегда можно конвертировать в качественные услуги, прежде всего, социального характера. Так, среди видимых позитивных сдвигов в социальной сфере представители как СК в целом, так и его ядра отмечают лишь улучшение, да и то незначительное, доступности детских дошкольных учреждений и пенсионного обеспечения, все же остальное (среднее и высшее образование, медицина, жилье) оценивается со знаком минус (см. таблицу 12.2).

Таблица 12.2

Оценки изменений положения дел в различных сферах жизни российского общества за период президентства В. Путина населением в целом и СК, 2014 г., %

Варианты ответов	Население в целом			Ядро СК			СК в целом		
	Улучшилось	Осталось прежним	Ухудшилось	Улучшилось	Осталось прежним	Ухудшилось	Улучшилось	Осталось прежним	Ухудшилось
Безработица	25	45	20	36	43	14	34	42	15
Возможность зарабатывать	31	41	22	43	39	15	40	39	17
Ситуация с терроризмом	18	39	35	19	41	33	20	39	34
Социальная справедливость	9	54	30	11	57	26	12	55	26
Коррупция	9	42	43	12	42	43	12	43	40
Дошкольные детские учреждения	19	46	21	22	49	19	21	47	19
Среднее образование	12	50	25	14	53	25	14	50	27
Высшее образование	10	45	31	11	47	36	12	46	34
Здравоохранение	10	43	42	12	45	41	12	43	40
Жилищная ситуация	12	53	29	14	56	25	14	55	26
Пенсионное обеспечение	18	49	22	20	51	18	19	51	18
Уровень жизни населения	18	45	33	21	50	25	22	48	27
Ситуация в сфере морали	5	43	41	4	45	43	5	46	40
Ситуация в экономике	11	44	29	15	45	30	14	46	28
Демократия и политические свободы граждан	12	53	16	15	53	19	15	52	18
Международные позиции России	30	43	10	40	39	10	36	41	9

В результате те люди, у которых есть свободные средства, в большинстве своем стремятся, как уже отмечалось в предыдущих разделах доклада, либо тратить их, либо откладывать, что называется, на «черный день». Отсутствие инвестиционных стратегий является оборотной стороной сложностей с «инвестициями в будущее» для очень большого числа наших сограждан. Одна из причин этого – *кризис доверия, начиная от финансовых институтов и заканчивая большинством государственных органов. «Жить сегодняшним днем», не строя планов на будущее – это и есть главный симптом такого недоверия*. Причем это относится не только к СК, но и к обществу в целом. Не случайно в ходе исследо-

вания самые низкие оценки у всех россиян получили нематериальные факторы удовлетворенности жизнью – ситуация в стране в области морали, справедливости и коррупции, т. е. первопричины и одновременно следствия нездоровья всего общественного организма. Улучшение в этих сферах отмечают лишь 4–5%, 11–12% и 12% представителей СК и его ядра, а ухудшение – 40–43%, 26%, 40–43% соответственно. Это значит, что *в обществе есть понимание того, что существуют проблемы, которые напрямую не затрагивают каждого отдельного человека, но, тем не менее, влияют на общее состояние дел в России, на социально-психологическое состояние ее граждан, и при этом это такие проблемы, не решив которые очень трудно двигаться вперед, тем более, что многие из них носят застарелый характер, а позитивных сдвигов в их решении пока не просматривается.*

В первую очередь это относится к проблеме социального расслоения, усилившегося в последние годы. В **иерархии противоречий**, которые россияне считают наиболее острыми для страны, именно эта проблема «лидирует». Раскол между богатыми и бедными отметили 39% россиян, хотя средний класс и, особенно, его ядро этот раскол беспокоит в меньшей степени, чем население в целом (31 и 25% соответственно). Стоит при этом отметить, что пока *противоречие между богатыми и бедными не трансформировалось в жесткий классовый антагонизм*. Во всяком случае, противоречия между собственниками предприятий и наемными работниками, между «бюджетниками» и работниками частных фирм россияне, и особенно представители СК, не считают самими острыми для нашей страны – на них указали лишь 11–13% и 6% опрошенных данных групп (см. таблицу 12.3).

Таблица 12.3
Иерархия противоречий, существующих в обществе, в оценках населения в целом и СК, 2014 г., %

Варианты ответов	Население в целом	Ядро СК	СК в целом
Между собственниками предприятий и наемными работниками	17	11	13
Между разными властными группировками	13	13	14
Между властью и народом	34	30	32
Между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися	31	33	31
Между «бюджетниками» и работниками частных фирм	4	6	6
Между местными и приезжими	19	22	22
Между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития	5	7	6
Между демократами и противниками демократии	5	5	6
Между богатыми и бедными	39	25	31
Между русскими и нерусскими	24	23	24
Между старшим поколением и молодежью	9	8	8
Между Москвой и провинцией	14	14	16
Между православными и мусульманами	8	8	8
Между людьми различных политических убеждений	7	9	8
Между олигархами и остальным обществом	19	17	16
Никаких острых противоречий нет	6	9	7

Сегодня речь идет скорее о социокультурном расколе между подавляющим большинством населения страны, включая средний класс, и «кастой не-прикасаемых», к которой относятся верхний слой «олигархата» и властующий политический класс. При этом россияне отдают себе отчет в том, что большая часть «капитанов» российского бизнеса в последние годы была «равноудалена» В. Путиным и, соответственно, противоречие между ними и обществом уже не носит такого острого характера, как это было в середине 1990-х годов (его отметили 16-19% опрошенных). А во властующую элиту попадают лишь те немногие олигархи, которые допущены самой властью решать вместе с ней актуальные вопросы настоящего и будущего страны.

Не случайно вторым (а, по мнению представителей среднего класса, даже первым) по остроте противоречием современной России является противоречие между властью и народом и примыкающее к нему противоречие между гражданами и чиновниками. Причем в определении данного противоречия все группы населения демонстрируют высокий уровень согласия, что говорит о формировании достаточно широкого антиэлитного консенсуса.

Наконец, третья группа противоречий, где уровень напряженности фиксируется выше среднего (на уровне четверти всех опрошенных), это размежевание, беспокоящее многих по линии «свой» – «чужой». Речь в данном случае идет о противоречиях между русскими и нерусскими, между местными и приезжими и, в меньшей степени, между Москвой и провинцией. Представляется, что острая данных проблем определяется факторами, традиционно присущими развитым странам, и вытекающими из самой природы любого развитого капиталистического общества. Прежде всего, это неравенство экономического распределения, когда люди винят в своих социальных несчастьях богачей, инородцев, мигрантов и т. д. Опасность таких настроений нельзя недооценивать, но и слишком преувеличивать их также контрпродуктивно, тем более, что трансформации указанных противоречий в политическое противоборство, в общественно-политическое размежевание общества пока не просматривается. Во всяком случае, и население в целом, и СК не считают актуальными противоречия между людьми разных политических взглядов, включая демократов и эстетиков, либералов-западников и русских традиционалистов или националистов, сторонников разных религиозных верований. Межпоколенческие противоречия их также не слишком беспокоят. Но самое главное, что микширует данные противоречия – это то, что *запрос на стабильность сегодня, хотя и менее выражен, чем 10 лет назад, но сохраняет актуальность для большей части россиян, также как и нежелание радикальной смены власти в стране, несмотря на большое число адресованных к ней претензий*. Особенно четко это заметно на фоне событий, происходящих в последние полгода в соседней Украине. Во всяком случае, максима, получившая широкое распространение в соседней стране – «каждый народ имеет право на восстание против коррумпированной власти» у наших сограждан вызывает сомнение даже в качестве первопричины свержения режима В. Януковича. Эту точку зрения разделили лишь 16-17% респондентов из всех групп (см. таблицу 12.4).

Существенно больше тех, кто придерживается официальных российских версий в отношении киевского Майдана и последующей победы оппозиции, оценивая их либо как антиконституционный путч (29-30%), либо как попытки «Запада» лишить нашу страну геополитического влияния на постсоветском пространстве (26-28%).

Таблица 12.4
Оценка населением в целом и СК событий на Украине зимой 2013-2014 гг., %

События на Украине в декабре 2013-январе 2014 гг. это:	Население в целом	Ядро СК	СК в целом
Попытка государственного переворота насильственными антиконституционными методами	30	29	29
Давление на режим власти Януковича с целью добиться досрочных парламентских и президентских выборов на Украине	21	22	21
Попытка оппозиционных партий добиться согласия руководства Украины подписать соглашение о вхождении Украины в Ассоциацию Европейского сообщества	22	21	21
Попытка установить в стране антироссийский, националистический режим власти	21	21	21
Попытка ЕС и США лишить Россию геополитического влияния на постсоветском пространстве, включая Украину	28	26	28
Выступление граждан Украины против коррумпированного, как они считают, режима В. Януковича	17	17	16
Эти события – конфликт между ориентированными на Европейский Союз жителями Западной Украины и ориентированными на Россию жителями Юго-Востока страны	24	24	25

А поскольку согласно другой популярной максиме – «Украина – это не Россия», а Россия, следовательно, не Украина, то большинство наших соотечественников (70%) не верит или мало верит в то, что нечто похожее на события в соседней стране может произойти у нас. Любопытно, что во всех основных слоях общества позиция в отношении вероятности «российского Майдана» практически одинакова.

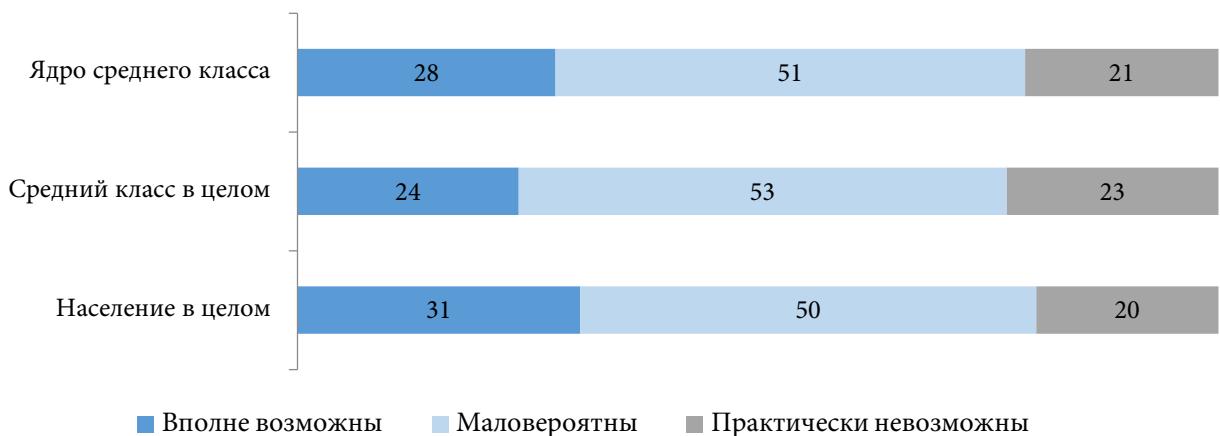

Рис. 12.1. Мнение населения в целом и СК о возможности/невозможности повторения в России событий, аналогичных тем, которые происходили на Украине в начале 2014 г., %

Все это, а также патриотический подъем в стране в связи с присоединением Крыма, новый взлет рейтинга В. Путина некоторые наблюдатели объясняют неоконсервативной волной, «накрывшей страну» в 2013-2014 гг. Однако эмпирические исследования подтверждают гипотезу о росте правоконсервативных настроений лишь отчасти. С одной стороны, установки на поддержку персоналистской власти В. Путина, настороженное отношение к реформам как в поли-

тике, так и экономике, действительно имеют место. Их наличие исследования фиксировали все последние годы и никаких сдвигов в оценках россиян по этим вопросам в 2013-2014 гг. не наблюдалось. С другой стороны, проведенное исследование продемонстрировало новый тренд в умонастроениях, прежде всего среднего класса, в плане **наметившейся деактуализации концепта «твердой руки»**. Как видно из нижеприведенных данных, уровень поддержки власти, а также необходимости стабильности остались примерно на том же уровне, что и год назад, а вот сторонников наведения порядка в стране «твердой рукой» среди представителей СК, особенно его ядра, стало существенно меньше. Причем сокращение это весьма существенное – с 61% до 51% по среднему классу в целом и с 63% до 49% по его ядру. Соответственно, выросло число приверженцев демократических ценностей. *В ядре СК те, кто полагают, что политические свободы и демократия – это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах, сегодня уже составляют хоть и незначительное, но большинство (51% против 49% сторонников «твёрдой руки») (см. таблицу 12.5).*

Таблица 12.5

Согласие с суждениями населения в целом и СК об отношении к власти, демократии, переменам в обществе, 2013/2014 гг., %

Суждения	2013			2014		
	Население в целом	Ядро СК	СК в целом	Население в целом	Ядро СК	СК в целом
При всех своих недостатках нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки	70	79	76	73	79	75
Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало	28	21	23	27	20	24
России необходима «твёрдая рука», которая наведет в стране порядок	62	63	61	59	49	52
Политические свободы, демократия – это то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах	38	37	38	40	51	48
Страна нуждается в стабильности, это важнее чем перемены	68	69	69	70	78	69
Страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	31	30	31	29	22	31

Эта тенденция носит еще более выраженный характер, если посмотреть на нее в возрастном разрезе. Так, в когорте среднего класса 21-25 лет число сторонников политической демократии достигает уже 59%. Поколение 18-25 лет также в гораздо меньшей степени, чем поколение их отцов и дедов, ориентировано на стабильность любой ценой. Каждый второй из их числа согласен с тем, что страна нуждается в реформах, даже если они чреваты утратой данной стабильности. Это говорит о том, что *на нынешнюю молодежь «торговля страхом», когда наше прошлое предлагается в качестве возможной альтернативы нашему настоящему и будущему («застой», «перестройка», «лихие девяностые»), в отличие от их отцов и дедов, перестает действовать* (см. таблицу 12.6).

Таблица 12.6

Согласие с суждениями разных возрастных групп СК об отношении к власти, демократии, переменам в обществе, 2013/2014 гг., %

Варианты ответа	Возрастные группы, лет						
	До 21	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	Свыше 60
При всех своих недостатках нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки	68	63	73	80	77	74	79
Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало	32	35	25	20	23	26	20
России необходима «твёрдая рука», которая наведет в стране порядок	46	59	47	48	53	56	57
Политические свободы, демократия – это то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах	54	41	53	52	46	43	42
Страна нуждается в стабильности, это важнее чем перемены	50	51	65	71	75	68	76
Страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	50	49	33	28	25	32	22

Последние исследования ведущих социологических центров страны свидетельствуют о том, что современную молодежь уже не устраивает сложившаяся в России «элитарная» модель капитализма, когда некоторый рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей» в разных сферах и областях жизни, включая сферу политики. Что же касается довольно большого числа сторонников «порядка», то далеко не все из них согласны его наводить путем «закручивания гаек». Действия властей, как показывают исследования, даже самые жесткие, подавляющему большинству россиян видятся исключительно в правовом поле и правовыми методами – даже по отношению к коррумпированным чиновникам и олигархам.

В целом же исследование зафиксировало две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, сохраняется сравнительно высокий уровень поддержки власти, настороженное отношение к любым переменам, а с другой, происходит постепенное осознание, прежде всего средним классом, того, что в стране не все благополучно, а курс, проводимый властями, нуждается если и не в радикальной ломке, то в существенной корректировке. На этом фоне меняется атмосфера в обществе. Имеет место, хотя и небольшой, но отчетливо выраженный рост политической информированности наших сограждан о происходящих в стране процессах и их уверенности в своем праве влияния на власть. Причем, как показало исследование, представители СК демонстрируют более высокий уровень реальной включенности в сети социального взаимодействия и политического участия по сравнению с остальной частью населения.

В связи с этим важно отметить, что в целом по стране **уровень социального участия** сравнительно невысок. И это понятно, поскольку далеко не все имеют желание, возможность и достаточно свободного времени, чтобы, помимо основной профессиональной деятельности, заниматься еще и общественной работой, которая к тому же в большинстве случаев не предполагает карьерных или материальных «бонусов». С этой точки зрения 6-7% представителей СК, участвующих

в работе органов местного самоуправления и товариществ собственников жилья, 5% активистов социальных волонтерских движений и столько же активистов благотворительных организаций – показатели, заслуживающие внимания (см. таблицу 12.7). Особенно важно подчеркнуть, что в мегаполисах и среди молодежи СК эти показатели еще выше. Заметим, что так было далеко не всегда. Опросы, проводимые в начале «нулевых», фиксировали чрезвычайно низкий уровень как социального, так и политического молодежного активизма, а «сытая» Москва вообще воспринимала тогда любые его проявления как сугубо маргинальные.

Таблица 12.7

Участие в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ населения в целом и СК, 2014 г., %

Общественные организации, объединения и сообщества	Население в целом	Средний класс, в т. ч.	
		Ядро СК	СК в целом
Социальные волонтерские движения (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях и т. п.)	4	5	5
Экологические организации	2	2	2
Профсоюзы	7	12	8
Благотворительные организации	2	5	4
Местное самоуправление, ТСЖ	4	7	6
Общества защиты прав потребителей	1	2	1
Правозащитные организации	2	2	2
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т. п.	1	1	1
Интернет-сообщества	6	9	10
Религиозные организации	2	2	2
Другое	1	0	1
Не приходилось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	78	69	71

Весьма высок также охват интернет-сообществами (9-10%). Понятно, что в большинстве случаев – это просто форма коммуникации сообществ по интересам, далеких от общественной и политической жизни. В то же время практика последних лет свидетельствует, что самоорганизация в рамках различных интернет-площадок все чаще выступает катализатором многих общественных инициатив, начиная от организаций борьбы с пожарами, наводнениями, помощи больным детям и заканчивая борьбой с коррупцией. Причем уровень организаций и эффективности этих сообществ бывает зачастую выше, чем у государственных органов, отвечающих за соответствующий участок работы.

Одновременно с этим обращает на себя внимание угасающий интерес в молодежной среде и у жителей столиц к профсоюзам, низкий уровень востребованности у них религиозных организаций как форм общественной самоорганизации (см. таблицу 12.8). Одной из причин этого, возможно, является то, что индивидуальное самовыражение в них не приветствуется.

Таблица 12.8

Участие в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ различных возрастных групп СК, 2014 г., %

Общественные организации, объединения и сообщества	Возрастные группы, лет						
	18-21	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	Свыше 60
Социальные волонтерские движения (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях и т. п.)	10	11	4	4	3	3	4
Экологические организации	-	3	3	2	1	2	3
Профсоюзы	6	4	8	8	13	8	4
Благотворительные организации	1	6	9	5	4	1	-
Местное самоуправление, ТСЖ	1	7	4	5	9	7	7
Общества защиты прав потребителей	-	1	1	2	3	-	1
Правозащитные организации	-	4	3	3	-	1	1
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т. п.	-	6	1	-	2	-	-
Интернет-сообщества	24	17	12	9	5	7	5
Религиозные организации	1	1	1	2	2	1	3
Другое	3	1	-	-	1	1	4
Не приходилось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	63	68	66	73	71	76	78

То же самое можно сказать и о **политическом участии**. Скажем, работа в политических партиях привлекает 2-3% представителей СК, а вот участие в выборных кампаниях в качестве волонтера (наблюдателя, агитатора, сборщика подписей) – более чем в два раза больше – 7-8%. Политический сегмент интернет-сообществ меньше, чем это иногда представляется. Если в целом их активным участником считает себя каждый десятый опрошенный представитель СК, то лишь 3-4% из их числа используют эти сообщества (социальные сети, форумы) для связи со своими политическими единомышленниками. Сравнительно невелика и доля участвующих в политических акциях прямого действия (митингах, демонстрациях 1-2%). При этом интерес к событиям политической жизни в среднем классе и его ядре достаточно высок, особенно по сравнению с населением в целом. Постоянно их обсуждают с друзьями, коллегами по работе 27% представителей СК, 31% его ядра и лишь 21% всех опрошенных россиян. А в некоторых группах среднего класса этот интерес существенно выше. Скажем, *в Москве и Санкт-Петербурге практически каждый второй представитель среднего класса (54%) живо интересуется политической жизнью своих городов и страны в целом*.

Это важно, поскольку наличие или отсутствие такого интереса является пусть и косвенным, но важным показателем потенциала политической включенности. В течение длительного времени он может быть сугубо созерцательным, но в какой-то момент равнодушные наблюдатели вдруг превращаются в активных участников политического процесса. И тогда заметно возрастает роль политической информированности и зрелости общества, наличия или отсутствия легальных институциональных форм политического участия.

Таблица 12.9

Участие в политической жизни населения в целом и СК, 2014 г., %

Формы участия	Население в целом	Средний класс, в т. ч.	
		Ядро СК	СК в целом
Участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т. п.)	2	1	2
Участие в работе политических партий	2	3	2
Участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т. п.	6	8	7
Поддержка связи с политическими единомышленниками в социальных сетях, на форумах в Интернете	2	4	3
Обсуждение политических событий с друзьями, товарищами по работе	21	31	27
Другое (укажите, что именно)	1	0	1
Никакого участия в политической жизни Вы не принимали	73	62	66

Весьма интересна в этом отношении динамика возможных **форм реагирования россиян на гипотетическое ухудшение условий их жизни**. Сегодня, как и шесть лет назад, у населения в целом доминирует установка на решение проблем по мере их поступления, и заранее беспокоиться о грядущих проблемах многие россияне (40%) не считают необходимым. Немало фаталистов и среди опрошенных представителей СК – 38%. Однако в этой группе все же чуть больше тех, кто планирует предпринять усилия для того, чтобы остаться «на плаву», путем поиска дополнительных источников заработка (41% в 2014 . против 36% в 2008 г.). Одновременно с этим, за шесть последних лет выросло число людей, уверенных, что в кризисной ситуации для борьбы за свои права необходимо активнее задействовать политические институты (партии, профсоюзы), а также участвовать в митингах и демонстрациях для открытого предъявления властям своих требований. Причем только за один год число уверенных, что поступать нужно именно так, выросло вдвое, а в ядре СК – втрое (с 4% в 2013 г. до 12% в 2014 г.) (см. таблицу 12.10).

Таблица 12.10

Формы готовности реагировать на значительные ухудшения в жизни населением в целом и СК, 2008-2014 гг., %

Варианты ответов	Население в целом			СК в целом		
	2008	2013	2014	2008	2013	2014
Вступлю в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	2	2	4	2	3	4
Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	3	5	4	4	6	5
Приму участие в митингах, демонстрациях, голодовках	5	6	10	4	5	10
Возьмусь за оружие для отстаивания своих интересов	3	3	3	3	2	3
Приму решение о переезде в другой регион страны	4	4	5	3	4	6
Приму решение о выезде из России в другую страну	3	3	5	3	5	6
Буду искать дополнительные источники заработка	29	37	36	34	41	41

Продолжение таблицы 12.10

Варианты ответов	Население в целом			СК в целом		
	2008	2013	2014	2008	2013	2014
Никак не буду реагировать, буду терпеть дальше	4	3	5	2	0	3
Что-то предприму, но что, еще не решил	26	37	40	28	40	38
Ничего предпринимать не буду	17	20	14	13	15	12

Столь заметный рост гипотетической протестной активности (реальная в этом году не превышала 2%) связан, во-первых, с «дыханием» приближающейся новой волны кризиса – курс рубля и цены в магазинах сигнализируют об этом более чем отчетливо. Во-вторых, на 2013 г. пришелся пик разочарований россиян в эффективности столичных протестов 2011-2012 гг., «повестка дня» которых практически игнорировала социально-экономическую проблематику, волнующую в том числе и срединные слои населения. Похоже, однако, что в настоящее время ситуация начинает меняться. Особенno меняется настроение молодой активной части общества, составляющей ядро СК. Здесь уже 12% готовы выйти на улицы российских городов, если в этом возникнет необходимость (см. таблицу 12.11).

Одновременно с этим у данной группы начали расти «чемоданные настроения». 7% респондентов, составляющих ядро СК, против 4% в 2008 г., как уже отмечалось в разделе 10, не исключают для себя возможности эмиграции и столько же – переезда в другой регион России. Под «другим регионом», в большинстве случаев, имеется в виду Москва, которая в последние 10 лет как «пылесос» «всосала в себя» весьма значительную часть активной, образованной молодежи из других регионов страны, что, безусловно, с одной стороны, их обескровливает, а с другой – повышает активистский потенциал московской молодежи.

Таблица 12.11

Динамика форм готовности реагировать на значительные ухудшения в жизни ядра СК, 2008-2014 гг., %

Варианты ответов	2008	2013	2014
Вступлю в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	3	1	5
Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	4	4	6
Приму участие в митингах, демонстрациях, голодовках	3	4	12
Возьмусь за оружие для отстаивания своих интересов	2	1	2
Приму решение о переезде в другой регион страны	4	5	7
Приму решение о выезде из России в другую страну	3	6	7
Буду искать дополнительные источники заработка	37	51	44
Никак не буду реагировать, будете терпеть дальше	1	0	2
Что-то предприму, но что, еще не решил	31	37	36
Ничего предпринимать не буду	12	11	7

Наконец, обращает на себя внимание практически неизменный процент радикально ориентированных групп и слоев, готовых с оружием в руках отстаивать свои интересы. Их число не превышает 1-3%. Но, как показали события в соседней Украине, для дестабилизации ситуации в стране может хватить и 500-700 человек при условии, что значительным слоям населения «революционное на-

силие» представляется не только законным и справедливым, но и единственным возможным способом поменять власть в стране. Естественно, и граждане, и эксперты задаются вопросом о возможности чего-то похожего на киевский Майдан в нашей стране. Ранее уже отмечалось, что свыше 70% россиян отвечают на этот вопрос отрицательно. Схожего мнения придерживается и большая часть экспертного сообщества. Однако согласие 52% россиян с тезисом, что «в обществе существуют конфликты, которые могут быть решены только посредством насилия», дает основание для дальнейшего более глубокого, всестороннего и непредвзятого анализа того, что произошло на Украине и того, что происходит или может произойти в нашей стране.

13. Место среднего класса в социальной структуре российского общества

Выше были рассмотрены различные аспекты жизни и умонастроений российского среднего класса. Посмотрим теперь, какое место занимают представители СК в социальной структуре российского общества в целом — причем как в собственных глазах, так и объективно, как соотносятся сегодня в России средние слои и средний класс. Рассмотрим также в заключение вопрос о том, как структурируется средний класс не только в контексте его ядра и периферии, но и с точки зрения степени благополучия его представителей.

Начнем, однако, с того, как вообще выглядит социальная структура России и где видят в ней свое место представители СК, если предложить им определить его в рамках вертикальной иерархии социальных статусов. Для анализа данных вопросов в исследовании была использована вертикальная десятибалльная шкала социальных статусов («десятиступенчатая социальная лестница»), на которой респондент должен был указать свое место. Этот графический тест уже не одно десятилетие успешно используется во многих международных исследованиях и позволяет построить характерные для каждого общества модели социальной структуры, а также сравнить их с моделями социальной структуры других обществ.

Как же выглядит **модель социальной структуры современного российского общества**, построенная на основе оценок своего статуса всем населением России (см. рис. 13.1¹)? И как она изменилась за последние годы?

Как видим, в целом представленная на рис. 13.1 модель *субъективной социальной структуры России* характеризуется сильной вытянутостью по вертикали. При этом основная часть населения концентрируется в ней на средних позициях, а наиболее популярной является 5 снизу позиция (она же является и медианной; средний балл социального статуса по населению страны в целом составляет 5,18).

¹ Модель строилась следующим образом: по оси ординат (поскольку статусные позиции вертикально ориентированы) откладывались процентные значения числа выбравших соответствующий балл, а затем, для придания фигуре симметрии, они зеркально откладывались в область отрицательных значений. Для сохранения пропорций модель была после этого «ужата» по оси абсцисс вдвое.

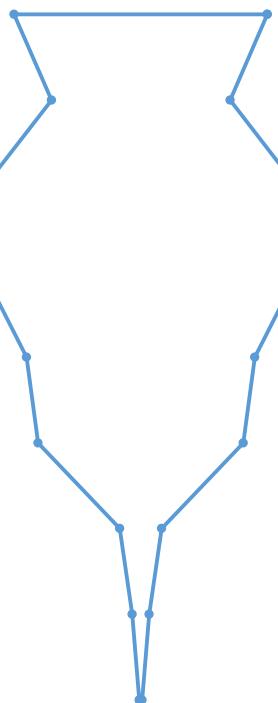

Рис. 13.1. Модель социальной структуры России, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса в обществе, 2014 г. Численные значения, использовавшиеся для построения модели (%):

10 (высшая) позиция – 1,4	5 позиция – 31,5
9 позиция – 1,3	4 позиция – 18,0
8 позиция – 4,5	3 позиция – 11,4
7 позиция – 9,2	2 позиция – 3,6
6 позиция – 17,5	1 (низшая) позиция – 1,6

Сравнительно недавно, в начале «путинской эпохи», в 2000-м году¹, эта модель выглядела существенно иначе (см. рис. 13.2) – тогда на нижних «ступенях социальной лестницы» «толпилось» достаточно много людей, считающих себя социальными аутсайдерами, самой массовой была третья снизу позиция, а на позициях от 6 и выше были сосредоточены считанные проценты всех россиян.

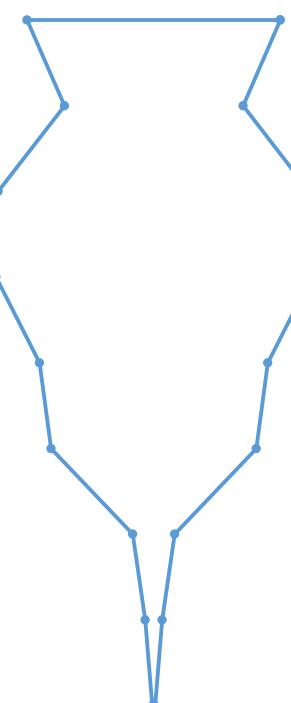

Рис. 13.2. Модель социальной структуры России, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса в обществе, 2000 г. Численные значения, использовавшиеся для построения модели (%):

10 (высшая) позиция – 0,2	5 позиция – 16,1
9 позиция – 0,1	4 позиция – 14,8
8 позиция – 0,7	3 позиция – 24,4
7 позиция – 1,8	2 позиция – 18,2
6 позиция – 4,1	1 (низшая) позиция – 19,6

Таким образом, изменения в самопозиционировании россиянами своего места в обществе за 2000–2014 гг. произошли поистине кардинальные – большинство их перестало считать себя социальными аутсайдерами, а само российское общество стало обществом массового нижнего среднего класса. Это хорошо корреспондирует с доминированием в составе российского СК периферийных для него групп, уровень жизни и социальный статус которых всегда относительно ниже, чем у представителей ядра СК.

Почему мы определяем российское общество именно таким образом, и нельзя ли рассматривать его как общество массового СК, ведь две трети в нем все-таки ставят себя на срединные 4-6 позиции? К сожалению нельзя, потому что модель социальной структуры обществ, относящихся к обществам массового среднего класса, выглядит иначе. Как видно на рис. 13.3, если рассматривать субъективную социальную структуру этих обществ на примере Германии, то для них характерна концентрация наибольшей доли граждан на 6, а не 5 снизу позиций, а главное – средний балл самооценки своего социального статуса в этих моделях заметно выше, чем характерные для современной России 5,18 баллов.

¹ Речь идет об общероссийском исследовании Института комплексных социальных исследований РАН «Россияне о судьбах России в XX-м веке и своих надеждах на XXI-й век», выборка численностью 1776 человек представила население страны по регионам проживания, а внутри них – по полу, возрасту и типу поселения.

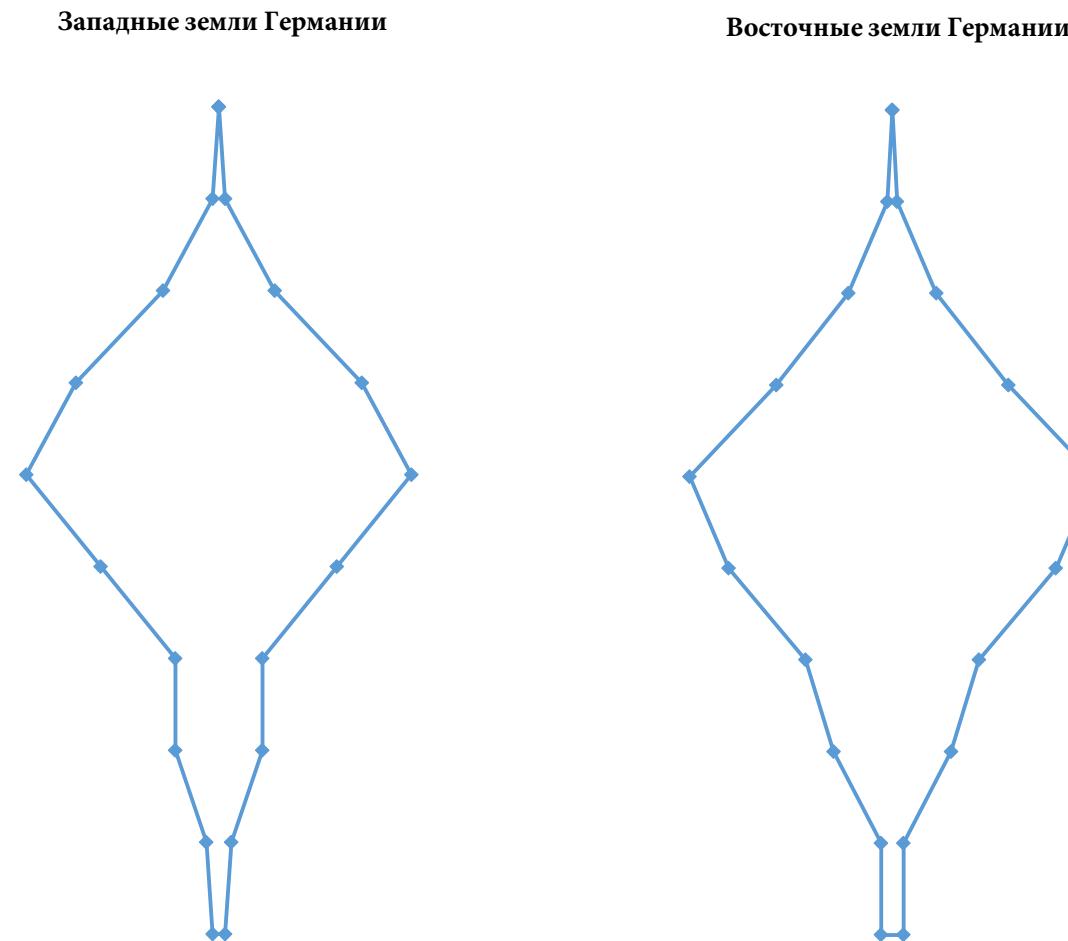

Рис. 13.3. Модели социальной структуры Западных и Восточных земель Германии, построенные на основе самооценок респондентами своего социального статуса, ISSP-2009¹

Численные значения, использовавшиеся для построения модели по Западной Германии (%):

10 (высшая) позиция – 0,4	5 позиция – 19,0
9 позиция – 1,2	4 позиция – 7,2
8 позиция – 9,2	3 позиция – 6,6
7 позиция – 22,8	2 позиция – 2,1
6 позиция – 30,9	1 (низшая) позиция – 0,5

Численные значения, использовавшиеся для построения модели по Восточной Германии (%):

10 (высшая) позиция – 0	5 позиция – 23,4
9 позиция – 0,7	4 позиция – 12,4
8 позиция – 6,3	3 позиция – 8,4
7 позиция – 16,6	2 позиция – 1,6
6 позиция – 29,0	1 (низшая) позиция – 1,6

Такая разница в моделях социальной структуры России и Германии естественна и обуславливается различиями в уровне развития их экономик, сказывающимися и на уровне благосостояния их граждан, и на их самоощущении своего места в обществе. Как было показано в разделе 3, в России относительно меньше профессионалов и предпринимателей, а именно у них средний балл самооценок социального статуса наиболее высок (см. таблицу 13.1).

¹ ISSP является постоянной ежегодной международной программой исследований, охватывающих темы, важные для социальных наук. Год от года тема исследования меняется, но раз в 5-8 лет в рамках этой программы проводятся опросы, посвященные проблематике социальной структуры. Нами использовались данные волны ISSP-2009. Численные значения, использовавшиеся для построения модели по Западной Германии:

Таблица 13.1

Средний балл самооценки социального статуса в различных профессиональных группах, 2014 г., % от работающих

Профессиональные группы	Средний балл социального статуса	Медианный балл социального статуса
Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые	6,15	6
Профessionалы	5,72	6
Полупрофессионалы и клерки	5,32	5
Рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания	4,75	5
Рабочие	4,88	5

Каковы же в глазах россиян критерии социального статуса? Что определяет отнесение себя ими к той или иной статусной позиции? Сами они с завидным постоянством говорят о том, что *при определении своего статуса в обществе они основываются, прежде всего, на уровне своего материального благосостояния* (см. рис. 13.4). Особенно значим этот критерий статуса для тех, кто ставит себя на нижние 4 «ступени социальной лестницы». В этой группе данный критерий назвали главным фактором, определяющим самоощущение их социального статуса, более 70%, в то время как среди занимающих «ступени» от 6 и выше соответствующий показатель составлял менее 60%.

Рис. 13.4. Чем руководствуются россияне, оценивая свой социальный статус, 2003/2014 гг., % (допускалось до трех ответов)

В то же время нельзя не отметить, что материальное положение – не единственный критерий, которым население руководствуется в этом случае – почти сопоставим с ним по значимости такой критерий как «образ жизни». Более того, для наиболее благополучных россиян, т. е. тех, кто ставит себя на 6 «ступень социальной лестницы», значимость этого критерия оказывается такой же (59%), как и критерия материального благосостояния, а для ставящих себя на 7 и выше «ступени» – даже чуть большей, чем материального благосостояния (60% против 58%).

Естественно, что при такой роли уровня благосостояния рост доходов, который характеризовал в период 2000-х гг., хотя и в разной мере, все слои населения, привел к резкому улучшению самооценок россиянами своего места в обществе. Во всяком случае, сегодня довольны своим социальным статусом (оценивают ситуацию с ним как хорошую) 33% всех россиян, а однозначно недовольны им лишь 6% (остальные оценивают ситуацию с ним как удовлетворительную). В 2003 г. соответствующие показатели составляли 18%, 15% и 67%. При этом однозначно довольны своим статусом в настоящее время, как правило, те, кто ставит себя на 7 и выше «ступени» на «лестнице социальных статусов» — почти две трети их оценивают его как хороший. У тех, кто ставит себя на 6 «ступень», доля таковых чуть более половины. Что же касается поставивших себя на 5 «ступень», то у них две трети оценивают свой статус уже лишь как удовлетворительный, что подтверждает правильность нашей интерпретации этой позиции как «ниже средней».

Наиболее резкий рост значимости заметен в последнее десятилетие именно в отношении такого критерия самооценки россиянами своего статуса как «образ жизни» (с 48% в 2003 г. до 57% в 2014 г.). Фактически, представители менее благополучных слоев населения следуют логике «мы ставим себя в статусной иерархии так низко, т. к. у нас нет денег», а представители благополучных слоев населения как бы говорят «мы ставим себя так высоко, т. к. можем себе позволить вести определенный образ жизни», и, учитывая рост благосостояния населения, доля тех, кто руководствуется этой логикой, достаточно быстро растет. Такая роль образа жизни в определении самоощущения россиянами собственного статуса имеет ряд важных следствий — в частности, она означает, что в ближайшее время демонстративное потребление, свидетельствующее о возможности поддерживать определенный образ жизни, будет только нарастать, и экономить на нем россияне не будут.

При этом весьма существенно, что значимые для самоощущения своего статуса критерии благосостояния (материальная обеспеченность, образ жизни) стали играть для представителей верхних статусных позиций (7 и выше) за последнее десятилетие заметно большую роль, а ключевые для западных обществ факторы стратификации (образование, квалификация, престиж профессии) — не просто второстепенную, но и постепенно все уменьшающуюся роль (см. рис. 13.5).

Рис. 13.5. Динамика роли критериев, которыми руководствовались при оценке своего места в обществе россияне, поставившие себя на 4 верхние «ступени социальной лестницы», 2003/2014 гг., % (допускалось до трех ответов)

Учитывая эту общую картину, посмотрим теперь на ситуацию с **удовлетворенностью своим статусом представителей СК**. Сразу отметим – в целом представители СК, в отличие от остальных россиян, своим статусом в массе своей скорее довольны. Ровно половина их оценивает свой статус в обществе как хороший и лишь 1% – как плохой, в то время как соответствующие показатели у остальных россиян выглядят как 23% и 11%. Однако в ядре СК и в его периферии картина в этом отношении различается довольно заметно, и хотя однозначно недовольных своим статусом в обеих подгруппах СК в разы меньше, чем среди остальных россиян, но доля безусловно довольных им существенно отличается (см. рис. 13.6).

Рис. 13.6. Самооценки своего социального статуса различными группами населения, 2014 г., %

Тем не менее, как видно на рис. 13.6, периферия ядра СК и в вопросе оценки своего статуса заметно ближе к нему, чем к остальным россиянам. Это позволяет построить, опираясь на данные графического теста с десятиступенчатой социальной лестницей, отдельную модель субъективной социальной структуры российского СК (см. рис. 13.7).

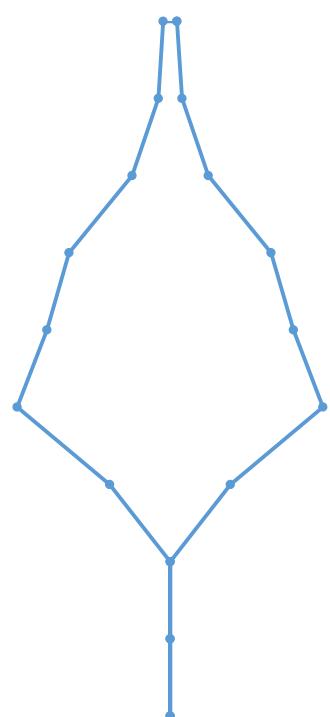

Рис. 13.7. Модель социальной структуры среднего класса России, построенная на основе самооценок его представителями своего статуса в обществе, 2014 г.

Численные значения, использовавшиеся для построения модели (%):

10 (высшая) позиция – 1,4	5 позиция – 30,9
9 позиция – 2,4	4 позиция – 11,2
8 позиция – 7,7	3 позиция – 0
7 позиция – 20,4	2 позиция – 0
6 позиция – 24,9	1 (низшая) позиция – 0

Как видно на рис. 13.7, доминирование в российском СК периферийных для него позиций отражается даже в нем в массовости ощущения приниженности своего места в обществе и самооценок собственного статуса «чуть ниже середины», т. е. в 5 баллов, а не в 6, характерных для населения развитых стран, о чём говорилось выше. Впрочем, для ядра СК эта тенденция нехарактерна – в нем на 6 и выше «ступени социальной лестницы» поставили себя практически две трети группы.

Но, может быть, приниженное ощущение своего места в обществе вообще является характерной особенностью психологии россиян? Правда, тенденция нарастания демонстративного потребления заставляет сомневаться в этой гипотезе, но все же она заслуживает самостоятельной проверки. Такая проверка была проведена и результаты ее показали, что эта гипотеза неверна – россияне в массе своей хотели бы находиться на позициях от 7 и выше (см. рис. 13.8).

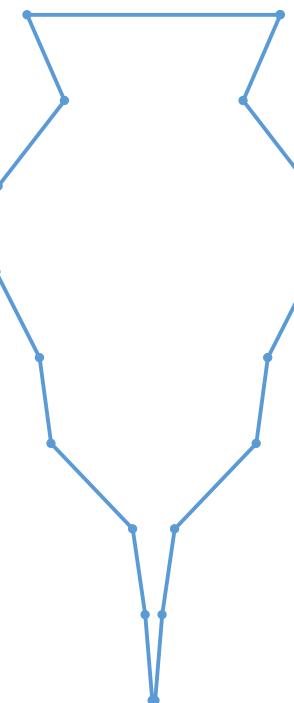

Рис. 13.8. Модель социальной структуры России, построенная на основе самооценок россиянами того места в обществе, которое они хотели бы занимать, 2014 г.

Численные значения, использовавшиеся для построения модели (%):

10 (высшая) позиция – 16,3	5 позиция – 13,2
9 позиция – 11,5	4 позиция – 2,7
8 позиция – 20,0	3 позиция – 1,1
7 позиция – 20,3	2 позиция – 0,2
6 позиция – 14,7	1 (низшая) позиция – 0

При этом запросы среднего класса в отношении желаемого места в обществе также отнюдь не отличаются скромностью (см. рис. 13.9) – скорее наоборот. Различия между ним и остальным населением касаются при этом в основном доли желающих находиться на позициях от 7 и выше. И хотя во всех группах населения чем ниже положение человека в вертикальной иерархии статусов, тем больший «рывок вверх» он хотел бы совершить, но в среднем классе эта тенденция выражена даже ярче, чем

у остальных россиян. Так, например, среди представителей СК, ставящих себя на 5 снизу «ступень лестницы социальных статусов», хотели бы занять более высокие позиции свыше 90%, причем 80% этой группы хотели бы находиться на позициях от 7 и выше. В то же время среди остальных россиян соответствующие показатели составляют 79 и 63% соответственно. В целом же на верхней, 10 ступени хотели бы находиться 14% представителей СК и 9% – остальных россиян, ставящих себя по своему нынешнему положению на 5 «ступень социальной лестницы».

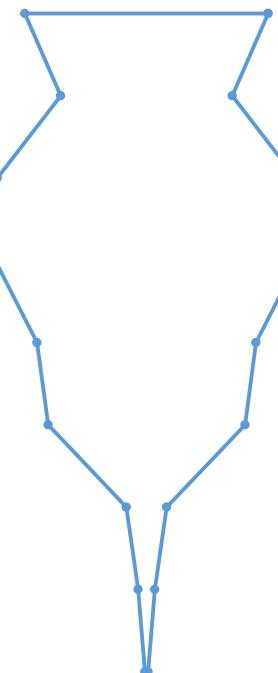

Рис. 13.8. Модель социальной структуры СК, построенная на основе самооценок его представителями того места в обществе, которое они хотели бы занимать, 2014 г.

Численные значения, использовавшиеся для построения модели (%):

10 (высшая) позиция – 22,0	5 позиция – 4,6
9 позиция – 16,3	4 позиция – 0
8 позиция – 27,6	3 позиция – 0
7 позиция – 19,1	2 позиция – 0
6 позиция – 10,0	1 (низшая) позиция – 0

Из представленных данных следует два важных вывода. Во-первых, при таком рассогласовании желаемых и реально ощущаемых статусов на фоне нелегитимности в глазах населения причин благосостояния наиболее состоятельной части россиян, *в обществе неизбежна высокая общая неудовлетворенность сложившимися в стране механизмами социальной мобильности, а несправедливость су-*

ществующего общественного устройства воспринимается особенно остро. Такие умонастроения могут при определенных условиях (массовое ухудшение материального положения, несправедливые, по мнению населения, решения в области социальной политики и т. п.) обостряться и являются питательной средой для генерирования социальной нестабильности.

Во-вторых, следует ожидать нарастания, вопреки всякой экономической логике, демонстративного потребления во всех группах населения и, особенно, как это на первый взгляд ни парадоксально, в среднем классе. Любые попытки сверху «зажать» этот рост демонстративного потребления за счет увеличения налогового бремени, вынужденного повышения участия СК в финансировании социальной сферы (образование, здравоохранение и т. п.) или иных мер будут восприняты им крайне болезненно, поскольку затронут не только его экономические интересы, но и его общее самоощущение в социуме, что для него даже важнее, чем его материальное благосостояние как таковое.

Продолжим рассмотрение особенностей самоощущения россиянами их места в обществе, обратившись к вопросу об их **слоевой идентификации** – ведь для определения представлений респондентов об их месте в обществе используются не только графические, но и вербальные тесты, позволяющие замерить наличие не просто интуитивных, а осознанных и артикулируемых идентичностей с теми или иными вертикально ранжированными слоями общества (см. таблицу 13.2).

Таблица 13.2
Особенности слоевых идентичностей различных групп населения, 2014 г., %

Идентификация своего места в вертикальной структуре общества	Средний класс, в т. ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Верхний средний слой	17	8	13	1	1
Средний слой	65	59	62	32	25
Нижняя часть среднего слоя	16	25	20	38	27
Рабочие*	2	8	5	22	37
Низший слой	0	0	0	7	10

*Следует отдельно сказать несколько слов о встречающейся среди представителей СК идентичности «рабочие». В двух третях случаев эта идентичность характеризовала периферию ядра СК, а в ядре она относилась, прежде всего, к предпринимателям – видимо тем, чья деятельность была связана с физическим трудом и носила характер самозанятости или семейного бизнеса (например, автосервис и т. п.). Тем не менее, даже среди профessionалов попадались отдельные люди, идентифицировавшие себя как рабочих, что говорит о сохраняющемся идеологической нагруженности этой идентичности, о том, что в сознании россиян она до сих пор далеко не просто характеристика профессиональной позиции с точки зрения особенностей характера труда на ней.

Как видно из данных таблицы 13.2, представители СК в подавляющем большинстве своем идентифицируют себя как представителей средних слоев. При этом почти две трети из них говорят о себе как о представителях собственно средних слоев, и практически каждый седьмой – как о представителях верхнего среднего слоя. Что же касается не входящих в состав СК россиян, то по ним картина иная – среди представителей потенциального СК наиболее массовой является группа, ощащающая себя в вертикальной иерархии общества представителями нижней части средних слоев, а остальное население относительно чаще идентифицирует себя как представителей рабочего класса.

Если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, т. е. проанализировать, как распределились по различным группам люди с тем или иным ощущением своей слоевой идентичности, то оказывается, что те, кто ощущает себя представителями средних слоев, в массе своей (на 70%) являются представителями СК. Что же касается ощущающих себя представителями верхнего среднего слоя, то они попадают в состав среднего класса даже более чем на 90%. При этом среди ощущающих себя представителями нижнего среднего слоя 41% составляют представители среднего класса, треть – это представители группы, которую мы назвали «остальное население», а оставшуюся четверть составляет потенциальный СК. Среди идентифицирующих себя как рабочих доля группы «остальное население» составляет уже больше двух третей, а как представителей низшего класса – даже 71%.

Все это позволяет говорить о том, что *для российского среднего класса характерны специфические слоевые идентичности, причем эти идентичности в гораздо меньшей степени распространены среди остальных россиян*. Более того – ощущение слоевой идентичности у СК не случайно и очень тесно связано, как показывает статистический анализ, с устойчивостью положения человека в обществе, типом его профессиональной деятельности (включая степень ее включенности в использование информационных технологий, властный ресурс и т. д.), уровнем его благосостояния, спецификой социального окружения и рядом других факторов. *Поскольку эти факторы отражают роль в формировании соответствующих идентичностей места человека в системе производственных отношений, его человеческого капитала, обуславливающего это место, а также вытекающих из него особенностей жизни, то можно говорить о том, что эти идентичности выступают признаками формирования классового сознания*. Учитывая важность этого вывода, проиллюстрируем кратко взаимосвязь слоевой идентичности с некоторыми из определяющих ее факторов.

Как показал статистический анализ, наиболее значимым среди этих факторов выступает **устойчивость места человека в иерархии социальных статусов** (см. таблицу 13.3). Эта позиция, еще несколько лет назад игравшая сравнительно небольшую роль для идентификации людьми своего социального статуса, сейчас уверенно вышла на первое место по значимости (коэффициент Спирмена – 0,675). Это означает, что *идентичность с определенными социальными слоями при наличии устойчивости статуса также приобретает устойчивый характер и во все большей степени отражает реальное место человека в общественное иерархии*.

Таблица 13.3

**Взаимосвязь слоевых идентичностей различных групп населения
и их самооценок ощущения ими своего места в обществе 10 лет назад, 2014 г., %**

Идентификация своего нынешнего места в вертикальной структуре общества	Ступени социальной лестницы					
	Нижние 1-2 ступени	3	4	5	6	Верхние 7-10 ступени
<i>Среди не входящих в СК россиян</i>						
Верхний средний слой	0	0	0	1	1	7
Средний слой	6	6	16	34	50	48
Нижняя часть среднего слоя	21	37	36	30	24	29
Рабочие	42	48	36	30	20	13

Продолжение таблицы 13.3

Идентификация своего нынешнего места в вертикальной структуре общества	Ступени социальной лестницы					
	Нижние 1-2 ступени	3	4	5	6	Верхние 7-10 ступени
Низший слой	31	9	12	5	5	3
<i>В среднем классе в целом</i>						
Верхний средний слой	0	2	5	8	13	33
Средний слой	47	56	43	67	75	58
Нижняя часть среднего слоя	35	35	41	21	9	9
Рабочие	18	7	10	4	3	0
Низший слой	0	0	1	0	0	0
<i>В ядре СК</i>						
Верхний средний слой	0	0	9	13	17	34
Средний слой	38	67	50	70	74	58
Нижняя часть среднего слоя	38	27	39	16	7	8
Рабочие	24	6	2	0	1	0
Низший слой	0	0	0	1	1	0

Из данных таблицы 13.3 хорошо видно, во-первых, насколько неустойчива социальная структура России и как «плавает» социальный статус населения в целом – даже те, кто, по их мнению, 10 лет назад были в самом низу (1-2 «ступени социальной лестницы») лишь на четверть идентифицируют себя в настоящее время как представителей низшего слоя. Ярко выраженная неустойчивость статусов характеризует и другой край статусной шкалы – тех, кто занимает на ней верхние 4 позиции. Лишь менее половины их (46%) занимали эти же позиции 10 лет назад. И, наоборот, – среди тех, кто был тогда на 7-10 «ступенях социальной лестницы» почти четверть оказались сегодня на нижних 5 позициях, в том числе каждый седьмой – на 1-4 снизу позициях. Наиболее устойчивым является при этом положение тех, кто и тогда, и сейчасставил себя на 5 снизу позицию – более половины из них сохраняют свое место в обществе неизменным уже на протяжении 10 и более лет. Соответственно, именно их идентичности имеют наиболее устойчивый характер – а, как было показано выше, именно такая самооценка своего статуса в обществе наибольшей степени характерна для российского СК.

В-вторых, из данных таблицы 13.3 хорошо видно, что *слоевая идентичность в СК, особенно его ядре, и в населении в целом подчиняется разным закономерностям*. У тех из не входящих в состав СК россиян, кто занимал 10 лет назад нижние 4 «ступени» на «лестнице социальных статусов», доминирует идентичность с рабочими, а у занимавших тогда «ступени» с 5 по 10 – со средним слоем. Внешне это отражается в «ступенчатом» характере доминирующей у этой части российского населения идентичности в таблице 13.3. В СК же, и особенно в его ядре, картина иная. Здесь независимо от положения в статусной иерархии 10 лет назад, доминирует идентичность со средним слоем. Эта особенность сохраняется и в том случае, если рассматривать группы с одинаковым в их собственных глазах местом на «лестнице социальных статусов» – так, например, если сравнить тех россиян, кто входит и кто не входит в СК, и при этом оценивает свой нынешний статус на 5 баллов из 10, то находящиеся в составе СК в массе своей считают себя

представителями среднего слоя, около четверти – представителями нижнего среднего слоя и лишь 7% характеризуют себя как представителей низшего слоя или рабочих. В то же время среди россиян, не входящих в состав СК, но с такой же оценкой своего нынешнего статуса, к среднему слою относят себя лишь около трети. Это еще одно свидетельство того, что для представителей СК *характерны гораздо более устойчивые слоевые идентичности, а ведь именно из устойчивого ощущения групповой идентичности вытекает следование характерным для группы нормам и образцам поведения. Кроме того, при наличии такой идентичности можно ожидать со временем и формирования понимания общности своих интересов.*

Вторым фактором, также очень значимым (коэффициент Спирмена – 0,616) для формирования слоевых идентичностей, выступает сегодня **уровень благосостояния**. Для выделения различающихся их благосостоянием групп нами был разработан специальный индекс уровня жизни – ИУЖ. В основе его построения лежала идея о том, что анализ реального уровня жизни обязательно должен включать *не только оценку уровня благосостояния, но и уровня депривации*, то есть испытываемых лишений и ограничений в общепринятом наборе потребительских благ. Имеющиеся у каждого человека «блага» и испытываемые им лишения и дают в совокупности реальную картину его благосостояния, поскольку дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у семьи есть, но и в том, чего у нее нет. Среди не испытывающих реальной депривации *признаки благосостояния должны включать при этом не только имущество, но и услуги*, ведь одни люди конвертируют свои ресурсы в компоненты предметно-вещной составляющей благосостояния, а другие направляют их на потребление услуг, социальное участие, досуг и отдых.

Выделенные на основе применения этого индекса структурные позиции были объединены в 10 страт, численность которых в российском обществе по состоянию на 2014 г. представлена на рис. 13.10. Из рис. 13.10 видно также, что *за последние 11 лет произошел очень серьезный сдвиг в численности пяти нижних страт, в результате чего основная масса россиян сосредоточена теперь в стратах, находящихся с точки зрения уровня их благосостояния чуть ниже середины распределения (в 4 и 5 стратах, объединяющих ровно половину россиян).*

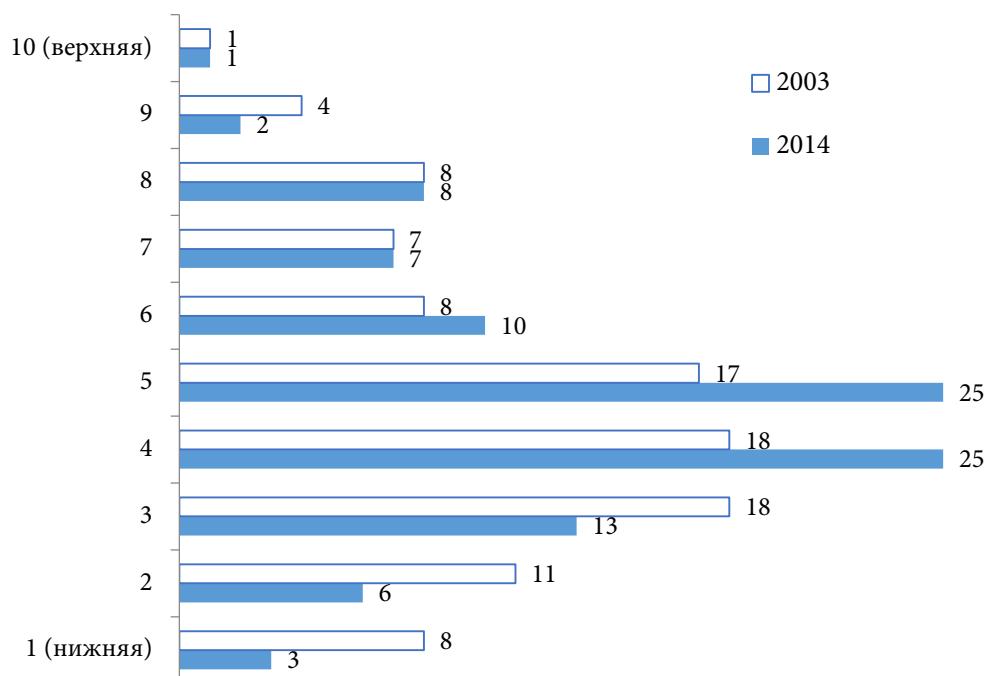

Рис. 13.10. Динамика численности страт, различающихся их уровнем благосостояния, 2003/2014 гг., % (допускалось до трех ответов)

Выделенные 10 страт можно объединить в 5 основных групп¹: бедствующие (1-3 страты), малообеспеченные (4-5 страты), среднеобеспеченные (6-7 страты, 21%), обеспеченные (8-9 страты) и высокообеспеченные (10 страта²). Сразу подчеркнем, что при построении классификации для выделения бедствующих использовалась методология, не совпадающая с методологией, используемой обычно для выделения бедных. Тем не менее, в порядке справки отметим, что граница группы бедных, выделяемых по абсолютному («по доходам») и депривационному («по лишениям») подходам к бедности, проходит по данной классификации внутри 4 страты. При этом 1-3 страты, безусловно, являются бедными, и оказались они в этом положении «не вчера», хотя глубина их бедности различна. Малообеспеченные же – это люди, балансирующие на грани бедности, и то «проваливающиеся» за «черту бедности», то поднимающиеся над ней в зависимости от текущих обстоятельств. Однако их в любом случае характеризуют многомерная депривация, опыт бедности в прошлом и очень ограниченные возможности изменения своего положения за счет собственных усилий в силу низкой ресурсообеспеченности. Впрочем, учитывая, что стандарт жизни именно этой группы является не только самым распространенным, но и медианным для российского общества в целом, а также то, что он позволяет его представителям идентифицировать себя как со средним слоем чуть чаще (39%), чем с нижним средним слоем (30%), характеризовать малообеспеченных как однозначно неблагополучную социальную группу было бы неверно. Во всяком случае, часть ее, особенно проживающая в бедных регионах или сравнительно недавно улучшившая свое положение, чувствует себя на фоне окружающих даже вполне благополучными.

Представители среднеобеспеченных – это люди, благосостояние которых имеет значимые различия между собой, но которые в любом случае могут рассматриваться как относительно благополучные на фоне малообеспеченных и бедствующих, составляющих три четверти россиян. Доминирующей идентичностью в этой группе (57%) выступает идентификация себя со средними слоями. При этом уже из того, что к среднеобеспеченным относится всего 17% населения, понятно, что группа эта намного меньше по численности, чем средний класс, в который попадает также часть малообеспеченных.

Чтобы было яснее, как выглядит типичный для группы среднеобеспеченных уровень жизни, опишем его подробнее. Чтобы попасть при расчете в число среднеобеспеченных, респондент должен был оценить свое материальное положение, питание и возможность приобрести одежду минимум как удовлетворительные. Проживать он должен в отдельном жилище, где на каждого члена его домохозяйства приходилось бы не менее 12 кв м общей площади. Он должен иметь в собственности какой-то один вид недвижимого имущества плюс к жилищу, в котором он проживал (обычно это были дача или гараж, реже – земля). В его распоряжении должны быть незначительные сбережения, а общее число товаров длительного пользования в его домохозяйстве должно было находиться в диапазоне от 9 до 13 их видов. За последние годы он должен был использовать не более одного вида платных социальных (медицинских, образовательных, рекреационных) услуг, а в структуре его досуга должно было быть не более одного вида платных развлечений (от театров до спортсекций). Конечно, конкретный набор признаков благосостояния и депривации мог быть и несколько иным (всего при расчете индекса ИУЖ использовались 26 показателей благосостояния и депривации), но наиболее типичен был именно такой набор. Как видим, он позволяет говорить и об

¹ Без учета высших слоев и «социального дна» (бездомных и т. п.).

² Представители этой страты почти отсутствуют в массовых опросах и поэтому в использовавшемся массиве данных ее численность занижена. Полностью отсутствуют в данной классификации представители верхних 2-3% наиболее состоятельного населения, в выборки массовых опросов вообще не попадающие.

определенной устойчивости материального положения, и о возможностях, хотя и очень скромных, стилевого потребления. Видно из характеристики типичного уровня жизни среднеобеспеченных и то, что в массе своей они отнюдь не «жирут».

Обеспеченные и высокообеспеченные, в отличие от среднеобеспеченных, очень широко используют возможности, открывшиеся для потребителей при переходе к рыночной экономике. Они обычно имеют какие-то активы, приносящие (или способные приносить) ощутимый доход — второе жилье, сбережения, ценные бумаги, собственный бизнес. Со средними слоями среди обеспеченных идентифицируют себя 59%, и еще 20% рассматривают себя как представителей верхнего среднего слоя. У высокообеспеченных соответствующие показатели составляют 65% и 25%.

К каким же стратам и группам, различающимся их уровнем жизни, относятся представители российского среднего класса и остальных россиян (см. таблицу 13.4)?

Таблица 13.4

Доли представителей различных страт в составе различных группах населения, 2014 г., %

Группы и страты	Средний класс, в т. ч.			Остальные россияне, в т. ч.			Население России в целом
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом	Потенциальный СК	Остальное население	Не СК	
Бедствующие	3	10	8	25	35	32	22
1 страта	0	0	0	1	5	4	3
2 страта	1	3	3	7	10	9	6
3 страта	2	7	5	17	20	19	13
Мало-обеспеченные	40	47	44	59	53	55	50
4 страта	12	18	16	34	29	31	25
5 страта	28	29	28	25	24	24	25
Средне-обеспеченные	27	26	26	11	9	10	17
6 страта	17	15	15	7	7	7	10
7 страта	10	11	11	4	2	3	7
Обеспеченные	26	15	19	5	3	3	10
8 страта	20	12	15	4	3	3	8
9 страта	6	3	4	1	0	0	2
Высоко-обеспеченные (10 страта)*	3	2	3	0	0	0	1

*Представители этой группы почти отсутствуют в массовых опросах и поэтому в таблице численность этого слоя/класса занижена. При этом полностью отсутствуют в ней представители верхних 3-5% наиболее состоятельных населения, в выборки массовых опросов вообще не попадающие.

Как видно из таблицы 13.4, ядро СК в массе своей (57%) состоит из среднеобеспеченных, обеспеченных и высокообеспеченных россиян. Однако его периферия гораздо менее благополучна — в ней представителей этих групп уже менее половины (43%). При этом 47% ее представителей живут в состоянии малообеспеченности, а каждый десятый характеризуется даже бедственным положением. В итоге и по СК в целом половина (52%) находится в состоянии малообеспеченности или даже

в бедственном положении. Чтобы было понятнее, как это может происходить, учитывая задавшийся при выделении СК «фильтр» на благосостояние, приведем несколько примеров.

Так, например, представители домохозяйства пенсионеров с высшим образованием и высокой оснащенностью домашним имуществом, попавшее в соответствии с методикой выделения СК в состав периферии его ядра, может иметь значительные расходы на лекарства, которые будут вынуждать их экономить буквально на всем. В результате у них будут наблюдаться признаки многомерной депривации, и они попадут при расчете индекса ИУЖ в число бедствующих. Или молодая семья из ядра СК может иметь сравнительно высокие доходы, но снимать квартиру, и в результате также оказаться в ситуации, когда будет вынуждена экономить буквально на всем и попадет в число малообеспеченных по уровню жизни – ведь большая часть ее доходов будет тратиться на аренду жилья (аналогична и ситуация с выплатой ипотеки). Таких жизненных ситуаций даже у представителей СК возникает немало, причем часть из них носит временный характер, и не влияет на классовые и слоевые идентичности (например, рождение ребенка), а часть приобретает устойчивый характер и может вести даже к смене идентичностей (например, в случае изменения структуры расходов из-за многолетней тяжелой болезни членов семьи).

Тем не менее, несмотря на пребывание части СК в малообеспеченности, их положение гораздо лучше, чем у остальных россиян, среди которых доля бедствующих составляет треть, к благополучным слоям относится всего 13%, а большинство (55%) является малообеспеченными. Подчеркнем – речь в данном случае идет о ситуации в России в целом, и соотношение этих групп очень сильно различается по регионам и отдельным типам поселений. Скажем, в Москве доля обеспеченных и высокообеспеченных в составе среднего класса превышает половину, а с учетом среднеобеспеченных составляет более двух третей всего среднего класса. При этом в ядре СК доля обеспеченных и высокообеспеченных достигает в столице трех четвертей. Близка к портрету московского среднего класса¹ и картина в Санкт-Петербурге, где доля обеспеченных и высокообеспеченных в составе СК тоже очень высока (более 40%). С учетом среднеобеспеченных доля представителей благополучных групп в составе СК превышает в столицах 70%, а в составе ядра СК – даже 80%. Однако такая картина нехарактерна для остальных регионов страны, где в составе СК и даже его ядра доминируют малообеспеченные, а среднеобеспеченные при этом заметно больше, чем обеспеченных и высокообеспеченных.

Схожие тенденции демонстрирует и распределение доходов в различных группах населения (см. таблицу 13.5), занимающее третье по значимости место среди факторов, определяющих слоевую идентичность россиян (коэффициент Спирмена – 0,523).

Данные таблицы 13.5 вновь свидетельствуют о том, что слоевая идентичность в СК, особенно его ядре, и в населении в целом подчиняется разным закономерностям. У тех из не входящих в состав СК россиян, кто имеет доходы менее медианы их распределения в соответствующем типе населенных пунктов, доминирует идентичность с рабочими, а у имеющих доходы от медианы и более, а особенно – от 1,5 медиан, – со средним слоем. Внешне это отражается в «ступенчатом» характере доминирующих у этой части российского населения идентичностей, хорошо видных в таблице 13.5. В СК же, и особенно в его ядре, независимо от уровня текущих доходов доминирует

¹ Данные по структуре московского и петербургского СК носят ориентировочный характер, поскольку выборка исследования не являлась репрезентативной для каждого региона в отдельности.

идентичность со средним слоем, что отражается в таблице 13.5 в «линеичном» характере доминирующей идентичности. Это еще одно свидетельство того, что *независимо от текущих колебаний в их доходах, для представителей СК характерны устойчивые слоевые идентичности именно со средними слоями общества.*

Таблица 13.5

Взаимосвязь слоевых идентичностей различных групп населения и уровня их доходов по отношению к медианному для их типов поселений, 2014 г., %

Слоевая идентичность	Доходные группы				
	Менее ½ медианы	От 1/2 до медианы	От медианы до 1,5 медиан	От 1,5 до 2 медиан	2 и более медиан
<i>Среди не входящих в СК россиян</i>					
Верхний средний слой	3	1	1	2	8
Средний слой	21	24	27	41	51
Нижняя часть среднего слоя	21	31	34	26	27
Рабочие	39	32	32	31	14
Низший слой	16	12	6	0	0
<i>В среднем классе в целом</i>					
Верхний средний слой	- *	5	9	19	21
Средний слой	-	55	63	62	65
Нижняя часть среднего слоя	-	31	23	16	12
Рабочие	-	9	5	3	1
Низший слой	-	0	0	0	1
<i>В ядре СК</i>					
Верхний средний слой	-	9	12	25	20
Средний слой	-	57	68	58	69
Нижняя часть среднего слоя	-	32	17	16	10
Рабочие	-	2	3	1	1
Низший слой	-	0	0	0	0

*Численность групп была недостаточна для анализа.

Особо следует подчеркнуть – данные о доходах СК, как и об уровне жизни его представителей, позволяют утверждать, что значительная часть российского СК, которая должна была бы жить при наличии в России платежеспособного спроса на квалифицированную рабочую силу в достаточном объеме, по крайней мере на уровне среднеобеспеченности, пока не может себе этого позволить. Особенно хорошо заметна эта тенденция в регионах, которые характеризуются иной структурой занятости, чем столицы. Именно из-за ситуации в регионах, несмотря на рост зарплат бюджетников в последнее время, значительная часть даже профессионалов и руководителей до сих пор не в состоянии обеспечить себе жизнь хотя бы на уровне среднеобеспеченности (см. таблицу 13.6). При этом руководители – единственная группа, для которой характерна поляризация ее представителей по уровню их благосостояния. Что же касается поляризации по уровню доходов, то она характерна наряду с руководителями также для предпринимателей.

Таблица 13.6

Доли представителей различных групп, выделенных по ИУЖ, а также доходных групп среди представителей различных профессиональных статусов, 2014 г., % от работающих¹

Группы	Предпри- ниматели	Руково- дители	Профес- сионалы	Офисный персонал	Работники торговли	Рабочие 5-6 разряда	Прочие рабочие
<i>Группы, выделенные по уровню жизни</i>							
Высоко- обеспеченные	5	9	3	0	0	0	0
Обеспеченные	28	30	25	8	6	4	3
Средне- обеспеченные	32	25	28	21	9	16	10
Мало- обеспеченные	33	30	38	54	57	63	53
Бедствующие	2	6	6	17	28	17	34
<i>Группы, выделенные по соотношению их доходов с медианой распределения в соответствующих типах поселений</i>							
2 и более медиан	43	33	15	6	4	8	5
От 1,5 до 2 медиан	19	22	21	12	8	12	12
От медианы до 1,5 медиан	35	31	43	44	35	44	26
От $\frac{1}{2}$ до медианы	3	13	20	34	44	33	47
Менее $\frac{1}{2}$ медианы	0	1	1	4	9	3	10

Как видно из данных таблицы 13.6, вероятность попасть в те или иные выделенные по их уровню жизни группы для представителей разных профессиональных статусов различается в современной России достаточно сильно. Так, для рабочих средней и низкой квалификации вероятность попасть в состав бедствующих более чем в десять раз выше, чем у руководителей 1 уровня и предпринимателей. Примерно настолько же для них выше вероятность иметь душевые доходы менее половины медианы доходов, характерной для их типа поселения. С другой стороны, даже среди руководителей есть значительная доля тех, кто оказывается в числе малообеспеченных. Велика доля малообеспеченных и среди профессиоников. При этом если для предпринимателей и руководителей доминирующим уровнем доходов выступает доход в 2 и более медианы, то среди профессиоников – уже всего в 1-1,5 медианы доходов.

Анализируя данные таблицы 13.6, хотелось бы обратить внимание и еще на один момент – уровень благосостояния рабочих в современной России практически никак не связан с их квалификацией. И хотя доля бедствующих среди рабочих средней и низкой квалификации выше, чем среди высококвалифицированных рабочих, но доля среднеобеспеченных и обеспеченных среди них одинакова. И это при том, что во всех развитых странах высококвалифицированные рабочие в массе своей попадают в среднеобеспеченные слои.

¹ В данной таблице, в отличие от остальных таблиц доклада, выделены группы с максимальным «наполнением» их респондентами, в которых концентрируется более 50% соответствующих профессиональных групп.

К заключению (общие выводы)

Анализ результатов общероссийского социологического исследования, проведенного на базе методологии выделения среднего класса, учитывающей как российский, так и зарубежный опыт, дает основание сформулировать следующие общие выводы.

1. По состоянию на 2014 г. численность среднего класса в российском обществе составляет 40-42% населения в целом. При том, что доля среднего класса в пореформенной России достаточно велика, нужно учитывать, что по своему составу он не является гомогенным. Во внутренней структуре среднего класса можно выделить устойчивое ядро, которое наиболее ярко выражает его качественные характеристики, и менее стабильную периферию этого ядра. На данный период к ядру среднего класса могут быть отнесены 16% россиян, и прежде всего имеющие высшее образование руководители, предприниматели и специалисты. В ближнюю периферию ядра среднего класса, составляющую 26% попадают работники средней квалификации, имеющие не только высшее, но и среднее специальное образование.

Оценка численности среднего класса в динамике показывает его рост в период 2003-2008 гг., сокращение его численности во время экономического кризиса 2008-2009 гг. и восстановление рядов среднего класса в 2010 г., после чего последовал новый этап его роста, при котором он «перешагнул» рубеж 40 %.

2. В российском среднем классе в большей степени сосредоточены женщины и представители молодых и средних возрастов. Вероятность оказаться в его составе выше у потомственных горожан, однако даже в ядре среднего класса большинство его представителей являются пока выходцами из «малой России».

Вероятность попадания в средний класс превышает 50% только для тех россиян, у кого хотя бы один из родителей обладает высшим образованием. Собственное высшее образование также более чем в половине случаев обеспечивает имеющим его россиянам попадание в состав среднего класса. При этом среднее специальное образование более чем в половине случаев не позволяет его обладателям оказаться в составе среднего класса, но зато заметно повышает шансы их детей попасть со временем в средний класс.

По уровню образования родителей и условиям первичной социализации, т. е. особенностям их культурного капитала, средний класс также не является однородным – представители непосредственно его ядра заметно отличаются от

периферии этого ядра. Причем костяк ядра среднего класса в основном формируют потомственные горожане из наиболее образованных семей, живущие в крупных городах, а периферию этого ядра составляют в основном жители крупных и средних городов, родители которых тоже были горожанами и имели среднее специальное образование. Однако существует и значительный приток «извне» в состав среднего класса, т. е. приток вне процесса межгенерационного воспроизводства этого класса. Прежде всего, это относится к периферии среднего класса, которая выступает «промежуточным звеном» для попадания в его состав выходцев из не относящихся к нему групп населения среднего класса. Это подчеркивает как влияние периферии на портрет среднего класса, так и теснейшую связь (в том числе и персональную) с его ядром.

При определении численности современного российского среднего класса применялась достаточно требовательная методика, предполагающая одновременный учет четырех критериев: образование, душевой месячный доход, нефизический труд, самоидентификацию.

3. Профессиональный портрет российского среднего класса отражает особенности нынешнего исторического периода развития России и модели экономики, сложившейся в ней за годы реформ. Современный этап развития, на котором находится российская экономика – это этап позднеиндустриального развития, который ведущие западные страны проходили в 60-80 годах XX века. Поэтому нет ничего удивительного в том, что российский средний класс с точки зрения его профессионального портreta в большей степени похож на средний класс развитых стран прежней эпохи, чем на их сегодняшний средний класс. Так, его массовость и прирост обеспечиваются пока за счет наращивания в российской экономике числа рабочих мест рутинного нефизического труда с относительно высоким уровнем зарплат в офисах, торговле, бытовом обслуживании и ЖКХ. Это означает увеличение в составе среднего класса доли среднеквалифицированных «белых воротничков», а также рядовых работников торговли и бытового обслуживания. Кроме того, в составе среднего класса относительно низка доля работников четвертичного сектора экономики, что было присуще социально-профессиональной структуре наиболее «продвинутых» стран Запада 30-40 лет назад, но нехарактерно для современного этапа развития.

За последние 10 лет основная масса входивших в 2003 году в состав периферии ядра среднего класса и его потенциальные ряды руководителей и специалистов перешла непосредственно в его ядро. Однако процесс этот, будучи достаточно массовым для самой этой группы, мало изменил картину по работающим россиянам в целом – он охватил не более 4% занятого населения. К настоящему периоду возможности дальнейшего роста среднего класса за счет данной категории рабочей силы, обладающей наиболее качественным человеческим капиталом уже практически исчерпаны. Даже при устранении необоснованных диспропорций в оплате труда высококвалифицированных специалистов, совершенствовании социальной политики и сохранении перераспределительных тенденций в сфере оплаты труда, максимальный ресурс расширения среднего класса составляет не более 10% населения страны, а его максимальная возможная численность при нынешнем уровне развития профессиональной и отраслевой структуры российской экономики – не более половины населения Российской Федерации. Фундаментальное расширение среднего класса возможно только при диверсификации экономического развития страны, переходу к «экономике знаний», инновационному производству в промышленности и развитии четвертичного сектора.

4. С учетом особенностей российского среднего класса в системе производственных отношений и характера деятельности его представителей можно говорить о том, что данная социальная группа представляет собой симбиоз двух достаточно сильно отличающихся друг от друга групп – его ядра и его периферии. Ядро среднего класса – это, прежде всего, профессионалы, занятые преимущественно в отраслях четвертичного сектора экономики с высокими показателями человеческого капитала. Периферия ядра – работники нефизического труда, для которых высшее образование является все менее характерным. Еще в 2003 году разница портретов этих групп не была столь яркой, линия демаркации между ними только намечалась. Сегодня же они гораздо заметнее различаются по своему портрету и характеру деятельности, хотя при этом они все же ближе друг к другу, чем к остальным россиянам.

Эволюция профессионального портreta российского среднего класса характеризуется диспропорциями, обуславливающими ряд заслуживающих особого внимания особенностей его профессионального портreta. Так, ядро российского среднего класса сосредоточено в настоящее время в основном в четвертичном секторе экономики, а его периферия концентрируется в нем практически на две трети, что лишний раз подчеркивает – Россия пока – индустриальная держава. Данные исследования указывают и на то, что сокращаются инвестиции среднего класса в свой человеческий капитал, что является отражением все меньшей целесообразности таких инвестиций в условиях закрытия «социальных лифтов» и ухудшения карьерных перспектив. Еще одной характерной особенностью эволюции профессионального портreta среднего класса в последние годы является резкое сокращение его властного ресурса, свидетельствующее о нарастающем отчуждении его представителей от своей трудовой деятельности. Очень высока, также в ядре среднего класса, доля людей, находящихся вне поля российского трудового, пенсионного и социального законодательства (в части, связанной с производственной деятельностью). Подобные негативные тенденции, безусловно, требуют реагирования со стороны государства. И такое реагирование должно быть связано не только и даже не столько с требующими финансовых затрат мероприятиями, сколько с реализацией определенных институциональных и организационно-управленческих решений.

5. В отличие от остальных россиян, средний класс (и особенно его ядро) характеризуется ярко выраженными возможностями что-то изменить к лучшему в своей жизни в целом. В то же время, хотя средний класс оказывается более успешным по сравнению с другими слоями населения, динамика его достижений выглядит неутешительно. Несмотря на то, что его отрыв от остальных россиян по доступным для него достижениям огромен, число тех, кто не смог добиться за несколько последних лет никаких значимых изменений в жизни, выросло в нем за последние 10 лет почти в 1,4 раза. Кроме того, в составе среднего класса заметно сократилась доля тех, кто смог повысить в последние годы уровень образования или квалификации, а также улучшить ситуацию у себя на работе. Такая тенденция, в случае ее развития, может привести не только к росту уровня социальной напряженности в обществе, но и к падению качества человеческого потенциала страны. Тем более, что среднедушевые ежемесячные доходы в российской семье, принадлежавшей к ядру среднего класса, достаточно скромны. Они составляли в начале 2014 г. около 16,5 тыс. долларов США в год без учета паритета покупательной способности (ППС). Для периферии ядра среднего класса этот показатель составлял примерно 11,5 тыс. долларов США (без учета ППС).

6. Жилищная обеспеченность среднего класса в целом лучше, чем у остальных россиян, однако она не может считаться удовлетворительной. Каждый десятый представитель среднего класса называет проблемы с жильем в числе трех главных проблем, с которыми ему пришлось сталкиваться за последний год. При этом каждый шестой представитель среднего класса моложе 30 лет снимает жилье, а приобретение жилой недвижимости остается основным приоритетом денежных трат представителей средних слоев на будущее при наличии у них необходимых для этого средств. В условиях же нехватки этих средств представители среднего класса идут, зачастую, путем, который традиционно воспринимается во всем мире как признак высокого уровня благосостояния, но в современной России обретает иной смысл. В последнее время в среде среднего класса начал формироваться новый стандарт потребления в жилищной области – стандарт, предполагающий сочетание городского жилья и пригодного для круглогодичного проживания второго жилья, т. е. «загородный дом + квартира». При этом основных моделей использования второго жилья две. Первая – это 3-4-комнатная квартира, в которой семья постоянно проживает, и загородный дом, который периодически используется ей для отдыха. Другой вариант – загородный дом, в котором постоянно проживает часть семьи (как правило, одно из поколений), а небольшой квартирой в городе пользуется другая ее часть. В роли загородного дома может выступать при этом и зарубежная недвижимость, поскольку при современных ценах на жилье в ряде городов России и особенно в Москве, дешевле оказывается купить и содержать второе жилье, чем разъехаться с выросшими детьми в своем городе.

7. Наиболее заметные, качественные отличия характеризуют в настоящее время потребительский стандарт среднего класса в сравнении с остальным населением в отношении товаров длительного пользования (ТДП). Главными отличиями стандарта жизни среднего класса в отношении оснащенности домашним имуществом является огромный отрыв от остальных россиян в обеспеченности его автомобилями (особенно иномарками), цифровой видеотехникой, айпадами, планшетами, айфонами и т. п. Такой разрыв отражает не только качественную разницу в степени вовлеченности в информационные технологии среднего класса и не входящих в его состав россиян, но и степень доступности для них стилевого потребления, разные возможности выбирать себе определенный образ жизни. Фактически сегодня только представители среднего класса могут позволить себе приобретать из числа ТДП что-то сверх необходимого, и его приоритеты в данной области очевидны – это сложная техника для дома и товары, связанные с цифровыми технологиями. В целом анализ потребления и образа жизни российского среднего класса убеждает – несмотря на сравнительно скромные по западным меркам доходы, этот класс не только качественно отличается по ряду характеристик своей жизни от остального населения страны, но и уже сегодня выступает основным игроком на рынках многих товаров – от жилой недвижимости до мелкой кухонной техники.

8. В плане действий, направленных на улучшение своего материального положения, средний класс характеризуется гораздо реже встречающейся у его представителей стратегией самообеспечения себя продуктами питания и чаще встречающейся работой по совместительству в нескольких местах на постоянной основе (что говорит о его востребованности на рынке труда, позволяющей его представителям выбирать наиболее удобные для себя формы приработков). В то же время значительная часть среднего класса обеспечивает себя вообще без всяких форм вторичной занятости.

В отношении беспокоящих его проблем средний класс характеризуется в сравнении с остальными россиянами гораздо меньшей значимостью для него материальных проблем (10% против трети) и в разы большей (38% против 16%) долей тех, кто не видит в своей жизни вообще никаких проблем.

Отличаясь от остальных россиян способностью к планированию своей жизни, российский средний класс склонен к перераспределению своих свободных средств во времени. Однако непредсказуемость российской жизни и отсутствие эффективных финансовых инструментов, использование которых позволило бы предотвратить обесценение накапливаемых средств, подталкивают его представителей к наращиванию текущего потребления в ущерб инвестиционно-сберегательным стратегиям. Более того – нестабильность банковской системы, а также непонятные правила игры и высокая стоимость «входного билета» на фондовый рынок при малой распространенности в составе среднего класса крупных сбережений приводят к тому, что даже в нем распространение получают, прежде всего, сберегательные, а не инвестиционные стратегии, в том числе – и неорганизованные сбережения «на черный день».

9. По доле разделяющих ценности общества модерна (внутренний локус-контроль, нонконформизм, инициативность и др.) представители среднего класса, а в особенности его ядра, заметно отличаются от других россиян: поддержка таких ценностей среди них оказывается выше. Однако при этом пока сложно говорить об однозначном доминировании ценностей модерна даже в составе среднего класса. Данное обстоятельство объясняется тем, что составляющая относительное меньшинство, но тем не менее значительная доля его представителей придерживается противоположных, традиционалистских ценностей. Отличаясь от остального населения по ряду норм и ценностей, средний класс дифференцируется по этим характеристикам и внутри себя. Таким образом, средний класс демонстрирует ту ценностную неоднородность, которая свойственна в настоящий момент российскому обществу в целом. И хотя его представители дальше продвинулись по пути перехода от традиционалистских ценностей к ценностям модерна, и для них данный процесс еще не завершен. Факторами дифференциации самого среднего класса при этом служат принадлежность к той или иной его подгруппе (ядро-периферия), а также возраст, тип поселения, человеческий и культурный капитал и т. д.

10. В нормативной оценке неравенств, существующих сегодня в российском обществе, представители среднего класса выражают мнение всего населения. И хотя сами они ощущают себя в меньшей степени страдающими от различных видов неравенства, чем остальные россияне, они фиксируют болезненность существования этих неравенств в современном российском обществе. При этом представители среднего класса считают неравенства как таковые естественными и необходимыми, а потому являются сторонниками существования в обществе неравенств, но лишь настолько, насколько они легитимны и обоснованы. При этом допустимая, по их мнению, глубина неравенств выше, чем в представлениях остальных россиян: так, они готовы к более чем пятикратному разрыву между средними по стране зарплатами и уровнем зарплаты наиболее квалифицированных работников, что означает ориентацию на достаточно глубокую дифференциацию доходов в обществе в целом.

Наибольшую толерантность представители среднего класса проявляют к неравенствам, возникающим в результате большей эффективности труда или более высокого уровня образования в условиях, когда у всех были равные воз-

можности для заработка (что согласуется с мнением остальных россиян, хотя толерантность к таким неравенствам в среднем классе оказывается в целом выше). Такие проявления неравенств, как возможность покупать лучшее жилье у людей со средствами и более высокая пенсия для тех, кто больше зарабатывает, представляются представителям среднего класса скорее легитимными – в отличие от возможностей доступа к лучшему образованию или медицинским услугам, которые воспринимаются ими как несправедливые (и в этом средний класс вновь выражает мнение и остального населения).

По количеству социальных групп, с которыми представители среднего класса наиболее часто себя идентифицируют, они опережают остальных россиян, что означает, что их социальное пространство шире. Однако о завершении формирования у среднего класса особых моделей социально-классовой идентичности, отличающей его от других групп населения и способствующей его «социальному закрытию», говорить пока рано. Хотя следует заметить, что данный процесс начался и был еще некоторое время назад особенно заметен в ядре среднего класса, в последние годы этот процесс застопорился, более того, появились социологические данные о его откате назад.

11. Вектор дальнейшего развития России, который поддерживают представители среднего класса (представления о будущем России, нормы и ценности, которые они разделяют, особенности их отношения к базовым для западного устройства общества институтам и пр.), не совпадает с классическим западным путем развития. В российском обществе в настоящий период существует консенсус относительно неприменимости западной модели развития и необходимости «особого пути», которым должна идти страна. Причем в этом средний класссолидарен с остальным населением. И хотя доля поддерживающих западный путь развития в составе среднего класса выше, чем в остальных социальных группах, и составляет на текущий момент около трети его представителей, однако она заметно снизилась за последние десятилетие в ядре среднего класса. Как это понимать? Скорее всего, как нарастание осознания его представителями неприменимости ряда норм и ценностей западной культуры в российских условиях, как неприемлемость стандарта, который все чаще используется странами Запада в оценке России. Это, невольно, сказывается на все большем разочаровании части российского среднего класса в западных ценностях как таковых.

Как и в оценке вектора развития страны, представления среднего класса о желаемом будущем России в целом отражают ту картину, которая характерна и для всего населения в целом. Со значительным отрывом лидирует поддержка лозунга социальной справедливости, равных прав для всех; далее следуют лозунги, получившие поддержку примерно трети представителей среднего класса: «возвращение России статуса великой державы», «возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем» и «права человека, демократия, свобода самовыражения личности».

Вместе с тем, выступая за особый путь развития страны, соответствующий национальным культурным кодам, представителям среднего класса, с одной стороны, не близки лозунги сильной и жесткой власти или революционного переустройства России; с другой – они также не поддерживают идею свободного рынка с минимальным вмешательством государства в экономику. При этом сближение с западным сообществом не только не является для них безусловным приоритетом, но и вообще представляется все менее желательным на «правилах игры», предложенных самим Западом.

12. В отношении произошедших перемен в стране нынешнее поколение россиян, в том числе и представители среднего класса, настроено менее оптимистично, чем 10 лет назад. Если в прежние годы положительные сдвиги в развитии экономики отмечали в составе средних слоев населения 43%, то ныне – только 14%, а оценка ухудшения дел в сфере борьбы с коррупцией возросла за десять лет с 23% до 40%. Об улучшении уровня жизни населения, ситуации в области развития демократии и политических свобод граждан, укреплении международных позиций России заявляли в начале 2014 г. 22%, 14% и 35% соответственно.

Несмотря на то, что положение дел в стране как средний класс, так и остальное население оценивает сегодня «другими глазами», и, что вполне естественно, более взыскательными, запрос большинства представителей ядра среднего класса на стабильность и нежелание радикальной смены власти и методов продолжения реформ не только сохраняет, но и усиливает свою значимость. Однако при всем этом в оценке наличия в российском обществе внутренних противоречий представители среднего класса имеют свою, вполне определенную, позицию. Так, первые три места в иерархии таких противоречий (причем практически с одинаковыми данными) занимают противоречия: а) между властью и народом (32%), б) между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися (31%), в) между богатыми и бедными (31%).

Результаты проведенного исследования выявили новый тренд в умонастроениях средних слоев российского общества. Прежде всего, это относится к снижению актуальности формулы «твердой руки». При всей поддержке власти и стабильности в стране доля сторонников наведения порядка «твердой рукой», методом «закручивания гаек» в составе среднего класса, особенно в его «ядре» пошла на убыль (с 61% до 51% по среднему классу в целом, по «ядру» – с 63% до 49%). И, вместе с тем, в средних слоях общества выросла доля приверженцев демократических ценностей, по крайней мере, тех, кто считает, что политические свободы и демократия – это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах. На этом фоне заметно (как показывают социологические данные), что средний класс демонстрирует более высокий уровень реальной включенности в сети социального взаимодействия и политического участия сравнительно с остальной частью населения.

Примечательно, что во всех слоях российского общества отношения к событиям в Украине одинаково. Как и остальное население, средний класс оценивает эти события, прежде всего, как *а) государственный переворот, осуществленный насильственными антиконституционными методами, б) как стремление ЕС и США лишить Россию geopolитического влияния на постсоветском пространстве, в) как конфликт между ориентированными на Европейский Союз жителями Западной Украины и ориентированными на Россию жителями Юго-Востока страны*.

В целом можно утверждать, что процессы эволюции политического сознания в среднем классе находятся в настоящее время на том же этапе, что и в обществе в целом, и далеки от безоговорочной поддержки тех норм, которые характерны для западных обществ. С одной стороны, для среднего класса нормой является возможность любого человека отстаивать свое мнение, даже если большинство придерживается другого мнения, с другой – представители среднего класса согласны с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы большинства перед интересами отдельной личности. Большинство среднего класса считает, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции, но одновременно соглашается, что задача оппозиции состоит в помощи пра-

вительству, а не в его критике. Представители среднего класса признают право каждого гражданина на отстаивание своих интересов при помощи забастовок и демонстраций – но только если эти действия не несут угрозы общественному порядку, и т. д.

Таким образом, для большинства российского среднего класса речь идет не о прямом копировании западного пути, а об использовании в современных российских условиях определенных элементов, подходящих для России, из богатого исторического опыта западных стран.

13. Представители российского среднего класса, несмотря на имеющийся дефицит свободного времени, чаще других россиян удовлетворены своим досугом, причем уровень их удовлетворенности досуговыми возможностями в последнее десятилетие стабильно растет. Главным образом это связано с достаточно высокими качественными показателями досуга среднего класса. На фоне остального населения страны досуг этой группы выглядит заметно более насыщенным и гармоничным, направленным на культурное, интеллектуальное и физическое саморазвитие, а также общение. В целом большинство представителей среднего класса (55%) практикуют активный тип досуга, направленный на развитие человека в самых разных сферах (среди остального населения только 23%) – именно преобладание этого типа досуга, особенно в части культуры и саморазвития, является той разделительной чертой, которая определяет специфику образа жизни среднего класса. Наиболее богатым досуг среднего класса выглядит и с точки зрения его видовой насыщенности и разнообразия – 41% его представителей практикуют шесть видов досуга и более.

Ядро среднего класса фокусирует в себе все эти отличия и является своеобразной «витриной продвинутого досуга» – его представители чаще других групп реализуют активный, высоконасыщенный тип досуга с акцентом на культуру и саморазвитие.

В то же время исследование выявило некоторые тревожные тенденции в развитии досуговой сферы жизни представителей среднего класса. Сопоставительный анализ десятилетнего периода показал, что наблюдается сокращение досуговой активности именно по тем направлениям, которые являются визитной карточкой среднего класса, маркируют его как культурный и образовательный «локомотив» общества, лидера общественной активности – дополнительное образование, посещение культурно-развлекательных учреждений, участие в работе общественных организаций. Снижается также распространенность в составе среднего класса чтения художественной литературы и периодики, общения с друзьями, что, впрочем, вписывается в общероссийские тенденции. В целом можно говорить об увеличении доли простого досуга в ущерб распространенности досуга активного типа как среди россиян в целом, так и среди представителей среднего класса.

14. Проведенное исследование позволило зафиксировать связь между досуговыми практиками представителей среднего класса и их социально-психологическим состоянием. Так, удовлетворенность жизнью повышается с ростом показателей качества досуга. При этом наиболее значимым является даже не столько сам факт наличия свободного времени как пространства досуга, сколько именно его качество – видовое разнообразие и особенно содержательная направленность. Еще большая значимость досуга отмечается для психоэмоционального состояния людей, того, какие чувства и эмоции они обычно испытывают в повседневной жизни. Данные показывают, что содержательно бедный тип до-

суга чаще связан с негативным эмоциональным фоном (ощущениями тревоги, апатии, раздраженностью, озлобленностью, агрессией) и распространенностью чувств собственной беспомощности перед окружающей действительностью. Напротив, содержательно «продвинутый» досуг, активные досуговые практики, направленные на взаимодействие с внешней средой, сопутствуют позитивным эмоциям (эмоциональному подъему, спокойствию), пониженному уровню социальных опасений, ощущению включенности в среду, которая может оказать поддержку.

15. Анализ отношения представителей среднего класса к морали показывает, что в целом моральное состояние этой социальной группы не противостоит морали остального населения. Представители среднего класса, как и остальные россияне, разделяют беспокойство положением дел в сфере морали, ратуют за возвращение России к национальным традициям, нравственным ценностям, проверенным временем, и выступают в большинстве своем за «честные доходы» против «любых доходов», за «спокойную совесть» против безудержного «стремления к власти». Вместе с тем, как и остальные россияне, средний класс разделяется на два почти равных лагеря, один из которых признает, что в современном обществе достижение успеха важнее моральных норм, а другой – что моральные принципы нельзя приносить в жертву успеху.

Как и десять лет назад жизненные ценности, связанные с честным и упорным трудом, добросовестной и ответственной работой являются важными маркерами «морального облика» представителей среднего класса, особенно его ядра. В целом традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения актуальны для большинства представителей среднего класса, по богатству номенклатуры разделяемых моральных норм они не уступают остальному населению (63% из них разделяют большинство, а еще 11% – абсолютно все тестируемые нормы). В то же время нельзя не отметить, что в отношении к отдельным морально-этическим нормам в составе среднего класса отмечается некоторое отставание от остальных россиян, особенно характерное для его ядра (речь идет о более «мягком» отношении к гомосексуализму, обогащению за счет других, проституции, хамству и грубости). Учитывая установки ядра среднего класса на образование, трудолюбие, самодисциплину, умственное развитие и деловую хватку, саму формулу успеха в глазах значительной части его представителей можно охарактеризовать как саморазвитие в сочетании с моральным релятивизмом.

Среди отдельных социально-демографических групп внутри среднего класса в качестве наиболее приверженных традиционным нормам морали выделяются представители самой старшей возрастной группы, жители провинции, особенно сельской, верующие, прежде всего сторонники ислама. В группы риска с точки зрения распространенности моральных норм попадают представители среднего класса в мегаполисах с наиболее высокими доходами, занятые на новых частных предприятиях, а также атеисты. Господствующее в определенных социальных слоях мнение о том, что достижению успеха в современном российском обществе способствует отказ от традиционных ценностей и смыслов, находит в рамках исследования свое подтверждение. В то же время, утверждать о том, что успех и мораль несовместимы не приходится, и традиционное отношение к морали уверенного большинства среднего класса – яркое тому подтверждение.

16. В отличие от преимущественно «волновой» модели миграционного поведения россиян в целом, представители среднего класса демонстрируют четко выраженную «столицецентричную» его модель и, прежде всего, в той его части,

которая относится к внутрироссийской миграции. При этом для основной части представителей среднего класса, по их мнению, нормой является хотя бы частичное достижение целей миграции; неудачные переселения, согласно выявленным самооценкам, являются для них сравнительно редким исключением.

Анализ миграционных установок населения России показывает, что самая высокая готовность переезжать ради получения желаемой работы наблюдается у представителей ядра среднего класса (среди них готов мигрировать почти каждый второй). Несколько ниже подобная готовность отмечается у представителей периферии среднего класса, еще ниже – у остального населения. Это позволяет утверждать, что средний класс является социальной группой повышенной потенциальной миграционной активности. Готовность переезжать в целях обретения лучшей работы в составе среднего класса наиболее велика у молодых людей и у живущих в селах и поселках городского типа (ПГТ).

Важно заметить, что готовность к стихийному переезду в случае ухудшения условий жизни наблюдается в составе всего населения в 10 раз реже, чем готовность к переезду ради предложенной хорошей работы. При этом такая готовность чаще наблюдается у представителей среднего класса, чем у остальных россиян. Наиболее резкие различия заметны в данном отношении в готовности к эмиграции за границу, которое, в случае резкого ухудшения своего положения, как реальную стратегию действий готов реализовать примерно каждый десятый представитель ядра СК.

Обращает на себя внимание, что эмиграционная мотивация представителей среднего класса обычно варьируется в соответствии с этапами жизненного цикла: в молодости они стремятся уехать за границу на учебу или на постоянное место жительства (ПМЖ), в зрелом возрасте сильнее проявляется стремление уехать на заработки, а в старости многие стремятся эмигрировать на ПМЖ. У других социальных групп есть постоянный доминантный мотив возможной эмиграции: представители потенциального среднего класса сильнее ориентированы на выезд на ПМЖ, остальное население – на заработки.

В целом же данные исследования позволяют сделать общий вывод: по ряду критериев миграционного поведения российский средний класс демонстрирует более высокую мобильность, чем остальные россияне, и это сближает его со средним классом развитых стран. В то же время есть и такие характеристики его миграционного поведения (например, «столицецентрическая» модель миграции), которые сближают средний класс России скорее со средним классом развивающихся стран, чем развитых. Кроме того, в миграционном поведении представителей среднего класса очень заметно отражается его гетерогенность – такое поведение сильно отличается у подгрупп среднего класса из разных типов населенных пунктов, относящихся к разным возрастным группам и т. д. Все это говорит о неоднозначности причин и сложности как миграционных установок, так и миграционной активности российского среднего класса.

17. Несмотря на некоторое улучшение положения среднего класса за последние годы, его представители ощущают неуверенность в завтрашнем дне и испытывают ряд опасений, большинство из которых традиционно компенсируется в развитых странах мерами социальной политики: потеря средств к существованию, утрата здоровья, отсутствие перспектив для детей и т. д. Для компенсации этих рисков средний класс активно использует сейчас свои экономические и социальные ресурсы, что позволяет рассматривать его как субъекта социальной политики, готового осуществлять с государством конструктивное сотрудничество

при решении социальных проблем. При этом наиболее активно средний класс инвестирует в настоящее время в систему здравоохранения (которая обеспечивает основную долю платных социальных услуг и где относительно активно развиты инструменты страхования), а также в социальную инфраструктуру, обеспечивающую развитие человеческого капитала детей.

В тех областях социальной сферы, где «правила игра» непрозрачны или нестабильны (например, пенсионное обеспечение), участие среднего класса в решении даже актуальных для него проблем существенно ниже. С учетом этого сотрудничество государства с ним в этих сферах должно начинаться с повышения транспарентности деятельности соответствующих институтов и стабильности их работы. Не способствует росту доверия и интереса к инициативам государства в привлечении среднего класса к решению социальных проблем также непостоянство экономической ситуации в России. Оно сильно сказывается на неуверенности представителей среднего класса в своих позициях на рынке труда, понижает их активность в социальной сфере и снижает готовность к долгосрочным инвестициям, в том числе – в пенсионные фонды.

18. Средний класс России, несмотря на его активность в решении своих социальных проблем, предъявляет сегодня высокий запрос на рост государственного участия в жизни общества. Такая ситуация обусловлена не только тем, что собственные ресурсы для обеспечения качественных социальных услуг даже у среднего класса достаточно ограничены, сколько несовершенством ряда базовых институтов решения социальных проблем, обычно используемых в рыночной экономике. При этом запрос на категориальную помощь со стороны государства, четко артикулируемый средним классом в противовес доминирующей в органах власти концепции адресной социальной политики, в очередной раз свидетельствует о наличии дисбалансов в этой области.

Все это позволяет утверждать, что консенсус между государством и среднего класса в части их обязательств по решению как социальных проблем, стоящих перед обществом в целом, так и социальных проблем самого среднего класса до настоящего времени отсутствует, хотя в принципе возможен. Отсутствие его обуславливается не только какими-то фундаментальными причинами, включая ограниченность финансовых возможностей государства, сколько непониманием взаимных ожиданий. Государство ждет от среднего класса роста его ответственности в решении имеющихся у него социальных проблем, и он в принципе к этому готов, хотя ресурсы его недостаточны для принятия на себя всей полноты такой ответственности. С другой стороны, средний класс ждет от государства, прежде всего, более четких, прозрачных и устойчивых «правил игры» в социальной сфере, которые позволили бы ему повысить эффективность своего финансового участия, особенно – в части долгосрочных вложений, а также повышения качества работы социальной инфраструктуры страны, и, особенно, гарантii соблюдения существующего в стране трудового и социального законодательства на фоне экономического роста за счет опережающего развития высокотехнологичных отраслей экономики.

19. В социальной структуре современного российского общества средний класс занимает относительно благоприятные позиции. Однако в целом он может быть охарактеризован как класс с ощущением некоторой приниженности своего социального статуса. Это связано с численным доминированием в его составе периферии среднего класса, самооценки представителей которой своего статуса в обществе заметно ниже, чем в его ядре. Во многом такое соотношение подгрупп

среднего класса обуславливается моделью российской экономики, в которой относительно низка доля высокооплачиваемых рабочих мест, что во всех развитых странах составляет «костяк» ядра среднего класса (профессионалы, руководители и предприниматели).

Определяя свой статус в обществе, россияне вообще и представители среднего класса в частности, ориентируются прежде всего на свое материальное положение. Именно поэтому, хотя российское общество было и остается обществом смещенных вниз статусных позиций, с годами, по мере роста уровня благосостояния населения, самоощущение россиянами своего статуса в обществе постепенно улучшается. Однако это не означает удовлетворенности населения сложившейся в стране ситуацией в области стратификации: все годы реформ наши сограждане воспринимают социальную структуру российского общества как такую, где основная часть населения самозачисляет себя в социальные слои ниже среднего.

Если при определении своего места в обществе представители менее благополучных слоев населения руководствуются логикой «денежный дефицит – низкий статус в обществе», т. е. исходят из материального благополучия как основного критерия своего статуса, то представители наиболее благополучных слоев населения рассуждают иначе. Они чаще ссылаются в обоснование своего высокого места в статусной иерархии на тот образ жизни, который они могут позволить себе вести. Такая, причем все более возрастающая роль образа жизни в определении самоощущения россиянами собственного статуса в обществе означает то, что в ближайшее время демонстративное потребление, свидетельствующее о возможности поддерживать определенный образ жизни, будет нарастать и экономить на нем благополучные граждане не будут. Учитывая длительный стресс от ощущения приниженности многими ранее успешными россиянами своего социального статуса, пережитый ими в 1990-х – начале 2000-х годов, стресс особенно болезненный для представителей среднего класса, такая реакция вполне естественна. Из этой тенденции следует и другое заключение: любые попытки, ссылаясь на рост потребления населения в целом и среднего класса в частности, переложить на них дополнительную ответственность вне тех сфер, где они сами готовы добровольно ее принять (оплата улучшенных, а не замещающих отсутствие их бесплатных аналогов, услуг в сфере здравоохранения, образования и т. п.), вызовут крайне болезненную реакцию с их стороны, поскольку будут означать необходимость вновь экономить на том, что дало им, наконец, возможность ощущать себя хотя бы относительно благополучными членами общества.

Аналитический доклад

СРЕДНИЙ КЛАСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: 10 ЛЕТ СПУСТЯ

**Научный редактор – Никс Н. Н.
Компьютерная верстка – Григорьева Е. И., Ситдиков И. М.**

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Tel.: (495) 719-09-40
E-mail: isras@isras.ru
www.isras.ru**

**Сетевой научный журнал «Вестник Института социологии»
<http://www.vestnik.isras.ru/>**

Доклад обнародован 23.05.2014, г. Москва